

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века

Моисей Урицкий – Робеспьер революционного
Петрограда?

Укрепление сталинской диктатуры и поворот
в национальной политике на Украине

Сталин и роман Льва Толстого «Воскресение»

1937 год: Сталин и Военный совет

Организация украинских националистов:
уроки истории

Зоя Космодемьянская: правда и вымысел

Прощание с одним из мифов сталинской эпохи

Народы России в школьных учебниках
по отечественной истории

Постсоветские исследования о политических
репрессиях в России и СССР

январь
февраль

2003 * 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
И ИСТОРИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. ТЮТЮКИН (*главный редактор*),
А.И. АКСЕНОВ, В.Я. ГРОСУЛ, П.Н. ЗЫРЯНОВ, А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ,
А.П. КОРЕЛИН, Ю.С. КУКУШКИН, В.А. КУЧКИН, В.С. ЛЕЛЬЧУК,
В.А. НЕВЕЖИН, Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю.А. ПЕТРОВ, Е.И. ПИВОВАР,
Ю.А. ПОЛЯКОВ, М.А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А.Н. САХАРОВ, С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.В. ТРЕПАВЛОВ

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru

Ответственный секретарь Ю.В. Мочалова
Тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S.V. TIUTIUKIN (*Editor-in-chief*),
A.I. AKSIONOV, V.Ya. GROSUL, P.N. ZYRIANOV, A.E. IVANOV, A.V. IGNATIEV,
A.P. KORELIN, Yu.S. KUKUSHKIN, V.A. KUCHKIN, V.S. LEL'CHOUK,
V.A. NEVEZHIN, L.N. NEZHINSKII, Yu.A. PETROV, E.I. PIVOVAR,
Yu.A. POLYAKOV, M.A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A.N. SAKHAROV, S.S. SEKIRINSKII, V.V. TREPAVLOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu.V. Mochalova
Tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКИХ ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСКЕТА И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКЕТА НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МОИСЕЙ УРИЦКИЙ: РОБЕСПЬЕР РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТРОГРАДА?

В течение весны и лета 1918 г. М.С. Урицкий, глава Петроградской ЧК (ПЧК), стал для противников большевиков олицетворением террора и своеобразным Робеспьером революционного Петрограда¹. Однако факты, которые будут проанализированы ниже, опровергают такое представление. Среди товарищей по партии и даже многих бывших заключенных он пользовался заслуженной репутацией человека умеренного, с неодобрением относящегося к крайностям в проведении репрессий². Не вполне верна и характеристика лидерами большевиков Урицкого как «человека Троцкого»³. В данном очерке о деятельности Урицкого в 1918 г. я постараюсь показать, что он проводил собственную, вполне определенную политическую линию, бескомпромиссно и твердо отстаивая ее в случае необходимости.

* * *

Моисей Соломонович Урицкий родился в 1873 г. неподалеку от Киева в семье еврейского торговца. В 13 лет он решительно отверг то глубоко религиозное воспитание, которое пыталась навязать ему мать. Окончив гимназию, Урицкий поступил на юридический факультет Киевского университета, где стал активным членом социал-демократического студенческого кружка. В 1897 г., завершив обучение в университете, он полностью посвящает себя революционной работе. Политическая агитация и пропаганда, подпольная деятельность на Украине, в Центральной России, на Урале и в Сибири чередовались в его жизни с длительными периодами тюремного заключения, ссылки и эмиграции в Германию, Швецию и Данию. В предвоенные годы Урицкий – левый меньшевик, в политическом отношении близкий к Троцкому, сотрудничество с которым продолжилось во время войны в Париже, а затем весной и летом 1917 г. – в Петрограде. В это время Урицкий пользовался большим влиянием в Межрайонной организации РСДРП и сыграл значительную роль в ее объединении с большевиками на VI партийном съезде в июле 1917 г. Здесь, как и на VII съезде РСДРП(б) в марте 1918 г., он избирается членом большевистского Центрального Комитета. После переезда советского правительства в Москву в марте 1918 г. и вплоть до своей смерти в августе того же года Урицкий был и членом Петроградского бюро ЦК.

Во время Октябрьской революции Урицкий активно участвовал в работе Петроградского Военно-революционного комитета. Вскоре он стал также членом президиума ВЦИК и коллеги НКВД. Кроме того, как большевистский комиссар при воссозданной Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание Урицкий отвечал за его открытие и работу, поэтому его роспуск в восприятии общества был прочно связан с его именем.

Ярый левый коммунист во время внутрипартийных споров о Брестском мире, в отличие от многих других левых он был среди тех, кто после ратификации мирного договора прекратил борьбу за продолжение революционной войны. Невысокий, полный, с медленной, покачивающейся походкой, Урицкий был человеком флегматичного, если не мягкого характера. Всегда одетый в костюм-тройку, с неизменным пенсне на носу,

* Рабинович Александр, профессор Индианского университета (США).

Перевод с английского к.и.н. И.А. Христофорова.

в 1918 г. он был похож скорее на университетского профессора, чем на радикала-революционера.

В первоначальном составе Совнаркома Петроградской трудовой коммуны (СНК ПТК), образованного в ночь с 10 на 11 марта 1918 г. одновременно с переездом центрального правительства в Москву, самой влиятельной фигурой был Троцкий. Он возглавлял Военно-революционный комиссариат, который объединял функции комиссариатов внутренних дел и военного и обладал неограниченной властью в деле поддержания внутреннего порядка и руководства обороной Петрограда от стремительно наступавших германских войск⁴. При этом Урицкий и как член коллегии Военно-революционного комиссариата, и как руководитель ПЧК был подчинен Троцкому. Однако уже через несколько дней после отъезда центрального правительства Троцкий был отозван в Москву, где возглавил Наркомат по военным делам, и Урицкий, оставаясь главой ПЧК, стал комиссаром внутренних дел СНК ПТК. Впрочем, эта структура также оказалась недолговечной. Организация петроградского правительства была завершена только в конце апреля. Именно тогда на I съезде Советов Северной обл., проходившем в Петрограде 26–29 апреля, было сформировано коалиционное большевистско-левоэсеровское правительство – Совет Комиссаров союза коммун Северной обл. (СК СКСО), которое просуществовало вплоть до так называемого лево-эсеровского мятежа в начале июля. Еще до образования этого правительства ПЧК, на упразднении которой левые эсеры настаивали в ходе переговоров с большевиками, была отделена от Комиссариата внутренних дел. Урицкий при этом сохранил контроль над ПЧК и Комитетом по революционной безопасности Петрограда. Комиссаром же внутренних дел стал влиятельный левый эсер П.П. Прошьян⁵.

Уже в первый день своего пребывания на посту главы Военно-революционного комиссариата СНК ПТК Троцкий объявил о намерении «уничтожить с лица земли контрреволюционеров, погромщиков, белогвардейцев, которые пытаются сеять в городе смятение и беспорядок»⁶. Столь напыщенная риторика соответствовала характеру Троцкого. Спустя 2 дня Урицкий как председатель ПЧК издал столь же жестко звучащее распоряжение, в котором грозил расстреливать тех, кто будет предлагать взятки или нападать на членов комиссии и ее сотрудников⁷. Но для него подобный приказ был довольно необычен, и оцениваться он должен в контексте стремительного ухудшения политической ситуации, серьезно обострившейся после беспорядочной эвакуации центрального правительства.

* * *

Фактически Урицкий должен был организовывать ПЧК с нуля. Перед отъездом в Москву ВЧК начала организацию своего петроградского отделения⁸. Было решено, что все важные дела, которые будет вести ПЧК, затем следует отправлять в Москву для окончательного решения. Словом, ПЧК должна была существовать как подчиненная ВЧК структура до тех пор, пока казавшаяся неизбежной оккупация Петрограда немцами не положит конец ее деятельности. Соответственно, 2 млн руб., видимо, составлявшие большую часть, если не все финансовые ресурсы, имевшиеся в распоряжении ВЧК, подлежали переводу в Москву. Туда же эвакуировали всех сотрудников комиссии, «не оставив ни души»⁹, а также перевезли все заведенные в Петрограде следственные дела. Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский оставил Урицкому несколько сотен арестантов, содержащихся в штаб-квартире ЧК на Гороховой, 2 и в знаменитых «Крестах», и ни одного документа с информацией о причинах их ареста. Более того, Урицкий не получил даже списка заключенных¹⁰. Все это свидетельствовало, что, покинув Петроград, руководство ВЧК считало излишним заботиться о сколько-нибудь продолжительной деятельности ПЧК.

Поэтому одной из наиболее неотложных проблем, вставших перед Урицким, оказалась проблема поиска новых сотрудников. 12 марта, уже на следующий день после бегства правительства в Москву, Петроградский комитет партии большевиков постано-

вил «привлечь в комиссию людей из районов, поручив им дальнейшую организацию работы»¹¹. Объявив дополнительную мобилизацию в районных партийных комитетах, городское партийное руководство, как оно это делало и в других подобных случаях, отказалось нести ответственность за деятельность правительственного органа (в данном случае – ПЧК). На следующий день Глеб Бокий, который являлся в 1917 г. одним из наиболее уважаемых членов Петербургского комитета большевистской партии, известный также своим сдержанным отношением к политическим репрессиям, был назначен заместителем Урицкого¹². Одновременно руководящие должности в ПЧК заняли другие ветераны партии. Руководство, секретариат и приданная комиссии часть Красной гвардии были сформированы довольно быстро. Гораздо сложнее оказалось найти квалифицированных агентов и следователей. Значительная часть последних оказалась в итоге некомпетентной и/или коррумпированной.

Едва встав на ноги, ПЧК начала проводить аресты подозреваемых в контрреволюционной деятельности и спекуляции¹³. Однако, если судить по сообщениям небольшевистской прессы, многие из задержанных вскоре были освобождены¹⁴. В то же время Урицкий строго придерживался принципа недопустимости освобождения заключенных под поручительство или гарантии влиятельных лиц. Уже в начале апреля его упорная защита этого принципа перед лицом растущего давления со стороны высокопоставленных большевиков из Москвы, а также Зиновьева вызвала беспрецедентный публичный спор. Как объяснял сам Урицкий в официальном сообщении от 6 апреля, на первом заседании ПЧК в середине марта было принято решение «для справедливости» не освобождать арестованных на поруки. Поэтому он призывал своих коллег в правительстве воздержаться от подобных ходатайств. Однако этот призыв постоянно игнорировался. Комиссары ПЧК систематически ходатайствовали перед ним «за своих знакомых или знакомых своих знакомых». Более того, получив отказ от ПЧК, многие из них через голову Урицкого обращались за поддержкой в Москву или в президиум Петроградского Совета. Руководство ПЧК, отказавшись исполнять прямой приказ наркома Подвойского освободить одного из арестованных, организованный неким петроградским партийным функционером, и вынужденное подчиниться другому такого рода требованию, исходящему от председателя президиума Петросовета Зиновьева, решило обнародовать эту проблему. Официальное сообщение Урицкого заканчивалось повторным требованием прекратить подобные ходатайства. ПЧК, добавлял он, по мере возможности расследует дела и освобождает задержанных, а ходатайства об освобождении лишь задерживают этот процесс¹⁵.

Зиновьев ответил опубликованием заявления, где говорилось, что всего за несколько недель до того президиум Петросовета освободил под свое поручительство известного меньшевика Р. Абрамовича и имеет право действовать так и в дальнейшем¹⁶. Однако этот случай, в свою очередь настаивал Урицкий, не может иметь для ПЧК значения прецедента, поскольку Абрамович был освобожден еще до переезда ВЧК в Москву¹⁷. Мне не удалось выяснить, чем закончилась эта публичная полемика. Однако в данном контексте важнее то, что она иллюстрирует твердость Урицкого в вопросах, которые он считал принципиальными. Не будем забывать, что Подвойский был членом центрального правительства, а Зиновьев возглавлял городскую власть Петрограда.

В то время в Петрограде продолжались расстрелы арестованных, проводимые не ПЧК, а другими органами новой власти (ВЧК начала практиковать такие расстрелы в конце февраля). Прежде всего эта мера применялась за особо тяжкие уголовные преступления¹⁸. Резко выросло в городе количество убийств и грабежей, совершаемых различными бандами, причем очень часто преступники выдавали себя за чекистов. Участились и дикие, беспорядочные расстрелы, большинство которых совершалось пьяными новобранцами Красной армии, красногвардейцами и анархистами¹⁹. Каждую ночь в главные петроградские больницы доставлялось множество подобранных на улицах тел. Часто убийцы скрывались, сняв с жертв одежду. Большая часть трупов оставалась в моргах неопознанными в течение нескольких недель, а затем их беспорядоч-

но зарывали в братские могилы. Но и тела, опознанные родственниками, оставались ими в моргах²⁰. Жестокость расцвела в Петрограде пышным цветом.

Оказавшись во главе ПЧК, Урицкий с самого начала отказался санкционировать расстрелы. В целом же его внимание было сосредоточено не столько на установлении порядка посредством террора, сколько на конкретных мерах, направленных на прекращение экономических преступлений, злоупотреблений со стороны властей, насилия на улицах. Эта ориентация председателя ПЧК, разительно отличавшаяся от политики ВЧК в Москве²¹, нашла отражение уже в первых его распоряжениях. 15 марта, спустя 2 дня после утверждения Петросоветом Урицкого в должности, он издал предварительную инструкцию, нацеленную на жесткий контроль за следствием и на задержание коррумпированных чекистов, а также преступников, выдающих себя за представителей ПЧК²². Заметным было исключение военнослужащих Красной армии из состава органов, уполномоченных вести следствие²³. Еще через неделю было обнародовано распоряжение, дающее жителям города 3 дня для сдачи незарегистрированного оружия, причем нарушившие его должны были подвергнуться суду военного трибунала (расстрелом им не угрожали). Одновременно районным советам было приказано усилить уличные патрули для конфискации всего незарегистрированного оружия²⁴.

* * *

4 апреля комиссаром юстиции СНК ПТК был назначен Николай Крестинский. Как и Урицкий, он имел юридическое образование и огромный опыт революционной деятельности, был на стороне левых коммунистов в ходе споров по поводу Брест-Литовского мира и зарекомендовал себя противником крайних репрессивных мер. Член большевистского ЦК и Петроградского бюро ЦК, среди товарищей по партии он был известен своей экстраординарной памятью, развившейся, как говорили, из-за очень плохого зрения, которое практически не позволяло ему читать. В сочетании с давлением Урицкого это назначение, по-видимому, заставило правительство Петрограда применять к арестованным политическим противникам соответствующие юридические процедуры (следует добавить, что власти в это время были весьма озабочены тем, чтобы, демонстрируя свое «человеческое лицо», завоевать народную поддержку). Другой причиной, очевидно, стала насущная необходимость уменьшить число переполнявших городские тюрьмы заключенных, которых власти были не в состоянии кормить, содержать и лечить от стремительно распространявшихся инфекционных болезней (особенно свирепствовал в тюрьмах тиф). Кроме того, кронштадтские моряки все активнее выражали нежелание принимать на своей территории уже не умещающихся в петроградских тюрьмах задержанных. Их позиция была выражена в редакционной статье «Известий кронштадтского Совета»: «В Кронштадт направлялись и направляются отдельные лица и целые группы арестованных... Более того, вместе с большинством из них не препровождаются даже материалы и не даются указания, что именно надлежит делать с ними. Такому уродливому пониманию роли Кронштадта должен быть положен конец. Большой красный Кронштадт не склад контрреволюционных элементов, не универсальная тюрьма и не всероссийский эшафот... Он не может и не хочет быть каким-то революционным Сахалином; он не хочет, чтобы его имя было синонимом тюрьмы и палача»²⁵.

Через несколько дней после своего назначения Крестинский был уполномочен упродолжить размещение задержанных, ускорить расследования и суды по их делам. Как было сформулировано в постановлении СНК ПТК, «[Петроградский] Совнарком считает абсолютно необходимым, чтобы те заключенные, чьи дела не могут быть вынесены соответствующими органами на рассмотрение суда, немедленно освобождались. С этой целью Совнарком предоставляет комиссару юстиции самые широкие полномочия»²⁶. Эти усилия были подкреплены первоймайской амнистией для многих категорий уголовных и политических заключенных, инициированной правительством 27 апреля²⁷. Предварительно одобренная СНК ПТК, амнистия была без проволочек утверждена

I съездом Советов Северной обл. Судя по тексту постановления, опубликованного 1 мая, под нее попадали политические заключенные, все категории заключенных старше 70 лет и уголовные преступники, осужденные на срок до 6 месяцев (сроки заключения виновных в более серьезных преступлениях уменьшались наполовину)²⁸.

Комментируя в прессе свою позицию в отношении амнистии, высказанную на заседании большевистской фракции съезда, Зиновьев постарался сделать акцент на политическом значении этого акта. По его словам, он доказывал на этом заседании, что «Советской власти нужно отказаться от прежних методов борьбы с политическими противниками, [что] Советская власть стала так сильна, что отдельные политические противники не представляют более для нее угрозы [и что] рабочие и солдаты, победив их в экономической и политической борьбе, не хотят обращаться с ними так, как это принято во всех империалистических и монархических государствах»²⁹. Перед городским Советом, одоббившим амнистию, Зиновьев хвастал, что вопрос о ней был поставлен в Петрограде независимо от Москвы³⁰.

Так оно и было. Характерно, что когда коллегия Наркомата юстиции, возглавляемая П. Стучкой, узнала о масштабах петроградской амнистии, она потребовала от СК СКСО аннулирования тех пунктов данного решения, согласно которым под действие амнистии попадали «патентованные контрреволюционеры»³¹. Тем не менее несколько позже Крестинский предложил освободить троих наиболее одиозных представителей высшей царской бюрократии, содержавшихся в Петрограде, – С.П. Белецкого, И.Г. Щегловитова и А.Н. Хвостова. Коллегия наложила на этот проект решительное вето и приняла решение обнародовать дело³².

Одновременно с этим было расширено наложенное ПЧК ограничение на расстрелы. 16 апреля Петроградский Совнарком получил доклад Урицкого об ограничении полномочий Комитета по революционной безопасности Петрограда следственными функциями. Ни детали этого доклада, ни комментарии по его поводу, по-видимому, не были зафиксированы в документах. Однако доклад, видимо, привел к всестороннему обсуждению вопроса о том, какие городские органы имеют право расстрелов (Комитет по революционной безопасности после переезда ВЧК и запрета Урицкого на расстрелы в ПЧК стал основным учреждением, все еще осуществлявшим в Петрограде казни). В результате этого обсуждения Крестинскому было поручено «выработать редакцию (а) о недопустимости расстрелов и (б) о случаях, когда должно применяться оружие»³³. 23 апреля Крестинский представил свои «указания», после чего СНК ПТК объявил, что отныне «ни одно учреждение в гор. Петрограде не имеет права расстрелов»³⁴. Этот запрет касался ПЧК, Комитета по революционной безопасности, революционных трибуналов, Красной гвардии, частей Красной армии и районных советов. Таким образом, в Петрограде было официально отменено разрешение на расстрелы, провозглашенное во время немецкого наступления в конце февраля³⁵.

* * *

Весна и начало лета 1918 г. в Петрограде ознаменовались заметным усилением политического недовольства масс, вызванным не оправдавшимися надеждами на быстрое заключение мира, резким ростом безработицы, хаотичным проведением эвакуации и катастрофической нехваткой продовольствия. В Москве подобные выступления закончились необъявленным «красным террором», осуществлявшимся прежде всего ВЧК. В Петрограде такой политики не проводилось, что в незначительной степени объяснялось позицией Урицкого, поддержанного Крестинским и Прошьяном. Недовольство масс привело здесь к созданию недолго просуществовавшего Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. Вплоть до своего роспуска в июле 1918 г. эта организация пользовалась ощутимой поддержкой рабочих³⁶. Насколько мне известно, ее лидеры хотя и подвергались преследованиям, но арестованы не были.

Недовольство масс отразилось также в погромах, участниками которых были рабочие, и в резком усилении открытого и агрессивного антисемитизма. Последнее явление,

столь характерное для традиционного российского общества, еще более усугублялось тем фактом, что многие видные большевики были евреями. Как правило, антисемитизм среди рабочих подогревался и использовался ультрареакционными, монархическими организациями. Одной из таких организаций, «раскрытой» ПЧК, оказалась «Каморра народной расправы». В конце мая она разослала председателям домовых комитетов всего Петрограда листовку, содержащую требование предоставить «Каморре» сведения о проживающих в их домах большевиках и евреях с целью последующего их уничтожения. Всех утаивших эту информацию или сообщивших неверные данные авторы листовки обещали подвергнуть суровому наказанию³⁷.

30 мая Петроградский совет, озабоченный влиянием подобной пропагандистской литературы на и без того озлобленных рабочих, предостерегал их «против погромных листовок, распространяющихся от имени вымышленных организаций контрреволюционерами, бывшими руководителями Союза русского народа», добавляя, что эти листовки сеют «самые нелепые, погромные слухи, имеющие целью вызвать смуту в рядах трудового народа»³⁸. Спустя 3 дня была образована особая комиссия с неограниченными полномочиями для подавления контрреволюционной агитации, которая «с недавних пор распространяется особенно широко в связи с трудностями в продовольственном снабжении»³⁹. В состав комиссии вошли Урицкий, Прошьян и Михаил Лашевич (главный комиссар штаба Петроградского военного округа). В тот же день ПЧК удалось напасть на след Луки Злотникова – предполагаемого автора и основного распространителя «Приказа Каморры»⁴⁰. Один из ведущих в то время следователей ПЧК Станислав Байковский действовал на основании той версии, что дело Злотникова и «Каморры» следует считать частью обширного контрреволюционного заговора бывших членов Союза русского народа. Однако материалы следственного дела свидетельствуют, что найти доказательства этой версии ему не удалось. Из 90 замешанных в деле, среди которых был и первый иностранный агент ВЧК Алексей Филиппов, лишь пятеро были обвинены в непосредственном участии в деятельности «Каморры». Все они были расстреляны⁴¹. Тем не менее следует подчеркнуть, что их казнь состоялась лишь с началом «красного террора» уже после убийства Урицкого.

Заслуживает внимания и судьба Филиппова. Занимавшийся до революции издательским делом, он стал агентом ЧК и личным другом Дзержинского еще до переезда ВЧК в Москву. На протяжении весны 1918 г. он продолжал работать на Дзержинского, периодически выезжая в Финляндию. Однако после того, как Филиппов оказался подозреваемым по делу «Каморры народной расправы», Урицкий, очевидно, без ведома Дзержинского, приказал арестовать его и препроводить из Москвы в Петроград. В конце июля 1918 г. Дзержинский безуспешно пытался добиться его освобождения. Филиппов оставался в «Крестах» до завершения дела «Каморры» в сентябре⁴².

* * *

На период массовых волнений пришлось и первая попытка упразднения ПЧК, которая была филиалом ВЧК, в свою очередь создававшейся как временное учреждение. Возможно однако, что начальной стадией активных, хотя и хаотичных усилий упорядочить систему городских органов общественной и политической безопасности сверху до низу (с одновременным упразднением ПЧК) можно считать уже упоминавшийся апрельский доклад Урицкого петроградскому Совнаркому об изменении функций Комитета по революционной безопасности Петрограда. Так или иначе, основными действующими лицами этих попыток стали Урицкий, Крестинский и Прошьян (вошедший в состав петроградского правительства в конце апреля), а также петроградские районные советы⁴³.

К середине июня Прошьян, с самого момента своего вхождения в состав СК СКСО открыто выражавший свою враждебность к ПЧК, разработал подробный план обеспечения безопасности в городе. Он предполагал создание на городском и районном уровнях обученной «гвардии» Комитета по революционной безопасности Петрограда

и периодическую мобилизацию жителей города для исполнения милицейских обязанностей. Состоящие из горожан невооруженные патрули должны были круглосуточно наблюдать за порядком в городе и сообщать «куда следует» о любых проявлениях преступной активности, в том числе политической. Несмотря на свою нереалистичность, этот план устранял необходимость существования таких созданных ad hoc органов, как ПЧК⁴⁴. Как вспоминал Лацис, первоначально руководители ВЧК также принципиально отвергали «методы охраны» – использование секретных агентов, провокаторов и т.п. и, как и Прошьян, возлагали свои надежды на то, что их заменят бдительные рабочие, став «глазами и ушами» ВЧК⁴⁵.

Есть серьезные основания полагать, что Урицкий в это время поддерживал роспуск ПЧК. Одной из причин этого было то, что она оказалась наводненной спекулянтами. 20 апреля Елена Стасова, в то время секретарь Петроградского бюро ЦК, в письме к находившейся в Москве жене Свердлова Клавдии Новгородцевой писала по поводу существующего в Петрограде недовольства ЧК: «... Если бы мы считали, что обе комиссии абсолютно не имеют ничего положительного, то мы тотчас же подняли бы немедленную кампанию против них и добились бы их ликвидации... Критика существующего всегда необходима... Не знаю, как Дзержинский, а Урицкий определенно говорит, что в смысле борьбы со спекуляцией они постоянно наталкиваются на то, что нити приводят именно к ним на Гороховую, которая таким образом является центром спекуляции»⁴⁶.

Существовали и еще две причины, по которым Урицкий, видимо, не противодействовал идее роспуска ПЧК. Руководство этой организацией было для него делом глубоко неприятным, а отношения с начальником по линии ЧК Дзержинским, что еще важнее, были крайне напряженными. Эти отношения изначально оказались непростыми из-за того положения, в котором ВЧК оставила свое петроградское отделение, эвакуируясь в Москву. Требования Урицкого передать ему дела оставшихся в Петрограде заключенных игнорировались Дзержинским и позже. Но более существенным было то, что Урицкий считал проводимые ВЧК расстрелы бесполезными, а методы допросов – одиозными. Его чувство отвращения к таким методам нашло отражение в недатированном письме Дзержинскому, вызванном показаниями 14-летнего Всеволода Аносова, рассказавшего о крайне жестоком обращении с ним следователей ВЧК во время допросов в Москве. Выражая свое негодование, Урицкий требовал, чтобы Дзержинский провел расследование этого инцидента и наказал названных мальчиком виновных⁴⁷.

Несомненно, Дзержинский, со своей стороны, был возмущен неожиданным для него задержанием Урицким Филиппова. Более того, представляется очевидным, что руководитель ВЧК был обеспокоен сдвигом ПЧК в сторону умеренности и считал Урицкого недисциплинированным и слишком мягким для занимаемой им должности человеком. Так, в середине апреля он с возмущением узнал, что некоторые из задержанных, которых он приказал ПЧК сослать по подозрению в шпионаже, были освобождены⁴⁸. Его беспокойство по поводу Урицкого косвенно проявилось 12 июня 1918 г. в ходе заседания большевистской фракции на I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, собравшейся для обсуждения наиболее срочных политических и организационных проблем⁴⁹. Фракция одобрила жесткую резолюцию, призывавшую «пользоваться секретными сотрудниками; изъять из обращения видных и активных руководителей монархистов-кадетов, правых [социалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков; взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную армию, командный состав, клубы, кружки, школы и т.д.; применить меру расстрела по отношению видных и явно уличенных контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и взяточников». Важно отметить, что фракция проголосовала и за то, чтобы предложить ЦК партии отозвать Урицкого с поста руководителя ПЧК и «заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию»⁵⁰. Председательствовал на заседании Иван Полука-

ров – ключевая фигура в ВЧК, глава наиболее важного ее отдела по борьбе с контрреволюцией. Крайне маловероятно, что он мог провести какую-либо резолюцию без согласования с Дзержинским.

Однако проблема была не только в Урицком. Есть данные, что позицию Урицкого и Прощяна по поводу судьбы ПЧК разделяли Крестинский и большинство членов Петроградского бюро ЦК (что, возможно, и вызвало упомянутую переписку Новгородцевой и Стасовой). Уже 13 апреля бюро обсудило предложенную Адольфом Иоффе резолюцию о том, чтобы рекомендовать ЦК упразднить ВЧК и ПЧК. В ней говорилось: «Ввиду того, что комиссии Урицкого и Дзержинского более вредны, чем полезны, и в своей деятельности применяют совершенно недопустимые, явно провокационные приемы, Петроградское бюро Центрального Комитета предлагает Центральному Комитету ходатайствовать перед Совнаркомом о раскассировании обеих этих комиссий». Правда, в итоге за эту резолюцию проголосовал только сам Иоффе. Однако показательно, что бюро приняло решение «*временно* не возбуждать дела против существования комиссии Дзержинского и Урицкого ввиду того, что это является только красивым жестом»⁵¹.

Газетные отчеты о состоявшемся 20 июня совещании руководителей Комиссариата юстиции, видимо, дают ключ к прояснению позиции Крестинского в отношении ПЧК. Как следует из этих отчетов, которые не были опровергнуты ни официально, ни на неофициальном уровне, совещание должно было обсудить работу «комиссии Урицкого» и реорганизацию следственного отдела Комиссариата юстиции. Однако в действительности на нем обсуждались почти исключительно проблемы, связанные с деятельностью ПЧК. Обсудив их, участники совещания вынесли решение «комиссию Урицкого ликвидировать»⁵².

До Дзержинского информация об этом дошла через 2 дня, и можно представить себе, как он был возмущен. В письме в ЦК партии от 29 апреля он обосновывал необходимость пополнения ВЧК новыми сотрудниками, мотивируя это тем, что дальнейшее существование Советской власти целиком зависит от мощного и наделенного исключительными полномочиями органа безопасности, достаточно большого, чтобы поддерживать тесные связи с партией, советами и рабочими массами⁵³. Его грандиозное представление об исключительной роли ВЧК по сравнению с другими органами правопорядка и правительственными учреждениями в целом отразилось в решении I Всероссийской конференции ЧК полностью возложить на себя задачу «беспощадной борьбы» с контрреволюцией, спекуляцией и коррупцией по всей стране. Отразилось оно и в принятом той же конференцией постановлении о необходимости роспуска всех остальных органов безопасности, а также в декларации о том, что чрезвычайные комиссии являются высшими органами административной власти на территории Советской России.

В то время как конференция заявляла о претензиях ЧК на исключительную роль органа, обеспечивающего безопасность страны, и декларировала, что комиссии составляют ни от кого не зависящую предельно централизованную властную вертикаль, ЧК второго по значению города России – Петрограда была на грани самороспуска⁵⁴. Обсудив эту ситуацию на коллегии ВЧК, Дзержинский направил главе СК СКСО Зиновьеву официальную телеграмму: «В газетах имеются сведения, что Комиссариат юстиции пытается распустить Чрезвычайную комиссию Урицкого. Всероссийская чрезвычайная комиссия считает, что в настоящей в особенности обострившейся ситуации распустить таковой орган ни в какой мере недопустимо. Напротив, Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий по заслушании докладов с мест о политическом состоянии страны пришла к твердому решению о необходимости укрепления этих органов при условии централизации и согласования их работы. О вышеупомянутом коллегии ВЧК просит сообщить товарищу Урицкому»⁵⁵. Но еще до того, как петроградские власти ответили на телеграмму Дзержинского, произошло событие, сделавшее роспуск ПЧК весьма сомнительным. Это было совершенное 20 июня убийство Моисея Гольдштейна, более известного под псевдонимом В. Володарский.

26-летний Володарский, в прошлом член Бунда, был профессиональным революционером, пользовавшимся среди петроградских большевиков репутацией прекрасного оратора и журналиста, человека, который своей энергией и страстью может воодушевить и повести за собой народ. В мае 1917 г., по возвращении в Россию из Нью-Йорка, где он находился в эмиграции, Володарский стал одним из наиболее влиятельных членов Петербургского комитета партии большевиков. Весной и летом 1918 г. он возглавлял Комиссариат по делам печати, агитации и пропаганды СК КСКО. На этом посту Володарский руководил репрессиями в отношении оппозиционной прессы, особенно активизировавшимися в мае, когда он был главным обвинителем на получившем широкую огласку публичном процессе против нескольких небольшевистских вечерних газет. В середине июня он стал также основным организатором подтасовки результатов выборов в Петроградский совет, а также редактором «Красной газеты» – органа этого Совета. Все это сделало его вместе с Зиновьевым и Урицким наиболее заметными в городе деятелями, вызывавшими ненависть и презрение со стороны врагов большевистской власти. С другой стороны, среди еще не разочаровавшихся в этой власти рабочих, считавших, что большевики защищают интересы пролетариата, Володарский по-прежнему пользовался большой популярностью.

Вечером 20 июня, примерно в то же время, когда в Комиссариате юстиции обсуждался вопрос о ликвидации ПЧК, Володарский был убит террористом, который, следует отметить, так и не был найден⁵⁶. Этот акт привел к выступлениям петроградских партийных лидеров и радикально настроенных рабочих (поддержанных Лениным) в пользу немедленного применения суровых репрессивных мер противникам большевиков. Спустя 2 с небольшим месяца в речи памяти Урицкого Зиновьев вспоминал о жарком споре ночью после убийства Володарского, во время которого Урицкий отговаривал его от перехода к правительственному террору. По словам Зиновьева, «Урицкий сразу вылил ушат холодной воды нам на голову и стал проповедовать хладнокровие... Вы знаете, – добавлял Зиновьев, – что к красному террору мы прибегли, в широком смысле слова, когда Урицкого не было среди нас...»⁵⁷ В ночь убийства Володарского руководство ПЧК встретилось с Зиновьевым и другими членами СК КСКО. И здесь призывы Урицкого к умеренности возымели свое действие.

Если убийство Володарского задумывалось как средство усилить антибольшевистские настроения среди рабочих, то оно привело к обратному результату. Судя по сообщениям небольшевистской прессы (не говоря уже о большевистских газетах), известие о гибели Володарского потрясло рабочих⁵⁸. 22 июня редакционная передовица «Новой жизни» Горького, озаглавленная «Безумие», несколько неожиданно выражала скорбь по поводу утраты «неутомимого агитатора... [и] социалиста-вождя, отдавшего свою душу рабочему классу», осуждала его убийство как «безумие» и говорила об озабоченности тем, что этот акт может привести к дальнейшему кровопролитию. Опасность правительственного террора или разгула стихийного уличного насилия, а может быть, и того, и другого одновременно, действительно была велика. Утром 21 июня у кабинета Зиновьева в Смольном выстроились рабочие делегации, требовавшие в ответ на убийство Володарского немедленных репрессий и заявлявшие, что иначе «вождей поодиночке перебьют». На следующий день, ссылаясь на эти обращения, Зиновьев заявил, что «мы боролись против этого настроения... Мы требуем, чтобы никаких эксцессов не было»⁵⁹.

Комментируя в прессе сложившуюся ситуацию на следующий день после убийства Володарского, глава Революционного трибунала С. Зорин размышлял о том, что этот акт может быть симптомом перехода оппозиции к новым формам борьбы с властью, однако тут же добавлял, что даже если это и так, «судьям трибунала не придется, конечно, прибегать к правительственному террору»⁶⁰. Коллеги Володарского по «Красной газете» требовали немедленного возмездия в форме массового террора за убийство их лидера⁶¹. Одновременно большевики фиксировали беспокойство рядовых членов

партии по поводу не встречающего никаких препятствий роста активности врагов Советской власти и желание свести счеты с классовыми врагами⁶². 21 июня состоялось чрезвычайное собрание исполкома Петроградского совета, на котором обсуждалось стремительно растущее возбуждение масс. Согласно сообщению «Новых ведомостей», собравшиеся сошлись на том, что должно быть сделано все возможное для противодействия всем формам самосудов⁶³.

Аналогичная позиция нашла отражение и в резолюции, предложенной большевиками и принятой на чрезвычайном пленуме Петроградского совета 22 июня. Урицкий сообщил собравшимся о ходе следствия, заявив, что ПЧК близка к поимке убийц. Однако это его утверждение не подтверждается сохранившимися материалами дела об убийстве Володарского⁶⁴. Возможно, им двигало стремление умерить пыл сторонников правительственного террора и уличного насилия. Одобренная Петросоветом резолюция предостерегала от эксцессов и делала «последнее предупреждение» потенциальным террористам: «Не нужно много слов. Враги рабочей революции перешли к контрреволюционному террору, к убийству из-за угла. Мы предостерегаем наших товарищей от необдуманных шагов и эксцессов. Но мы заявляем коротко и ясно всем господам контрреволюционерам, как бы они себя ни называли: кадетами, правыми эсерами или как угодно еще. **Враги рабочей революции будут раздавлены беспощадно** (выделено в документе. – А.Р.). На всякое покушение на кого-либо из вождей рабочей революции мы ответим беспощадным красным террором. Это предупреждение является последним...» Эта резолюция была принята единогласно⁶⁵.

Несколько дней спустя о налагаемых ею ограничениях узнал Ленин. Он был буквально взбешен новостями из Петрограда и немедленно послал Зиновьеву негодующую телеграмму: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские чекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, *вполне* правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*»⁶⁶.

И хотя Урицкий оказался в состоянии предотвратить «эксцессы», письмо Ленина, как будет показано ниже, оказало серьезное влияние на Зиновьева. С другой стороны, убийство Володарского как будто продемонстрировало, что необходимость существования таких мощных специально созданных органов безопасности, как ЧК, продолжает существовать. Движение за упразднение ПЧК, казалось, почти приведшее к желаемому результату накануне убийства Володарского, сошло в результате этого акта на нет. Фактически умершему президиуму СНК ПТК оставалось лишь ответить на письмо Дзержинского от 24 июня о невозможности упразднения ПЧК. 2 июля руководство ВЧК было информировано, что сведения о ликвидации ПЧК были ложными⁶⁷.

* * *

Хотя ПЧК и проводила после убийства Володарского аресты подозреваемых оппозиционеров в гораздо более широких масштабах, чем прежде, Урицкий оказался в состоянии противостоять растущему давлению и не санкционировал ни расстрелов, ни установившейся в Москве благодаря ВЧК практики взятия заложников из числа крупных политических деятелей, которые должны были подвергнуться казни в случае дальнейших покушений на большевистских лидеров. Так, среди арестованных в это время ПЧК оказался Н.Н. Кутлер – крупный царский чиновник, видный кадет, депутат III и IV Государственных дум. Задержанный 23 июня (вторично за полгода), он был освобожден уже через 3 дня. Судя по сообщениям газет, подозрения чекистов были вызваны перехваченными письмами Кутлера за границу. Однако Урицкий, прочитав эти

письма, не нашел в них ничего преступного и распорядился немедленно освободить арестованного.

Через неделю после ареста Кутлера, 30 июня, был поднят с кровати, арестован и препровожден на Гороховую, 2, где провел более недели, граф В.Н. Коковцов – бывший премьер-министр царского правительства. Этот арест также был вызван перехваченными письмами, на этот раз – перепиской неких контрреволюционеров, которые без ведома Коковцова обсуждали возможность назначения его главой гипотетического постбольшевистского правительства. Очевидно, освобождение бывшего сановника было задержано поездкой Урицкого в начале июля в Москву на V Всероссийский съезд Советов. Урицкий допросил Коковцова 7 июля, через несколько часов после своего возвращения, несмотря на свою занятость в связи с «левоэсеровским мятежом». В тот же день Коковцов был освобожден. В своих воспоминаниях он описал этот допрос как неторопливую и вежливую беседу, посвященную не столько обстоятельствам ареста, сколько его отставке с поста премьера в 1914 г. и воспоминаниям о Николае II⁶⁸.

Примерно то же произошло с писателем, литературным критиком и журналистом А.В. Амфитеатровым, настроенным резко антибольшевистски. Он был освобожден после двухдневного содержания на Гороховой. В «Новых ведомостях» – газете, в которой он тогда работал, Амфитеатров писал, что дача показаний Урицкому напоминала скорее беседу, чем допрос. Глава ПЧК интересовался его отношениями с Григорием Алексинским и другими «плехановцами», взглядами на внешнюю политику (ориентацией на Германию или Антанту), его литературной и журналистской деятельностью, источниками финансирования «Новых ведомостей». Обсудив все эти темы, Урицкий объявил Амфитеатрову, что он может идти домой.

Конечно, все это не дает оснований отрицать, что содержание на Гороховой было страшным и унижительным испытанием или что сотням не столь значительных политических заключенных повезло гораздо меньше, чем Кутлеру, Коковцову и Амфитеатрову. Даже рассказы двух последних, приятно удивленных манерой Урицкого вести допросы, не дают для этого никакого повода. Несомненно и то, что условия содержания в крайне переполненных и являвшихся настоящими рассадниками болезней тюрьмах Петрограда были гораздо хуже, чем в импровизированных камерах на Гороховой. Я всего лишь хотел бы подчеркнуть тот факт, что в то время, как в Москве ЧК широко применяла бесчеловечные расстрелы «классовых врагов», а практическая реализация «красного террора» была в полном разгаре не только в Москве, но и в других городах, Урицкий продолжал противодействовать волне экстремизма⁶⁹.

После убийства в Москве германского посла графа Мирбаха, совершенного левыми эсерами 6 июля, Урицкий руководил чрезвычайными операциями Революционного комитета Петрограда, пытаясь избежать лишнего кровопролития⁷⁰. Он был озабочен не столько облавами на левых эсеров, которые широко применяли власти в Москве, сколько поддержанием порядка и подавлением попыток правых сил воспользоваться расколом в правительстве⁷¹. Арестованные по данному делу левые эсеры и сочувствующие (161 человек) были вскоре освобождены, а само дело закрыто и сдано в архив 18 декабря⁷². В Москве, напротив, ВЧК в итоге расстреляла 12 левых эсеров⁷³. Правда, московские левые эсеры действительно спланировали и совершили убийство Мирбаха, тогда как петроградские не имели к нему никакого отношения. Тем не менее поведение Урицкого в очередной раз продемонстрировало принципиальную разницу между ним и руководством ВЧК в подходах к репрессиям.

* * *

События начала июля 1918 г. и их последствия привели к существенному ужесточению политики в отношении реальных и потенциальных противников большевиков в Петрограде. В числе этих последствий были угроза (хотя и временная) германской оккупации, обусловленная убийством Мирбаха, выявление ПЧК резко активизировавшейся деятельности контрреволюционеров, а также исчезновение смягчающего влияния левых эсеров на петроградское правительство (особенно важным в этом отноше-

нии была потеря Прошьяна, вынужденного скрываться после гибели германского посла). Еще заметнее стал недостаток в ПЧК квалифицированных сотрудников, поскольку большинство левых эсеров попало в категорию «врагов» Советской власти, а число большевиков, покидавших Петроград и отправлявшихся либо на фронт, либо в составе продовольственных отрядов на поиски хлеба, постоянно росло.

В атмосфере обостряющегося кризиса идея массового террора, официально одобренная 5 июля V Всероссийским съездом Советов, становилась все более привлекательной для наиболее радикально настроенных петроградских большевиков. 23 июля за широкое применение политических репрессий высказался Петербургский комитет РКП(б). Дополнительным аргументом в пользу такой политики стали угрожающие донесения о стремительном росте активности контрреволюционных организаций в Василеостровском районе. Согласно им, около 17 тыс. офицеров, многие из которых считали себя монархистами, планировали контрреволюционный заговор. Ни о каких деталях заговора в записи о заседании ПК не говорится, однако его, очевидно, воспринимали очень серьезно. Комитет принял резолюцию, осуждающую «расхлябанность» правительственной политики в отношении политической оппозиции и провозглашающую необходимость «применения красного террора против попыток контрреволюционеров к мятежам на деле». Предполагая настаивать на применении массового террора, комитет решил организовать вечером того же дня другое заседание с участием членов Петроградского бюро ЦК (в числе основных участников были названы Зиновьев, Зорин, Урицкий и Позерн)⁷⁴. Оно должно было состояться в гостинице «Астория» – в то время резиденции многих большевистских руководителей, известной и как «чекистский отель» из-за своей близости к Гороховой, 2. Неизвестно, какие решения были приняты на этом собрании. Косвенные данные говорят о том, что Петербургскому комитету не удалось убедить большинство партийных лидеров в необходимости немедленного провозглашения «красного террора» или хотя бы отмены запрета на применение расстрелов, принятого еще в апреле. Однако аресты подозреваемых оппозиционеров, большинство которых было объявлено заложниками, заметно умножились⁷⁵.

Заключенные на Гороховой, 2 были немедленно переведены на более жесткий тюремный режим с целью освободить места для новых арестованных. Петр Пальчинский, выдающийся инженер и крупный чиновник Временного правительства, уже более месяца просидевший в камере на Гороховой, избежал этой участи отчасти благодаря заступничеству своих коллег, убеждавших Зиновьева освободить его на том основании, что его исследования жизненно важны для советского правительства. В начале августа Зиновьев под давлением ученого сообщества обратился в ПЧК с ходатайством об освобождении Пальчинского как «буржуазного специалиста». В датированном 10 августа ответе Варвара Яковлева, подписавшая письмо за главу ПЧК, признала научную значимость исследований арестованного. Отказавшись освободить его, она согласилась сделать некоторые особые послабления, которые должны были облегчить продолжение этих исследований. В документе говорилось: «В ответ на Ваше письмо о Пальчинском Чрезвычайная комиссия доводит до Вашего сведения, что по получении его гр. Пальчинский, числящийся заложником, был немедленно вновь допрошен членами президиума Чрезвычайной комиссии. Допросом было установлено, что Пальчинский действительно крупный ученый, геолог... Свои научные работы, имеющие очень большое эмпирически-техническое значение, он не прерывал и в заключении. Но вместе с тем Чрезвычайная комиссия должна была считаться с тем фактом, что Пальчинский, исполняя при Керенском обязанности градоначальника в Петрограде, душил рабочую печать, будучи заместителем министра торговли и промышленности, он, совместно со Скобелевым, вел ожесточенную кампанию против фабрично-заводских комитетов, боролся против рабочего контроля и своими законами, как и своей практической деятельностью, сводил на нет всякую регламентацию хозяйственной жизни. Революционные рабочие Петрограда с негодованием и возмущением встретили бы освобождение столь крупной политической, враждебной им фигуры. В списке заложников по всей России Пальчинский несомненно и по праву занимает одно из первых мест. Кроме то-

го, в ходе допроса выяснилось, что политические взгляды Пальчинского несколько не изменились и он по-прежнему продолжает думать, что большевики являлись всегда немецкими агентами, а те события, которые происходят, совершаются вопреки тактике большевиков. На этом основании Чрезвычайная комиссия отвергла предложение об освобождении Пальчинского и постановила оставить его в заключении, предоставив ему ряд льгот, а именно: 1) увеличение продолжительности прогулки, 2) перевод на больничное положение, 3) допущение свиданий с техниками, 4) предоставление к его услугам освещения сверх обычного времени и 5) предоставление некоторых удобств, в тюрьме не полагающихся: собственные кровать, ковер и т.д.»⁷⁶

Это письмо показательно в нескольких отношениях. Прежде всего из него следует, что практика задержания видных политических деятелей на неопределенный срок в качестве заложников, которой Урицкий с успехом противодействовал в июне и июле, в августе стала в Петрограде фактом. Во-вторых, претензии ВЧК на особый статус, провозглашенные на I Всероссийской конференции ЧК в июне, отчетливо отразились в вызывающем тоне письма, адресованного не кому-нибудь, а главе петроградского правительства, члену ЦК РКП(б) и его Петроградского бюро и известному товарищу Ленина. Но наиболее интересно неожиданное появление Яковлевой в качестве ключевой фигуры в ПЧК. Видная московская большевичка, в мае она была вместе с Лацисом переведена из коллегии НКВД на руководящую должность в ВЧК. Оба они быстро превратились в фанатичных чекистов. Официальным мотивом командировки Яковлевой в Петроград в начале августа была координация расследования по делу, чуть позже получившему известность как «Дело трех послов» или «Дело Локкарта»⁷⁷. Однако письмо Зиновьеву, написанное вскоре после прибытия Яковлевой в Петроград, в котором она не только бросала вызов своему адресату, но и выступала от имени главы ПЧК, наводит на мысль, что перед ней ставились задачи более широкие, чем расследование этого важного дела. Очевидно, ее главной задачей было привести позицию ПЧК в отношении «красного террора» в соответствие с политикой ВЧК.

В начале августа становилось все более очевидным, что Урицкий постепенно сдает позиции под натиском сторонников «красного террора» в СК СКСО, а также в руководстве ПЧК. Концепция классового антагонизма, навязываемая особенно бескомпромиссно настроенными большевиками, в том числе редколлегия «Красной газеты», коммунистами в районах и большинством Петербургского комитета, проявилась на II съезде Советов Северной обл., состоявшемся в Смольном 1–2 августа. Контраст с первым, апрельским съездом, где преобладали относительно умеренные настроения, был разительным. Столь же различным был и характер обоих съездов. Первый был по-настоящему деловым собранием, на котором большевики и левые эсеры обсуждали важнейшие проблемы и выработывали компромиссные решения. Второй же был похож скорее на политический митинг, напоминающий то, во что превратились к тому времени пленарные заседания Петросовета. Число делегатов съезда было гораздо меньше числа присутствовавших на нем, среди которых оказались Петроградский и Кронштадтский Советы в полном составе; делегаты организованных районными советами рабочих конференций; члены Центрального совета профессиональных союзов, красноармейских и флотских комитетов, а также центрального и районных комитетов железнодорожников. Доведенные до состояния крайнего возбуждения зажигательными речами Свердловла и Троцкого, специально приехавших по этому случаю из Москвы, участники съезда одобрили резолюцию «О текущем моменте», содержавшую программу немедленного перехода к массовому террору. В ней говорилось: «Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию [как класс и] проводя массовый террор против нее». Заканчивалась резолюция словами о «массовом вооружении рабочих и напряжении всех сил для военного похода против контрреволюционной буржуазии с лозунгом “Смерть или победа”»⁷⁸.

Резолюция подразумевала возрождение практиковавшихся ВЧК уже с февраля бессудных расстрелов. Считаясь уже «хозяином» города, Зиновьев, по его собственному признанию, стал сторонником «красного террора» сразу после убийства Володарского,

однако сдерживался в проведении своего взгляда на практике Урицким и, по всей вероятности, Прошьяном и Крестинским. Как уже говорилось, умеряющее влияние Прошьяна и в целом левых эсеров было сведено на нет после убийства Мирбаха. Крестинский же в середине августа был вызван в Москву, где возглавил Наркомат финансов. В итоге в то самое время, когда Яковлева осуществляла давление на Урицкого как на главу ПЧК, он оказывался все в большей изоляции в СК СКСО.

Результат ослабления влияния Урицкого проявился достаточно быстро. 18 августа на заседании СК СКСО был принят декрет, уполномочивавший ПЧК (и только ее) расстреливать контрреволюционеров своей собственной властью. Он гласил: «Совет комиссаров коммун Северной области заявляет во всеобщее сведение: враги народа бросают вызов революции, убивают наших братьев, сеют измену и тем самым вынуждают коммуну к самообороне. Совет комиссаров заявляет: за контрреволюционную агитацию с призывом красноармейцев не подчиняться распоряжениям Советской власти, за тайную или явную поддержку того или иного иностранного правительства, за вербовку сил для чехо-словацких или англо-французских банд, за шпионство, за взяточничество, за спекуляцию, за грабежи и налеты, за погромы, за саботаж и т.п. преступления виновные подлежат немедленному расстрелу. Расстрелы производятся только по постановлению Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Союзе трудовых коммун Северной области. О каждом случае расстрела публикуется в газетах»⁷⁹. Урицкий смог добиться лишь принятия оговорки о том, что расстрел требует единогласного решения коллегии ПЧК⁸⁰.

Решение применять расстрелы было утверждено 19 августа на заседании коллегии ПЧК. Нет сомнений, что Урицкий горячо и настойчиво выступал против него. Чрезвычайно интересное свидетельство на эту тему было зафиксировано С.Г. Ураловым уже в хрущевскую эпоху. Оно было почерпнуто им из неких неопубликованных воспоминаний неназванного молодого в то время чекиста, члена коллегии ПЧК, настроенного весьма агрессивно и являвшегося своеобразным «возмутителем спокойствия». Тот вспоминал о продолжающемся давлении на Урицкого перед заседанием коллегии 19 августа. «Все чаще и чаще стали поговаривать о необходимости расстрелов, – приводит Уралов слова этого чекиста. – Неоднократно перед т. Урицким ряд товарищей на официальных заседаниях и в частных беседах поднимал вопрос о красном терроре». Далее передается утверждение чекиста, что после того, как решение СК СКСО о применении расстрелов было утверждено коллегией, Урицкий был единственным, кто выступал против него. Он аргументировал свою позицию практическими доводами. Однако когда коллегия отвергла его аргументацию о бесполезности расстрелов, он воздержался при голосовании по вопросу о судьбе 21 заключенного (среди них были политические противники большевиков и уголовные преступники), так что воля большинства возобладала⁸¹. 2 дня спустя, 21 августа они были расстреляны. Состав этой первой группы жертв ПЧК, обнародованный в прессе 22 августа, весьма показателен. 9 из них были расстреляны за уголовные преступления (в их числе было 4 бывших комиссара ПЧК). Большинству остальных инкриминировалось ведение контрреволюционной агитации среди солдат Красной армии. Среди последних был бывший офицер Владимир Перельцвейг, который вместе с 6 своими коллегами был обвинен в антисоветской агитации среди кадетов Михайловской артиллерийской академии⁸². Казнь Перельцвейга имела очень серьезные последствия, в первую очередь для самого Урицкого.

В ночь первых чекистских расстрелов господствующий в городе дух насилия над политической оппозицией был адекватно запечатлен в резолюции, принятой V съездом Советов Петербургской губ. (съезд проходил 21–23 августа). «В каждой деревне и в каждом уездном городе мы должны провести коренную чистку, – говорилось в ней. – Контрреволюционных офицеров и всех вообще белогвардейцев, замышляющих вернуть власть богачей, надо уничтожать беспощадно»⁸³. Неделию спустя, 28 августа, пленарное заседание Петросовета в ответ на якобы имевшую место попытку покушения на Зиновьева сделало еще один шаг к официальному объявлению в городе «красного террора». Вздволенный ничем не подтвержденным слухом, что некий подозрительный субъект

двумя днями раньше, желая убить Зиновьева, искал его в «Астории», Совет принял резолюцию, в которой говорилось, что время предупреждений прошло: «Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции»⁸⁴. Эта резолюция походила на ту, что была принята Петросоветом 22 июня, после убийства Володарского. Однако если та лишь предупреждала, то эта, принятая в до предела сгустившейся атмосфере конца августа, уже оставляла мало сомнений в том, что она ляжет в основу политики властей.

Утром 30 августа Урицкий, направлявшийся в свой кабинет в Комиссариате внутренних дел на Дворцовой площади, был убит. Обстоятельства самого убийства и драматической поимки того, кто его совершил, полностью прояснены в материалах возбужденного ЧК дела⁸⁵. Говоря коротко, Урицкий был застрелен 22-летним Леонидом Каннегисером, бывшим кадетом Михайловской артиллерийской академии, в петроградских литературных кругах известным также как талантливый поэт⁸⁶. Хотя Каннегисер, по-видимому, был членом партии народных социалистов и горячо поддерживал Керенского в 1917 г., на многочисленных допросах в ПЧК он отказывался признаться в своей принадлежности к какой-либо организации и твердо заявлял, что действовал один. ПЧК установила, что после Октябрьской революции он был связан с подпольными контрреволюционными организациями⁸⁷. Однако заключение ПЧК, согласно которому убийство Урицкого было частью обширного заговора против Советской власти, не подтверждается никакими содержащимися в деле доказательствами. Близким другом Каннегисера был расстрелянный 21 августа Перельцевейг. Каннегисер не имел понятия о том, что Урицкий был твердым противником расстрелов и, в частности, пытался воспрепятствовать казни Перельцевейга и его товарищей. Фамилия Урицкого появлялась в публиковавшихся в газетах приказах о расстрелах, и, по собственному признанию Каннегисера, он мстил за гибель своего товарища⁸⁸. По словам Алданова, «гибель друга сделала его террористом»⁸⁹. Каннегисер был казнен. Однако, к негодованию чекистских следователей, 144 других задержанных по этому делу, включая его мать, отца, сестер и множество друзей и знакомых, чьи имена были обнаружены в его записной книжке, как-то пережили «красный террор» и были освобождены⁹⁰.

* * *

Данные, которые легли в основу этого очерка, свидетельствуют, что Урицкий не был ни Робеспьером революционного Петрограда, как казалось противникам большевиков, ни «человеком Троцкого», как полагали некоторые большевистские лидеры. С самого начала своей деятельности в качестве главы ПЧК Урицкий, несомненно, действовал без оглядки на кого бы то ни было. Пользуясь поддержкой Крестинского, Прошьяна, а иногда даже Зиновьева, он с успехом противодействовал расстрелам и другим крайним формам репрессий и насилия над политическими противниками в то время, когда в Москве они превратились в норму. Его сдерживающая роль стала особенно важной после убийства Володарского, когда резко усилилось давление снизу в пользу реализуемой ВЧК политики «красного террора». Не менее важной была она и во второй половине июля, когда требование решительных мер против контрреволюционеров прозвучало со стороны Петербургского комитета РКП(б) и из Москвы от Ленина. В то же время независимость и твердость Урицкого в отстаивании своих принципов, как ни в чем другом, ярко отразилась в его отказе освобождать задержанных под поручительство или залог, несмотря на настойчивые требования со стороны товарищей и московских руководителей.

Гораздо сложнее ответить на вопрос, почему Урицкий, на протяжении всей своей жизни являвшийся стойким и радикально настроенным революционером, был столь ярким противником «красного террора». Конечно, он был совсем не похож на Давида Рязанова, который независимо от обстоятельств считал произволом любые нарушения основных гражданских прав, даже если они касались самых яростных врагов Советской власти. Пересказывая уже упоминавшиеся неопубликованные воспоминания молодого чекиста о последних днях Урицкого, С.Г. Уралов пишет, что руководитель ПЧК

был рассержен обвинением в «мягкости» и заявил, что он выступает против расстрелов не из-за бесхребетности или угрызений совести, а потому, что считает их нецелесообразными. Вот как пересказывает Уралов разговор Урицкого с этим неназванным автором воспоминаний: «“Слушайте, товарищ, вы такой молодой, – сказал мне Урицкий, – и такой жестокий”. – “Я, Моисей Соломонович, настаиваю на расстрелах не из чувства личной жестокости, а из чувства революционной целесообразности, а вот вы, Моисей Соломонович, против расстрелов исключительно из-за мягкотелости”. Тут Урицкий очень рассердился на меня и возбужденно ответил: “Ничуть я не мягкотелый. Если не будет другого выхода, я собственной рукой перестреляю всех контрреволюционеров и буду совершенно спокоен. Я против расстрелов потому, что считаю их нецелесообразными. Это вызовет лишь озлобление и не даст положительных результатов”»⁹¹. С другой стороны, личный опыт и последующие свидетельства таких политических заключенных, как Кутлер, Кокцов и Амфитеатров, а также свидетельства близких товарищей Урицкого говорят о том, что ответ на поставленный выше вопрос более сложен, что обязанности главы ПЧК были Урицкому противны и он исполнял их, повинувшись чувству преданности партии. Все это заставляет утверждать, что прояснение мотивации Урицкого будет возможно лишь после открытия соответствующих архивных дел ФСБ.

Убийство Урицкого утром 30 августа и неудачное покушение на Ленина, совершенное тем же вечером в Москве, обычно рассматриваются как непосредственные причины «красного террора» в революционной России. Однако изложенные выше факты позволяют считать такую интерпретацию ложной, поскольку «красный террор» во всех его формах применялся в Москве и других российских городах на протяжении нескольких месяцев до этих событий. В Петрограде практика взятия политических заложников распространилась с конца июля 1918 г., запрет Урицкого на проведение расстрелов был отменен ПЧК 19 августа (после чего был расстрелян 21 арестованный), а официально «красный террор» был объявлен на пленарном заседании Петросовета 28 августа. Однако бесспорно, что убийство Урицкого в совокупности с неудавшимся покушением на Ленина действительно привели в бывшей российской столице к мощной волне арестов и настоящей оргии расстрелов (проводившихся не только ПЧК, но и районными органами безопасности, многочисленными группами солдат и рабочих), которые превзошли все, что было до того даже в Москве.

Не удивительно, что инициатива развязывания «красного террора» после смерти Урицкого исходила из Петербургского комитета большевистской партии. Сразу после получения известия об этом событии было назначено собрание городского партийного руководства, состоявшееся в 2 часа пополудни в «Астории». Единственный источник информации о собрании, который я смог обнаружить, – это воспоминания Е.Д. Стасовой. Согласно им, в самом начале собрания Зиновьев, явно находившийся под впечатлением нагоняя, полученного от Ленина после убийства Володарского, потребовал, чтобы на этот раз решительные меры против политических противников большевиков были приняты без какого-либо промедления. Среди мер, на которых он настаивал, фигурировало «разрешением всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице». По словам Стасовой, товарищи слушали Зиновьева «в смущении». Встревоженная, она взяла слово, чтобы возразить Зиновьеву, который в ярости выскочил вон из комнаты, не дослушав ее речи. В итоге было принято решение сформировать особые «тройки» и направить их в районы для поимки «контрреволюционных элементов»⁹².

Тем же вечером начались массовые аресты и расстрелы. Большая часть проведенных ПЧК во время «красного террора» расстрелов, по-видимому, пришлось на несколько первых ночей после убийства Урицкого. 2 сентября депутат Московского совета Вознесенский, только что вернувшийся с похорон Урицкого, сообщил совету, что «там уже расстреляно 500 представителей буржуазии»⁹³. Если эта цифра верна, то она включает в себя почти все (за исключением 12) казни, о которых было объявлено в списке расстрелянных ПЧК, опубликованном «Петроградской правдой» 6 сентября, и более $\frac{2}{3}$ из тех 800 казненных ПЧК за весь период «красного террора», о которых сообщил в середине октября Г.И. Бокий в своем докладе на съезде ЧК Северной обл.⁹⁴ По

иронии судьбы, неистовства «красного террора» в Петрограде, которого Урицкий всеми силами пытался избежать, отчасти стали результатом настойчивого желания свести счеты с классовыми врагами, «накопленного» за то время, когда он руководил ПЧК.

Примечания

- ¹ Вестник областного комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области. 1918. № 2. Сентябрь. С. 61.
- ² Там же. С. 57, 58, 60, 61, 71; Lunacharsky A.V. Revolutionary Silhouettes. L., 1967. P. 127; Зубов В.П. Странные годы России. Воспоминания о революции, 1917–1925. Мюнхен, 1968. С. 51.
- ³ Бережков В.И. Питерские прокуроры: руководители ВЧК – МГБ. СПб., 1998. С. 14.
- ⁴ Красная газета. 1918. 12 марта. С. 1.
- ⁵ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 1, д. 28, л. 68. Проницательную характеристику Прошьяна см.: Разгон А. Народный комиссар почт и телеграфов П.П. Прошьян // Первое советское правительство. М., 1991. С. 398–420.
- ⁶ Петроградская правда. 1918. 15 марта. С. 1.
- ⁷ Наш век. 1918. 15 марта. С. 1.
- ⁸ Литвин А.Л. Левые эсеры и ВЧК. Сб. док. Казань, 1996. С. 51. См. также: Кутузов А.В., Лепетухин В.Ф., Семенов В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 101.
- ⁹ Литвин А.Л. Левые эсеры и ВЧК. С. 51–52.
- ¹⁰ Новая жизнь (Петроград). 1918. 14 марта. С. 1. 23 марта Петроградское бюро ЦК направило в ЦК гневное письмо, в котором выражался протест по поводу того, в каком состоянии центральное правительство оставило ему город. Особое негодование вызвало у авторов письма поведение «Комиссии Дзержинского»: «Бумаги он вывез, [и] следователей вывез, а подсудимых оставил здесь». Называя сложившуюся ситуацию «возмутительной», Петроградское бюро требовало, чтобы Дзержинский «немедленно приехал и принял меры» (РГАСПИ, ф. 446, оп. 1, д. 1, л. 2–2 об.).
- ¹¹ ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 4, д. 814, л. 83.
- ¹² Бережков В.И. Указ. соч. С. 14.
- ¹³ Наш век. 1918. 17 марта. С. 4; Красная газета. 1918. 30 марта. С. 3.
- ¹⁴ См., например, отчет об освобождении 6 лиц, незадолго до того задержанных ПЧК: Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 18 марта. С. 5.
- ¹⁵ Там же. 6 апреля. С. 1.
- ¹⁶ Наш век. 1918. 7 апреля. С. 1.
- ¹⁷ Там же. 11 апреля. С. 1.
- ¹⁸ Так, 23 апреля по приказу Комитета по [революционной] безопасности Петрограда были расстреляны 3 грабителя (там же. 26 апреля. С. 3).
- ¹⁹ Это явление особенно полно отражено в протоколах заседаний Выборгского районного совета за это время (ЦГА СПб., ф. 148, оп. 1, д. 51).
- ²⁰ См.: Ужасы времени // Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 13 апреля. С. 7.
- ²¹ А.Л. Литвин опубликовал копии протоколов 14 заседаний ВЧК, проходивших в январе–мае 1918 г. Несмотря на фрагментарность, эти протоколы тем не менее явственно свидетельствуют о ставке большинства руководителей ВЧК на бессудные расстрелы как на средство контроля за преступностью и политической оппозицией (см.: Литвин А.Л. Левые эсеры и ВЧК. С. 48–65).
- ²² Наш век. 1918. 16 марта. С. 1.
- ²³ Сборник декретов и постановлений по коммуна Северная области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. С. 97.
- ²⁴ ЦГА СПб., ф. 2421, оп. 1, д. 1, л. 142.
- ²⁵ Известия кронштадтского Совета. 1918. 10 марта. С. 2.
- ²⁶ Знамя труда. 1918. 7 апреля. С. 6. Текст декрета петроградского Совнаркома, изданного во исполнение этой резолюции см.: ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 31, л. 126.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 342, л. 27.
- ²⁸ Сборник декретов и постановлений... Вып. 1. Ч. 1. С. 539–540.
- ²⁹ Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 29 апреля. С. 6.
- ³⁰ Наш век. 1918. 1 мая. С. 3.
- ³¹ ЦГА СПб., ф. 144, оп. 1, д. 8, л. 38.
- ³² Там же, л. 53.
- ³³ Там же, д. 1, л. 13 об.
- ³⁴ Там же, ф. 143, оп. 1, д. 31, л. 163; ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 32; Известия Петроградского совета. 1918. 25 апреля. С. 1.
- ³⁵ 21 февраля 1918 г. написанная Троцким и одобренная Лениным прокламация «Социалистическое отечество в опасности» была передана по телеграфу в советы по всей России и опубликована в Петрограде от

имени Совнаркома. Пункт 8 прокламации гласил, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» (РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 66, л. 2). ВЧК и другие органы немедленно воспользовались полученным «мандатом». О значении прокламации Троцкого для ЧК см.: В е л и д о в С. Предисловие ко второму изданию // Красная книга ЧК. Т. 1. М., 1989. С. 5.

³⁶ О Чрезвычайном собрании см.: Rabinowitch A. Early Disenchantment with Bolshevik Rule: New Data from the Archives of the Extraordinary Assembly of Delegates from Petrograd Factories // K. Mc Dermott, J. Morrison (eds.). Politics and Society Under the Bolsheviks. L., 1999. P. 37–46.

³⁷ Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу, № 30377, т. 3, л. 148.

³⁸ Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 31 мая. С. 1.

³⁹ Знамя борьбы. 1918. 4 июня. С. 3.

⁴⁰ Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу, № 30377, т. 4, л. 54.

⁴¹ Петроградская правда. 1918. 18 октября. С. 2.

⁴² Банкир из ВЧК // Очерки истории российской внешней разведки / Под ред. Е.М. Примакова. Т. 2. М., 1997. С. 19–24. Письмо Крестинского Урицкому с характеристикой Филиппова, датированное 26 июля, см.: Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу, № 30377, т. 5, л. 890.

⁴³ В мае несколько районных советов высказались за упразднение ПЧК. Это произошло в ходе дискуссии по плану обеспечения безопасности города, состоявшейся 22 мая на заседании Межрайонного собрания, объединившего представителей районных советов (ЦГА СПб., ф. 73, оп. 1, д. 1, л. 150; ЦГАПД СПб., ф. 4000, оп. 1, л. 165; Новая жизнь [Петроград]. 1918. 23 мая. С. 3). В то время районные советы были озабочены прежде всего поддержанием контроля на собственной территории, поэтому они, как правило, враждебно относились к ПЧК и к тем планам реструктуризации Комитета по революционной безопасности, которые предполагали усиление централизации.

⁴⁴ См. комментарий Прошьяна к его плану: Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 18 июня. С. 7. Члены президиума Комитета по революционной безопасности высоко оценивали свое сотрудничество с руководимым Прошьяном Комиссариатом внутренних дел. Одновременно майские собрания президиума отражают их отрицательное отношение к ПЧК (ЦГА СПб., ф. 73, оп. 1, д. 4, л. 16, 17, 20–20 об., 25).

⁴⁵ Л а ц и с М.Я. Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.). Ч. 1. Организационная часть. М., 1921. С. 11. См. об этом: Л е о н о в С.В. Рождение советской империи. М., 1997. С. 248–249.

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 11, л. 24–26. По меньшей мере несколько человек из тех, кто в конце мая слышал речь Урицкого об обеспечении безопасности в Петрограде, сделали вывод, что он пытается оправдать ликвидацию ПЧК. См., например, наблюдение Сергеева на заседании президиума Комитета по революционной безопасности 23 мая: ЦГА СПб., ф. 73, оп. 1, д. 3, л. 35.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 10, л. 1–1 об.

⁴⁸ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 9, д. 1, л. 34.

⁴⁹ Конференция проходила в Москве 11–14 июня. Судя по стенографическим отчетам, ни сам Урицкий, ни кто-либо из представителей ПЧК не сочли необходимым на ней присутствовать (см.: ЦА ФСБ, ф. 1, оп. 3, д. 11).

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 194, л. 3–3 об.

⁵¹ Там же, ф. 466, оп. 1, д. 1, л. 9–10.

⁵² Новая жизнь (Петроград). 1918. 22 июня. С. 3; Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 22 июня. С. 3.

⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 194, л. 4 об.

⁵⁴ Решения конференции и ее руководящие указания по организации ЧК см. в кн.: Л а ц и с М.Я. Указ. соч. С. 38–41.

⁵⁵ ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 49, л. 50.

⁵⁶ В опубликованной в 1922 г. брошюре Г. Семенов (в 1918 г. – глава эсеровской боевой группы) писал, что убийство Володарского, которое было первоочередной целью группы, совершил его подчиненный, некий Сергеев (других данных о личности убийцы не приводилось). См.: С е м е н о в Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. М., 1922. С. 28–29. Однако, сопоставляя это свидетельство с другими известными данными, нельзя не сделать вывод о его недостоверности. В одной из недавних работ А.Л. Литвина убедительно показано, что во время написания брошюры в 1921 г. Семенов работал на ВЧК и что сама она была опубликована ГПУ в качестве доказательства для показательного процесса над эсерами летом 1922 г. (Л и т в и н А.Л. Азеф Второй // Родина. 1999. № 9. С. 80–84).

⁵⁷ Цит. по: У р а л о в С.Г. Моисей Урицкий. Биографический очерк. Л., 1962. С. 110–111.

⁵⁸ Новая жизнь [Петроград]. 1918. 21 июня. С. 3.

⁵⁹ Там же. 23 июня. С. 3; Петроградская правда. 1918. 27 июня. С. 2.

⁶⁰ Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 21 июня. С. 4.

⁶¹ I l ' i n - Z h e n e v s k y A.F. The Bolsheviks in Power: Reminiscences of the Year 1918. L., 1984. P. 105. Ильин-Женевский был в то время членом редколлегии «Красной газеты».

- ⁶² Так, 28 июня участники общего собрания большевиков Выборгского района, выслушав сообщение об убийстве Володарского представителя петроградского комитета партии Жени Егоровой, в котором она призвала к спокойствию, поклялись ответить на «белый террор» беспощадным классовым «красным террором» (ЦГАИПД СПб., ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 2).
- ⁶³ Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 22 июня. С. 4.
- ⁶⁴ ПЧК прекратила поиски убийцы Володарского и закрыла дело в феврале 1919 г. (ЦА ФСБ, № 1789, т. 10, л. 377).
- ⁶⁵ Петроградская правда. 1918. 23 июня. С. 5.
- ⁶⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 106.
- ⁶⁷ ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 49, л. 49.
- ⁶⁸ Кокцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Paris, 1933. С. 445–462.
- ⁶⁹ Проводимые ЧК расстрелы были в это время в Москве совершенно обычным явлением. Имена казненных публиковались в прессе. Так, 11–12 июля были расстреляны 10 бывших офицеров, обвиненных в принадлежности к Союзу спасения Родины и революции. Спустя 5 дней ВЧК расстреляла 23 уголовных преступника (Новые ведомости (вечерний выпуск). 1918. 13 июля. С. 1; 18 июля. С. 5).
- ⁷⁰ ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 31, л. 57.
- ⁷¹ Сборник декретов и постановлений... Вып. 1. Ч. 1. С. 123.
- ⁷² Архив управления ФСБ по Санкт-Петербургу, № 8, т. 1, л. 8.
- ⁷³ Такова официальная цифра, опубликованная в «Известиях» (цит. по: Газета копеека. 1918. 16 июля. С. 3).
- ⁷⁴ ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 4, д. 814, л. 208.
- ⁷⁵ Эта мощная волна арестов ярко описана в мемуарах эмигрантов. См., напр.: Кокцов В.Н. Указ. соч. С. 463. Кокцов, в частности, писал, что «перед 21 июля все было относительно терпимо, но начиная с этого дня повсюду начались массовые аресты... Каждый день я слышал, что схватили того или иного из моих знакомых».
- ⁷⁶ ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 51, л. 114. См. также написанный от руки постскрипtum к этому письму. Статус Пальчинского как заложника был подтвержден во время «красного террора», 3 октября 1918 г. В то время альтернативой ему был, пожалуй, только расстрел (Архив управления ФСБ по Санкт-Петербургу, д. 16005, л. 5).
- ⁷⁷ Это дело, по которому вводит в научный оборот все больше источников, возникло в результате неудавшегося заговора агентов стран-союзников, объединившихся в Москве и Петрограде с контрреволюционными группировками с целью свержения Советского правительства, намеченного на сентябрь 1918 г.
- ⁷⁸ Северная коммуна (вечерний выпуск). 1918. 2 августа. С. 3.
- ⁷⁹ Сборник декретов и постановлений... Вып. 1. Ч. 1. С. 132.
- ⁸⁰ Уралов С.Г. Указ. соч. С. 116.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² См.: Красная газета. 1918. 22 августа. С. 1.
- ⁸³ Стенографический отчет о работах пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии. Пг., 1918. С. 112.
- ⁸⁴ Северная коммуна (вечерний выпуск). 1918. 29 августа. С. 2.
- ⁸⁵ ЦА ФСБ РФ, № 196, т. 1–11.
- ⁸⁶ Личность Каннегисера описана хорошо знавшим его Марком Алдановым, см.: Алданов М. Картины Октябрьской революции, исторические портреты, портреты современников, загадка Толстого. СПб., 1999. С. 124–131, 140–144.
- ⁸⁷ Это подтверждает и Алданов. Он вспоминал, что весной 1918 г. в ответ на подписание Брестского мира Каннегисер занялся дилетантской заговорщической деятельностью, целью которой провозглашалось свержение большевистского правительства (там же. С. 129–130).
- ⁸⁸ ЦА ФСБ РФ, № 196, т. 1, л. 45–49.
- ⁸⁹ Алданов М. Указ. соч. С. 129, 141.
- ⁹⁰ ЦА ФСБ РФ, № 196, т. 1, л. 3–6. В ноябре 1919 г. следователь ПЧК безуспешно пытался возобновить дело Урицкого. По его мнению, тот факт, что друзья и родственники убийцы не были расстреляны, ясно указывал на неправильное ведение дела. Вторую (и тоже безуспешную) попытку пересмотреть итоги следствия раздраженные чекисты предприняли в 1920 г. (там же, л. 12–18).
- ⁹¹ Уралов С.Г. Указ. соч. С. 116.
- ⁹² Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 154–155; е е же. Воспоминания. М., 1969. С. 161. Как пишут авторы биографии Г.И. Бокия, возглавившего ПЧК после смерти Урицкого, Зиновьев и в середине сентября выступал за всеобщее вооружение петроградских рабочих и за предоставление им права использовать «суд Линча» против классовых врагов (Алексеева Т., Матвеев Н. Доверено защищать революцию (о Г.И. Бокии). М., 1987. С. 218–219).
- ⁹³ Петроградская правда. 1918. 6 сентября. С. 2.
- ⁹⁴ Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. № 6. 1918. 27 октября. С. 19.

СТАЛИН И РОМАН ЛЬВА ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

Среди книг, хранящихся ныне в архиве Сталина, обращает на себя внимание экземпляр толстовского романа «Воскресение», выпущенного в 1935 г. издательством «ACADEMIA» с рисунками Л.О. Пастернака. В верхнем правом углу титульного листа этой книги красным карандашом нарисована рамка, а в ней – надпись почерком, похожим на руку генсека: «Св. Ст.» (Светлана Сталина). Возможно, он обращал внимание дочери на эту книгу или предполагал ее подарить Светлане. Но в 1935 г. дочери исполнилось лишь 10 лет – слишком юный возраст для восприятия философского романа Толстого. Скорее всего эта надпись, как и другие пометы красным карандашом, была сделана значительно позже. Сначала мне показалось, что эти пометы принадлежат самой повзрослевшей Светлане Аллилуевой, но другие пометы и надписи простым карандашом, без сомнения, сделаны почерком Сталина. Отсюда следует, что начиная с 1935 г. эту книгу внимательно прочитали дважды с карандашом в руках.

Многие мемуаристы упоминают произведения Толстого, якобы входившие в круг чтения будущего вождя еще до 1917 г. Но в дореволюционном публицистическом наследии Кобы я не обнаружил следов его серьезного знакомства с классиками русской художественной литературы. Зато после революции и особенно в период между серединой 1920-х и концом 1930-х гг. Сталин читал и перечитывал многие выдающиеся художественные произведения. О том, как плохо дети знают внутреннюю и интеллектуальную жизнь своих родителей, лишний раз говорит такой факт: спустя много лет после смерти отца Светлана Аллилуева заявила, что «в искусстве, кроме чистой пропаганды, отца больше всего привлекали как жанр сатира, юмор... Отец не любил поэтического и глубоко-психологического искусства. Я никогда не видела, чтобы он читал стихи... Не видела на его столе Толстого или Тургенева»¹. Утверждение о знакомстве Сталина с творчеством Толстого кажется странным, если учесть сталинскую надпись на книге: «Св. Ст.» Следовательно, и пометы красным карандашом принадлежат не ей, а отцу, и эту книгу дочь никогда не видела. Наибольшее количество книг русских и зарубежных классиков Сталин прочитал перед Второй мировой войной, когда дочь была еще очень юной и поэтому не способна была оценить интеллектуальную сторону жизни отца.

Фигура Толстого издавна интересовала видных большевиков. Дело не только в том, что он был крупнейшим писателем и мыслителем эпохи, но и в том, что в отличие, скажем, от Ф.М. Достоевского Толстой более терпимо относился к социалистическим идеям в целом и до 1905 г. – к революционному движению. Толстой видел истоки социалистических идей в евангельском христианстве и создал ряд образов добросовестно заблуждающихся революционеров-страстотерпцев. Вместе с тем антигосударственная, антицаристская и антиклерикальная направленность проповеди Толстого была внутренне близка большинству революционеров. Ленин, как известно, сочувственно откликнулся на смерть писателя в 1910 г. Сталин не мог не читать хотя бы отдельные публицистические произведения Толстого, широко печатавшиеся до революции в газетах. Наверняка он знал и какие-то его художественные произведения, о чем свидетельствуют однокашники Кобы по семинарии. Ведь «Воскресение» сначала публиковалось частями в популярном журнале «Нива» и в различных газетах. До революции вышло около 40 изданий этого романа, впрочем, сильно исковерканных цензурой. Но, скорее всего, Сталин прочитал роман только в середине 1930-х гг., в том самом «академическом» издании, которое сейчас находится в его архиве.

Очевидно, роман вызвал сильный отзвук в душе Сталина и побудил его к серьезным раздумьям, воскресив воспоминания о годах ссылки, тюрем, этапов. Вместе с тем неко-

* Илизаров Борис Семенович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

торые строчки романа не только высвечивали картины прошлого, а делали как бы прозрачными, просветляли собственные смутные мысли Сталина по важнейшим жизненным, политическим и философским вопросам. Не все, конечно, он воспринимал в романе всерьез, что-то вызывало у него насмешку. Что ж, ведь и Ленин, говоря с уважением о Толстом «как зеркале русской революции», иронизировал над его любовью к «рисовым котлеткам», «революционной мягкотелостью» и дряблым «непротивлением злу насилием». Ленин писал: «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества...»²

Читая роман, Сталин трижды расхохотался и каждый раз по самым существенным пунктам толстовской этики. Первый раз, пробегая глазами знаменитое начало романа, где описывается весна в городе, а по существу противопоставляется животворящая естественная природа каменному индустриальному противоестеству городской цивилизации. Именно в этом месте, жирно отмеченном на полях сталинским карандашом раскатиристо-крупными буквами: «ХА-ХА-Ха», находится ключевая для философии Толстого фраза, подчеркнутая Сталиным на полях*: «*Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно в это весеннее утро не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом*»³.

Второй взрыв смеха вызвал пассаж Толстого в конце заключительной части романа. Там описывается, как князя Нехлюдова (главного героя романа, прошедшего рядом с Катюшей Масловой, как по крестному пути в Иерусалиме, по царским этапам и тюрьмам), вдруг озаряет понимание способа спасения от огосударственного зла. Остро заточенным простым карандашом Сталин подчеркнул текст, а сбоку на полях приписал: «ХА-Ха» по такому поводу: «И с Нехлюдовым случилось то, что часто случается с людьми, живущими духовной жизнью. Случилось то, что мысль, представлявшаяся ему сначала как странность, как парадокс, даже как шутка, все чаще и чаще находя себе подтверждение в жизни, вдруг предстала ему как самая простая, несомненная истина. Так выяснилась ему теперь мысль о том, *что единственное и несомненное средство спасения от того ужасного зла, от которого страдают люди, состояло только в том, чтобы люди признавали себя всегда виноватыми перед Богом и потому неспособными ни наказывать, ни исправлять других людей*. Ему ясно стало теперь, что все то страшное зло, которого он был свидетелем в тюрьмах и острогах, и спокойная самоуверенность тех, которые производили это зло, произошло только оттого, что люди хотели делать невозможное дело: будучи злы, исправлять зло. Порочные люди хотели исправлять порочных людей...» (406).

Сарказм Сталина понятен. Скорее всего ход его мысли был такой: все это «пустяки» (любимое словечко), прекраснородушная болтовня. Надо быть «практиком» на своей земле, дело надо делать. «Лес рубят, – щепки летят», новое всегда строят с помощью топора, даже «царство Божие на земле». Не случайно в третий раз он рассмеялся, когда Толстой процитировал мысли Нехлюдова, раз за разом перечитывавшего «Нагорную проповедь» Христа, устанавливавшую, как считал Толстой, «совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожилось все то насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо – царство Божие на земле» (407).

Характер этих и других помет позволяет выявить те проблемы, которые больше всего его волновали, и вопросы, на которые он в эти, задымившиеся по его инициативе большой кровью годы искал в романе ответы.

Народ. Сталин не мог пройти мимо толстовского образа-видения, врезающегося в память навечно: «*Из всего того, что видел нынче Неклюдов (в тюрьме. – Б.И.), самым*

* Здесь и далее сталинские подчеркивания на полях выделены курсивом, а строки, подчеркнутые им же, – полужирным.

ужасным ему показался мальчик, спавший на жиже, вытекавшей из парахи, положив голову на ногу арестанта» (378).

Так, не увлажняя ханжески глаз, Толстой-Нехлюдов увидел разом и прошлое, и будущее своего народа. Но главным, что отслеживал Сталин в этой теме, был мотив вины и покаяния перед обиженным народом. В разгар дискуссии политзаключенных о том, можно ли силой навязывать людям пути их освобождения от рабства, Нехлюдов задает вопрос молчавшей Катюше Масловой о том, что она, бывшая проститутка, думает о народе: *«Я думаю, обижен простой народ, – сказала она, вся вспыхнув, – очень уж обижен простой народ» (368).* Обижен же он тем, что живет в тяжелейших, почти скотских условиях, лишенный средств пропитания, т.е. земли и самого необходимого. Нехлюдов-Толстой с нарастающим удивлением как бы заново разглядывает крестьянский быт, хотя сам был потомственным помещиком и крепостником: *«А что вы обедать будете?» – “Что обедать? Пищца наша хорошая. Первая перемена хлеб с квасом, а другая – квас с хлебом», – сказала старуха, оскаливая свои съеденные до половины зубы. – “Нет, без шуток, покажите мне, что вы будете кушать нынче”. – “Кушать? – смеясь, сказал старик... – Покажи ему, старуха”. Барин поспешил уйти: “Ну, прощайте”, – сказал Нехлюдов, чувствуя неловкость и стыд, в причине которых он не давал себе отчета» (199).*

Фразу о чувстве стыда Сталин отметил на полях простым карандашом. Так же выделил он и другую, близкую по смыслу мысль Толстого. Из моральных соображений Нехлюдов продал свою землю крестьянам по дешевке, но не испытал удовлетворения от содеянного: *«Чем он был недоволен, он не знал, но ему все время чего-то было грустно и чего-то стыдно» (194).* Стыд не оставил Нехлюдова даже тогда, когда он решил отдать оставшуюся землю крестьянам бесплатно. Но *«мужики молчали, и в выражении их лиц не произошло никакого изменения», – подмечает Сталин вслед за Нехлюдовым (207).*

Роман «Воскресение» – это по-толстовски вообразенное покаяние. И первым, перед кем кается Толстой-Нехлюдов, стал «народ», представший пред ним в облике крестьянства. Сталин перед народом не каялся. Но ему было важно то, что чувство стыда в романе Толстого испытывал помещик, «частник», собственник земли. Значит, и крестьянин как «собственник» также не имеет морального права на землю, хотя, в отличие от моралиста и интеллигента Нехлюдова, никакого чувства стыда не испытывает. Сталин неплохо понимал крестьянскую психологию и поэтому не проявлял по отношению к народу никакого пиетета, хотя пропаганда твердила обратное. Ни в юности, ни позже Сталин не имел прямого отношения к земледельческому труду (как и к любому другому), но он сам был потомком крестьян, долго жил среди них в ссылках, до революции постоянно встречался с выходцами из деревни в индустриальных городах Закавказья. Он любил, когда со стороны в нем подмечали черты крестьянской хитрованности. Думаю, не без подсказки «крестьянскую» основательность подметили в нем и А. Барбюс, и Л. Фейхтвангер, и другие «иконописцы» прижизненного сталинского образа. В художественных фильмах Сталин часто изображался с лопатой в руке, окапывающим розы и плодовые деревья. И в жизни он иногда любил демонстрировать гостям свою любовь к «сельхозработам» в оранжерее и на дачном участке. Но крестьянский народ он содержал в своем государстве, как новый «всесоюзный барин»: государственная барщина, государственный оброк, солдатчина, беспаспортное крепостное состояние.

Самодовольство аристократии. Как известно, Нехлюдов в романе Толстого медленно и с трудом освобождается от моральной нечистоты своего класса. Долгий путь к «воскресению» сопровождается рецидивами, возвращениями в привычный мир довольства, уюта, культуры. Именно на описаниях этих барственных рецидивов задержалось внимание Сталина. Нехлюдов после мытарств с этапниками по тюрьмам и дорогам Сибири и «долгого лишения не только роскоши, но и самых первобытных удобств» приходит на прием в сановный дом: *«Эта тонкая лесть (хозяйки. – Б.И.) и вся изящно-роскошная обстановка жизни в доме генерала сделали то, что Нехлюдов весь от-*

дался удовольствию красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и понятности отношений с благовоспитанными людьми своего привычного круга, как будто все то, среди чего он жил в последнее время, был сон, от которого он проснулся к настоящей действительности» (393). И далее у Толстого читаем: «И Нехлюдов, после хорошего обеда, вина, за кофею, на мягком кресле, среди ласковых и благовоспитанных людей, становилось все более и более приятно. Когда же хозяйка, по просьбе англичанина, вместе с бывшим директором департамента сели за фортепиано и заиграли хорошо разученную ими 5-ю симфонию Бетховена, Нехлюдов почувствовал давно не испытанное им душевное состояние полного довольства собой, точно как будто он теперь только узнал, какой он был хороший человек» (395).

Сталину второй половины 1930-х гг. тоже были знакомы подобные чувства «довольства собой» и открытия самого себя в обстановке пиров и застолий как «хорошего человека». С годами его все больше тянуло к суррогатам великосветских раутов и «интеллигентских» вечеров с пианино, на котором играл Жданов, с певцами, артистами и т.п. аксесуарами. Но в отличие от Нехлюдова, он не возвращался в привычную среду веками обустроенной жизни, с ним все было наоборот – он был вырван силою обстоятельств из нищеты, ссылок и опасностей и вознесен на вершину людской пирамиды так, как ни графу Толстому, ни князю Нехлюдову и не снилось. Не отставали от него и другие крупные советские сановники. Впрочем, и опасностей там, «наверху» было много больше.

Внимание Сталина задержалось еще на одном из образов благополучного класса людей. Это был Сквородников – один из тех чиновников, кто принял решение оставить без изменения «из нравственных» соображений несправедливый приговор Катерине Масловой: «Сквородников был материалист, дарвинист и считал всякие проявления отвлеченной нравственности или, еще хуже, религиозности не только презренным безумием, но и личным себе оскорблением» (258). Сквородникову была противна не столько Маслова, сколько сама ситуация – «возня с этой проституткой», желание Нехлюдова жениться на ней. Судя по тексту Толстого, быть материалистом и дарвинистом, испытывать неприязнь к «отвлеченной нравственности» могли не только революционеры и большевики, но и представители «эксплуататорских классов». Сталин взял эту мысль на заметку, но обратил ли он внимание на то, что человек, придерживающийся таких «прогрессивных» взглядов, без всякого зазрения совести, походя совершает подлость?

Карандаш Сталина отметил и художественную характеристику нового класса людей, который был представлен молодым купцом-золотопромышленником, являвшим собой «совершенно новый и хороший тип образованного прививка европейской культуры на здоровом мужицком дичке» (393).

Формула нравственности революционера. Продолжая традиции классического европейского романа XIX в., Толстой каждой фигуре придавал не только живой человеческий облик, но еще и нагружал ее (иногда сверх нормы) признаками типического. Так, Нехлюдов символизировал мечущуюся, умную душу человека, стремящуюся к воскресению. Катюша Маслова – наивная, поруганная, любящая душа, выбирающаяся из гнилого болота на твердую почву нравственного существования. Дети, рожденные распутной матерью Катерины, формальным образом крещенные и тут же сознательно брошенные ею на голодную смерть – символы родины и ее народа. Образы революционеров в «Воскресении» все вместе и каждый в отдельности символизируют некие фундаментальные, как представляется Толстому, черты типичных революционеров. При тяге Сталина к каноническим формам умозаключений он не мог пройти мимо обобщающих наблюдений Толстого, характеризующих духовный мир революционеров. Но обратим внимание на то, как Сталин трансформирует размышления писателя.

По наблюдению Толстого-Нехлюдова, было три рода революционеров: искренне борющиеся с существующим злом, эгоистичные и тщеславные люди, и, наконец, большинство – любители риска, авантюрной игры своей судьбой и жизнью. Все они отличались тем, «что требования нравственности среди них были выше тех, которые были

приняты в кругу обыкновенных людей. Среди них считались обязательными не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но и готовность жертвовать всем, даже своею жизнью, для общего дела». Очевидна непоследовательность Толстого, зачислившего в круг высоконравственных людей и тех, кто пошел в революцию из эгоизма и тщеславия. Но не будем сбрасывать со счетов, что любое сложное явление не может быть рассмотрено формально непротиворечиво. Ведь именно клубки противоречий являются сутью очень сложных явлений.

Вслед за только что процитированным текстом Сталин подчеркнул часть следующей фразы: **«И поэтому те из этих людей, которые были выше среднего уровня, были гораздо выше его, представляли из себя образец редкой нравственной высоты; те же, которые были ниже среднего уровня, были гораздо ниже его, представляли из себя часто людей среднего уровня, притворяющихся и вместе с тем самоуверенных и гордых»** (346).

Внимание Сталина сфокусировано на первой части фразы, на том, как Толстой характеризует разряд революционеров высокой нравственности. Но оно ослабевает там, где речь идет о противоположном полюсе. Пока Толстой предложил всего лишь общую теорию определения уровня нравственности. Но вот он понуждает своего героя применить ее на практике, и Нехлюдов на примере одного из революционеров делает следующее наблюдение: *«Умственные силы этого человека – его числитель – были большие; но мнение его о себе – его знаменатель – было несоизмеримо огромное и давно уже переросло его умственные силы»*. И здесь же Сталин на полях слева тоненько приписал собственноручно выведенную формулу: $\langle \frac{Ум}{Самомнение} \rangle$ (368).

Толстой так увлек здесь Сталина, что недавний революционер и нынешний вождь проследил эту линию романа до самого конца. Один из героев романа встал на путь борьбы из тщеславия, из желания первенствовать. «Сначала, – пишет Толстой, а Сталин подчеркивает, – **благодаря своей способности усваивать чужие мысли и точно передавать их, он в период учения, в среде учащихся и учащихся... имел первенство, и он был удовлетворен»**. Когда же он перестал учиться и усваивать чужие мысли, то потерял это первенство. И, чтобы его вернуть, переменял взгляды, «стал красным» и занял положение руководителя партии. «Раз выбрав направление, – читает Сталин далее с карандашом в руке, – он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался. Все ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомненно... Самоуверенность его была так велика, что она могла только отталкивать от себя людей или подчинить себе. А так как деятельность его происходила среди очень молодых людей, принимавших его безграничную самоуверенность за глубокомыслие и мудрость, то большинство подчинялось ему, и он имел большой успех в революционных кругах. Деятельность его состояла в подготовке к восстанию, в котором он должен был захватить власть и созвать Собор... Товарищи уважали его за его смелость и решительность, но не любили. Он же никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если бы мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. **Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним»** (369).

Трудно поверить в то, что Сталин вдруг увидел собственное отражение в толстовском зеркале. Еще Достоевский в «Идиоте» устами Ганечки заявил, что лучше чело- века обвинить в каких угодно смертных грехах и преступлениях, считать его отпетым негодяем, чем заподозрить в нем отсутствие хоть каких-то талантов и способностей. Признать это – все равно, что добровольно самоубийствоваться. Чувство самосохранения распространяется не только на нежную человеческую плоть, как бы она ни была безобразна, но и на душу, и на интеллект, как бы они ни были ущербны. Даже если человек знает, что он неумен, уродлив и нечестен, он будет убеждать других и еще больше себя в обратном. Но так же, как тело иногда невозможно сохранить без серьезного хирургического вмешательства, так и душа требует, чтобы и ее хоть иногда очищали от скверны... Поэтому не исключено, что Сталин все-таки позволил себе самокритич-

но посмотреть на свое отражение в зеркале, неожиданно поставленном перед ним великим писателем? Обратим внимание и на ту часть процитированного текста Толстого, где он сравнивает своего революционного вождя со старым самцом-обезьяной, вырывающим «все способности» у молодых особей, только бы они не мешали проявлению его собственных способностей. В своей текущей кадровой политике Сталин точно придерживался этого рецепта. Толстой объяснял стареющему вождю смысл психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и метод борьбы за либидо в обезьяно-человеческом стаде.

Женщина. Все романы Толстого населены множеством женских образов. А в «Анне Карениной» и в «Воскресении» женщины – главные героини. В первом случае это аристократка, бегущая от серых буден и возмечтавшая о свободной любви, во втором – проститутка, стремящаяся к обыденному человеческому счастью. В традициях русского классического романа, которым следовали и Толстой, и Достоевский, и большинство известных отечественных писателей XIX–XX вв., проститутка, или «падшая женщина», женщина «легкого поведения», «содержанка», «соблазненная и покинутая» и т.д. – существо страдательное, жертва злой воли, житейских или социальных обстоятельств. Культивирование страдательного образа проститутки в российском общественном сознании было связано, с одной стороны, с христианской традицией, с образом Марии Магдалины, одной из первых поверившей в божественность Христа, раскаявшейся и потому причисленной к сонму святых дев. С другой же стороны, оно связано с реалиями крепостной и особенно посткрепостной России, когда женщины низших сословий становились в барских усадьбах и городских особняках жертвами сексуального насилия и соблазна, а главное – жертвами обнищания городского и сельского населения. Судя по распространенности этого сюжета, история соблазненной бариним воспитанницы, гувернантки или молодой горничной была довольно типична, и так же типично было декларируемое писателями сочувствие к ним. Но, пожалуй, только Толстой спроектировал городской проститутке не крестный путь по мукам на манер Достоевского с параллельным духовным возрождением через сострадание к ближнему, а проложил ей через каторжный этап рядом с близким человеком дорогу в революцию. Не знаю, стала ли хоть одна представительница древнейшей профессии профессиональной революционеркой и встречал ли Коба на своем революционном пути таких женщин. Но Катерина Маслова, на мой взгляд, довольно блекло описанная 70-летним графом, почти не привлекла к себе внимания Сталина. Только на одной странице романа дважды зацепился его карандаш за текст. Ближе к концу этапа, когда все отчетливее проявляются признаки морального выздоровления и Нехлюдова, и его жертвы – Масловой, и когда для нее открывается перспектива новой духовной жизни, и сама она начинает высоко оцениваться праведными женами-революционерками, Сталин небрежной кривой чертой отметил на полях диалог Нехлюдова и одного из революционеров: *«Что же я могу сказать? – сказал Нехлюдов. – Я рад, что она нашла такого покровителя, как вы... – Вот это-то мне и нужно было знать, – продолжал Симонсон. – Я желал знать, любя ее, желая ей блага, нашли ли бы вы благом ее брак со мной? – О да, – решительно сказал Нехлюдов. – Все дело в ней, мне ведь нужно только, чтобы эта пострадавшая душа отдохнула, – сказал Симонсон...»* (373).

Диагноз духовного и нравственного воскресения Масловой, поставленный влюбленным Симонсоном, вызывает интуитивное недоверие, что почувствовали, видимо, не только Нехлюдов, но и Толстой, и Сталин. Поэтому писатель заставляет Марию Павловну – идеал девственной женской нравственности в романе – подтвердить диагноз: «Она? – Марья Павловна остановилась, очевидно, желая как можно точнее ответить на вопрос. – Она? Видите ли, она, **несмотря на ее прошедшее, по природе одна из самых нравственных натур...** и так тонко чувствует...» (373). Перед нами сугубо мужское умозаключение, вложенное Толстым в уста женщины. Вряд ли хоть одна «добропорядочная» женщина позволит себе простить другой женщине полноту испытанной ею сексуальной свободы, а затем признать ее нравственной, т.е. равной себе. Иное дело мужчина. Не случайно все прогрессистские социальные теории, авторами которых

выступают, как правило, мужчины, исходят из чисто мужского оптимизма – прошлое человека и человечества, как бы оно ни было греховно и безнравственно, преодолимо, и возрождение всегда возможно. Для Сталина толстовская мысль, видимо, оказалась понятной и близкой.

В то же время мы помним, как еще Светлана Аллилуева отмечала, что Сталин публично выступал за равноправие женщин, но в жизни не любил женщин самостоятельных, считал их по большей части существами недалекими, а в семье был сторонником патриархальных отношений между супругами. Поэтому не удивляет то, что Сталин отчеркнул на полях и такой пассаж: *«Хотя он принципиально и был за женский вопрос, но в глубине души считал всех женщин глупыми и ничтожными, за исключением тех, в которых часто бывал сентиментально влюблен так, как теперь был влюблен в Грابع, и тогда считал их необычайными женщинами, достоинства которых умел заметить только он»* (370).

Что бы ни твердили сторонники равноправия полов, в человеческом обществе господствуют вечные мужские идеалы женщин. И дело здесь не в мужском шовинизме, а в тысячелетиями выработанных представлениях о человеческом счастье, которое достигается в момент наиболее полного слияния «Его» и «Ее». Этот момент, это почти полное единство двоих способна выстроить именно женщина, а не мужчина. Поиски такого единства гонят наиболее активных мужчин от одной женщины к другой. Мужская мечта об абсолютной совместности, изложенная Толстым, была замеченной Сталиным: *«Но, раз полюбив и выйдя замуж за самого, по ее убеждениям, хорошего и умного человека на свете, она, естественно, понимала жизнь и цель ее точно так же, как понимал ее самый лучший и умный человек на свете... И ей казалось, что она действительно так думает и чувствует, но, в сущности, она думала только то, что все то, что думает муж, то истинная правда, и искала только одного – полного согласия, слияния с душой мужа, что одно давало ее нравственное удовлетворение»* (366).

Мужская нравственная утопия была, вероятно, близка и Сталину, который, конечно же, изменял жене, но в мечтах не прочь был иметь при себе верную женину душу. Она же выстрелом в висок убила ее или – отпустила на волю.

Тюрьма как сущность Российского государства. Не может быть никаких сомнений, что, отправляя на каторгу и на расстрел миллионы людей, Сталин делал это в здравом уме, расчетливо, холодно и заранее взвешивая все последствия. Ужесточая из года в год советский тюремный и лагерный режимы, он, конечно, помнил начальную точку отсчета – уровень жестокости царской тюрьмы и каторги. Советские тюрьмы по этому показателю на порядок превосходили царские. Это по крайней мере доказывает, что Сталин не испытывал ни малейшего сочувствия к тем новым страдальцам, которых часто знал лично. Считается, что закоренелый убийца и садист – это человек лишенный воображения, а потому и сострадания, не способный представить себя в роли жертвы и перенести на себя чужие боли и страхи. Сталин же сам побывал в роли жертвы репрессивной государственной машины. Правда, жертвы, заслуженно, с точки зрения того, дореволюционного государства, понесшей наказание. Ведь он с товарищами делал все, что было им по силам, чтобы это государство разрушить.

Проведя в тюрьмах и ссылках в общей сложности более 7 лет, Сталин наверняка встречал невинно осужденных людей, которых на российской каторге всегда было с избытком. В России, как и во все времена, это были жертвы судебных ошибок, злой воли какого-нибудь негодяя или рокового стечения обстоятельств. Неизвестно, сочувствовал ли он этим людям в Сибири или когда встречался с ними в камерах царских тюрем. Но то, что он особенно злобно ненавидел невинно осужденных его судьями, – общеизвестно. Как утверждает дочь, ненавидя, он просто вычеркивал людей из своего сознания. Я не думаю, что Сталин был способен волевым усилием действительно забывать имена или лица убиенных и замученных по его вине. Похоже, что на это вообще не способен никто.

Толстой в дневнике за 1905 г. записал: «Я получил радость или оскорбление. В настоящем нет ни радости, ни оскорбления, оно начинает действовать только в воспоминании. Из бесчисленного количества впечатлений, которые я получал, я очень многие забыл, но они оставили следы в моем духовном существе. Мое духовное существо образовано из них...»⁴ Душа-индивидуальность соткана из огромного количества впечатлений, над которыми мы не властны, пока их оценивает совесть, участвующая в каждом нашем поступке. Но по мере огрубления, а затем и омертвления души совесть подменяется расчетом. Именно это происходило с душой Сталина. Он был расчетлив и поэтому способен переводить того или иного человека из той части своего сознания, где располагались эмоции со знаком плюс и люди, к которым он испытывал временное расположение и доверие, в ту часть, где сосредоточились эмоции со знаком минус и люди, к которым он испытывал неприязнь и страх. Поскольку этот процесс не был спонтанным, как у большинства людей, а рационально регулировался рассудком, то при необходимости он легко переводил и мертвых, и живых людей из одной символической «камеры» своего сознания в другую. Вспомним хотя бы историю с К.К. Рокоссовским и другими военачальниками, которых он накануне войны после пыток вернул из ГУЛАГа⁵. Подлые законы, незаконные постановления и инструкции, расстрельные списки, подписанные им и его соратниками, опубликованная статистика жертв «Лубянки», воспоминания и другие документы – все это свидетельствует о том, что звание генералиссимуса ему в первую очередь следовало бы присвоить за беспрецедентное в истории истребление невинных людей, а затем уж за победу над Германией. Но есть ли доказательства, что все свои злодеяния он совершал, находясь в здравом уме? Да, они есть, и они бесспорны.

Древнейшая историческая традиция пытается объяснить жестокости, творимые тиранами, психическими отклонениями, спровоцированными обладанием безмерной властью. В этом наблюдении есть очень много правды. И действительно, даже в демократических системах новый государственный лидер проходит через ряд промежуточных ступеней определенную адаптацию к власти. Когда же этого по каким-либо причинам не происходит, может начаться процесс формирования авторитарной личности даже в рамках демократии. А в системах изначально авторитарных (в том числе и монархических) времени на адаптацию к власти нового правителя может практически вообще не быть. И тогда велика вероятность рождения кровожадного монстра из человека, который до обретения власти не казался общественно опасным и вел себя как обычный представитель своего круга. Несмотря на то, что вхождение Сталина во власть, как и у всех большевистских лидеров, было с психологической точки зрения стремительным и по существу явилось как бы одномоментным переходом из глубин стесненного подполья в разреженную атмосферу властной верховной свободы, Сталин все-таки был в какой-то степени адаптирован к ней. В период Гражданской войны он, недавний сиделец станка Курейка, занимал крупные партийные и государственные должности, распоряжался судьбами и жизнями тысяч людей. В эти и в последующие несколько лет он по уровню жестокости мало чем отличался от других лидеров советского государства. Но когда Коба пришел к единоличной власти, все стало решительно меняться.

Загадку рождения жестокого диктатора из обычного человека решают двумя способами. О первом я уже говорил: объявляют, что данный субъект изначально был неадекватен и поэтому в благоприятной среде до предела развиваются его садистские наклонности. Во втором случае обвиняют окружение – трусливое, льстивое и продажное, которое, потакая человеческим слабостям лидера, формирует из незаурядной личности человека-волака. К Сталину применялись оба объяснения, но мне кажется, что они к нему совершенно не подходят.

Сталин, читающий роман Толстого в конце страшных 1930-х гг., наедине с книгой и ее персонажами был не чужд сопереживания и сострадания. Но это сострадание относилось не к людям из крови и плоти, а к литературным героям. В этот момент в нем оживали воспоминания, а с ними и его подлинная душа. Это был все тот же недавний семинарист, а теперь революционер Коба, правда уже постаревший и умудренный жи-

тейским опытом, но не утративший отзывчивости и даже сентиментальности. Сцены тюремной жизни, мастерски описанные Толстым, были узнаваемы и вызывали живейший отклик. Сталин наверняка всю жизнь помнил, как испугался тюрьмы, когда был арестован в первый раз, и о том, как впоследствии, пообвыкнув, воспринимал тюрьму и этап уже как обыденность. Для Катерины Масловой переход от «развратной, роскошной и изнеженной» жизни на воле к жизни в остроге сначала с уголовниками, а затем с политическими, несмотря на тяжесть условий, не казался чем-то ужасным. Скорее даже эта новая жизнь была хорошей, так как приносила моральное удовлетворение. Сталин отчеркнул красным карандашом: *«Вот плакала, что меня присудили, – говорила она. – Да я век должна Бога благодарить. То узнала, чего во всю жизнь не узнала бы»* (339).

Каким-то странным образом тюрьма, описываемая Толстым, превращается не просто в место мучительства и страдания виновных и невинных, а чуть ли не в место особой святости, где бытовые грешники, встречаясь с идейными праведниками, приобретаются к ним. Известно, что в царских тюрьмах такое иногда происходило. В те времена уголовный мир испытывал некоторые уважение к миру политзаключенных, так как и власти, и тюремщики содержали последних в чуть более благоприятных бытовых и моральных условиях. Поэтому Сталин со знанием дела лишал советские тюрьмы малейшего ореола святости, административно возвышая в лагерной иерархии уголовников («социально близкий элемент») над «политическими». «Политические» зеки сталинского времени из полусвятых страдальцев за народ периода царизма превращались официальной пропагандой и условиями заключения в самых «опущенных» и затравленных «врагов народа».

Как рассказывает Толстой, Катюша видела, что люди, окружавшие ее теперь, были много лучше и чище людей, которых она встречала на воле. Упомянутая уже Марья Павловна, как и сама Маслова, страдала невинно, взяв на себя чужую вину, и теперь «была озабочена только тем, как бы помочь кому-нибудь в большом и малом. Один из теперешних товарищей ее, ...шутя, говорил про нее, что она предается спорту **благотворения**» (340). Красный карандаш Сталина по привычке зацепился за необычное выражение – «спорт благотворения».

Очищающее воздействие тюремной атмосферы испытывает по воле Толстого не только Катерина Маслова, но и Нехлюдов. Еще при первом чтении Сталин простым карандашом отметил: *«О чем бы он ни думал теперь, что бы ни делал, общее настроение его было это чувство жалости и умиления не только к ней, но и ко всем людям. Это чувство как будто раскрыло в душе Нехлюдова поток любви, не находивший прежде исхода, а теперь направлявшийся на всех людей, с которыми он встречался»* (344).

Неужели Сталин мог в эти годы, нет, не чувствовать, а хотя бы размышлять вслед за Толстым о любви, жалости, а главное – об умилении? Но если это не так, то чего ради он фиксирует свою руку, внимание, эмоциональный центр на этой части текста? Может быть, и он через жалость и сопереживание к близкой женщине когда-то испытал описываемую Толстым вселенскую любовь к людям? Толстой утверждает, что на такую любовь способен не каждый. Осмелюсь высказать сомнение: мне кажется, что гениальное воображение художника в очередной раз завело его в манящую перспективу нравственной утопии. Христианская тема любви к людям в догматической и абстрактной форме была знакома Сталину по лекциям и проповедям семинаристских учителей. Но тогда тема любви «к человеку» звучала как прелюдия проповеди любви и служения государству и его символам, включая царя, начальство и тюрьму. Думаю и здесь, в романе он отметил знакомые мотивы, но звучавшие теперь на противоположном фоне морального оправдания революционного движения и гневного осуждения государственной машины, власти и Церкви.

Как и большинство нравоучений, толстовская проповедь сильна именно критикой, отрицанием и осуждением. Его критика государственной власти, которая, как оборотень, под предлогом борьбы с людскими пороками, тысячекратно умножает их, производит неизгладимое впечатление на любого читателя. По Толстому, тюрьма как госу-

дарственный институт наказания за преступления на самом деле выполняет прямо противоположную роль. *«Точно как будто была задача, как наилучшим, наивернейшим способом развратить как можно больше людей, – думал Нехлюдов, вникая в то, что делалось в острогах и этапах. Сотни тысяч людей ежегодно доводились до высшей степени развращения, и, когда они были вполне развращены, их выпускали на волю, для того чтобы они разносили усвоенное ими в тюрьмах развращение среди всего народа»* (379). *«Единственное объяснение всего совершающегося было пресечение, устрашение, исправление и закономерное возмездие, как это писали в книгах. Но в действительности не было никакого подобия ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого. Вместо пресечения было только распространение преступлений. Вместо устрашения было поощрение преступников, из которых многие, как бродяги, добровольно шли в остроги. Вместо исправления было систематическое заражение всеми пороками. Потребность же возмездия не только не смягчалась правительственными наказаниями, но воспитывалась в народе, где ее не было»* (380).

Здесь же, с левой стороны листа, рядом с линией, отчеркивавшей последний процитированный текст, Сталин печатными буквами и тем же простым карандашом написал: *«Л.Т.»* (Лев Толстой). Так он обычно помечал авторский текст, который предполагал использовать в дальнейшем. Именно в эти годы пропаганда твердила о необыкновенных достижениях сталинских «воспитателей» из ОГПУ–НКВД по перековке разного рода преступников в добропорядочных граждан. Напомню, что вообще вся советская страна объявлялась зоной переплавки старого «буржуазного» индивидуалиста в нового «коммунистического», коллективистского человека. Даже серьезные люди на Западе с интересом наблюдали за процессами, происходящими в СССР. З. Фрейд, не веривший в возможность искусственного перестроения психики человека, тем не менее с интересом следил за всем, что происходило в России в этой сфере.

До революции состояние царских тюрем не было тайной ни для своих граждан, ни для иностранцев. Революционный процесс, развернувшийся во второй половине XIX в., привел к тому, что в тюрьмах появилась масса людей из дворянских и разночинных слоев, громко возмущавшихся существовавшими там порядками. В результате европейский мир стал более пристально наблюдать за российскими тюремными нравами, находя их жестокими и варварскими. В романе Толстой выводит двух иностранных миссионеров-проповедников. Один из них, к которому Толстой относится доброжелательно, посещает тюрьму, где оказалась Маслова. Но перед этим он просит разрешения на посещение тюрьмы у знакомого Нехлюдову генерала. Английский миссионер заявляет ему: *«Я предпочитаю посещать тюрьмы вечером, – сказал англичанин, – все дома, и нет приготовлений, а все есть как есть. – А, он хочет видеть во всей прелесть? Пускай видит. Я писал, меня не слушают. Так пускай узнают из иностранной печати, сказал генерал и подошел к обеденному столу, у которого хозяйка указала места гостям»* (394).

Интерес иностранцев к российским мерзостям был не меньшим и в XX в. Но Сталин умело использовал их любопытство, специально приглашая различных знаменитостей, которых окружали особенной заботой, часто элементарно подкупали и водили по «потемкинским» деревням. А потом в печати появлялись их восторженные репортажи и книги о жизни в СССР. Но тюрьмы и лагеря были для иностранцев почти всегда запретной зоной. Поэтому в середине 1930-х гг. были организованы специальные пропагандистские акции: Максим Горький совершил торжественные поездки по Беломорканалу и на Соловки и вопреки очевидным фактам освятил своим международным авторитетом сталинские тюрьмы и каторгу.

Художник может себе позволить логические неувязки, так как именно на стыке, казалось бы, несовместимых противоречий рождается действительно непротиворечивый образ явления. Толстого не смущают противоречия, когда он, с одной стороны, утверждает, что вся тюремно-полицейская система бюрократического государства множит и множит своим насилием людские преступления, ненависть и разврат, а с другой – именно благодаря этому же насилию, но в борьбе с ним, согласно Толстому, идет воз-

рождение и воскресение падших душ. В соответствии с этой логикой получается, что не будь государственного насилия, не было бы возможным и духовное воскресение через страдание. И в то же время людские пороки, искореняемые насилем, поднимают ответную, еще большую волну зла и насилия. Пометы, сделанные красным сталинским карандашом, большей частью относятся к этому глубочайшему в своем противоречии тезису Толстого. Нехлюдов наблюдает, как в колонне, идущей этапом в Сибирь, люди выбиваются из сил, страдают удушьем, подвергаются издевательствам. И охранники, которые не были злодеями, а были самыми обычными людьми, просто старательно исполнявшими свой служебный долг, не испытывали ни малейшего сострадания к заключенным. Скорее наоборот: «Они не сделали этого (не оказали помощи. – *Б.И.*), даже мешали делать это другим только потому, что они видели перед собой не людей и свои обязанности перед ними, а службу и ее требования, которые они ставили выше требований человеческих отношений» (322).

Сталин подчеркнул эти и следующие слова все тем же красным карандашом. На протяжении романа Толстой несколько раз возвращается к образу вымощенной камнями, лишенной растительности земли как символу государства, создающего противоречивые институты насилия над естественной человеческой природой: «То же самое и с людьми (как забитая камнями выемка. – *Б.И.*), – думал Нехлюдов, – *может быть, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства – любви и жалости друг к другу*» (323). И наконец вывод, отчеркнутый Сталиным двумя красными вертикальными чертами на полях: «*Все дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви; но с людьми нельзя обращаться без любви так же, как нельзя обращаться с пчелами без осторожности*» (324).

Примечательно, что тут же за отмеченной фразой о любви к людям идет текст: «Не чувствуешь любви к людям, сиди смиренно..., занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми». Но Сталин этот текст никак не отметил. Похоже, что себя он соотносил с толстовским пасечником, со знанием дела, любовно вычищающим из человеческого улья «трутней», а «народ» (как это полагалось в соответствии с российской интеллигентской традицией) – этих подлинных тружеников, достойных нового царства, он, конечно, любил. У нас всегда и все заявляют о любви к народу и о том, что действуют исключительно во имя его интересов. На любви к народу (а не народа к ним!) настаивала не только интеллигенция (и либеральная, и консервативная), но и царское правительство, и государственная Церковь. И все они в этом не были оригинальны, ибо традиционно в России элементарное уважение к человеку по большей части подменяется «любовью к народу». Такая любовь мало что стоит любящему, так как объект любви не уточняем в своем абстрактном множестве.

Последняя отметка, сделанная Сталиным красным карандашом, относится как раз к толстовскому образу «нового мира» и населяющего его трудового народа: «Да, совсем новый, другой, новый мир, думал Нехлюдов, глядя на эти сухие, мускулистые члены, грубые домодельные одежды и загорелые, ласковые и измученные лица и чувствуя себя со всех сторон окруженным совсем новым людьми с их серьезными интересами, радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни» (311). Почти такими же словами (исключая «домодельную одежду») и с той же интонацией о народе говорили сталинские идеологи, писали литераторы, живописали художники-реалисты и школьные учителя литературы. Этот обобщенно-лучезарный лик «простого народа», как пряничная печатка, перешел по наследству от аристократически мыслящих интеллигентов (и славянофилов, и западников) XIX в. к советским мастерам идеологии. Стараниями не только Льва Толстого, но в еще большей степени других выдающихся российских деятелей разного толка абстрактный «народ» все в большей степени вытеснял собою единого Бога, постепенно перевоплощаясь в национальный символ – «народ-богоносец». В книгах Достоевского этот символ перерос вселенские масшта-

бы. Как для государственных деятелей, так и для революционеров разных мастей борьба во имя «народа» и для блага «народа» стала беспспорным оправданием любого, в том числе и самого гнусного, поступка против человека.

И все же мне до конца так и осталось непонятным, что значила для Сталина вся эта толстовская проповедь любви? Какое практическое значение она для него имела? Или это была своего рода бесплодная тренировка духа, который давно уже не подавал признаков жизни? А может быть, отец просто хотел помочь дочери написать школьное сочинение на тему: «Лев Толстой...» Подобрал для нее цитаты, отмечая их красным карандашом, а потом за государственной суетой забыл их ей передать? Тогда эти тексты всего лишь символизируют отеческую заботу о правильном понимании дочерью классика русской литературы. До ее взросления роль заботливого отца он действительно старался исполнять исправно. И все же это не так. Если мы обратимся к сталинскому анализу творчества Достоевского, то убедимся, что и там одной из тем, волновавших его, была любовь к людям.

Христос. Я все больше убеждаюсь, что втайне Сталин тосковал по христианству. Нет, совсем не так, как, возможно, тоскует по нему мучающаяся неверием душа. И совсем не в том смысле, что он втайне продолжал его исповедовать, вынужденно демонстрируя казенный атеизм. Дело в том, что, несмотря на свою безмерную свободу и власть, он не мог себе позволить все делать и обо всем думать открыто. Ведь даже Господь ограничен хотя бы бесконечным временем и бесконечным пространством. Советский вождь также был ограничен своим историческим временем и своим географическим пространством. Как и обычный человек, он не волен был выбирать их произвольно, а получил исторические условия по наследству. Сначала старый, а затем и новый режимы, каждый на свой манер, успешно освобождались от ограничений, связанных с религиозной моралью. Властителю Сталину досталось уже послереволюционное, т.е. вполне атеистическое, безбожное пространство-время России. И в этом качестве оно его полностью устраивало в публичной жизни, так как не создавало конкурентов ни со стороны Бога, ни со стороны Христа, ни со стороны дьявола. А наедине с собой он был совершенно свободен и нередко позволял себе вновь и вновь поразмышлять над учительским словом Христа. Но одно дело, когда вслушиваешься в его слова в юности, другое – зрелым мужем; одно дело, когда ты готовишься стать профессиональным христианином, т.е. священнослужителем, другое – когда ты стал профессиональным революционером и генеральным секретарем атеистической партии.

У Толстого христианский Бог присутствует на каждой странице романа. Не случайно Ленин назвал его «помещиком, юродствующим во Христе»⁶. Сам Толстой проповедует от имени Христа, отвергая одни способы служения ему и предлагая свои собственные. Антиклерикализм Толстого общеизвестен. Почему и за что его отлучили от Православной церкви и предали анафеме, знал любой его современник, читающий газеты или посещающий храм. Рука Сталина не отреагировала на сцены богослужения в тюремной церкви, на нелепости, связанные, по мнению Толстого, с таинствами евхаристии, т.е. превращения хлеба и вина в тело и кровь Бога. Не отреагировал он и на глубоко прочувствованную Толстым фальшь внешней обрядовости богослужения, не затрагивающего ни чувства, ни разум ни у тех, кто служит, ни у тех, кто им внимает. Наверняка все это было Сталину хорошо знакомо. Но вот Толстой описывает миссионера из Европы господина Вольфу, проповедующего в светских салонах нечто вроде евангелизма. Живая душа Нехлюдова, не принимающая фальши государственной Церкви, еще в большей степени неспособна переварить умильную патоку речей заезжего словоблуда. Немного послушав его, Нехлюдов поспешил покинуть салон, а Сталин отметил: *«Нехлюдову стало так мучительно гадко, что он потихоньку встал и, морщась и сдерживая крик стыда, вышел на цыпочках и пошел в свою комнату»* (244).

Другого проповедника – англичанина, конфессию которого Толстой не считал нужным обозначать, Нехлюдов вынужденно сопровождает на заключительном круге своего сошествия в российскую преисподнюю. В тюрьме среди сцен разложения и наси-

лия, где воздух насыщен миазмами параша, дыханием туберкулезных и тифозных больных, где покойники лежат вперемешку с дровами и тряпьем, англичанин с текстами Евангелия в мешке нелеп и даже смешон. Вместе с Нехлюдовым он становится свидетелем драки в одной из камер и вспоминает вдруг слова Христа об обидчике, которому он запретил мстить, а напротив того, предложил подставить другую щеку. Согласно Толстому, православный люд ничего не знает об этой заповеди Христа и даже насмеяется над ее формулой. На предложение следовать ей Нехлюдов и англичанин слышат в ответ: *«Этак он тебя всего измочалит. – Ну-ка, попробуй, – сказал кто-то сзади и весело засмеялся. Общй неудержимый хохот охватил всю камеру; даже избитый захохотал сквозь свою кровь и сопли. Смеялись и больные»* (401).

Сталин отметил этот отрывок на полях двумя чертами. Проповедь непротивления он никогда не принимал. А не принимающий ее, тем более если он как будто во всем остальном следует евангельским путем, рано или поздно сойдется с Великим Инквизитом. Две тысячи лет христианство терпит моральное фиаско именно потому, что христиане везде и всегда творят насилие в равной мере, как и нехристиане. В этом смысле Толстой ближе всех вернулся к истоку вероучения и именно за это был осмеян и отлучен.

Главнейшую заповедь Христа в России, конечно, не раз слышали и знали ее с рождения, но знали умом, а не сердцем. В этом массовом потоке обрядовости, когда между Богом и человеком стояла огосударствленная иерархия, крайне редко наступало просветление. То же самое произошло и с Нехлюдовым, который в очередной раз, принимаясь самостоятельно читать Евангелие, как-то вдруг, сразу прозрел. Такое может случиться с каждым, кто настойчиво и пылливо вопрошает Учителя из Назарета. Нехлюдов открыл наугад, «как Бог на душу положит», Евангелие от Матфея и начал читать главу XVIII. «Учитель из Тифлиса» внимательно перечитал эту главу и пометил в ней простым карандашом двумя закругленными чертами только третий и тринадцатый стих: *«3. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное (404); ... 13. И если случится найти ее (заблудшую овцу. – Б.И.), то истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти не заблудившихся»* (406).

На этот раз «Учитель из Тифлиса» брал себе на заметку, в свой умственный арсенал фразу, которую он слышал много раз, но которая теперь, в годы его всемогущества приобретала новое звучание. «Будьте как дети», т.е. надо «умалиться» как дитя, которое Христос поставил для примера перед учениками. С каждым годом в сталинской пропаганде, в его публичном лексиконе все чаще звучал призыв «к вере». Требовалось верить то в возможность построения социализма в одной стране, то в скорое построение коммунизма, то в победу на войне, то в победные марши пятилеток и т.д. Но все эти требования веры и призывы к народу означали одно – внушение веры в него, Сталина, ведущего народы за собой. И если Христос призывал взрослого очиститься от сомнений и тем самым стать, подобно ребенку, истинно верующим, то Сталин всю силу этой детской веры людей «в царствие небесное» направил в нужное ему русло веры в вождя и его царство. И тогда с советскими людьми произошло то, что Толстой сказал о действиях революционеров 1905 г.: «Ребячество без детской невинности»⁷. Детская глупость (ребячество) хуже глупости взрослого, поскольку она помножена на наивность и злой азарт.

То же самое произошло и с притчей о заблудшей овце. Сталин знал, что одно из иносказательных имен Христа – «добрый пастырь». Именно в эти годы имя «Пастырь» Сталин старательно приспосабливал к своему публичному образу. Одно из произведений А. Казбеги, так же любимое вождем, как и «Отцеубийца», называлось «Пастырь». И А. Барбюс широко использовал образ «пастыря народов» в своей книге. А Л. Фейхтвангер писал примерно в то самое время, когда Сталин читал Толстого: «Великий организатор Сталин, понявший, что даже русского крестьянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает. Он заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцко-

му. Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное»⁸. Если Христос в каждом враге своего вероучения видел заблудшую овцу и был особенно рад ее новообращению, то для Сталина все враги были скорее тучными баранами, которые так или иначе предназначены на заклятие в жертву ему.

Так «Учителя из Тифлиса» пытался рационально использовать некоторые идеи и образы «Учителя из Назарета». Толстой, который, как известно, также не избежал прелыщины учить и наставлять людей, в «Исповеди» покаялся: «Теперь мне смешно вспоминать, как я вилял, чтоб исполнить свою похоть – учить, хотя очень хорошо знал в глубине души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что сам не знаю, что нужно»⁹. Похоть учительствования – не самый тяжкий порок из тех, коим всю жизнь сладострастно предавался вождь.

* * *

Недоучка поп, изгнанный из церкви, на манер миссионера таскал в мешке по местам своих ссылок том «Капитала» Маркса. Лет через 20–30 на кунцевской даче или в кремлевском кабинете Сталин дважды на полях отчеркнул фразу, как будто списанную Толстым из его биографии: «*Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своем мешке*» (364). Даже омертвевшая душа человека – несказанная тайна.

Примечания

¹ Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 337.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 210.

³ Толстой Л. Воскресение. Роман. М., 1935. С. 11 (РГАСПИ, ф. 558, оп. 3, ед. хр. 353). Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте статьи.

⁴ Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 22. М., 1985. С. 197.

⁵ Например, Рокоссовскому во время следствия выбили девять зубов, сломали три ребра и разбили молотком пальцы ног. Но это не помешало ему в бытность министром обороны Польши санкционировать массовые расстрелы польских офицеров. См.: З а л е с с к и й К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 389–390.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 209.

⁷ Толстой Л.Н. Избранное. Ростов-на-Дону, 1998. С. 288.

⁸ Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 2001. С. 86.

⁹ Толстой Л.Н. Избранное. С. 14.

© 2003 г. А. А. ПЕЧЕНКИН*

1937 ГОД: СТАЛИН И ВОЕННЫЙ СОВЕТ

В 1934 г. Народный комиссариат по военным и морским делам был преобразован в Народный комиссариат обороны СССР (НКО), а вместо Революционного Военного совета СССР (РВСС) создан новый совещательный орган – Военный совет при наркомобороне (ВС НКО). Членами ВС НКО стали 80 наиболее авторитетных военачальников Красной армии и Военно-Морского флота: наркомобороне и его заместители, начальники главных управлений НКО, руководители военных академий, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и дивизий, другие ра-

* Печенкин Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, докторант Московского педагогического государственного университета.

ботники центрального и окружного аппаратов. На ежегодных заседаниях ВС НКО подводились итоги деятельности Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) и разрабатывались планы боевой подготовки на предстоящий год. Заседание обычно завершалось приемом, на котором присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и И.В. Сталин высказывал свое мнение по обсуждавшимся вопросам. До 1938 г. глава партии формально не являлся членом ВС НКО и не участвовал в его заседаниях. Всего за время существования Военного совета состоялись 5 плановых ежегодных заседаний (в ноябре или декабре каждого года) и 1 внеочередное – с 1 по 4 июня 1937 г. Вот на это расширенное заседание Сталин не только пришел и выступил с речью, но и все 4 дня находился в президиуме, внимательно слушая каждого выступавшего, задавая присутствующим десятки вопросов, участвуя в полемике, хваля одних и громя других, т.е. был самым активным участником этого военного форума.

В советское время вопросы функционирования ВС НКО в исторической литературе почти не затрагивались. В трудах по истории Вооруженных Сил СССР говорилось о создании этого органа и упоминалось о некоторых его решениях. Считалось нецелесообразным привлекать внимание к совету, 90% членов которого были репрессированы. Стенограммы заседаний ВС НКО в течение десятилетий были недоступны большинству исследователей. Лишь в период краткой «оттепели» 1960-х гг. в связи с проводимой реабилитацией военачальников в статьях и книгах появились немногочисленные материалы о заседании 1–4 июня 1937 г., цитировались выступления К.Е. Ворошилова и И.В. Сталина.

В конце 1980-х и в 1990-е гг. появилось большое количество статей и несколько книг о репрессиях в РККА, но большинство из них носили публицистический характер¹. Архивные материалы в этих публикациях использовались мало. Например, вышедшая в 1985 г. за рубежом и в 1995 г. переизданная в России книга В.Н. Рапопорта и Ю.А. Геллера «Измена Родине»² базировалась на открытых публикациях, а также слухах, легендах, рассказах немногих очевидцев. Эта работа отражает уровень знаний 1970-х гг., когда она писалась, несет большой публицистический заряд и содержит много неточностей и фактических ошибок. Очередной опус В.Б. Резуна (В. Суворова) «Очищение»³ по степени лживости, подтасовок и тенденциозности ничем не отличается от его предыдущих творений. Автор «Очищения» утверждает, что Сталин был гениален, а убитые им генералы – бездарными, алчными и кровожадными. Следовательно, их уничтожение не ослабило, а укрепило боеспособность РККА накануне Великой Отечественной войны.

В 1990-е гг. вновь вспыхнул интерес к судьбе наиболее яркой личности из репрессированных полководцев – М.Н. Тухачевского. Были изданы биографические книги, статьи и воспоминания о нем⁴. Причем авторы высказывают резко полярные мнения об этом человеке. Одновременно разгорелась дискуссия о том, почему Сталин в 1937 г. уничтожил военную верхушку, существовал ли «заговор генералов» и почему он сложился⁵. Некоторые авторы, не отрицая сам факт репрессий в Красной армии, заявляют, что масштабы этого явления и его негативное влияние на боеспособность Вооруженных Сил сильно преувеличены⁶. Точка в этом споре еще не поставлена.

Особый интерес представляют работы Н.М. Якупова, О.Ф. Сувенирова, Н.С. Черушева⁷. При написании этих монографий авторы привлекли большое количество архивных документов Наркомата обороны, Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда СССР, но, к сожалению, не получили доступа к стенограмме самого заседания ВС НКО 1–4 июня 1937 г.

Какими же источниками по теме «Сталин и Военный совет» располагают современные исследователи? Многие авторы до сих пор ограничиваются подготовленной в 1964 г. «Справкой о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре» (далее – «Справка о проверке обвинений...»). Этот обширный документ стал результатом работы специальной комиссии, созданной по решению Президиума ЦК КПСС от 5 января и 6 мая 1961 г. В нее входили

руководители Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности при СМ СССР и Генеральный прокурор СССР. Комиссия завершила свою работу и доложила о ее результатах Н.С. Хрущеву 26 июня 1964 г. Справка содержала большой фактический материал из архивов ЦК КПСС и КГБ. Она была опубликована в виде крупных фрагментов в «Военно-историческом журнале» и «Военных архивах России» в 1993 г.⁸, а полностью – в журнале «Военно-исторический архив» в 1997 г.⁹. С тех пор ее часто цитируют, не всегда ссылаясь на источник.

Большой интерес представляет текст выступления Сталина 2 июня 1937 г. По сложившейся тогда традиции все его выступления на совещаниях, заседаниях, торжественных приемах, различных банкетах и других мероприятиях изымались из соответствующих стенограмм и откладывались в его личном архиве, где они и пролежали до 1990-х гг. Многие выступления вождя не попали в 13-томное собрание сочинений. В настоящее время неопубликованные речи вождя хранятся в его личном фонде (ф. 558, оп. 11) Российского государственного архива социально-политической истории. В 1994 г. журнал «Источник» опубликовал выступление Сталина на ВС НКО 2 июня 1937 г.¹⁰ Исследователи получили возможность проанализировать его высказывания по важнейшим вопросам обороны страны. А что касается его многочисленных замечаний по ходу заседаний, в которых много ценной информации, то они нашли отражение в стенограмме совещания. Стенограмма до середины 1990-х гг. находилась на секретном хранении и до сих пор не введена в научный оборот.

В 1996 г. Российский государственный военный архив совместно с итальянцами подготовил сборник документов «Репрессии в Красной Армии (30-е годы)»¹¹. Книга издана в Италии небольшим тиражом, поэтому российским исследователям этот сборник интереснейших документов почти неизвестен.

В связи с тем, что подавляющее большинство членов ВС НКО и приглашенных участников расширенного заседания 1–4 июня 1937 г. были впоследствии уничтожены и не оставили мемуаров, особый интерес представляют краткие воспоминания генерал-лейтенанта К.Е. Полищука, который в июне 1937 г. был начальником Военной электротехнической академии и принимал участие в расширенном заседании ВС НКО¹². Это свидетельство участника события позволяет лучше представить картину происшедшего, дополнив ее ценными деталями.

Ценная информация содержится в подлинных протоколах Политбюро ЦК ВКП(б), хранящихся в РГАСПИ (ф. 17, оп. 163). Здесь имеются не только сами решения этого партийного органа, но и предложения наркома обороны, докладные записки, справки и другие подготовительные материалы по военным вопросам. Много важных документов взято мною из личных фондов Сталина и Ворошилова. Разумеется, основным источником для написания данной статьи послужила неправленая стенограмма Военного совета (свыше 700 страниц), включающая выступления всех (кроме Сталина) ораторов, реплики, вопросы из зала и из президиума. Стенограмма, хранящаяся в РГАСПИ, позволяет всесторонне рассмотреть деятельность Сталина и советской военной элиты в этот переломный исторический момент развязывания крупномасштабных репрессий в Красной армии. Современное состояние источниковой базы дает возможность с достаточной полнотой осветить вопрос о взаимоотношениях Сталина и Военного совета при наркомате обороны в 1937 г.

Военное ведомство почти 15 лет (с 1925 по 1940 г.) возглавлял Ворошилов, который с 1906 г. был знаком со Сталиным, а в Гражданскую войну воевал вместе с ним. В этот период Ворошилов был членом Реввоенсовета 1-й Конной армии, занимал ряд других командных и политических должностей. Хотя Ворошилов не имел военного образования, ему удалось благодаря личной отваге и хорошим организаторским способностям завоевать авторитет среди красноармейцев и командиров. В мирное время он хотел уйти из армии на партийную работу, но ему отказали. Сталину нужны были свои люди в Вооруженных Силах, на которых он мог положиться. Такими людьми стали члены РВС 1-й Конной армии С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Е.А. Щаденко и другие конармей-

цы. В 1920–1930-е гг. генсек продвинул на ключевые должности в РККА многих выходцев из 1-й Конной, ставших его главной опорой в армии.

С момента создания в 1918 г. Красной армии и до 1925 г. пост народного комиссара по военным и морским делам занимал Л.Д. Троцкий. На руководящие должности в войсках он назначал профессионалов – бывших офицеров и генералов царской армии. Такая кадровая политика очень не нравилась бывшим солдатам и унтер-офицерам, выдвинутым на руководящие должности в РККА в 1918–1920 гг. Вскоре после вынужденного ухода Троцкого с поста наркомвоенмора началось постепенное вытеснение его выдвиженцев из числа профессиональных военных. Под предлогом сокращения армии десятки тысяч человек были уволены в запас и в отставку. «Мы без шума, это и не нужно было, выбросили большое количество негодного элемента, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, в том числе и всякой подозрительной сволочи, – сообщил Ворошилов на Пленуме ЦК ВКП(б) 2 марта 1937 г. – За время с 1924 года, за это время, когда Троцкий был ликвидирован, когда он был изгнан из рядов армии, за это время мы вычистили из армии большое количество командующего и начальственного состава. Пусть вас не пугает такая цифра, которую я назову, потому что тут были не только враги, тут было и просто барахло и часть хороших людей, которых мы должны были сокращать, но было очень много и врагов. Мы вычистили за эти 12–13 лет примерно около 47 тысяч человек. За это время мы впитали, призвали из запаса 21 тысячу человек командного состава». Нарком уточнил, что только за последние 3 года – 1934–1936 гг. – уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадежных около 22 тыс. человек, из них 5 тыс. оппозиционеров¹³. Таким образом, негласная чистка армии от негодных офицеров, начавшаяся еще в середине 1920-х гг., приобрела большой размах в середине 1930-х.

В межвоенный период Штаб Красной армии (с 1935 г. – Генеральный штаб) возглавляли, сменяя друг друга, П.П. Лебедев, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников и А.И. Егоров. Это были образованные кадровые офицеры, имевшие большой опыт военной службы (за исключением Тухачевского, дослужившегося в царской армии лишь до поручика).

Заместителями наркома обороны в 1937 г. были Я.Б. Гамарник, руководивший Политуправлением РККА, и М.Н. Тухачевский, занимавшийся вопросами вооружения и боевой подготовки. Он утверждал, что предстоящая война будет войной моторов, ратовал за ускоренное внедрение в войска новейшей техники: танков, самолетов, реактивной артиллерии, подводных лодок и многого другого. Справедливости ради следует отметить, что Тухачевский в ряде случаев не избежал чрезмерного увлечения некоторыми экзотическими проектами: настаивал на внедрении во все рода войск динамореактивных пушек Курчевского, большем распространении во флоте сверхмалых подводных лодок и т.п. В 1928 и в 1930 гг. он предлагал в кратчайшие сроки построить 40 тыс. военных самолетов и 50 тыс. танков, для чего в тот период не было ни промышленных, ни финансовых возможностей. Сталин и Ворошилов справедливо раскритиковали эти предложения, но уже в 1932 г. генсек дезавуировал свой критический отзыв, написав Тухачевскому, что его предложения смогут стать реальностью уже через несколько лет¹⁴. Все в армии знали о постоянных разногласиях по вопросам военной теории и практики между дилетантом Ворошиловым и его заместителем Тухачевским, являвшимся признанным военным теоретиком. Сталин искусно играл на этих противоречиях, поддерживая то одного, то другого.

Надо сказать, что командный состав Красной армии в 1930-е гг. негласно делился на своеобразные землячества, соперничавшие друг с другом. Это началось еще в Гражданскую войну. Бывшие чапаевцы, щорсовцы, котовцы, примаковцы, буденновцы время от времени собирались отдельно от других, вспоминая прошлое, обсуждая современное положение в армии. Имело место продвижение на командные должности людей из своей группировки. Однако и внутри этих групп отношения не были идиллическими. Ветераны никак не могли поделить прошлую славу, считали себя обойденными наградами и

должностями. Временами их конкуренция обострялась, и Сталин умело пользовался этим.

В 1935 и 1936 гг. на Украине и в Белоруссии прошли грандиозные военные маневры, в ходе которых отработывалось взаимодействие различных родов войск. Впервые в таких масштабах использовались танки, авиация, воздушно-десантные войска. Приглашенные на маневры военные представители европейских стран были поражены размахом учений, четкостью и слаженностью действий войск. Украинским военным округом командовал И.Э. Якир, а Белорусским – И.П. Уборевич. Это были герои Гражданской войны, ставшие в 1930-е гг. военачальниками крупного масштаба. В 1931 г. Уборевич был заместителем Ворошилова, но не прижился в центральном аппарате и попросил направить его на командную работу в войска. Прирожденный командир, воспитатель войск Уборевич внедрял в боевую подготовку все новейшие достижения военной науки и практики, терпеть не мог самодовольных неучей, не желавших повышать свой профессиональный уровень, единственным достоинством которых было рабоче-крестьянское происхождение. Он всячески настаивал на необходимости постоянной учебы, воспитания культурного командира, чем вызывал крайнее раздражение у бывших фельдфебелей, считавших что они и так уже достигли предельных высот в военном искусстве. В Белорусском округе под руководством Уборевича выросли видные полководцы Великой Отечественной войны – маршалы Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.А. Мерецков и др.

В течение 12 лет Украинским (с 1935 г. – Киевским) военным округом командовал Якир. За долгий срок он хорошо изучил всех командиров корпусов, дивизий, бригад и полков, был знаком с их семьями, постоянно находится в курсе их служебных и житейских проблем. Со многими подчиненными у командующего установились неформальные дружеские отношения. Якир старался не брать в свой округ чужаков, особенно конармейцев. Многие подчиненные были преданы своему командующему и готовы идти за ним в бой. Такая ситуация вызывала беспокойство у Ворошилова и Сталина. А что если Якир поведет верные ему войска не против внешнего врага, а использует их во внутривойсковой борьбе?

В 1935 г. учреждаются персональные воинские звания, вводится новая форма и знаки различия. Высшее воинское звание маршал Советского Союза было присвоено пяти наиболее популярным военачальникам – К.Е. Ворошилову, С.М. Буденному, М.Н. Тухачевскому, А.И. Егорову и В.К. Блюхеру.

Кроме пяти маршалов звания высшего состава были присвоены еще примерно 750 военнослужащим (5 стали командармами 1-го ранга, 10 – командармами 2-го ранга, 62 – комкорами, 201 – комдивами, 474 – комбригами¹⁵). Именно эти люди должны были в будущей войне командовать бригадами, дивизиями, корпусами, армиями и фронтами. Однако большинству из них не пришлось участвовать в Великой Отечественной войне, так как они погибли в годы «ежовщины». В этот период Сталин установил в стране режим личной власти, при котором стали возможны массовые репрессии во всех слоях общества, во всех государственных институтах, в том числе и в Вооруженных Силах. Проводя масштабные преобразования и устраняя всех потенциальных конкурентов, Сталин не был уверен, что все крупные военачальники, отличившиеся независимым взглядом на многие проблемы, привыкшие принимать самостоятельные решения и не считавшие генсека высшим авторитетом, станут безропотно подчиняться его воле. Сталина больше устраивали послушные исполнители. Поэтому личную преданность и политическую благонадежность он ценил выше полководческих талантов, полагая, что правильная политика руководства страны компенсирует отсутствие ярких полководческих дарований у дисциплинированных красных военачальников. Об этом он недвусмысленно заявил в январе 1938 г. в своей речи перед военной элитой.

«Возьмем хотя бы такой факт, как присвоение звания маршалов Советского Союза. Известно, что у нас 5 маршалов Советского Союза. Из них меньше всего заслуживал этого звания Егоров, я не говорю уже о Тухачевском, который, безусловно, этого звания не заслуживал, и которого мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание.

Законно заслужили звание маршала Советского Союза Ворошилов, Буденный и Блюхер. Почему законно? Потому что, когда мы рассматривали вопрос о присвоении звания маршалов, мы исходили из следующего: мы исходили из того, что они были выдвинуты процессом Гражданской войны из народа. Вот Ворошилов – невоенный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы Гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала. Буденный – также сын народа, вышел из глубин народа, заслуженно пользуется популярностью в народе, поэтому ему по закону присвоено звание маршала. Блюхер – прошедший все этапы Гражданской войны от партизанских ее форм до регулярной армии, также заслуженный и пользуется популярностью народа, сам вышел из народа и поэтому ему присвоено звание маршала. Егоров – выходец из офицерской семьи, в прошлом полковник, – он пришел к нам из другого лагеря и относительно к перечисленным товарищам меньше имел право к тому, чтобы ему было присвоено звание маршала, тем не менее за его заслуги в Гражданской войне мы это звание присвоили, чего же ему обижаться, чем он не популярен, чем его не выдвигает страна. Это неправильно. Откуда у нас вообще появились такие настроения. Эти настроения не наши, буржуазные настроения»¹⁶. По мнению Сталина, при выдвигании на высшие военные должности надо учитывать в первую очередь не военные знания и полководческий талант, а социальное происхождение и безоговорочную верность партии, а точнее – лично вождю. В соответствии с данной логикой выходцы из народных низов С.М. Буденный, В.К. Блюхер и дилетант в военном деле К.Е. Ворошилов более достойны маршальского звания, чем многоопытный кадровый офицер А.И. Егоров.

«В чем сила армии? – спрашивал Сталин и сам же отвечал. – Иные думают, что сила армии в хорошем оснащении техникой, техника-де решает все. Вторые думают, что армия крепка и вся сила ее в командном составе, – это также неправильно. Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране, поддерживают ли эту политику рабочие, крестьяне, интеллигенция. Армия ведь состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции. Если политикой партии довольна вся страна, довольна будет и армия. Мы против политики нейтралитета в армии. Мы за то, чтобы армия была бы теснейшими узами переплетена с политикой правительства в стране. Правильная политика правительства решает успех армии. При неправильной политике техника и командный состав всегда приложатся»¹⁷.

Изложив свой взгляд на принципы подбора военных кадров, Сталин пригрозил Егорову и Буденному: «Если вы пойдете в противоречие с политикой партии и правительства, если вы эту политику не признаете, – народ вас сметет, выгонит и не задумается над тем, что маршалы вы или нет, хорошие ли вы командиры или плохие. При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств, у которых политика неправильная, политика которых не поддерживается в армии массой солдат. Мой совет вам – не растрачивайте добытого авторитета перед народом, иначе он вас сметет и на ваше место выдвинет своих новых маршалов, своих новых командиров. Они будут, может быть, менее способными, чем вы, на первое время, но они будут связаны с народом и смогут принести гораздо больше пользы, нежели вы, с вашими талантами»¹⁸.

Отбор военачальников по принципу личной преданности привел к уничтожению многих независимо мыслящих военных и замене их послушными, но далеко не всегда талантливыми командирами. Ставка на послушных середнячков дорого обошлась нашему народу. Лишь военные неудачи заставили Сталина постепенно изменить принципы выдвигания на высшие командные посты.

Консерватизм сталинских любимцев, в частности Ворошилова, был хорош известен в среде высших военных, но для большинства советских людей он оставался образцом военачальника, «железным пролетарским полководцем». Противоположного мнения придерживались некоторые высшие командиры. Они не могли не видеть, что нарком отстал от жизни, не понимает особенностей современной войны и, занимая высший военный пост, не способствует назревшим переменам в Вооруженных Силах.

«Пока “железный” будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться»¹⁹, – записал 15 марта 1937 г. в своем дневнике прославленный герой Гражданской войны комкор И.С. Кутяков. Это мнение тогда разделяли многие военачальники. В кругах высших военных говорилось о необходимости замены наркома обороны. Ворошилов знал об этих настроениях части военной элиты, но покровительство Сталина оберегало его от любых посягательств конкурентов. Высказывания против своего протеже и попытки военных поставить перед высшим политическим руководством страны вопрос о замене главы военного ведомства Сталин рассматривал как вмешательство военных в прерогативы Политбюро, чего диктатор допустить не мог, однако до лета 1936 г. никаких оргвыводов не делал.

В августе–сентябре произошли важные события: процесс над Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым завершился их расстрелом, на должность наркома внутренних дел вместо Г.Г. Ягоды был назначен Н.И. Ежов. Скоропостижно скончался видный военачальник, начальник противовоздушной обороны (ПВО) командарм 1-го ранга С.С. Каменев, были проведены аресты среди военных. Раньше других арестовали членов ВС НКО комкоров В.М. Примакова, С.А. Туровского и советского военного атташе в Англии В.К. Путну. Этим троим героям Гражданской войны предъявили обвинение в участии в «боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации». Свыше 9 месяцев они провели в тюрьме, где от них добивались признания в подготовке военного переворота и требовали назвать сообщников из числа высших военачальников. Но до мая 1937 г. следователям НКВД это не удавалось.

Первые аресты трех комкоров не рассматривались военачальниками как начало крупномасштабной чистки армии. Лишившись трех своих членов, ВС НКО продолжал функционировать. Никаких явных признаков недоверия к военной элите Сталин и Ворошилов не демонстрировали. Об этом свидетельствуют и предложения наркома о кадровых назначениях. 10 ноября 1936 г. он направил следующий документ: «В Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину. В связи с необходимостью возглавить ПВО РККА после смерти С.С. Каменева крупным авторитетным начальником прошу утвердить назначение на вакантную должность начальника Управления ПВО РККА комкора Эйдмана Р.П., освободив его от обязанностей Председателя ЦС Осоавиахима СССР»²⁰. В тот же день нарком подписал другой документ: «В Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину. Прошу утвердить:

1) Назначение командарма 1-го ранга т. Уборевича И.П. моим заместителем и начальником ВВС РККА, освободив его от должности командующего войсками Белорусского военного округа.

2) Назначение командарма 2-го ранга т. Алксниса Я.И. заместителем начальника ВВС РККА и главным инспектором ВВС РККА, освободив его от должности начальника ВВС РККА.

3) Назначение командарма 2-го ранга т. Левандовского М.К. командующим войсками Белорусского военного округа, освободив его от должности командующего войсками Закавказского военного округа.

4) Назначение командарма 2-го ранга т. Седякина А.И. командующим войсками Закавказского военного округа, освободив его от должности начальника Управления боевой подготовки РККА.

5) Назначение комкора т. Горбачева Б.С. заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (вместо т. Мулина), освободив его от должности заместителя командующего войсками Московского военного округа.

Освобождение комкора т. Мулина В.М. от должности заместителя командующего войсками Белорусского военного округа. К. Ворошилов»²¹.

Эти предложения свидетельствуют, что всего за несколько месяцев до расправы с Эйдманом, Уборевичем, Горбачевым, Седякиным и Левандовским их считали достойными выдвижения на высшие командные должности. Надо отметить, что в 1935–1936 гг. в Политбюро принимались решения о назначениях Якира и Уборевича как наиболее талантливых командующих войсками двух ведущих военных округов на высшие долж-

ности в центральном аппарате НКО. Якир отказался от должности начальника Генштаба, а Уборевич – заместителя наркома обороны. Оба предпочли остаться на командной работе в своих округах. Некоторые комкоры и командармы сочли такое поведение открытой демонстрацией недовольства и нежелания работать с Ворошиловым. И Якир, и Уборевич в кругу своих соратников неуважительно высказывались о наркоме, считали, что их незаслуженно обошли, не присвоив им звания маршалов.

После февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) все наркоматы должны были разработать планы по искоренению вредительства. Одним из таких мероприятий по подготовке чистки Красной армии была смена руководства Управления по начальствующему составу РККА (УНС). Начальник этого Управления комкор Б.М. Фельдман на роль «чистильщика» не годился. Нужен был человек со стороны, который сможет быстро и решительно выкорчевать неугодных командиров. Выбор пал на кандидата в члены ЦК ВКП(б), бывшего заместителя начальника Политуправления РККА армейского комиссара 2-го ранга А.С. Булина. Его назначение начальником УНС состоялось 15 апреля 1937 г. В протоколе Политбюро сохранилась записка Ворошилова: «т. Сталин! т. Булина вызвал, с ним, как было условлено, говорил довольно подробно и основательно. Он понимает серьезность поста, на который назначается, и обещал оправдать доверие партии полностью. 13.IV.37 К. Ворошилов»²².

Вскоре началась с каждым днем набиравшая обороты кампания по выявлению вредителей и шпионов. После парада 1 мая 1937 г. на квартире Ворошилова состоялся праздничный обед, на котором Сталин заявил собравшимся военачальникам, что «враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в Октябрьскую годовщину»²³. Уже через 9 дней произошли перемены в высшем комсоставе.

В «Справке о проверке обвинений...» цитировалось решение Политбюро от 10 мая 1937 г. о кадровых перестановках в РККА (публиковались лишь 1-й, 2-й, 3-й и 8-й пункты этого решения). Считаю необходимым обратиться к подлиннику протокола Политбюро. 9 мая 1937 г. нарком обороны подготовил следующее представление за № 4458 сс: «Сов. Секретно.

Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину И.В.

Прошу утверждения следующих назначений:

1. Первым заместителем Народного Комиссара Обороны – Маршала Советского Союза тов. Егорова А.И.
2. Начальником Генерального Штаба РККА – командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1 ранга тов. Шапошникова Б.М.
3. Командующим войсками Ленинградского военного округа – командующего войсками Киевского военного округа командарма 1 ранга тов. Якира И.Э.
4. Командующим войсками Киевского военного округа – командующего Приморской группой войск ОКДВА командарма 2 ранга тов. Федько И.Ф.
5. Командующим Приморской группой войск ОКДВА – командира 3-го стрелкового корпуса комкора тов. Кулика Г.И.
6. Командующим войсками Уральского военного округа – командующего войсками Сибирского военного округа комкора тов. Гайлита Я.П.
7. Командующим войсками Сибирского военного округа – заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа комкора тов. Германовича М.Я. К. Ворошилов».

В 7-м пункте должность и фамилия Германовича зачеркнуты и вписана фамилия Дыбенко, который переводился из Приволжского военного округа в Сибирской. Кроме того, вписан от руки отсутствовавший в первоначальном проекте еще один пункт: «8. Командующим Приволжским военным округом – Маршала Советского Союза т. Тухачевского М.Н. с освобождением его от обязанностей заместителя Нар. ком. об-ны»²⁴.

Как можно истолковать эти кадровые перемены? Якир переводился из лучшего в стране Киевского в менее престижный Ленинградский округ, где у него не было никакой поддержки среди командного состава, а Тухачевского свергали с военного Олимпа,

назначая командующим заурядным Приволжским округом. Следует отметить, что 3-й, 5-й, 7-й и 8-й пункты этого постановления не были реализованы. Тухачевский, едва прибыв к новому месту службы, был арестован (22 мая) и под конвоем возвращен в Москву. Комкор Г.И. Кулик не успел выехать в Приморскую группу войск, так как через несколько дней получил другое назначение. Командарм 2-го ранга П.Е. Дыбенко также поехал не в Новосибирск, как планировалось, а в Ленинград.

Во второй половине мая, после того, как следователям НКВД удалось с помощью силовых методов выбить у арестованных комкоров Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова, командарма 2-го ранга А.И. Корка и комбрига М.Е. Медведева показания об участии в «военном заговоре» М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, по армии прокатилась волна новых арестов. Кадровая чехарда продолжалась. Уже 20 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило следующие назначения командующими войсками военных округов: Ленинградского – М.К. Левандовского, Закавказского – И.Э. Якира, Среднеазиатского – И.П. Уборевича, Белорусского – М.Д. Великанова, членом Военного Совета Среднеазиатского военного округа – Я.Б. Гамарника.

За принятие этого постановления высказались Сталин, Молотов, Каганович, Жданов²⁵. Это означало, что Якира, Уборевича и Гамарника высылают подальше от войск (в Среднюю Азию и Закавказье) и то лишь на короткий срок, чтобы на новом месте произвести их арест. Хотя постановление Политбюро было утверждено и оформлено, оно не было реализовано, так как события в конце мая развивались стремительно.

21 мая Сталин подписал решение о выводе из состава ВС НКО «в связи с переходом на другую работу» группы военачальников: И.А. Халепского, Н.М. Синявского, Н.Н. Петина, Я.М. Фишмана. На следующий день исключил из ВС НКО уже арестованных А.И. Корка, Б.С. Горбачева, Б.М. Фельдмана, И.С. Кутякова, А.Я. Лапина, комдива Е.С. Казанского «как исключенных из РККА»²⁶.

К этому времени ВС НКО лишился уже четверти своих членов и нуждался в пополнении. Поэтому 21 мая нарком внес предложение:

«Сов. Секретно.

Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину И.В.

Прошу ввести в состав Военного Совета при Народном Комиссаре Оборона Союза ССР:

1. Тов. Щаденко Е.А. – члена Военного Совета КВО. Корпусный комиссар.
2. Тов. Троянкера Б.У. – члена Военного Совета МВО. Корпусный комиссар.
3. Тов. Сивкова А.К. – Командующего КБФ. Флагман 1 ранга.
4. Тов. Ильина Н.И. – члена Военного Совета КБФ. Корпусный комиссар.
5. Тов. Булышкина А.А. – члена Военного Совета КБФ. Дивизионный комиссар.
6. Тов. Киреева Г.П. – зам. Командующего ТОФ. Флагман 1 ранга.
7. Тов. Душенова К.И. – Командующего С.Ф. Флагман 1 ранга.
8. Тов. Байрачного П.П. – члена Военного Совета СФ. Бригадный комиссар.
9. Тов. Магер М.П. – Члена Военного Совета ЛВО. Комбриг.

К. Ворошилов»²⁷.

Прошло всего несколько месяцев, и большинство новых членов ВС НКО разделили участь своих предшественников.

24 мая членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) разослали бюллетени для голосования, в которых предлагалось «за участие в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионскую работу против СССР в пользу фашистской Германии» исключить из партии Я.Э. Рудзутака и М.Н. Тухачевского и передать их дела в Наркомвнудел. Маршал Буденный, ненавидевший Тухачевского, оставил на бюллетене следующую резолюцию: «Безусловно “За”. Нужно этих мерзавцев казнить. С. Буденный. 25.5.37. 11, 20». Армейский комиссар 1-го ранга Гамарник написал: «Голосую за предложение Политбюро. 28/V–37 г. Гамарник»²⁸. Он еще не знал, что и в отношении его уже подготовлено соответствующее решение.

25 мая Сталин подписал постановление об исключении из ВС НКО маршала Тухачевского и комкоров Э.Ф. Аппога, Н.А. Ефимова, Р.В. Лонгва, Р.П. Эйдемана²⁹.

Комкор Г.И. Кулик попал в поле зрения Сталина еще в годы Гражданской войны, когда он командовал артиллерией 1-й Конной армии. В мирное время малограмотный конармеец большой карьеры не сделал. Он с обидой говорил, что Тухачевский, Уборевич и другие «умники» презирали его за крестьянское происхождение и не давали продвинуться по служебной лестнице. Но в 1937 г. пришел наконец и его час. Вернувшись из Испании, где он воевал с франкистами, Кулик 23 мая был принят Сталиным и назначен начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА. На заседании Политбюро Кулик поначалу отказывался от столь высокой должности, но под давлением Сталина и Молотова согласился.

28–29 мая арестовали и доставили во внутреннюю тюрьму НКВД Якира и Уборевича. 30 мая членам ЦК рассылается новое предложение Политбюро: «Ввиду поступивших в ЦК данных, избличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистско-правом заговоре и шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши ЦК ВКП(б) ставит на голосование членов ЦК и кандидатов ЦК предложение об исключении их из рядов ВКП и о передаче их дела в Наркомвнудел». Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов расписались на этом протоколе, а Микоян, Калинин и Чубарь, не присутствовавшие при вынесении решения, сообщили А.Н. Поскребышеву о своем согласии³⁰. Егоров, Булин и другие военные согласились с предложением Политбюро. Маршал Буденный и здесь был категоричнее других: «За. Врагов народа надо уничтожить. С. Буденный. 31.5.37. 11, 10»³¹.

30 мая пришла очередь армейских комиссаров Я.Б. Гамарника и Л.Н. Аронштама. «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в наркомате обороны и исключить из состава Военного совета как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре»³². И не пришлось им, исполняя предыдущее решение, ехать к новому месту службы: Гамарнику в Среднюю Азию, а Аронштаму в г. Куйбышев. В этот день Гамарник в связи с обострением болезни на службу не явился. Тогда к нему на квартиру прибыли начальник Управления по начсоставу РККА А.С. Булин и управделами НКО И.В. Смородинов. Узнав о решении Политбюро, Гамарник застрелился. На следующий день советские газеты сообщили: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

На 1 июня было назначено открытие внеочередного заседания Военного совета при наркомате обороны СССР. В Москву были вызваны члены Совета, кроме них были приглашены 116 военнослужащих, не входивших в его состав, и таким образом заседание стало расширенным. Некоторых членов ВС НКО арестовывали по пути в Москву или сразу по прибытии в столицу. Так, комкора Сангурского схватили на вокзале в г. Кирове. Комкор Е.И. Ковтюх (знаменитый герой «Железного потока» Серафимовича) в Москву приехал, но не был допущен в зал заседаний. Он написал письмо Сталину с жалобой на подобное обращение, но ответа не получил, а вскоре был арестован.

Когда утром 1 июня приглашенные на заседание вошли в здание НКО на улице Фрунзе, их направил в секретариат наркомата обороны. К.Е. Полищук в своих воспоминаниях рассказал, как это происходило: «В комнатах секретариата и в зале заседаний собрались многие высшие начальники Красной армии: командующие войсками, начальники центральных управлений, начальники академий, некоторые командиры соединений. Все они сидели за столами, на которых лежали стопки отпечатанных на машинке листов бумаги. Все столы, специально поставленные, были покрыты такими материалами; сидящие за столами брали эти листки и прочитывали их, после чего вновь клали их на стол и брали другие. Все были угрюмы и молчаливы».

Управделами НКО Смородинов говорил проходящим: «Идите к столам, найдите себе место и читайте разложенные материалы, заседание... состоится позже, когда будут

прочитаны материалы». Полищук нашел свободное место рядом с комкором А.И. Тодорским, возглавлявшим Управление высших военно-учебных заведений, и начальником Политической академии, армейским комиссаром 2-го ранга Б.М. Иппо. «Оба они были исключительно озабочены и безмолвны. Взял со стола стопку листов и начал читать. Листы оказались протоколами следственных показаний Тухачевского и других арестованных по обвинению в военном заговоре. Показания были отпечатаны под копирку на листках обычной бумаги, некоторые имели нумерацию, другие не имели, и все они не были сброшюрованы. Печать далеко не на всех была достаточно четкой, читать было трудно. Не сразу удавалось также подобрать последовательно страницы показаний. Чтение было торопливым. Между столами постоянно прохаживались сотрудники секретариата – Смородинов, Хмельницкий, Штерн – и просили не задерживать листы. Читать приходилось те листы, которые были свободны, а остальные были на руках у других. В общем, ознакомление было несистематическим, сумбурным.

Мне удалось прочитать показания Тухачевского и Фельдмана, не полностью Уборевича, совсем я не читал показаний Корка и Якира и, по-видимому, не очень много от этого потерял: все показания были написаны по одной и той же схеме»³³.

На участника Военного совета обрушилась лавина страшных новостей: самоубийство Гамарника, аресты большого числа боевых друзей и соратников, обвиненных в заговоре и шпионаже. Все это произвело ошеломляющее впечатление. В протоколах допросов упоминались фамилии многих командиров, еще находившихся на свободе. Можно представить тот ужас, который испытали люди, увидевшие свои фамилии в числе участников заговора и осознавшие полную свою беспомощность перед произволом НКВД. Обстановка в зале, по словам Полищука, была «могильная». Сталин как опытный интриган еще до первого заседания нанес военным сильнейший психологический удар, обеспечив полную покорность военной элиты.

Заседание открылось не в Доме Красной армии, как бывало раньше, а в Свердловском зале Кремля. В полной тишине без обычных шуток и разговоров генералы заняли места в зале. В президиуме появились члены Политбюро Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, позднее подошел Каганович. Вожди партии были озабоченными, даже угрюмыми. Только нарком внутренних дел Ежов был суетлив, улыбчив, постоянно вертелся и перешептывался с сопровождавшими его сотрудниками НКВД, вглядываясь в лица членов ВС НКО. Сталин, занявший место рядом с Ворошиловым, выглядел постаревшим, но в отличие от своих соратников был уверен и даже весел. «Он с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым»³⁴, – вспоминал участник этого заседания генерал Полищук.

В первых же словах своего доклада нарком заявил: «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии»³⁵. Если 2 марта Ворошилов говорил, что в Красной армии врагов очень мало, то уже 1 июня он утверждал обратное: враги пробрались в самую верхушку Вооруженных Сил, продвинули своих людей в авиацию, морфлот, мотомеханизированные части, в кадровые органы, политаппарат, т.е. повсюду. Даже оба заместителя наркома оказались предателями, заговорщиками и шпионами. По мнению Ворошилова, военные заговорщики готовились свергнуть советское правительство. А если бы это не удалось сделать в мирное время, «то на войне уж обязательно они должны были ликвидировать, угробить сперва армию, нанеся ей удар всеми заранее строго обдуманными путями, а потом совершить переворот внутри страны»³⁶.

Если верить выступлению наркома, то аварии, катастрофы, пожары, гибель людей в армии, низкий уровень боевой подготовки, кадровые просчеты, ошибки в области оснащения РККА новым оружием и проч. были результатом вредительской работы заговорщиков, руководимых из-за границы Троцким. Как известно, эти негативные яв-

ления были присущи нашей армии не только в 1930-е гг., правда, в последующие десятилетия их уже перестали списывать на «врагов народа».

Многие выступавшие в прениях каялись, что, долго работая рядом с врагами, не сумели их разоблачить, признавались в своей политической слепоте. Однако были и другие выступления. Так П.Е. Дыбенко заявил, что никогда не доверял Тухачевскому и еще в 1920-е гг. боролся за его смещение с руководящих постов в РККА. Командарм И.П. Белов и комдив Е.И. Горячев с ненавистью и бранью говорили о своих давних разногласиях с Уборевичем по вопросам организации боевой учебы и строительства укрепленных районов. Армейский комиссар 2-го ранга П.А. Смирнов с возмущением рассказывал, что «враги народа» требовали усиленно заниматься только боевой подготовкой, игнорируя и всячески принижая политическую работу.

Почти все выступавшие проклинали своих вчерашних кумиров, рассказывали о подозрительных поступках и высказываниях арестованных военачальников, вспоминали давние обиды. Особенно усердствовали конармейцы. Буденный доказывал, что Якир и Уборевич еще в Гражданскую войну были трусами и паникерами, а все их боевые награды получены незаслуженно. Другие выступавшие заявляли, что знаменитые Киевские и Белорусские маневры были якобы сплошным очковтирательством. Горячев, ранее восхвалявший Уборевича, теперь стал утверждать обратное: «...Товарищ Сталин, я заявляю и вам, товарищ Народный комиссар, что командный состав органически не мог выносить Уборевича, он его просто ненавидел». Сталин насмешливо переспросил: «Все ли его ненавидели?» Горячев, не стыдясь явной лжи, ответил: «Только единицы могли ему сочувствовать». Его слова опровергли выкрики из зала: «Это не так. В рот ему смотрели!»³⁷.

Сталин взял на заметку наиболее яростных критиканов (Буденного, Белова, Дыбенко, Горячева) и впоследствии включил их в состав Специального судебного присутствия, которое должно было оформить приговор группе арестованных военачальников. Кроме них в состав суда ввели маршала В.К. Блюхера, у которого были сложные отношения с Тухачевским, Уборевичем и Якиром. Разумеется, любой состав суда в той обстановке вынес бы решение, которое им продиктовал Сталин. Но в то же время генсек хотел показать военной элите, что суд составлен не из одних только давних врагов подсудимых, но и людей нейтральных, а следовательно, объективных. Назначив членами этого суда Я.И. Алксниса и Б.М. Шапошникова, Сталин продемонстрировал, что процесс будет беспристрастным. Эти люди, выступая на заседании ВС НКО, вели себя достойно, не злобствовали, не клеветали на арестованных. Новый начальник Генштаба Б.М. Шапошников, бывший полковник царской армии, был известен своей образованностью и порядочностью. Во время выступления на заседании Военного совета он самокритично говорил о собственных упущениях и своей политической близорукости, но не стал порочить подчиненных, хотя его к этому побуждали провокационными выкриками из зала³⁸.

2 июня 1937 г. на заседании ВС НКО выступил Сталин. Он заявил, что, «несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами»³⁹. Так как во многих выступлениях причина предательства объяснялась непролетарским происхождением некоторых обвиняемых и их давними связями с троцкистской оппозицией, Сталин счел нужным высказаться по этому поводу: «Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает... Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход... Я не с этой стороны буду анализировать этих людей». Сказав, что если человек 15 лет назад голосовал за троцкистскую платформу, это не значит, что ему сегодня нельзя доверять, генсек призвал судить о людях по их сегодняшней практической работе.

В чем же он обвинил арестованных генералов? В том, что они бывали в Германии, встречались с немецкими представителями. Это, по его мнению, было достаточной уликой для обвинения в шпионаже. «Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион!»⁴⁰. Можно подумать, что советские военачальники по соб-

ственной инициативе тайком ездили в Германию и вели там секретные переговоры с гитлеровцами. Дело обстояло иначе. В 1920-е гг. между советским и немецким правительствами существовали соглашения о военном сотрудничестве. В Липецке и Казани обучались немецкие летчики и танкисты, а в Берлин для учебы в военной академии и для наблюдения за маневрами рейхсвера ездили И.П. Белов, А.И. Егоров, П.Е. Дыбенко, И.П. Уборевич, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир и другие красные полководцы. Военное сотрудничество СССР и Веймарской Германии, принесшее пользу обеим сторонам, было свернуто в 1933 г. с приходом к власти Гитлера. Сталин, сам посылавший своих генералов на учебу и переговоры в Германию, теперь им же поставил это в вину.

Надо было как-то объяснить причины появления заговора. Сталин сказал, что эти люди во время пребывания в Германии были завербованы, получили деньги от врага, а затем под угрозой разоблачения были вынуждены выполнять все указания своих зарубежных хозяев и требования Троцкого. «Сегодня от них требуют – дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют – начинайте, заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете – разоблачим, завтра же передаем агентам Советской власти и у вас головы полетят. Начинают они диверсии. После этого говорят – нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И они начинают стараться как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят: идите дальше, нельзя ли все правительство снять... Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее»⁴¹.

В объяснениях Сталина и немецкие хозяева, и сами «заговорщики» выглядят очень глупыми людьми. Если бы немецкая разведка имела в СССР таких высокопоставленных агентов, то она должна была бы их беречь как зеницу ока, а не толкать их на idiotские авантюры: отравление солдатской пищи, поджоги казарм, организацию крушения поездов и теракты против отдельных руководителей. Подобное поведение неизбежно привело бы к разоблачению агентуры и потере ценнейших источников информации. Руководители абвера, разумеется, не были глупцами и не стали бы губить своих информаторов, находящихся в высших эшелонах армии будущего противника. Выступая перед военачальниками, Сталин был уверен, что ни один из них не посмеет открыто выступить с разоблачением его нелепой версии.

Существует предположение, что весной 1937 г. фашистская разведка сфабриковала документы о сговоре советских и германских генералов, якобы стремившихся избавиться от контроля со стороны высшего политического руководства своих стран. Эти фальшивые документы с помощью президента Чехословакии Э. Бенеша будто бы были переданы Сталину и послужили основанием для расправы над Тухачевским и другими. Однако ни в следственных материалах по делу о «военно-фашистском заговоре в Красной Армии», ни в документах Военного Совета 1–4 июня, ни в протоколах судебного заседания 11 июня 1937 г. документы из «Папки Бенеша» не фигурировали. Следов этих документов не удалось обнаружить ни в личном архиве Сталина, ни в архиве Политбюро. Скорее всего это одна из многих легенд, пущенных в оборот В. Шелленбергом и другими гитлеровскими разведчиками.

Для расправы с генералами Сталину вовсе не требовались документальные подтверждения их виновности. Вполне достаточно было собственных признаний заключенных, полученных на допросах с пристрастием в НКВД. Располагая протоколами допросов, содержащих компромат на весь высший командный состав Красной армии, Сталин по мере необходимости давал ход этим материалам, уничтожая одну группу военачальников за другой.

В ходе заседания Сталин неоднократно говорил тому или иному из присутствующих, что на него тоже есть показания врагов народа, но беспокоиться по этому поводу не следует, мол, НКВД во всем разберется. Однако некоторые из ораторов предлагали

упомянутым в протоколах допросов выйти на трибуну и покаяться. «В тех материалах, которые были розданы, там фигурируют фамилии некоторых товарищей, которых называли враги, это Векличев, Подорский (ошибка: правильно Тодорский. – А.П.). Мне кажется, надо потребовать, чтобы они рассказали, почему враг называет их имена, почему он делает на них ставку», – предложил командарм Левандовский. «Мы как решаем вопрос об аресте? – пояснил генсек. – Бывают случаи, что называют фамилии, но могут назвать случайно. Мы проверяем. Например, Ефимов назвал Кулика. Мы спросили, правильно он назвал, он сказал, что ошибся. “Почему” “Мне казалось, что его можно было бы завербовать”. Вождь заявил, что верит не всем показаниям арестованных: “Они в ряду преступников могут назвать и наших людей. Многие из них, сидя, продолжают с нами борьбу, не всех выдают. Вы знаете, что Тухачевский часть выдал, потом стал больше выдавать. Фельдман часть выдал, потом стал больше называть. Корк не сразу назвал. Поэтому мы чувствуем большой долг ответственности, как бы не ошибиться. И мы вовсе не думаем, что каждая строчка показаний преступника для нас закон. Мы это проверяем перекрестно, всячески потом совещаемся и после этого решаем вопрос”. Но упрямый Левандовский не унимался: “Тов. Сталин, я не говорю об аресте сейчас же, я говорю, поскольку враги называют их фашистами, надо, чтобы они в своем выступлении облегчили положение и партии, и Красной Армии, и сами сказали. Какое может быть доверие к этим людям! Я думаю, то, что я сказал, переживает большинство из нас”. Сталин объяснил, что попытки самоопределения в ходе заседания решающей роли не сыграют: “Я вам скажу больше, если некоторые товарищи разовое заявление сделают, то это для нас не закон. Мы все проверяем перекрестно”»⁴².

Сталин заявил, что Тухачевский и другие действовали по прямому указанию немецкой военщины. «Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами рейхсвера... Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка»⁴³.

Слова о второй Испании прозвучали не случайно. С лета 1936 г. республиканское правительство этой страны вело войну против франкистов, заявлявших, что у них есть мощная агентура в рядах республиканцев – «пятая колонна». В республиканской армии и в органах власти активно действовали анархисты, троцкисты, социалисты и коммунисты. Политический разброд и отсутствие твердой дисциплины пагубно влияли на ход войны. Сталин был крайне обеспокоен этим и стремился не допустить повторения подобной ситуации в СССР. Выступившие на заседании командующий ОКДВА В.К. Блюхер, его начальник штаба К.А. Мерецков и командующий Приморской группой войск И.Ф. Фельдман говорили об ожесточенных спорах, интригах, борьбе группировок среди комсостава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Так как Блюхер много болел и по несколько месяцев отсутствовал, он не мог осуществлять повседневного руководства войсками Дальнего Востока. Тухачевский и Гамарник считали, что нужно назначить нового командарма. Эту же точку зрения высказывали и некоторые высшие командиры дальневосточники. Сталин, упомянув о закулисной борьбе, заявил, что эти действия инспирированы зарубежными врагами (японцами и немцами) с целью ослабления нашей армии. «И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему спрашивается, объясните в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает... Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который являлся паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается»⁴⁴.

В узком кругу Сталин неоднократно высказывал свое снисходительное отношение к человеческим слабостям. «Нет людей без недостатков, – говорил вождь на одном из военных совещаний. – Один любит выпить. У других это превращается в болезнь. Таких людей мы лечим, но из партии не гоним. Таких людей мы перевоспитываем. Иные любят девочек. Это тоже нас мало интересует. Пусть себе с ними возятся, сколько им угодно... Ничего страшного в этом нет. Так что сама по себе, взятая в отдельности, морально-бытовая сторона нас мало интересует. Она играет тогда только роль, когда разложение сочетается с политическими преступлениями. Стало быть, главное не в этом. В чем же главное?.. Главное заключается в том, что наряду с раскрытием в армии чудовищного заговора продолжают существовать отдельные группировки, которые могут перерасти при определенных условиях в антипартийные, антисоветские группировки. В данном случае идет речь о такого именно рода группировке, которую мы имеем в лице Егорова, Буденного и Дыбенко... Это не группировка друзей, а группировка политических единомышленников, недовольных существующим положением в армии, а, может быть, и политикой партии»⁴⁵. Как видим, Сталин охотно прощал военачальникам склонность к выпивке и даже недостаточный профессионализм, лишь бы они не сплотились в какие-либо группировки, опасные для него. А поскольку за маршалом Блюхером подобного стремления не замечалось, Сталин сквозь пальцы смотрел на его просчеты в боевой подготовке. В июне 1937 г. генсек расхваливал маршала, а через 13 месяцев, когда войска ОКДВА у озера Хасан понесли серьезные потери, Сталин припомнил Блюхеру и морально-бытовые, и профессиональные недостатки, а главное, заподозрил его в связях с японцами. Парадоксально: в июне 1937 г. Сталин говорил, что Блюхера пытались выжить с Дальнего Востока Тухачевский и Гамарник, действовавшие по указке японцев, а через год он же объявил Блюхера давним японским агентом. Но все это произойдет позже, а пока улыбающийся маршал с удовлетворением выслушивал похвалы генсека.

«Плохо сигнализируете, – упрекнул вождь слушателей, – а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать. Людей посылают не на 100% обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему Наркому, копию в ЦК... Разве вам когда Ворошилов запрещал письма в ЦК? (Голоса: Нет, никогда). Кто из вас может сказать, что вам запрещали писать письма в ЦК? (Голоса: Нет, никто). Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию»⁴⁶. Сталин требовал, чтобы генералы писали доносы. Его вполне устраивало, если в них будет 95% лжи и лишь 5% правды. При таком подходе злоупотребления карательных органов, аресты невинных стали неизбежны.

Объявив, что по военной линии уже арестовано 300–400 человек, Сталин призвал присутствующих не смущаться этим обстоятельством, ибо в нашей армии непочтатый край талантов. Надо лишь смелее выдвигать их снизу. Сталин рассказал, что Тухачевский с Уборевичем просили послать их воевать в Испанию, но Политбюро решило иначе, послало людей неизвестных, которые в Испании показали себя блестяще. В качестве примера были названы командир механизированной бригады комбриг Д.Г. Павлов, заместитель командующего ОКДВА корпусный комиссар Я.К. Берзин и офицер для поручений наркома обороны Г.М. Штерн. «Никто не думал, и я не слышал о способностях командующего у Берзина, – говорил Сталин. – А посмотрите, как он дело наладил? Замечательно вел дело. Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть, не только [не] хуже, а лучше. Вот где наша сила – люди без имен... Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекройте, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее – не бойтесь»⁴⁷. Этим бодрими словами Сталин закончил свое выступление на

Военном совете. Самое интересное, что названные им люди действительно храбро сражались в Испании, за что получили высокие звания и награды, но впоследствии все трое были расстреляны: Берзин – 29 июля 1938 г., Павлов – 22 июля 1941 г., а Штерн – 28 октября 1941 г. Так трагически закончилось смелое выдвижение новых военачальников.

Выступая с заключительным словом, Ворошилов напомнил, что армия у нас очень большая, за последние 5 лет ее численность выросла вдвое. Одних только офицеров стало свыше 200 тыс. «Мы за последние пять лет около 50 с лишним тысяч вычистили из армии всякого хлама негодного. За последние годы мы тысячи людей выбросили, в том числе и троцкистов, – тем не менее в этом конгломерате человеческом осталось много всяких людей»⁴⁸. Нарком обороны пытался отвести от себя обвинения в том, что армия оказалась засорена врагами: «Ведь ни я, никто в отдельности не могли знать всех людей. Мы все начальники должны знать людей как самих себя, обязаны знать. Вы думаете Фельдман как? Он знал очень многих людей, и потому очень много подлости творил. Я был заключительным аккордом. Подписывал, но вы, мои друзья...» «А Булин знает людей?» – перебил его Сталин. «Булин будет знать лучше людей, потому что он знает наших людей, а не только врагов, а те больше знали врагов, – уверенно заявил нарком и продолжил: – Враг направлял свою подлую работу, главным образом, по самым наиболее чувствительным участкам. Он подсаживал своих людей в авиацию, мотомехвойска, в химические части, в части связи и на склады, как я уже сказал, в морские силы, имейте в виду, в морские силы. Одним словом, туда, где больше всего трудностей, туда, где больше всего техники, туда, что больше всего имеет значение для будущей обороны, – туда и направлял своих людей. Оттуда придется изымать больше всего всякой дряни и по-настоящему ковырнуть всю эту бражку, вычистить оттуда. Но одновременно, товарищи, повторяю, если вы не повернете на несколько иной лад работу, если вы по-настоящему не возьметесь за воспитание кадров, то очищенная армия, она очень быстро может быть засорена. У нас армия громадная»⁴⁹. Таким образом, было объявлено, что чистка офицерского состава еще только начинается и будет проводиться с большим размахом.

Сталин возмущался, что партия направила в армию своих лучших членов, чтобы они заняли командные должности в передовых родах войск, а наркомат на эти посты назначил других людей. Состоялся эмоциональный диалог:

«Сталин: Мы мобилизовали для Красной Армии отобранных коммунистов для бронетанковых частей. Когда мы стали просматривать ваш командный состав танковых частей, то мы поражаемся, почему у вас во главе танковых частей сидят не те, которых мы мобилизовали.

Ворошилов: У нас танковых частей очень много.

Сталин: Все-таки не пять тысяч.

Ворошилов: Десятки.

Сталин: Для десятков частей вы могли попросить у ЦК, и ЦК вам даст.

Ворошилов: Сразу они командовать не смогут, его надо еще учить.

Сталин: Разве у вас не учат людей?

Ворошилов: Учат, но для того, чтобы вырос командир бригады проходит довольно значительный срок времени.

Сталин: Что у вас были большими знатоками танкового дела вот эти Абашидзе и другие. Он бывший кавалерист царской армии»⁵⁰.

Как видим, генсек напористо атаковал, а нарком пытался ему втолковать, что даже самым лучшим коммунистам, не знающим военного дела, нельзя доверять командование. Анализ стенограммы показывает, что в тот период Сталин довольно слабо разбирался в собственно армейских проблемах, не был знаком с военной терминологией, лично знал лишь небольшую часть высшего командного состава Вооруженных Сил, допускал ошибки в трактовке функций тех или иных военных структур. Со временем Сталин ликвидировал этот пробел, лучше изучил советский генералитет, освоил основы военной стратегии и со знанием дела высказывался по вопросам строительства Вооруженных Сил. Но все это будет позже, в начале 1940-х гг., а в 1937 г. Сталин пытался

решать военные вопросы наскоком, опираясь на свой довольно ограниченный опыт периода Гражданской войны.

В перерыве заседания Сталин высказал предположение, что среди честных командиров и политработников есть люди, которые оказались случайно задеты врагами, а сами ничего плохого еще не сделали. Таких людей, если они придут сами и все расскажут о заговорщиках, по его мнению, не следует наказывать. «Простить надо, даем слово простить, честное слово даем», – сказал Сталин. А Щаденко тут же подсказал, где искать таких людей: «С Военного Совета надо начинать. Кучинский и другие». Начальник Академии Генерального штаба комдив Кучинский с возмущением отверг эти намеки: «Товарищ Ворошилов, я к этой группе не принадлежу, к той группе, о которой говорил т. Сталин. Я честный до конца». Ворошилов выругался: «Вот и Мерецков. Этот пролетарий, черт возьми». «Это ложь, – возразил Мерецков, – тем более, что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся»⁵¹. Через несколько дней наркомы обороны и внутренних дел издали совместный приказ, в котором гарантировали прощение всем, кто добровольно явится и расскажет о деятельности врагов народа. Однако этим обещаниям мало кто поверил. Из 42 выступивших в прениях по докладу Ворошилова 34 человека (т.е. 80%) впоследствии были арестованы и расстреляны.

О том, какое значение Сталин придавал работе Военного совета 1–4 июня 1937 г., говорит тот факт, что в эти дни он отложил в сторону все другие дела. В обычные дни он ежедневно принимал в своем кремлевском кабинете от 5 до 30 человек, а в эти четверо суток лишь однажды, 1 июня, и то ненадолго к нему пришел Молотов (на 1 час), Ежов (на 40 минут) и Ворошилов (10 минут)⁵². Видимо, они обсуждали, как провести вечернее заседание Военного совета. В 17.15 все четверо вышли из кабинета и пошли на заседание ВС НКО. Только вечером 5 июня Сталин возобновил прием посетителей.

Следующая неделя прошла в заботах о процессе над военачальниками: он лично провел отбор судей и подсудимых, одобрил представленное Прокурором СССР А.Я. Вышинским обвинительное заключение и выслушал информацию Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР (ВКВС) армвоенюриста В.В. Ульриха. Из большого числа арестованных военных Сталин решил вывести на первый процесс самых знаменитых, известных всей армии лиц: 1-го заместителя наркома обороны (Тухачевский), двух лучших командующих войсками военных округов (Уборевич и Якир), начальника ведущей военной академии (Корк), главного кадровика армии (Фельдман), руководителя Осоавиахима (Эйдеман) и для придания всей группе троцкистской окраски – двух комкоров Примакова и Путну, которые в 1920-х гг. были троцкистами. В бумагах Ворошилова сохранились черновики, в которых назывались и другие кандидатуры, в частности комкор Сангурский, но его было решено не включать в эту группу. Таких людей, по мнению Сталина, должны были судить столь же известные военачальники, чтобы поднять в глазах публики авторитет приговора. Членами Специального судебного присутствия Верховного суда СССР были назначены маршалы Блюхер и Буденный, командармы 1-го ранга Белов и Шапошников, командармы 2-го ранга Алкснис, Дыбенко, Каширин и комдив Горячев. Уже после завершения следствия, 10 июня, следователь заставил подсудимого Примакова дать дополнительные письменные показания о принадлежности к военному заговору самих судей – Шапошникова, Дыбенко и Каширина⁵³. Имея такое признание, Ульрих получил дополнительный рычаг давления на членов суда.

Утром 11 июня начался процесс, а к полуночи все уже было кончено. Некоторые люди думают, что судебного заседания не было вообще. Однако имеющиеся документы опровергают эту точку зрения. Так, Буденный 26 июня 1937 г. в докладной записке на имя Сталина подробно рассказал о ходе заседания и поведении обвиняемых⁵⁴. Ворошилову о своих впечатлениях от процесса доложил член суда Белов⁵⁵.

11 июня, получив в ходе судебного заседания необходимые признания, Ульрих объявил перерыв и в 16.00 прибыл в кабинет Сталина⁵⁶. Через 20 минут, получив санкцию вождя на вынесение смертного приговора, он вернулся в суд. В 23.25 подсудимым объявили приговор и в ночь на 12 июня их расстреляли. Слухи о том, что расстрелом ко-

мандовал маршал Блюхер, не имеют ничего общего с действительностью. Для этих целей существовали постоянные исполнители приговоров – комендант ВКВС Игнатьев и комендант НКВД Блохин. Они же совместно с присутствовавшими во время казни Вышинским, Ульрихом и Цесарским подписали акт об исполнении приговора⁵⁷.

Судьи ненадолго пережили подсудимых. Уже через 2 месяца Сталин санкционировал арест Каширина, а через 5 месяцев – Алксниса. В начале 1938 г. арестовали Дыбенко и Белова, а в конце года застрелился Горячев и был замучен на допросах Блюхер. Почти всех судей обвинили в участии в том самом заговоре, членов которого они приговорили к расстрелу. Не подвергались аресту только Буденный и Шапошников, хотя у Сталина было достаточно «материалов» для расстрела и того, и другого. Но генсек, отлично знавший цену добытому НКВД компромату, не дал санкции на арест этих людей. Они ему еще были нужны.

Подавляющее большинство членов ВС НКО были уничтожены Сталиным. В 1934 г. было 80 членов, в 1935 г. стало 85, а в мае 1937 г. добавили еще 9 человек. Всего – 94 человека. Из них не подвергались репрессиям только 8 (т.е. менее 9%): И.П. Апанасенко, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, О.И. Городовиков, Е.А. Щаденко, С.К. Тимошенко, А.В. Хрулев, Б.М. Шапошников, из них семеро вышли из 1-й Конной армии. Судьба остальных 86 человек оказалась трагичной. С.С. Каменев умер до начала репрессий и был уже посмертно причислен к врагам народа. Я.Б. Гамарник успел застрелиться. Л.М. Галлер умер в тюремной больнице. Маршал В.К. Блюхер был замучен на допросе. Комкор А.Я. Лапин покончил с собой в тюремной камере. Выжили и впоследствии были освобождены из заключения К.А. Мерецков, А.И. Тодорский, Г.Г. Ястребов, Я.М. Фишман. Остальные 78 членов Военного совета при НКО были расстреляны. Так Сталин уничтожил советскую военную элиту 1930-х гг. Это очень дорого стоило нашей стране в 1941 г.

Примечания

¹ Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1997; Парнов Е.И. Заговор против маршалов. В 2 кн. М., 1997; Колпакиди А., Прудников А. Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: Несостоявшиеся пути. М., 2000.

² Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. (Ю. Алексеев). Измена Родине. М., 1995.

³ Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998.

⁴ Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1985; Кровавый маршал. СПб., 1997; Минаков С.Т. За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999.

⁵ Плимак Е.Г., Антонов В.С. Накануне страшной даты // Октябрь. 1997. № 2; и х же. Тайна «Заговора Тухачевского» (Невестребованное сообщение советского разведчика) // Отечественная история. 1998. № 4; и х же. Реплика по поводу дискуссии вокруг статьи «Тайна “Заговора Тухачевского”» // Там же. 1999. № 6; Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной армии: итоги новейших исследований // Там же. 1997. № 5; Жуков Ю.Н. Так был ли «Заговор Тухачевского»? // Там же. 1999. № 1; Невежин В.А. Проблема репрессий в Красной армии и «второе пришествие» Виктора Суворова // Там же.

⁶ Бородин В.П. Красная армия перед войной // Молодая гвардия. 1989. № 9; Уколов А.Т., Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 1; Кровавый маршал. СПб., 1997.

⁷ Якупов Н.М. Трагедия полководцев. М., 1992; Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998; Черушев Н.С. Тридцать седьмой год: НКВД и Красная армия // Военно-исторических архив. 1999. Вып. 5, 7.

⁸ Военно-исторический журнал. 1993. № 1–4; Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 29–113.

⁹ Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 173–255; Вып. 2. С. 3–81.

¹⁰ Источник. 1994. № 3. С. 72–87.

¹¹ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Napoli, 1996.

¹² Полещук К.Е. Заседание РВС 1–3 июня 1937 года. Свидетельство очевидца // Знание – сила. 1990. № 5. С. 26–32.

¹³ Вопросы истории. 1994. № 8. С. 12.

¹⁴ Исторический архив. 1998. № 5–6. С. 150–152.

¹⁵ Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 39.

- 16 РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 104–105.
 17 Там же, л. 107.
 18 Там же, л. 108–109.
 19 Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 228.
 20 РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 18, л. 177.
 21 Там же, л. 179.
 22 РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1145, л. 73.
 23 Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 178.
 24 РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1147, л. 142.
 25 Там же, д. 1149, л. 133.
 26 Там же, л. 145–147.
 27 Там же, л. 144 (КВО и МВО – Киевский и Московский военные округа; КБФ, ТОФ, СФ – Краснознаменный Балтийский, Тихоокеанский и Северный флоты).
 28 РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 615, л. 8, 10, 14.
 29 Там же, оп. 163, д. 1150, л. 61.
 30 Там же, л. 145.
 31 Там же, оп. 2, д. 615, л. 89.
 32 Там же, оп. 163, д. 1150, л. 146.
 33 Полищук К.Е. Указ. соч. С. 28–29.
 34 Там же. С. 30.
 35 РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 1.
 36 Там же, л. 7–8.
 37 Там же, л. 89.
 38 Там же, д. 60, л. 118–124.
 39 Источник. 1994. № 3. С. 73.
 40 Там же. С. 73–75.
 41 Там же. С. 75–76.
 42 РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 131–132.
 43 Источник. 1994. № 3. С. 76–77.
 44 Там же. С. 76.
 45 РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103–104.
 46 Источник. 1994. № 3. С. 80.
 47 Там же. С. 83.
 48 РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 119.
 49 Там же, л. 123–125.
 50 Там же, л. 127–128.
 51 Источник. 1994. № 3. С. 85.
 52 Исторический архив. 1995. № 4. С. 54.
 53 В и к т о р о в Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 250.
 54 Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 199–200.
 55 Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 192–198.
 56 Исторический архив. 1995. № 4. С. 55.
 57 Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 199.

© 2003 г. **М. В. КОВАЛЬ***

ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (ОУН): УРОКИ ИСТОРИИ

В драматичной истории Украины XX в. заметное место принадлежит Организации украинских националистов (ОУН), поставившей целью достижение Украиной государственной независимости и соборности. «Гордиев узел» «украинского вопроса» был в конце концов разрушен на исходе столетия. И парадокс состоит в том, что это истори-

* Коваль Михаил Васильевич, доктор исторических наук (Украина).

ческое свершение принадлежит отнюдь не ОУН, затратившей неимоверные усилия и принесшей неисчислимые жертвы в борьбе за украинскую независимость, а непримиримому и ненавистному сопернику и врагу украинских националистов – Советской власти.

В доперестроечной историографии деятельности ОУН и ее вооруженного формирования – Украинской повстанческой армии (УПА) – уделялось немало места, но в многочисленных книгах, брошюрах, статьях история этих структур была сведена в основном к описанию вульгарного бандитизма. В зарубежной же историографии преобладают хвалебные тона. И в том, и в другом случаях освещение темы выглядит однобоко и предвзято.

Ныне тема ОУН представляется чрезвычайно острой и запутанной в научном отношении. Она стала объектом политического разлада в украинском обществе, где ей нередко отдается приоритет даже перед острейшими социальными проблемами. Ибо в причудливых сплетениях политической жизни сегодняшней Украины так или иначе, пусть даже пунктирно, угадываются идеология и практика именно этой опять воспрянувшей структуры. История национально-освободительного движения и роль в нем ОУН используются противостоящими политическими силами в борьбе за власть. И то что в историографии эта тема так и не получила однозначной оценки, дает простор для всевозможных манипуляций полуправдивыми, а то и фальшивыми версиями, мифами, отравляющими политическую атмосферу украинского общества и негативно влияющими на отношения между Украиной и ее соседями.

Противостояние непримиримых партийных группировок и политических страстей препятствует непредубежденному освещению исторической правды прежде всего по двум коренным позициям, по которым ныне ведется ожесточенная не столько научная, сколько политическая полемика. Во-первых, это выяснение истинной сути взаимоотношений между ОУН и нацистами. И во-вторых – правда о том, что происходило в Западной Украине после возвращения Советской власти. Обращение к первоисточникам, до последнего времени остававшимся закрытыми, дает возможность показать исключительно сложную и драматичную, но в то же время реалистичную и поучительную картину исторических событий на Украине.

У истоков ОУН

Потерпев поражение в 1918–1920 гг., украинские незалежники не оставили намерений добиваться решения «украинского вопроса» всеми доступными средствами. Ведущую роль в этом стремлении приняла на себя ОУН. История этой организации, созданной в 1929 г. с целью возглавить сопротивление национально-освободительных сил Галиции антиукраинской политике Польши и преградить путь распространению сталинского режима, является частью не только украинской, но и европейской истории в наиболее трудное ее время, связанное с утверждением на долгие годы тоталитаризма. Как известно, в 1920–1930-е гг. в 17 из 27 европейских стран утвердились фашистские и полуфашистские режимы. ОУН, будучи порождением тоталитарной эпохи, с самого начала своей деятельности прибегала к радикальным средствам вплоть до террористических акций, используя все возможные внешние факторы. Крайний радикализм новой украинской революционной организации заложен был и в ее программных установках. Строй будущего украинского государства должен был основываться на принципе нациократии – «власти нации в государстве» («Украина для украинцев»). Во главе его мыслился «глава государства», он же «вождь нации». Экономический уклад представлялся в смешанных формах собственности.

Идеи нациократии, вождизма, антисемитизм, полоно- и русофобия создавали некую общность между программами ОУН и нацистской партией. На западноукраинскую гольфубу, ощущавшую себя униженной и обделенной в своем собственном отечестве, завораживающе действовали лозунги и призывы типа: «Без колхозов и помещиков», «Без холопа и пана», «Без москалей, жидов и поляков», «Будем жить по казацким обычаям». Особую активность в ОУН проявляла ее многочисленная молодежная часть –

выходцы из прикарпатских и волыньских сел, студенты, гимназисты. Эту группировку возглавил один из предводителей организации Степан Бандера*, ставший наиболее известным деятелем западноукраинского национально-освободительного движения.

Переломная веха европейской истории – начало Второй мировой войны – вызвала раскол в ОУН, хотя серьезные тактические расхождения назревали задолго до войны – слишком уж разношерстной была эта организация. В феврале 1940 г. Бандера созвал конференцию ОУН. Со своим лидером Андреем Мельником, обвиненным сторонниками Бандеры в оппортунизме, осталась «старая генерация», преимущественно городская интеллигенция. Большинство – молодежь демократического происхождения – пошла за своим кумиром Степаном Бандерой.

В апреле 1941 г. в Кракове последователи Бандеры (их стали называть бандеровцами) провели II Большой сбор ОУН. На нем Мельник был исключен из организации, а Бандера провозглашен ее руководителем. В расколовшейся ОУН оформились две организации – ОУН (мельниковская) и ОУН (бандеровская). Раскол, произошедший на этом съезде, связанном с подготовкой ОУН к взятию власти на Украине, явился показателем соперничества в том, кому стоять у кормила в будущем украинском государстве – ветеранам национально-освободительного движения или выскочкам из «молодой генерации». Поводом же послужило обвинение Мельника в недостаточном радикализме.

Глубокий раскол и последовавшая за ним ожесточенная борьба между ОУН (бандеровской) и ОУН (мельниковской), не изжитая и поныне, не были достаточно мотивированными, а сегодня вообще представляются нонсенсом. Ведь расхождения имели сугубо тактический характер (идеология, ориентация на поддержку мощного союзника, как и центральная цель – государственность Украины – были общими), но препятствовали объединению всех сил национально-освободительного движения на западноукраинских землях. Однако, судя по всему, вожди ОУН не особенно задумывались над последствиями раскола. Похоже, их больше увлекала конъюнктурная перспектива использовать шанс с помощью внешних сил реализовать идею украинской самостоятельности по бандеровскому или мельниковскому варианту.

С приходом Гитлера к власти в Германии руководство ОУН начало присматриваться к нацистам как возможным покровителям. Зарубежный историк П. Прокоп писал: «Поскольку в послеверсальной Европе единственной силой, которая могла начать войну и радикально изменить существующий международный уклад, была Германия, то тогдашние украинские политические круги, в частности Организация украинских националистов, ориентировались на Германию и искали сотрудничества с германским правительством»¹.

Стратегический замысел оуновского руководства состоял в том, чтобы, согласно тезису ведущего теоретика украинского национализма Д. Донцова, Украина освободилась «в тени германского подхода на восток». Свое намерение переиграть немцев и их руками «жар загрести» – осуществить на освобожденной от большевиков Украине «национальную революцию» – оуновские верховоды, естественно, скрывали от старших партнеров.

Гитлеровское правительство, приняв решение о нападении на СССР, обратило внимание на многочисленные украинские организации на территориях Германии и Польши, насчитывавшие до 50 тыс. членов. Эксплуатируя их стремление к созданию самостоятельного государства, нацисты, а если конкретно, то военная разведка – абвер, решили использовать украинских националистов в качестве вспомогательной силы (управленцев, хозяйственников низшего уровня, переводчиков, полицейских агентов и т.д.) в завоевании и освоении «восточного пространства», в борьбе против коммунизма.

Недоумение может вызвать то, что нацистскую верхушку, хорошо известную в мире крупномасштабными преступными делами, руководство и бандеровской, и мельниковской ОУН воспринимало как партнеров, которым можно доверять при создании

* О том, как советские чекисты ликвидировали в октябре 1959 г. в Мюнхене вождя ОУН Степана Бандеру см.: Са н и к о в Г. Как убивали Степана Бандеру // Аргументы и факты. 2000. № 45. С. 10.

независимой и соборной Украинской державы. Вожди западноукраинского националистического движения как бы не замечали того, что нацистское руководство не скрывало экспансионистских намерений в отношении Украины, делая акцент на особой ее роли как сырьевой и продовольственной базы в процессе завоевания Германией мирового господства. Тут имела место явная переоценка руководством ОУН собственных сил и возможностей в политической игре с нацистами. Очевидной является также неспособность отличить кайзеровских политиков, поддержавших в 1918 г. украинскую государственность в противовес России, от главарей Третьего рейха, которым даже в голову не приходили идеи украинской государственности. Все это не характеризует оуновских лидеров как зрелых политиков.

В целом же союз ОУН с нацистами соответствовал практике, сложившейся на международной арене во второй половине 1930-х гг. Ведь с Гитлером стремились договориться правительства многих стран. С этой точки зрения, видимо, нет четких правовых оснований истолковывать как «черное предательство» сговор оуновских политиков с нацистами, как это обычно подавалось в советской историко-партийной литературе. Ведь оуновские функционеры, по преимуществу эмигранты, не имели советского гражданства, часто даже были кадровыми работниками немецких учреждений и давали присягу на верную службу Третьему рейху, а не Советской власти.

Бросок на восток

С первых часов фашистской агрессии против Советской Союза вооруженные оуновские формирования, в том числе «Нахтигаль» и «Роланд», находясь в боевых порядках вермахта, проявили особую активность, чтобы, упредив немцев, захватить всю полноту власти в Западной Украине. Действовали они по заранее разработанному инструкциям провода (руководства. – Укр.) ОУН (бандеровской), где, во-первых, эта организация именвала себя союзницей Третьего рейха; во-вторых, содержалась ориентировка местного подполья на взаимодействие с вермахтом против частей Красной армии; в-третьих, предписывалось незамедлительно брать власть на местах в свои руки; и, в-четвертых, устранять физически лиц, нелояльных ОУН(б). В одной из таких инструкций (май 1941 г.), озаглавленной «Борьба и деятельность ОУН во время войны», давалось указание подполью на местах с приходом немецкой «союзнической армии» сразу информировать ее командование, что ОУН уже очистила местность от большевиков, взяла власть в свои руки и «готова далее вместе с немецкой армией воевать против Москвы». Содержались в ней указания разоружать отступавшие советские войска, при этом «московскую мужву (мужичье. – Укр.) отдавать немцам в плен, вообще ликвидировать». «Во время хаоса и замешательства можно позволить себе ликвидировать также нежелательных польских, московских и жидовских деятелей, особенно сторонников большевистско-московского империализма»².

Используя свои преимущества как союзников рейха, провод ОУН(б) решил явочным порядком учредить украинское государство под эгидой Германии. Сформированный из членов ОУН (б) батальон «Нахтигаль», на семь часов опередив немецкие войска, проник во Львов и вместе с оуновским подпольем ударил в спину советским войскам. В тот же день, 30 июля 1941 г., пользуясь сумятицей и неразберихой, втайне от имперского руководства была сделана попытка поставить Германию перед свершившимся фактом восстановления под ее эгидой государственной независимости Украины. Эта затея сразу же провалилась. Стало окончательно ясно, что в лице нацизма украинский народ имеет непримиримого врага, который вынашивал сугубо экспансионистские замыслы.

Неожиданный ход украинских приспешников вызвал резко отрицательную реакцию в Берлине и острый кризис в отношениях между бандеровцами и оккупационными властями, а также высшим нацистским руководством, хотя в акте восстановления украинского государства от 30 июня 1941 г. делался акцент на полнейшей подчиненности его рейху и совместной борьбе против Советского Союза. «Фюрер – единственный,

кто руководит борьбой, и никаких украинских союзников не существует»³, – такое внушение получил из Берлина Бандера. За бескомпромиссное отстаивание «Акта 30 июня» его инициаторы Бандера и Стецько были интернированы в концлагере Заксенгаузен на правах «почетных узников», а всего до конца 1941 г. нацисты арестовали несколько сот их приверженцев.

Вынужденные из-за репрессий гитлеровцев уйти в подполье, бандеровцы приступили к созданию нелегальных национально-государственных структур на местах. Их задача была сформулирована в постановлении конференции ОУН(б) в сентябре 1941 г. так: «Пропагандистско-разъяснительная подготовка для активной борьбы с немецким оккупантом... Одновременно такая же акция против новых попыток большевизации украинских территорий»⁴. Другими словами, ОУН(б) декларировала борьбу на два фронта.

Обновленный после репрессий провод ОУН(б) изменил тактику и сформулировал организационно-пропагандистские «походные группы» из 7–12 человек. В качестве служащих вермахта и оккупационных органов с соответствующими документами, подтверждающими их права и полномочия, участники групп в составе немецких войск, а зачастую и в их мундирах входили в оккупированные города и районы и оседали в гестапо, полиции, оккупационных учреждениях. Общая численность этих групп составляла несколько тысяч человек. «Активность сторонников Бандеры, как это замечено, все время усиливается», – лаконично, но с тревогой отмечал в очередной оперсводке в октябре 1941 г. командующий оперативным тыловым районом «Юг»⁵. В новой, антигерманской роли оуновцы стремились распространить влияние не только на западную, но и на всю остальную Украину.

На почве взаимоотношений с нацистами все более обострялись противоречия между обеими фракциями ОУН. Действуя вполне легально, мельниковцы открыто сотрудничали с оккупационными властями в роли ревностных полицейев, бургомистров, старост, были инициаторами создания в 1943 г. дивизии СС «Галичина». Низовые организации мельниковцев иной раз прибегали к антигерманскому фрондерству, вызывая этим возмущение и нацистов, и своего руководства. В августе 1942 г. командующий полицией безопасности и СД района «Галиция» сообщал в Берлин, что ОУН(м) приступила к «откровенно антинемецкой пропаганде» и что, хотя мельниковцы «пытаются показать себя лояльными, следует остерегаться их»⁶.

Многочисленные документы, прежде всего немецких оккупационных органов, ставшие доступными исследователям в последнее время, свидетельствуют об эффективности «походных групп». Разведотдел тылового района группы армий «Юг» объяснял усиление их влияния тем, что оуновцы сумели в массовом порядке обойти все препоны, используя мандаты, подписанные руководством ОУН. В них говорилось, что эти люди «будут выполнять особые задачи в полном согласии с германским вермахтом». Тут же содержалась и просьба ко всем оккупационным и воинским инстанциям всячески «поддерживать владельца мандата»⁷. Такого документа, как констатировал разведотдел, было достаточно, чтобы без всяких препятствий пройти всю Украину. Из немецких же источников можно сделать вывод, что с лета 1941 по осень 1942 г. бандеровские и мельниковские нелегалы-самостийники, действовавшие нередко на территории восточной Украины объединенно, сумели закрепиться и развернуть работу по вербовке единомышленников во многих местах, особенно в таких крупных городах, как Харьков, Чернигов, Днепропетровск, Сумы, Донецк, Полтава, Одесса, Симферополь.

Наибольшую активность оуновцы проявляли в Киеве, ставшем центром националистического движения. Полиция безопасности и СД, которую возглавлял опытный контрразведчик оберштурмбанфюрер СС Эрих Эрлингер⁸, с зимы 1942 г. отмечала большую активность как бандеровцев, так и мельниковцев. Последние особое внимание уделяли распространению своего влияния над духовную сферу. «Направление Мельника, – писал Эрлингер, – выдвигает требование приспособления всей культурной жизни Украины к его пониманию независимости украинского государства. Существенным тут является не столько требование искоренения большевизма, сколько

объявление войны всему российскому. В его платформе по культурным вопросам говорится: «Со всем российским в языке, жизни и обычаях следует бороться»⁹. Руководство киевской полиции безопасности и СД докладывало своему руководству в Берлине, что крайние националистические круги «со свойственной им до предела доведенной нетерпимостью в отношении всего неукраинского, наблюдающейся во всех областях общественной жизни, раздувают ненависть к русским, которых они пренебрежительно называют «московитами», к русской культуре, литературе, языку, не принимая во внимание национально-политических условий, утверждают, что те, кто восхищается русской культурой, невольно приближается к коммунизму»¹⁰. В упомянутом документе о политической обстановке в Киеве в подтверждение этих выводов приводится статья профессора Романа Бжеского «Большевистские парашютисты», главная идея которой сводилась к тому, что «русские должны быть уничтожены для блага человечества», и «почетную эту миссию должен осуществить германский народ и его славная армия». Описывая далее перипетии межнациональных отношений, шеф службы безопасности по Киеву писал, что в городе началась «новая волна украинизации» и городской голова издал распоряжение, которое «должно как будто бы гарантировать украинизацию всего городского управления и учреждений»¹¹.

В этой ситуации оккупационные органы вели себя по принципу «Разделяй и властвуй». Как бы осуждая попавших в немилость украинских националистов, немецкие власти, находясь в принципе на ультрарусофобских позициях, пытались представить дело так, что они якобы берут русское население под защиту от нападков ОУН. Эрлингер, констатируя, что «значительная часть русского населения вынуждается к занятию оборонительной позиции из чувства самосохранения перед тенденциями со стороны украинцев и немцев, направленными на их физическое истребление», отмечал: «Часть украинской интеллигенции, особенно старая ее часть, отклоняет любую мысль об украинской государственной форме... Украинские устремления, которые по существу, между прочим, ограничиваются тем, чтобы принудительным путем ввести украинский язык как единственно употребляемый, встречают сопротивление, поскольку – особенно в городах – большая часть населения с давних пор разговаривает на русском языке»¹².

Высказывая удивление по поводу того, с какими «широкими, фантастическими планами» возвратились на Украину, в Киев украинские эмигранты, Эрлингер писал: «Их рассматривают как людей, которые пытаются повернуть назад колесо истории, не хотят признать изменения в жизни и характере украинского народа, произошедшие за 23 года советского господства». Он делал общий вывод: «Широкие круги украинского населения... не увлекаются украинскими националистическими устремлениями и не следуют за крайним национализмом»¹³. Подобное наблюдение нередко встречается в немецких документах. Так, в докладе об обстановке в центральной части Украины штаба 444-й охранной дивизии читаем: «В исконно русской части Украины националистические призывы, выдержанные в бандеровском духе, отклика не находят»¹⁴.

С выводами представителей немецких оккупационных властей перекликаются впечатления совсем другой стороны. Украинская писательница Докия Гуменная, немецкую оккупацию переживавшая в Киеве, работая в одной из районных управ, а в 1943 г. эмигрировавшая с немцами, отмечала, что интерес киевлян к галицким интеллигентам и их идея на определенном этапе начал уступать место взаимным непониманию и отчуждению. «Воззвания националистов – какие-то бредовые, неделовые, интеллигентские реминисценции с плохо и тенденциозно составленных школьных учебников истории. Они не знают нашей действительности, лепечут о Киевской Руси, викингах, – а где их конкретные аргументы, лозунги?.. Разочаровались и в них. Слишком умные! Пришли по пятам немцев – невелика заслуга! – и претендуют на роль вождей над серой плебейской массой туземных свинопасов. Выскочки. Усвоили несколько штампов и возомнили себя богами украинского дела, заранее уже зная, что никто, кроме них, ничего не знает. Так чем они от фашистов отличаются, если они пришли, чтобы владычествовать? Местному и не пискни по-своему, ибо это уже и отсталость и оболышевичение, и несознательность»¹⁵.

Конфронтация с Третьим рейхом

Хотя оуновские нелегалы ограничивались организационной и пропагандистской работой, их линия на государственную самостоятельность Украины все более входила в противоречие с захватнической, колонизаторской в рабско-крепостническом варианте политикой Гитлера и его клики. Нацистов устраивала приглушенность национально-государственнических устремлений восточноукраинского населения. Это как бы давало дополнительные аргументы для политической формы немецких претензий на руководство Украиной, т.е. для ее колонизации. Репрессии против украинских националистов, неожиданно для немцев показавших свой норв, на протяжении длительного времени были едва ли не основной заботой нацистских органов безопасности. Украинской вспомогательной полиции дел, связанных с ОУН, не доверяли. В отчетах в Берлин о деятельности полиции безопасности и СД появилась еженедельная рубрика «Украинское движение сопротивления». Упоминаются в ней Ровно и Сумы, Полтава и Николаев, Чернигов и Одесса. Повсеместно оккупанты без суда и следствия вешали и расстреливали поборников украинской самостийности, невзирая на их партийную принадлежность. Только в Киеве от рук фашистов погибли более 600 членов оуновской организации¹⁶.

Ощувив угрозу своему безраздельному владычеству, оккупанты начали спешно издавать директивы, ограничивавшие проникновение оуновских нелегалов в города и сельские районы востока и юга Украины. В ноябре 1941 г. министерство оккупированных восточных областей отдало распоряжение о «принятии всех целесообразных мер, чтобы политически активные элементы в Западной Украине встречали препятствия в своей деятельности и чтобы был запрещен выезд их представителей из генерал-губернаторства»¹⁷. Рейхскомиссару Украины Э. Коху было дано указание всячески препятствовать проникновению «украинских политических агентов», считая их нежелательными лицами. На это Кох, неизменно настроенный в экстремистском духе по отношению к своим подданным, предложил «взять в заложники всю украинскую политическую эмиграцию в Европе»¹⁸.

Конфронтация на этом этапе между ОУН(б) и немецкими оккупационными властями – факт неопровержимый. Хотя войну между СССР и Германией руководство ОУН(б) расценивало как борьбу «двух империализмов за овладение Украиной», считалось, что, поскольку Советский Союз войну уже проиграл, отвоёвывать независимость придется у Германии, которая будет настолько обессиленной, что новосозданное украинское войско собственными силами сможет изгнать немцев, после чего будет провозглашено Украинское государство.

Когда на советско-германском фронте наметились изменения в пользу Красной армии, руководство ОУН(б) определило новые приоритеты борьбы. Уже в середине 1942 г. начальник полиции и СД на Украине сообщал вышестоящей инстанции об имевшемся в его распоряжении оуновском документе, где содержались важные указания на корректировку стратегических координат бандеровского движения: «1. С целью предотвращения распыления сил активная борьба только против Москвы; 2. В отношении Германии – ждать, беречь силы, никаких излишних неосторожных акций, но внутренняя и организационная подготовка и распространение сети ОУН должны быть готовы, чтобы в нужное время быть в состоянии “сказать последнее слово”»¹⁹.

Основной вооруженных формирований ОУН(б) стали повстанческие отряды, созданные в лесных массивах Волыни и Полесья деятелем украинского национального движения Тарасом Боровцом (Тарас Бульба) и названные «Полесской сечью». В комплектовании и обучении этих подразделений принимали участие бывшие офицеры украинских батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», в составе вермахта, как уже говорилось, пришедших на Украину в июне 1941 г. и затем использовавшихся в карательных мероприятиях против партизан Белоруссии. Дальнейшее превращение бульбовских вооруженных формирований в Украинскую повстанческую армию взял на себя бандеровский провод ОУН.

Освободительные лозунги, призывы к сопротивлению поработителям и созданию независимой соборной Украины обеспечили прилив добровольцев. Одновременно проводились и широкие мобилизационные мероприятия. Были организованы курсы по подготовке командного состава. Оружие собиралось на местах боев, покупалось и выменивалось у немцев, закладывались многочисленные базы продовольствия, в лесах проводились военные учения. К октябрю 1942 г. формирование повстанческой армии под эгидой ОУН(б) было завершено.

Документы свидетельствуют: боевые действия УПА вела против гитлеровских оккупантов в ограниченном объеме. Командование целенаправленно сохраняло ее для выполнения главной роли – борьбы против «новой большевистской оккупации». Но местные отряды, сельские «боевки» руководству трудно было удержать от спонтанных выступлений против фашистских грабителей и убийц. Таким образом, велись спорадические боевые действия «местного значения». Это вооруженное противостояние имело место обычно тогда, когда в селах начинались очередные кампании по угону молодежи на каторгу в рейх, по изъятию у населения скота и продовольствия. Зарубежный исследователь деятельности УПА Петро Мирчук в этой связи писал: «Обычно подразделения УПА избегали крупных боев, тем более боев с немецкой армией. Удары УПА были направлены прежде всего против немецкой полиции»²⁰. Мирчук рассказывает о том, что в марте 1943 г. по приказу провода ОУН(б) в УПА перешла почти вся украинская полиция Волины и Полесья, значительно усилив ее. А в мае–июне того же года формирования УПА «в непрерывных боях с немецкими полицейскими, а также войсковыми частями» взяли указанные регионы под свой контроль.

С начала года, отмечается в донесении разведотдела войск СС и полиции безопасности Юга России от 30 июня 1943 г., отряды УПА распространили свои действия на район Костополь – Людинополь – Березное, далее – на Ровно и Ровенский район, на Луцк и Волинь. Происходили массовые нападения на польские селения, столкновения с советскими партизанами в различных районах. И далее: «Нападения на немецкие подразделения были редкостью, вообще не было ни одного случая, когда были бы искалечены служащие немецкой полиции и военнослужащие вермахта... Имели место случаи, когда банды сознательно щадили жизнь немцев»²¹.

Все более обострялись отношения между УПА и советскими партизанами, которых Украинский штаб партизанского движения направлял в Западную Украину. И та и другая стороны стремились захватить контроль над территорией и населением. Отчеты партизанских отрядов и соединений пестрят сообщениями о стычках с отрядами УПА и взаимных контрразведывательных мероприятиях. Имеются сведения и о попытках контактов между советскими партизанами и местными повстанцами. Обеспокоенность оккупантов последним обстоятельством видна в сообщении в Берлин в октябре 1942 г. начальника полиции безопасности и СД из района Сарны на Ровенщине: «Относительно большевистских банд оуновские формирования на местах придерживаются благожелательного нейтралитета»²².

В 1943 г. обстановка в Западной Украине продолжала осложняться. Вспыхнул давно тлевший украинско-польский национально-религиозный конфликт, вылившийся во взаимную длительную резню при активном участии вооруженных формирований ОУН – УПА и польского эмигрантского правительства – Армии Крайовой. Эта трагедия остается и поныне слабо исследованной в украинской историографии. Ясно одно: оуновцы сделали попытку принудительного изгнания поляков с западноукраинских территорий вначале на Волини, затем в Галиции и, наконец, в Закерзонье, т.е. на запад от линии Керзона, ставшей в 1939 г. новой государственной границей СССР. Цель: воспользовавшись безгосударственностью, силой украинизировать приграничные районы и ликвидировать благоприятную для Польши демографическую базу возможного в будущем референдума. Не оставалась в долгу и Армия Крайова, ставившая целью изгнание украинского населения из этих районов.

Во взаимных «санационных» террористических акциях погибло не менее 40 тыс. поляков (некоторые авторы называют 60–80 тыс.) и приблизительно столько же украин-

ского населения. Выгоду от этой резни имела только третья сторона – фашистские оккупанты, которые стремились, сгравливая одних с другими, не допустить их единения в движении Сопротивления. Рейхскомиссар Украины Кох так прокомментировал свою позицию: «Хочу, чтобы поляк при встрече убил украинца и наоборот. И если к тому же застрелят и еврея, – это будет как раз то, что нам требуется»²³.

Наряду с этим усилилась роль СБ (службы безопасности) ОУН в крае. Она приобрела особый статус и положение в структуре ОУН–УПА. «Эсбисты (СБ) были законом и судом в УПА Бандеры»²⁴, – писал позднее один из руководителей ОУН – УПА М. Смольский. СБ была организована и вышколена по образцу нацистских спецслужб. Почти все руководство службы составляли выпускники немецкой полицейской школы в Закопане (Польша) 1939–1940 гг. Ее объектом стали все нежелательные элементы, прежде всего коммунисты, советские и колхозные активисты, поляки, семьи военнослужащих Красной армии и другие «враги украинского народа». Мартиролог массового террора приведен в недавно изданной книге канадского юриста украинского происхождения В. Полищука «Горькая правда»²⁵.

Новые ориентиры ОУН

Поражение гитлеровских войск под Сталинградом, контрнаступление Красной армии и начало изгнания фашистов с территории Украины поставили руководство ОУН(б) перед необходимостью дальнейшего уточнения военно-политической ориентации. Продекларированная концепция «двухфронтной» борьбы одновременно против «империализмов Берлина и Москвы» оказывалась явно несостоятельной. И по мере приближения линии фронта неотвратимой становилась перспектива поиска политического взаимопонимания руководства ОУН(б) с немцами, хотя цели Гитлера в отношении Украины были уже более чем общеизвестны. Но в сравнении с возвращением Советской власти для руководства ОУН(б) жестокости фашистской оккупации представлялись явлением временным и вообще меньшим злом.

Отражением очередной смены позиции в политической ориентации руководства ОУН(б) стали непосредственные контакты ее представителей и немецких спецслужб, длившиеся фактически всю первую половину 1944 г. и проходившие в строжайшей тайне. Следует сказать, что многие десятилетия оуновские историки, понимая преступный характер бандеровско-нацистских связей, да и их бесперспективность в конечном счете, всячески замалчивали эту тему. Так было во время войны и после ее окончания. Первое признание такого рода появилось лишь в 1987 г., когда в США вышел сборник документов об англо-американской политике в «украинском вопросе», составителями которого являются Л. Луцюк и Б. Кордан. В «Отчете военного министерства Великобритании об украинском националистическом движении и сопротивлении на Украине», датированном 13 декабря 1945 г., читаем: «О переговорах между УПА и немецкими армейскими соединениями на сугубо локальном уровне стали приходиться сведения с начала 1944 г. Они проводились на основе взаимной неагрессивности. На протяжении всех переговоров УПА настаивала, дабы они держались в тайне, чтобы не дать повод для пропаганды в Красной армии»²⁶.

Странную забывчивость по отношению к документам о возобновлении бандеровско-нацистских связей проявила и советская сторона, ограничившись их шумливой констатацией, но не вдаваясь в подробности. Советская разведка узнала об этих переговорах с опозданием – в апреле 1945 г. Нарком госбезопасности Украины С.Р. Савченко в специальном сообщении на имя первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева информировал его о сенсационной находке в материалах полиции безопасности и СД, обнаруженных после изгнания немцев из Львова и касавшихся встреч представителей двух сторон и договоренностей об объединении сил против советской угрозы.

Впервые о существовании германских документов о переговорах между проводом ОУН(б) и руководством полиции безопасности и СД в «дискрипте Галичина» историкам стало известно в полном объеме лишь в 1994 г., после передачи их из архива КГБ

УССР в фонды Центрального государственного архива высших органов управления Украины. Ввиду новизны этих документов есть смысл остановиться более подробно на их содержании.

Итак, 13 марта 1944 г. начальник полиции безопасности и СД в «дискрикте Галичина» оберштурмбанфюрер СС Витиска обратился к своему непосредственному начальнику, шефу полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве оберфюреру СС Биркампу с донесением, в котором сообщал, что 5 марта 1944 г. состоялась встреча между референтом СД под криптонимом «N» и «одним украинцем», назвавшимся Иваном Герасимивским. Впоследствии советские контрразведчики выяснили, что «N» оказался подчиненным Витиски Паппе, а фамилией Герасимивский представился член провода ОУН(б), униатский священник Иван (Всеволод) Гриньох, в руководстве ОУН(б) специализировавшийся на всякого рода деликатных миссиях. Цель и смысл встречи в сообщении излагались так: «Бандеровская группа ОУН пытается спастись от уничтожения с русско-советской стороны и ищет спасения на немецкой стороне»²⁷.

Как видно из донесения, на первой встрече Герасимивскому дали возможность выговориться. Монолог был запротоколирован и представлен в донесении Биркампу. Вот какова была главная мысль, высказанная посланцем ОУН(б): «ОУН считает своими исключительными и единственными врагами москвитов и большевиков, и вся ее нелегальная деятельность направлена на их уничтожение. Группа ОУН под руководством Бандеры никогда не считала своими противниками немцев и поляков»²⁸. Следующее заявление было связано с отношениями ОУН(б) и Третьего рейха. «Украинцы, особенно бандеровская группа ОУН, ясно себе представляют, что завоевать свою самостоятельность они могут лишь с помощью немцев. Именно поэтому украинцы (члены ОУН. – М.К.) стали на сторону Германии уже в мировой войне, и позднее они искали поддержку в Германии и находили ее, впоследствии они внесли свой вклад в дело Германии во время польского похода и в начале германо-советской войны. Организация Бандеры, как и до этого, проявляет уважение к Германии и чувство дружбы к германскому народу. Ошибаются те, кто считает, что группа Бандеры усматривает в германском рейхе своего противника. Политическая ситуация на великорусских просторах могла бы сложиться совсем по-другому, если бы германский рейх в 1941 г. признал за украинцами право на создание своей собственной государственной администрации. Украинцы (члены ОУН. – М.К.) без всякого сомнения удовлетворились бы такой формой государственности как протекторат». О дальнейших планах своей организации посланец ОУН(б) высказался так: «Группа Бандеры будет вынуждена продолжать свою нелегальную работу. Но при этом она будет строго придерживаться правила: не выступать против Германии и направлять все свои силы на подготовку к решительной борьбе с москвитами»²⁹.

В заключение Герасимивский изложил свои условия, главным из которых было: полиция безопасности и СД не должна впредь арестовывать членов ОУН(б) за нелегальную политическую деятельность. В обмен на выполнение своих условий ОУН(б) обязалась, по словам Герасимивского, придерживаться «безусловной и полной лояльности в отношении всех германских интересов»; предоставлять в распоряжение СД «полученные ею разведанные о большевизме, коммунизме (так в немецком оригинале. – М.К.) и польской стороне». ОУН(б) обещала использовать свои вооруженные силы «против советских банд» (партизан. – М.К.).

Встреча представителей руководства ОУН(б) и СД во Львове была одобрена высокими инстанциями в Берлине и лично шефом IV управления Главного имперского управления безопасности Г. Мюллером. Более того, было получено «добро» на продолжение переговоров. 23 марта состоялась вторая встреча. Тема переговоров и тактика СД в отношении представителя ОУН(б) оставались теми же. Говорил в основном Герасимивский. Он на разные лады обосновывал позицию своего руководства, «которое ожидает от соглашения с СД очень многого как для самой организации, так и для общей борьбы с заклятым врагом – большевизмом»³⁰.

Третья встреча, намеченная на 26 марта, не состоялась «по служебным причинам», о чем Герасимивский был извещен специальным письмом. Во время встречи 28 марта Герасимивский «незаметно прибыл», как отмечалось в информации львовского СД руководству в Берлине, на указанную в письме конспиративную квартиру. С самого начала встречи инициативу взяла на себя немецкая сторона. Герасимивскому было заявлено, что немцы «с пониманием относятся к борьбе за самостоятельность, которую ведет бандеровская группа ОУН». Но вместе с тем немецкий представитель подчеркнул, что «именно в последнее время деятельность ОУН на многих участках была направлена исключительно против интересов Германии... вместо того, чтобы включиться в борьбу против большевизма»³¹. Оправдываясь, Герасимивский подчеркнул, что «вся нелегальная деятельность бандеровской группы ОУН есть не что иное, как борьба исключительно против большевизма, и что нанесение ущерба немецким интересам и вообще всевозможные антигитлеровские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровского руководства ОУН и никогда не будут исходить в дальнейшем. Ведь оно усматривает в Германии единственного партнера, на которого можно надежно опереться в борьбе против большевизма с надеждой на успех»³². Герасимивский с готовностью согласился лично побывать во всех формированиях УПА, чтобы не допустить впредь антигитлеровских выступлений.

По результатам четвертой встречи (3 мая) можно уверенно сделать вывод: предыдущие договоренности успешно претворялись в жизнь. Как сообщил Витиска обергруппенфюреру Мюллеру, УПА обязалась передать немцам 20 советских парашютистов, в их числе несколько женщин-радисток, а также радиостанцию для использования в радиоигре. Взамен гитлеровцы должны были освободить одного из бандеровских функционеров, которому был вынесен смертный приговор, но с условием, что об этом обмене не должны быть знать ни сами парашютисты, ни повстанцы УПА. Герасимивский предложил план: парашютисты будут «схвачены» СД как будто бы из «засады» во время их конвоирования. Дабы избежать кровопролития между фашистами и бандеровцами, было решено не выдавать конвоирам УПА оружие или же выдать его минимальное количество. Герасимивский обязался лично быть поблизости и в случае необходимости «уладить все». Витиска согласился на такой обмен.

Небезынтересен и такой пассаж, показывающий, как далеко зашли оуновские руководители в «налаживании отношений» с нацистами. Герасимивский во время одной из встреч предложил, чтобы УПА своими силами заняла один из участков советско-германского фронта в Карпатах. Однако германская сторона отклонила это предложение, назвав его смехотворным, ибо если даже вермахт не в силах сдерживать натиск Красной армии, то тем более это не под силу УПА³³.

Параллельно с переговорами Витиска–Герасимивский были установлены связи между начальником отдела разведки и контрразведок штаба СД и полиции безопасности Юга России штурмбанфюрером Шмитцем и «отдельными командирами банд» в районах Постояно в 33 км юго-западнее Ровно, Кременец, Вербя, Кохны, Березно, Подкамень, Деражное. Шмитц весьма преуспел в использовании командиров УПА и, как говорилось в соответствующем донесении в Берлин, «получал от них разведывательные данные о советско-русских и польских бандах и о Советской армии, используя их как диверсионные группы против Красной армии». Эти усилия «оказались очень полезными для боевых частей на фронте»³⁴. Ободренный первыми успехами взаимодействия с ОУН(б), Витиска телеграфировал Мюллеру: «Сотрудничество с УПА со стороны вермахта и прежде всего абвера будет сохранено и в будущем»³⁵.

К тому времени «переговорный процесс» был значительно расширен. Стороны представляли: УПА – ее командующий Клячкивский, члены провода Данилин и Гринюх, Герасимивский и другие; со стороны немцев – штандартенфюрер СС Шиффельд, начальники абверкоманд 101 и 202 подполковники Лингардт и Зелигер. Предметом обсуждения были вопросы развития взаимодействия вермахта и УПА в противостоянии с Красной армией. Насколько продвинулось это взаимодействие, можно судить по фактам, изложенным в последнем из имеющихся в указанном выше архивном деле донесе-

ний. Если ранее, писал Витиска, абверкоманда 101 собирала разведанные преимущественно через военнопленных, то теперь вследствие стремительного наступления советских войск военнопленных почти невозможно привлекать к использованию в немецких интересах. «По этой причине единственной возможностью для этого является использование Лингардтом людей УПА». В донесении в Берлин был сделан даже такой вывод: «Без связи с УПА его (Лингардта. – М.К.) деятельность была бы невысказанной. Представленный УПА материал по военным делам чрезвычайно широкий (10–15 донесений в день) и преимущественно используется войсками»³⁶.

Насколько Лингардт и Зелингер сумели реализовать налаженный службой безопасности нацистской партии и проводом ОУН(б) альянс «Наци–ОУН», свидетельствует признание Витиски: «Соединения УПА несут большие потери и на некоторых участках оказали войскам в критические моменты услуги, которые нельзя недооценить. Решающим, впрочем, является то, что украинские банды в фронтовой зоне прекратили борьбу против немцев»³⁷. Возникает вопрос: чем же рассчитывались немцы с бандеровцами за столь ценные для них услуги? Ведь какие бы то ни было политические уступки становились бессмысленными ввиду критического положения Третьего рейха. Ответ прост: рассчитывались оружием, учитывая то, что УПА проводила широкие мобилизации среди населения³⁸.

В отдельных случаях бандеровско-немецкие военные отношения приобретали характер прямого боевого взаимодействия перед лицом наступающих советских войск. В январе 1944 г. после переговоров между начальником германского гарнизона г. Камень-Каширский на Волыни и командиром сотни УПА «Ворон», насчитывавшей около 300 человек, гитлеровцы передали повстанцам оружие, боеприпасы, продовольствие, фураж. Затем немецкий гарнизон оставил город, и в него вошли оуновцы, которые находились так около трех месяцев до прихода советских войск. Вместе с частями вермахта оуновские формирования в феврале 1944 г. обороняли от советских войск населенные пункты Домбровицы, Колки, Бережки, Берестье, Желтки Ровенской обл. Трехдневные бои против наступающих советских войск вела группировка УПА в апреле 1944 г. под Кременцом на Тернопольщине.

Как видим, отношения руководства ОУН–УПА с нацистами были сложными и носили преимущественно тактически-конъюнктурный характер. Они были традиционно направлены на использование всех возможностей в интересах осуществления программных целей ОУН и для борьбы с Советской властью. Но очевидным является и то, что эти маневры не дали практической выгоды бандеровцам в решении «украинского вопроса» и фактически лили воду на мельницу Германии.

Объяснение слепой пронемецкой инерции оуновского руководства и его противостояния победоносной антигитлеровской коалиции может быть лишь одно – абсолютное неприятие оуновцами Советов и СССР. И чтобы облегчить по сути уже поверженному Третьему рейху официальное признание союзнических отношений с ОУН–УПА, бандеровские руководители в июле 1944 г. пошли на следующий политический маневр: трансформировали ОУН, не выражавшую всего многообразия националистического движения в крае, в более представительный Украинский главный освободительный совет, в который вошли и другие националистические группировки в Западной Украине. А в феврале 1945 г. был создан еще один орган – Украинский национальный комитет (УНК), рассматривавшийся как политическая надстройка УПА. От имени правительства Германии УНК был официально признан лично рейхсминистром А. Розенбергом в качестве «представителя украинского народа».

Под патронажем УНК из разброшенных по всем фронтам украинских формирований (дивизия СС «Галичина», 281-я запасная бригада, парашютная бригада им. Бульбы-Боровца, до 100 саперно-строительных, технических и других подразделений) была сформирована Украинская национальная армия как придаток вермахта. С конца 1944 г. было начато формирование 1-й и 2-й украинских пехотных дивизий. Дивизионной песней был украинский национальный гимн. Знамена – традиционные, желто-голубые. И хотя на немецких мундирах красовалась украинская символика, а присяга принима-

лась на верность Украине, командование дивизиями и их подразделениями фактически было в руках немецких офицеров.

В знак окончательного примирения с самостийниками, которые своими государственническими амбициями попортили немало нервов немецким властям, было решено освободить из концлагерей интернированных в разное время Бандеру, Мельника, Боровца и других лидеров национально-освободительного движения. Так, бандеровцы, пойдя в конечном счете на официальное соглашение с рейхом, объединили усилия перед угрозой «совитов» со своими заклятыми врагами – мельниковцами, которых до этого справедливо упрекали за сотрудничество с немецкими властями.

Как видим, «союз» ОУН с Третьим рейхом как в 1939–1941 гг., так и в 1944–1945 гг. был «союзом коня и всадника», где оуновские верховоды выступали отнюдь не в роли последнего. Но вряд ли будет уместным навешивать ярлык коллаборационистов на всех без исключения участников националистического движения, включая многие тысячи рядовых повстанцев, забитую и неграмотную голытьбу, далекую от руководителей ОУН с их политическими интригами в той же мере, в какой далеки были сырые и мерзлые лесные бункеры боевиков от заграничных комфортабельных отелей оуновских лидеров. И если уж вопрос об отношении к фашистской Германии является центральным для оценки ОУН, поскольку Вторая мировая война вообще стала апогеем всей истории этой организации, то следует признать, что в целом безуспешные для украинского дела отношения оуновцев с нацистами в конечном счете только повредили репутации национально-освободительного движения в Западной Украине. Один из трезво мыслящих деятелей ОУН(б) Ярослав Гейвас по этому поводу писал: «Первой и неизменной причиной нашего эвентуального сотрудничества с немцами были надежды и расчеты на очевидную пользу для народа и окончательная уверенность, что такое сотрудничество приведет к получению самостоятельности... Мы знаем, что за этими надеждами стояли среди тогдашних ведущих украинских деятелей иллюзии... Иллюзии, очевидно, были ошибкой, что можно понять, но оправдать нельзя и не нужно. Но они были фактом, которого также отрицать нельзя и не нужно»³⁹.

Противостояние: УПА – Красная армия

С вступлением Красной армии на западноукраинские земли положение ОУН резко осложнилось. Хотя на знаменах советских войск были начертаны лозунги освобождения от чужеземного гнета, интернационализма, социального равенства, в представлении широких слоев западноукраинского населения при приближении «совитов» возникали иные картины недавнего прошлого. На взаимоотношения западных украинцев с Советской властью негативно повлиял предвоенный процесс советизации края. В сентябре 1939 г. Красная армия и Советы были здесь встречены в целом благожелательно. Не очень-то верили тогда в рассказы об «ужасах коммунизма». А вот польская колонизация была нестерпимой, да и немецких фашистов в Западной Украине тоже опасались. И первые шаги новой власти оправдали ожидания основной массы населения – людей труда. Была ликвидирована безработица, введен 8-часовой рабочий день, погашены многомесячные долги по зарплате. Крестьяне получили свыше 1 мл га пахотной земли, отобранной у панов. Людей обрадовали бесплатные образование и медицинское обслуживание, появление детских садов, резкое увеличение числа школ с обучением на украинском языке, изменение контингента студентов в пользу украинцев, украинизация прессы, театров и др. В целом настроение широких масс населения было достаточно просоветским и уж во всяком случае не антисоветским. Это сказалось на результатах выборов в Украинское народное собрание, которое абсолютным большинством голосов высказалось за вхождение западноукраинских земель в состав Украинской ССР.

В такой обстановке ОУН, находившаяся на нелегальном положении, почти себя не проявляла. Как отмечалось в ориентировке НКГБ СССР, социально-культурные мероприятия Советской власти «в известной мере подорвали массовую базу ОУН»⁴⁰. В свете новой ситуации тогдашний глава ОУН Мельник даже вынужден был рекомен-

довать подполью воздерживаться от активных действий до немецкого вторжения в СССР. Однако положение изменилось, как только начали набирать обороты мероприятия по форсированию советизации с нивелировкой местной специфики и игнорированием того, что галицкая ветвь украинского народа никогда не входила в состав России и исповедывала униатство. Причем советизация сопровождалась массовыми репрессиями в отношении «социально чуждых» и «политически ненадежных» слоев населения, особенно интеллигенции и служителей униатской церкви. Был депортирован почти 1 млн. человек (включая Западную Белоруссию). Без соответствующих условий и подготовки началась массовая коллективизация хуторских хозяйств, что более всего устращало крестьян.

На этом фоне стали возрастать шансы ОУН, которая предстала в роли «защитницы народных интересов». По данным НКГБ, к концу 1940 г. в Западной Украине действовало более 140 подпольных организаций оуновцев. Только в апреле–мае 1941 г. было зарегистрировано 105 терактов, погибло и было ранено около 150 человек, связанных в основном с проведением коллективизации. С досадой писал А.П. Довженко в 1940 г.: «Вообще наши ведут себя плохо; в Западной Украине нас встречали в прошлом году изумительно, а теперь мы довели до того, что там ширится повстанческое движение... Мы туда несем нашу грубость, неделикатность, некультурность»⁴¹. С началом гитлеровской агрессии население Западной Украины в основном повернуло против «совитов» и Красной армии. ОУН удалось организовать вооруженное восстание во время отхода советских войск из Львова. Выстрелами провожали многие галичане Советскую власть, а другие в это время сооружали триумфальные арки на приграничных дорогах, встречая гитлеровские войска. Таков был плачевный итог первого этапа советизации Западной Украины по-сталински.

С настороженностью, а местами даже враждебно встречали в 1944 г. Красную армию жители городов и сел Западной Украины. В информации армейских политотделов отмечалось, что отношение местного населения к советским войскам «довольно равнодушное, без проявления дружелюбия, многие прячутся в домах, а в разговорах с бойцами и офицерами крайне сдержаны»⁴². УПА, выполняя указания провода ОУН(б) и решения III чрезвычайного Большого сбора ОУН в августе 1943 г., всецело сосредоточилась на вооруженном противодействии Красной армии.

Как весьма сложную оценивали обстановку в крае и руководители советских партизанских соединений. «Украинское население настроено в значительной степени националистически, отношение враждебное», – сообщал в Украинский штаб партизанского движения (УШПД) М.И. Наумов в марте 1944 г. Отмечались факты усилившегося террора против людей, настроенных просоветски. Командир партизанского вольнского соединения И.А. Артюхов докладывал в апреле 1944 г.: «Весь бывший советский актив уничтожен». И далее: «Все лица, которые каким-то образом проявили симпатии к партизанам, после отступления последних уничтожаются националистами вместе с семьями»⁴³. Сообщение в УШПД из соединений В.А. Бегмы, М.И. Наумова, Л.Я. Иванова, Д.К. Николайчика, П.П. Вершигоры изобилуют информацией о боях и стычках с УПА.

Вооруженные действия бандеровцев в прифронтовом тылу сразу же вызвали тревогу армейских инстанций снизу доверху. Причин было много: чрезвычайные происшествия следовали одно за другим. В ночь на 9 января 1944 г. в с. Белашовка под Ровно «боевка» оуновского подполья вырезала 15 спящих красноармейцев из 181-й стрелковой дивизии. В соседнем с. Москвин тогда же было отравлено 30 бойцов этой дивизии. Используя партизанскую тактику, УПА подвергала ударам отдельные подразделения Красной армии. В лесу Подгаецкого района Тернопольской обл. была устроена засада, в которую попал следовавший на фронт батальон 1331-го стрелкового полка. Из-за внезапного и сильного обстрела из пулеметов и орудий почти весь его личный состав погиб. Похищения и убийства отдельных военнослужащих стали повседневным явлением.

Шок в советском высшем руководстве, да и в «низах» вызвало покушение на командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина. Как выяснилось,

бандеровцы готовили покушение и на Н.С. Хрущева. Партийно-советское руководство, расценивая действия ОУН и УПА как «удар в спину», потребовало от военного командования активизировать борьбу против них. Обеспечивая свои тылы, командование 1-го Украинского фронта было вынуждено выделить для борьбы с УПА кавалерийскую дивизию, 20 броневиков, 8 танков. К операциям привлекались и войска Прикарпатского военного округа. 30 марта 1945 г. его командующий сообщал в Генштаб Красной армии, что 22–24 марта частями 433-й стрелковой дивизии численностью до 4,5 тыс. человек проведена операция по ликвидации формирования УПА в районе Бяли Ляс, Блищеводы, Дзибулки, Желдец, Верени, Туринка в 25 км севернее Львова. Рано утром 22 марта началось прочесывание леса. С выходом на рубеж Козины войска встретили упорное сопротивление бандеровцев, засевших в окопах и создавших круговую оборону с большой огневой насыщенностью автоматическим оружием. На протяжении более 3 часов боя они переходили несколько раз в контратаки. Во второй половине дня 22 марта сопротивление повстанцев было сломлено, и их руководство отдало приказ отходить мелкими группами. Всего из 650 бандеровцев 309 были убиты и 276 захвачены в плен. 433-я стрелковая дивизия потеряла 33 человека убитыми и 40 были ранены.

Втягивать УПА в противостояние с такой могучей силой, как Красная армия, которая выбивала с украинской земли все еще боеспособную и стойкую немецкую армию, было более чем самонадеянно для политического руководства ОУН(б). Хотя УПА за счет мобилизации численно значительно возросла, она оставалась, по существу, иррегулярным, партизанским войском, вооруженным стрелковым оружием. Из тяжелого вооружения она имела 1 самолет У-2, несколько бронемашин и бронетранспортеров, до сотни легких пушек.

О тяжелых последствиях попыток силами УПА противодействовать Красной армии, а в дальнейшем войскам НКВД говорят достоверные данные, обнаруженные в бывшем архиве ЦК КП Украины. За период 1944, 1945 и 6 месяцев 1946 г., т.е. за время активных действий в Западной Украине, были убиты 110 947, арестованы – 450 929 и явились с повинной в органы власти 114 869 участников формирований УПА и подполья ОУН.

Эти данные свидетельствуют, во-первых, о массовом характере бандеровского движения и, во-вторых, о том, что ему в 1944 г. был нанесен непоправимый урон. Из приведенных данных видно, что решающие потери УПА понесла от Красной армии, проходившей по западноукраинской территории. После 1944 г. количество участников формирований УПА резко пошло на убыль. К началу 1945 г. численность непрерывно редевших отрядов бандеровцев составляла 52 208 человек.

Словхвачившийся в конце концов Центральный провод ОУН(б) во главе с Бандерой, находясь в Западной Германии, начал спасать остатки УПА путем вывода наиболее боеспособных формирований в Германию и Австрию рейдами через территории Словакии и Польши. С 1945 по 1948 г. этим маршрутом вышли на Запад более 50 тыс. бандеровцев. К середине 1946 г., по данным НКГБ и НКВД, в лесах оставалось 169 мелких (по 10–15 человек) боевых групп («боевок»), связанных с подпольем в городах и селах.

Бандеровское подполье

Недавно открытые для исследователей документальные источники позволяют представить, по крайней мере в общих чертах, картину того, что происходило в Западной Украине после прихода туда Красной армии. В ее ближних тылах на только что освобожденной от фашистов украинской земле развернулась партизанская война. Ее целью бандеровцы провозгласили сохранение на местах оуновской нелегальной национально-государственной структуры, которая могла быть основой противостояния населения Советской власти. Отряды УПА, подполье ОУН в той или иной мере контролировали территорию в 160 тыс. кв. км, т.е. одну четверть территории Украины, на которой проживало более 10 млн. человек.

Почти везде, где действовали подполье и боевики УПА, было фактическое двоевластие: советы действовали днем, подполье властвовало ночью. Нелегальную власть представляли станицы, «кусты», районные, надрайонные, окружные, областные и краевые проводы ОУН. Там же, где было единовластие, господствовала незримая и цепкая власть националистов, поддерживавшаяся испытанными средствами службы безопасности (СБ) – «шмайсером» (автоматом) и «кренпультцем» (удавкой). Накал противостояния придавала массовая принудительная коллективизация хуторских хозяйств.

Действия оуновского подполья носили организованный и скоординированный характер. В директиве провода ОУН рекомендовалось: «В каждом районном центре создать спецбоекву, имеющую спецзадание (индивидуальные акты террора, саботажа и подобное). В сельсоветах продолжать уничтожать книги, списки, документы и т.д. Председателям сельсоветов и горсоветов препятствовать в управлении. Не допустить существования в селах клубов. Празднования, гуляния, митинги – все и повсеместно разгонять... На школьную молодежь влиять сызмальства, учить ее бороться, принуждать бойкотировать пионерские и комсомольские организации»⁴⁴. В свете этой директивы типичным можно считать террористический акт, совершенный в с. Деменка Лесная Жидаческого района Дрогобычской обл. 21 января 1945 г. в помещении сельсовета проходило собрание крестьян по поводу учета местного населения. На собрание явились только женщины, среди которых, как выяснилось вскоре, были и переодетые в женскую одежду боевики. Во время собрания они встали и расстреляли из автоматов и пистолетов весь президиум, в том числе ответственных партийных и советских работников. Убитых раздели, разули, забрали документы, оружие, одежду. Сразу же после теракта все население села из опасения наказания ушло в лес. На месте осталось лишь 8 стариков и старух, неспособных передвигаться. Они и были арестованы прибывшими чекистами.

Активную поддержку оказывала ОУН(б) Украинская греко-католическая церковь, священнослужители которой зачастую были участниками подполья. Это обстоятельство стало одной из причин ликвидации властями униатской церкви. Такое решение, в свою очередь, оказало крайне негативное влияние на население, склонное к греко-католицизму.

Документы содержат многочисленные сведения о «бандпроявлениях» оуновского подполья, пошедшего ва-банк в противостоянии Красной армии, органам НКВД и госбезопасности, Советской власти в целом. Почти ежедневно на протяжении 10 лет поступали с мест сведения об убийствах партийных и советских работников, учителей, медработников, хозяйственников, присланных из восточной Украины, о нападениях на райцентры, захваты помещений органов власти, райотделов НКГБ и НКВД, тюрем, о диверсиях на железных дорогах, поджогах колхозных и крестьянских строений и имущества, зерновых пунктов, хлевов со скотом, порчу телефонной связи, срывах мобилизации в Красную армию.

Начавшаяся с появлением «совитов» террористическая деятельность оуновских «боевок» сразу же приобрела широкий размах. Главный удар был нацелен на нежеланных пришельцев и тех, кто их поддерживал, чтобы парализовать мероприятия Советской власти. Типичная картина была во Львовской обл., где за три недели июля–августа 1944 г. было зарегистрировано 75 терактов, в результате которых погибли 178 человек, в том числе 11 работников НКГБ и НКВД, 47 офицеров и рядовых действующей армии, 9 партийных и советских работников. Но больше всего пострадали местные жители: погибли 109 человек, в том числе 18 детей. В результате нападения бандеровцев 40 человек были ранены и 18 уведены в лес в качестве заложников. Только в 1944–1945 гг. в Западной Украине, по данным НКВД УССР, произошло 6128 террористических и диверсионных актов. По официальным данным, опубликованным в последнее время, оуновцами с 1944 по 1952 г. было совершено в общей сложности 14,5 тыс. диверсий и террористических актов, в которых погибли не менее 30 тыс. человек, в том числе почти 4 тыс. представителей партийных и советских органов.

Силовое давление «боевок» службы безопасности ОУН, которые не знали пощады, усиливалось по мере того, как подавляющее большинство населения, потеряв веру в реализацию идеи самостийности Украины, начало склоняться на сторону Советской власти как более сильной, стабильной и способной обеспечить умиротворение в крае, ОУН теряла поддержку в народе. То ли из страха перед «совитами», то ли не желая связываться с терпевшими фиаско боевиками, все больше крестьян уклонялось от оказания им помощи. Руководитель Тернопольского областного провода И. Лисишин («Максим») в донесении руководству ОУН(б) сообщал: «Тут люди совсем не хотят принимать даже в дом, не дадут поестъ ни бойцам, ни коням, а если хочешь у населения взять, то нужно ругаться и даже угрожать оружием»⁴⁵. Но «Максиму» угрозы в адрес населения, по всей видимости, не помогли, ибо вскоре стало известно, что в одном из хуторов Коропецкого района Тернопольской обл. его «боевка» СБ устроила показательную расправу над крестьянской семьей, убив ее главу, жену и троих детей «за содействие совитам».

Характерно, что местное население нередко терроризировали вооруженные группы без четких признаков их политической принадлежности. Сейчас зачастую можно встретить утверждения, будто многие преступные деяния совершались псевдобандеровскими чекистскими спецгруппами. Полностью отрицать это, видимо, нельзя. Но известно и другое: бандеровская СБ в ряде случаев «работала» под энкаведистов, выявляя и ликвидируя всех «нежелательных» им лиц. Так было, в частности, в с. Белый Камень Олеского района 29 ноября 1944 г., в с. Озеряны Отинянского района на Львовщине 8 ноября 1945 г. и др. В одном из формирований УПА под командованием Г. Котельничкого действовала спецгруппа СБ в составе 60 человек, одетых в форму НКВД и вооруженных советским оружием. В нее были включены выходцы из восточнукраинских областей, свободно владевшие русским языком. Увы, беспредельная ненависть, жестокость, коварство в этой братоубийственной войне были обоюдными и соответствовали тем чрезвычайным условиям, в которых она шла.

На что же все-таки рассчитывали Бандера и его сторонники, втягиваясь в затяжную, кровавую междоусобную войну и вовлекая в нее население? Не могли же они в конце концов не понимать того, что противостояние это заведомо обречено на поражение и к тому же слишком дорого будет стоить западноукраинскому краю. Ответ может быть такой: бандеровский провод сделал очередную ставку на неминуемую, по его мнению, третью мировую войну и победу в ней англо-американского блока держав.

И здесь необходимо отметить, что уже с 1943 г. появились признаки переориентации руководства ОУН(б), с учетом поражения Германии в войне, на США и Англию как доминирующую силу на европейском континенте и в мире. Свидетельством этому было решение III чрезвычайного Большого сбора ОУН о принятии ее новой программы, значительно переориентированной на западные демократические ценности. Как отмечал шеф СБ и референтуры внешних связей ОУН(б) Н. Лебедь, «была сделана первая попытка вырваться из изоляции и завязать непосредственный контакт с западными союзниками, конкретно с США»⁴⁶.

Советизация и ее последствия

В советской литературе приводилось множество свидетельств террористической деятельности оуновского подполья, направлявшейся заграничным проводом и осуществлявшейся службой безопасности ОУН. Они подтверждаются первоисточниками. Но в той же литературе не находила освещения другая, обратная сторона проблемы, а именно: что же происходило в Западной Украине? Необходимо правдиво воспроизвести эту, возможно, самую трудную и трагическую страницу украинской истории, до конца уяснить и сегодняшние настроения в западноукраинском крае, влияющие на судьбу Украины в целом.

Политику советского руководства в западных областях Украины во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. невозможно назвать иначе, как очередным «го-

ловокружительным» экспериментом. Он имел целью, как и в 1939 г., стремительное нивелирование специфики края, форсированное стягивание его в общереспубликанское и общесоюзное русло хозяйственной и общественной жизни. При этом органы власти прибегали к чрезвычайным, типично большевистским методам решения социально-экономических задач. Повсеместно допускались серьезные искривления в кадровой политике. Руководящие работники, подбиравшиеся преимущественно в других областях Украины и за ее пределами, далеко не всегда были профессионально подготовлены. К тому же их ориентировали на то, чтобы применять жесткие, вплоть до репрессий, командно-нажимные методы, а местную среду рассматривать как однозначно враждебную. Создавшаяся ситуация дала основание репрессивным органам НКВД в полной мере реализовать свои практически безграничные возможности. Действия спецслужб НКВД против ОУН и УПА были бесосновательно распространены на значительную часть населения. Такие действия не могут быть оправданы даже ссылками на то, что территория Западной Украины входила в прифронтную зону.

Антисоветская борьба ОУН слишком дорого обошлась народу Западной Украины. Репрессивные установки в сталинском духе находили широкую поддержку у местного руководства. Первый секретарь Львовского обкома партии И.С. Грушецкий в августе 1944 г. обратился к первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву с предложением «применить репрессии к семьям руководителей и активных участников банды путем высылки их в Сибирь, организовать показательные судебные процессы и осужденных главных преступников карать смертью всенародно»⁴⁷. Тогда же, на совещании в Ровно, посвященном борьбе против ОУН и УПА, ее участниками выдвигалось требование «не проявлять неимоверный гуманизм»: «Мы боимся иной раз хату сжечь, когда ее нужно сжечь немедленно».

Н.С. Хрущев, выступая перед партработниками и гебистами, предлагал метод компрометации «классово-враждебных элементов» на селе, который граничил с провокацией: например, вызывать в дневное время и нарочито открыто к представителю органов госбезопасности самых уважаемых в селе жителей, а потом распускать слухи о том, что они завербованы в сексоты. «В борьбе за ликвидацию остатков банд, групп и подполья ОУН, – доносили сотрудники НКВД, – используем в оперативной работе новые формы и методы ведения борьбы, рекомендованные Вами, Никита Сергеевич»⁴⁸.

Непродуманными, некомпетентными, а иногда и откровенно подстрекательскими установками партийных деятелей развязывалась бесграничная инициатива ретивых исполнителей из органов госбезопасности и НКВД. В отношении с населением у органов НКВД неизменно присутствовал некий обвинительный уклон, а нарушения законности были нормой. Всякая попытка внести элементы объективности, соответствия существующим законам, несмотря на всю их тогдашнюю условность, рассматривалась как недопустимая слабость и чуть ли не предательство.

Были случаи, когда без надлежащей проверки, по одному только подозрению чекисты расстреливали украинских крестьян и членов их семей, включая детей. Так, например, печально «прославился» своим садизмом и циничным попранием закона начальник отдела НКВД по Яворинскому району на Львовщине Рудковский, по приказу которого в январе и марте 1945 г. были расстреляны несколько крестьян, а один заживо брошен в огонь. Рудковский был исключен из партии, снят с должности и отдан под суд, поскольку «его действия переросли в действия бандита»⁴⁹.

Присущий сталинским временам произвол репрессивных органов Украины со второй половины 1940-х гг. приобрел в западных областях широкие масштабы. Они вершили «суд и расправу» по собственному усмотрению, превратив запад Украины в «зону отчуждения». Города и села были «накрыты» плотной агентурно-информационной сетью госбезопасности и НКВД. В западных областях в 1944–1950 гг. в органах госбезопасности и внутренних дел насчитывалось 22 тыс. штатных работников. Ими в упомянутое время было завершено 19 606 следственных дел и «разрабатывалось» 379 формирований ОУН–УПА. Широко применялось, особенно в 1944–1945 гг., проведение чекистско-войсковых операций, объединявших усилия опергрупп НКГБ и подразделе-

ний войск НКВД (деятельность органов НКГБ (МГБ) и НКВД (МВД) в западных областях Украины разграничивалась следующим образом: первые занимались подпольем, вторые – вооруженными формированиями). Но они не всегда давали желаемый эффект. Неудачно завершились $\frac{2}{3}$ таких операций. Малоуспешными были и попытки привлечь местную молодежь в создаваемые в помощь органам госбезопасности и НКВД так называемые истребительные батальоны. Общее их количество превысило 200. Было сформировано также более 2 300 групп содействия этим батальонам, в которых насчитывалось до 50 тыс. человек. Но 258 из их состава были разоблачены как бандеровская агентура.

Практиковались широкомасштабные депортации семей «бандпособников» в Сибирь. По официальным данным, депортировано было свыше 200 тыс. человек. были случаи, когда целые села объявлялись «бандитскими» и сжигались, фальсифицировались судебные дела, проводились публичные демонстрации убитых повстанцев. сожжение и вырубка лесных массивов. Широкое распространение получили незаконное изъятие местными органами управления и отдельными партсовработниками имущества у населения, всевозможные поборы. Обстановкой беззакония и вседозволенности пользовались и военнослужащие частей, дислоцированных в Западной Украине. По 60-й армии только за полтора месяца было зарегистрировано около 80 случаев мародерства и бесчинств по отношению к местному населению. Политотдел 38-й армии констатировал, что подобные явления наносят «большой вред работе с населением... Они используются агентурой оуновцев в контрреволюционной деятельности»⁵⁰.

Приблизительное представление о количестве злоупотреблений и преступлений дают статистические данные, обнаруженные в архивах. За 11 месяцев 1945 г. военными трибуналами в западных областях УССР было рассмотрено 237 дел о «нарушении революционной законности», причем основным видом нарушений было присвоение чужого имущества. По этим делам осудили 326 работников органов НКГБ и НКВД. Дело зашло так далеко, что в 1945 г. Политбюро ЦК КП(б)У было вынуждено дважды принимать постановления о фактах грубых нарушений советской законности в западных областях УССР. Эти постановления дублировались обкомами. Но все попытки партийных комитетов хоть как-то ограничить своеволие «карающих органов», по сути неподконтрольных партии, оставались тщетными.

В издержках советизации по-сталински пагубную роль сыграло плохое знание чекистами местного населения, его обычаев, нравов, языка. Сказывался низкий уровень профессионализма, да и вообще образования, культуры. По данным управления НКВД Ровенской обл., и 1327 сотрудников, среди которых половину составляли украинцы, высшее образование имели лишь 10 человек, а 1200 человек были с незаконченным средним и низшим образованием. Большинство сотрудников на Украине ранее не проживали.

Немотивированные по существу и противозаконные карательные действия «органов» в отношении широких масс населения вызывали протесты даже у коммунистов, оставшихся порядочными людьми. Так, например, служивший во Львове офицер Красной армии член ВКП(б) П.И. Куролесин обратился к Н.С. Хрущеву с письмом, в котором высказывал возмущение в отношении провокационных действий местных властей: «Товарищ Хрущев! Я теперь ничего не могу разобрать, ведь делается, как я понимаю, не по-советски, а против Советской власти, а именно: людей бьют, занимаются мародерством населения»⁵¹. Письмо это найдено в фондах Главного политуправления Красной армии Центрального архива Министерства обороны, куда, очевидно, было переадресовано Н.С. Хрущевым.

Агония ОУН–УПА

Нельзя, конечно, забывать и о том положительном, что принесла Советская власть в западноукраинские земли. Западные области были признаны наряду с «Всесоюзной кочегаркой» – Донбассом – особо важными. При Совнаркомом и наркоматах республи-

ки были созданы отделы по западным областям. Им в первоочередном порядке выделялось промышленное оборудование, строительные материалы, транспортные средства для скорейшей индустриализации. Особое внимание уделялось промышленному и культурно-бытовому развитию Львова и других областных центров Западной Украины. Широко осуществлялась программа ликвидации малограмотности и неграмотности в крае. Благодаря решительным мерам, принятым партийно-советскими органами, здесь во всех сферах общественной жизни начали утверждаться приоритеты украинства, в частности украинского языка. Сугубо сталинскими методами была прекращена длившаяся несколько лет украинско-польская резня: из Польши на Украину было переселено 483 тыс. украинцев, а из Украины в Польшу – 810 тыс. поляков.

Однако то доброе, что делалось для хозяйственного и культурного развития западных земель, меркло на фоне сталинских злоупотреблений. Ведь испытывая на себе последствия советизации по-сталински, население вряд ли задумывалось о ее конечных благотворных результатах. В повседневной жизни остро ощущалось торможение восстановительных процессов и задержка с нормализацией обстановки в крае. Крайне негативной была реакция населения на злоупотребления и попрание законности и особенно на принудительную коллективизацию крестьянских хозяйств. Все эти перегибы в западно-украинском крае искусно использовались оуновским подпольем.

Были ли миротворческие инициативы в период противостояния бандеровского движения в Галиции и Волыни, с одной стороны, и Советской власти – с другой? Да, попытка примирения враждовавших сил имела место. В феврале 1945 г. были проведены переговоры между представителями советского правительства Украины и руководства ОУН–УПА. Они проходили на хуторе вблизи с. Конюхи Бережанского района на Тернопольщине. Условия прекращения вооруженной борьбы со стороны УПА, предложенные представителями Советской власти, бандеровское руководство не удовлетворило, а предоставление Украине государственной независимости и выделение ОУН в украинском правительстве министерских портфелей были, в свою очередь, не приемлемы для советского руководства. Пятичасовые переговоры показали двусмысленность положения представителей правительства УССР, которые самостоятельно, без разрешения центра не могли вести поиск разумных компромиссов, чтобы прекратить, наконец, братоубийство. Не давали надлежащего эффекта и неоднократные обращения украинского правительства, Верховного Совета и ЦК КП(б)У к участникам формирования и подполья ОУН–УПА с призывом сложить оружие и обещания прощения. Тех, кто, поверив этому, выходил из леса, нередко репрессировали органы госбезопасности или же убивали свои эсбисты «за зраду Украины». Казалось, кровь будет литься нескончаемо...

И все же с каждым годом изнурительной борьбы бандеровское движение выдыхалось, теряло перспективу. Верх брала Советская власть. Хотя далеко не все войсковые операции против УПА были эффективными (после 1945 г. их применяли все реже), органы госбезопасности методично и умело разваливали бандеровское движение изнутри. В их распоряжении было такое действенное средство, как информационно-агентурная сеть, которую начали создавать в Западной Украине еще советские партизаны. Руководитель Галицкого надрайонного провода ОУН «Довбуш» Станиславской обл. в донесении областному руководителю (проводнику) «Роберту» (Мельнику) панически писал: «Сексоты парализуют всякую деятельность... Их такое количество, что ликвидировать невозможно... Если только Сб не начнет ликвидацию сексотов, которые бегают за нами, то я работу не сдвину»⁵². В архивных фондах находим такие данные НКГБ: в 1944–1945 гг. в крае имелось 359 резидентов, 1473 агента и 13085 тайных информаторов.

Испытанными еще в годы борьбы с фашистской агентурой методами просеивалось и фильтровалось население сел и городов для выявления «подозрительных и враждебных элементов». В апреле 1945 г. на 7643 предприятиях: в учреждениях и организациях шести западных областей органами НКВД был проведен учет рабочих и служащих с целью выявления и устранения «враждебных элементов». После тщательной проверки

нескольких сотен тысяч работавших было выявлено и арестовано 15353 «враждебных элементов». Эту же цель имела всеобщая перепись и паспортизация населения западно-украинских областей. Сотрудники НКГБ, изучая чуть ли не каждого жителя в отдельности, выработали утонченные способы выявления «лесных людей». Широко использовались «приманки-ловушки». На их применение была получена санкция ЦК КП(б)У в виде специального постановления. Особый интерес агентура проявляла к незнакомым людям, стараясь подметить, например, признаки заболевания радикулитом, что характерно для тех, кто долгое время проживал в подземных помещениях – бункерах. Присматривались и к тем, кто на базарах расплачивался за купленный товар отсыревшими и слежавшимися деньгами, владельцы которых могли быть обитателями бункеров⁵³. Долгое время шла охота на предводителя повстанцев Р. Шухевича⁵⁴, который, действуя под псевдонимами и применяя хитроумные приемы, был неуловим. Об одном из эпизодов этой «охоты», который производит сильное впечатление, мы узнаем из специального сообщения наркома внутренних дел УССР В. Рясного Хрущеву от 15 декабря 1945 г. В нем говорится, что 7 декабря этого года в Торчинский райотдел НКВД Волинской обл. явился с повинной бандеровец по кличке «Черный», который сообщил, что продолжительное время он якобы находился в личной охране Тараса Чупринки (под этой кличкой скрывался Шухевич). «Черный» на допросе показал, что ему известно место, где скрывается Чупринка: с. Романово в 21 км от Луцка. Была сформирована спецгруппа захвата из семи человек, в которую был введен завербованный как агент КГБ «Черный». По его указанию группа, прибыв в Романово, явилась к хозяйке явочной квартиры Марии Панасюк. Назвав пароль, сообщенный «Черным», и выдав себя за уполномоченных луцкого окружного провода ОУН, чекистам удалось убедить женщину, что она имеет дело со своими. Та согласилась связать опергруппу с людьми, укрывавшимися в схроне под ее домом. Как только Панасюк спустилась в бункер и рассказала о гостях, она сразу же была застрелена бандеровцами за то, что открыла место их укрытия. Началась перестрелка. Бросив 6 гранат, подпольщики попытались прорваться через заслон опергруппы, но погибли в бою. В ходе осмотра усадьбы был обнаружен еще один схрон, откуда чекистов встретил сильный огонь. На помощь им прибыла группа 277-го стрелкового полка НКВД, усиленная оперработниками областного управления НКВД. Осажденным было предложено сдаться. Когда они отказались, схрон был взорван. Продолжая изучение места происшествия, оперативники обнаружили третий схрон. После перестрелки и безуспешных переговоров было применено «выкуривание» соломой. В итоге подпольщиков сумели взять живыми. Но ни среди живых, ни среди мертвых Шухевич опознан не был. Так и осталось не выясненным: ошибся перебежчик или имела место «подстава» СБ. И все же спустя несколько лет Шухевич был арестован и помещен в тщательно охранявшийся особняк под Львовом с целью «разработки». Расположив к себе охрану, он попросил разрешить ему заниматься слесарным делом с целью «убить время». Потихоньку сделал ключи от запоров помещений, Шухевич усильно бдительность охраны и сумел бежать. И лишь спустя почти 5 лет, в марте 1950 г., преданный своим окружением, был блокирован спецгруппой МГБ и застрелился на явочной квартире в с. Белогороща на Львовщине.

В жесточайшем поединке органы госбезопасности сумели переиграть службу безопасности ОУН(б) и даже ее руками расправиться с многими участниками повстанческой борьбы, которых советская контрразведка умело компрометировала, а СБ, не имея возможности проверить и доказать обратное, на всякий случай ликвидировала как потенциальных дезертиров и предателей.

Под ударом оказался прежде всего руководящий слой ОУН–УПА. Здесь потери были невосполнимы. На Ровенщине лишь с февраля 1944 по февраль 1945 г. выбыли из строя 204 проводника и командира ОУН–УПА: 149 из них были убиты, 55 схвачены с помощью агентуры. Пал моральный дух, отражением чего была волна самоубийств, ослабление дисциплины, даже бунты личного состава отдельных формирований. Такой бунт произошел в курене УПА, дислоцировавшемся вблизи Кременца на Тернопольщине. И как реакция на это – эскалация террора СБ внутри бандеровских

формирований и подполья. Один из повстанцев, дезертировавший из куреня «Донец» и пришедший с повинной в Березновский райотдел НКВД Ровенской обл. в мае 1945 г., сообщил, что в курене по подозрению в измене и намерении сдать задушены СБ 9 человек, в том числе командир сотни. В Станиславской обл. с ноября 1944 по май 1945 г. службой безопасности были расстреляны 264 дезертира, из них 14 старшин (офицеров).

Начиная с 1945 г., служба безопасности ОУН-УПА, которой руководил Н. Лебедь (М. Рубан)⁵⁵, стала главным ядром всего бандеровского движения в Западной Украине, а Лебедь – до 1946 г. его истинным руководителем. И он, и его окружение уповали на «верную руку» СБ. Но слишком уж тяжелой была эта «рука». Куренной командир «Макс» (М. Скорупский), действовавший в Кременце, писал уже в эмиграции: «Опека СБ загнала оппозицию под землю... Никто открыто не отважился высказать никакой критики... Самый глупый и ужасный приказ выполнялся»⁵⁶.

Но силовое и психологическое давление СБ на повстанческую массу имело свои пределы. Движение, хоть и давало отдельные вспышки подвижничества и жертвенности, затухало. И с гибелью в марте 1950 г. командующего остатками УПА Р. Шухевича, который сменил Дмитрия Клячкивского (Клим Савур)⁵⁷, также убитого в бою со спецгруппой госбезопасности, оно резко пошло на спад. После смерти Шухевича его место занял В. Кук⁵⁸.

* * *

Подведем итог. Бандеровское движение в западноукраинских землях, ядром которого была ОУН, – одно из наиболее значительных и одновременно противоречивых явлений истории Украины XX в. Однозначными оценками, как это имело и имеет место в отечественной и зарубежной историографии и политике, оно охарактеризовано быть не может.

Выдвигая в качестве конечной цели реализацию давно вынашиваемой идеи украинской государственности и соборности, а также благодаря антигерманским, антипольским, антисоветским, но в первую очередь самостийничким лозунгам ОУН-УПА удалось привлечь на свою сторону не менее полумиллиона участников, в основном из крестьян.

Внутреннюю слабость движения обуславливало то, что оно никогда не было монолитными. Сказывались постоянные тактические расхождения бандеровцев и мельниковцев. Кроме того, движение было крайне неоднородным в социальном отношении. К тому же среди идейных борцов нередко были люди, которых мало волновали идеи и цели ОУН, а больше – собственные корыстные интересы. Еще в 1942 г. начальник полиции безопасности и СД г. Ровно доктор Пютц, характеризуя некоторых проводников ОУН, в частности Бандеру, отмечал, что они «не беспокоятся о судьбе населения, а преследуют лишь собственные честолюбивые эгоистические цели»⁵⁹. Вредило движению и то, что его высшее руководство, находясь в длительной эмиграции, в конечном итоге оторвалось от реальной обстановки на Украине, утратило живую связь с рядовыми повстанцами, все больше уповало на диктат. Украинский литератор и общественный деятель Дмитро Павличко, близко к сердцу принимающий трагическую судьбу оуновского движения в Западной Украине, признавал недемократичность бандеровской верхушки, которая, как он пишет, насаждала свои порядки «диктатурой и страхом», и отмечал: «Конечно, мы не должны отождествлять Бандеру и его идеологию с народным движением, возникшим в Западной Украине под названием “бандеровщина”»⁶⁰.

Вместе с тем ясно, что в силу объективных исторических условий бандеровское движение в Западной Украине, пришедшееся на тоталитарную эпоху, не могло не быть экстремистским по методам достижения своих целей («Пусть бы крови по колена, лишь бы вильна Украина»). Ведь бандеровцы действовали против таких же, как и они сами, тоталитарных сил. Ненависть порождает ненависть, месть – взаимную месть, а жестокость – еще большую жестокость. И все это выливалось в нескончаемую кровавую вендетту. И если уж судить по справедливости, то сейчас есть все основания для

взаимного покаяния перед нынешним поколением представителей тех сил, которые в 1944–1950 гг. так неистово оспаривали друг у друга право на то, чтобы осчастливить население западных областей Украины.

Печальный опыт памятных событий в Западной Украине, наглядно свидетельствующий о трагических последствиях эпохи тоталитаризма, не утратил поучительности и сегодня. После создания в 1991 г. независимого Украинского государства стало окончательно ясно, что объективно исторические условия 1930–1950-х гг. как и более поздних времен, не давали никаких шансов на превращение Украины в такого рода государственное формирование.

С решением же «украинского вопроса» и созданием суверенного Украинского государства в 1991 г. рассмотрение проблемы Организации украинских националистов стало одной из приоритетных задач историков. Причем эта задача должна решаться под углом зрения выяснения прежде всего того, насколько в современном украинском обществе привлекательны и действенны идеалы бандеровского движения и была ли в конечном счете оправдана кровь, пролитая в длительной междоусобной войне.

Трудно сегодня представить, каким было бы государство Украина, созданное по бандеровскому проекту нациократии. Но вот о реалиях украинской государственности советского типа порассуждать можно и нужно. Украина как союзная республика унитарного государства – СССР – уже больше не была безгосударственной территорией. Опираясь на взаимодействие с другими республиками, украинский народ сумел решить многие фундаментальные социально-экономические, культурные, национально-государственные проблемы, обеспечить тем самым наполнение государственного потенциала Украины.

Размышляя далее над сложнейшими перипетиями новейшей украинской истории, можно задать и таким вопросом: нужна ли современному поколению народа Украины правда о полной фанатизма и крови, трагизма и отчаяния борьбе ОУН–УПА? Следует сказать прямо: да, нужна в той мере, в какой будущее демократическое правовое общество Украины должно быть избавлено от тоталитаризма и экстремизма в любом виде. Ведь это правда, что кровавый след жесточайшей братоубийственной войны в западном регионе УССР явственно прослеживается в реалиях современной Украины. Всячески подогреваемая с разных сторон и без того животрепещущая проблема ОУН–УПА привносит в украинскую общественную жизнь, взбудораженную социальным неблагополучием, дополнительную нестабильность. А это, в свою очередь, наносит ощутимый ущерб самому главному – утверждению демократии.

И тут мы видим, как за проблемой политической стоит историографическая с ее грубыми недоработками, пробелами, искажениями, причем далеко не всегда по вине историков. Да и сегодня всестороннее познание и осмысление такого сложного и весьма болезненного явления, как современные национальные процессы и роль в них воссозданной Организации украинских националистов, также затруднены из-за противостояния политических сил в украинском обществе.

И тем не менее для историков наступило время «собирать камни». Научно выверенное объективное освещение запутанной, политизированной и болезненной истории ОУН и УПА, убедительное объяснение и квалифицированное комментирование неудобных и нежелательных фактов и явлений будут способствовать утверждению ценностей демократии и гуманизма в украинском обществе.

Примечания

¹ Про кіп М. Українське протинацистське підпілля 1941–1944 // Сучасність (Мюнхен). 1989. Липень–серпень. Ч. 7–8. С. 125.

² Центральный государственный архив высших органов управления Украины (далее – ЦГАВООУ), ф. 3833, оп. 2, д. 1, л. 18.

³ Літературна Україна. 1991. 19 грудня.

⁴ Либідь М. Українська Повстанська Армія. Вид-во пресового бюро УГВР, 1946. С. 17.

⁵ ЦГАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 2, д. 193, л. 275.

⁶ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ), ф. 57, оп. 4, д. 171, л. 65.

⁷ ЦГАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 2, д. 166, л. 76.

⁸ Эрлинггер Эрих (1910–1978). Юрист по профессии. С 1931 г. – член нацистской партии, с 1935 г. – в аппарате полиции безопасности и СД Берлина, Вены, Праги, Варшавы. С марта 1941 г. – в Главном имперском управлении безопасности. С декабря 1941 г. – начальник полиции безопасности и СД в Киевском генералкомиссариате. С сентября 1943 г. возглавлял полицию безопасности и СД группы армий «Центр». С апреля 1944 г. – оберфюрер СС и начальник управления в Главном имперском управлении безопасности. В 1961 г. осужден на 12 лет за участие в нацистских преступлениях. В 1969 г. освобожден из заключения по болезни.

⁹ ЦГАВОУ, ф. 3676, оп. 4, д. 474, л. 275.

¹⁰ Там же.

¹¹ Действительно в ноябре 1941 г. в Киеве усилиями ОУН(м) был создан Украинский национальный совет во главе с ректором Политехнического института профессором Н. Величковским, а в Харькове – Общественный комитет, который возглавил профессор А. Слипченко. Эти самостоятельные органы, декларируя всемерную поддержку немецкой политики, пытались проводить курс на самостийную Украину. В начале 1942 г. они были распущены оккупационными властями.

¹² ЦГАВОУ, ф. 3676, оп. 4, д. 474, л. 482; д. 476, л. 120–121, 864–865.

¹³ Там же, д. 474, л. 81, 316.

¹⁴ Там же, ф. КМФ-8, оп. 2, д. 157, л. 152.

¹⁵ Гуменна Д. Хрещатий Яр. Київ 1941–1943. Нью-Йорк, 1956. С. 209, 258.

¹⁶ Впрочем, гестаповский гробень оказался довольно редким для изощренных оуновских нелегалов. И уже советской контрразведке «Смерш» во взаимодействии с территориальными органами госбезопасности досталась работа по обезвреживанию в Восточной Украине остатков националистического подполья. В 1943–1945 гг., как следует из документов, были обнаружены глубоко законспирированные оуновские организации в Днепропетровской, Полтавской, Черниговской областях. На основании материалов, поступивших от агентуры, была раскрыта обширная сеть националистических организаций, насчитывавшая до сотни членов ОУН на Южно-Донецкой железной дороге (станции Волноваха, Ясиноватая и др.).

¹⁷ ЦГАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 1, д. 38, л. 89.

¹⁸ Там же, л. 101.

¹⁹ ЦГАООУ, ф. 57, оп. 7, д. 170, л. 67.

²⁰ Мірчук П. Українська повстанська армія. 1942–1952. Львів, 1991. С. 51.

²¹ ЦГАВОУ, ф. КМФ-8, оп. 2, д. 494, л. 36.

²² ЦГАООУ, ф. 57, оп. 4, д. 174, л. 12.

²³ Там же.

²⁴ Наша Батьківщина. Спогади учасника бандерівської УПА генерала М. Смоського. Нью-Йорк, 1982. С. 9.

²⁵ Поліщук В. Гірка правда. Торонто; Варшава; Київ, 1995.

²⁶ Anglo-American Perspectives on the Ukrainian Questions 1938–1951. A Documentary Collection. Kingston; N.Y., 1987. P. 175.

²⁷ ЦГАВОУ, ф. 4628, оп. 1, д. 10, л. 219.

²⁸ Там же, л. 171.

²⁹ Там же, л. 172.

³⁰ Там же, л. 183.

³¹ Там же, л. 185.

³² Там же, л. 197.

³³ Но, очевидно, командование УПА не приняло во внимание соображения фашистских военачальников. В «Энциклопедії українознавства», т. 9 (Мюнхен, 1980) на странице 3379 находим следующую информацию: УПА зимой 1944–1945 гг. вела в Карпатах «длительные и жестокие бои с Красной армией».

³⁴ ЦГАВОУ, ф. 4628, оп. 1, д. 10, л. 220.

³⁵ Там же, л. 258.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 259–260.

³⁸ По опубликованным данным, УПА от абвера получила до 50 тыс. винтовок и автоматов, 10 тыс. пулеметов, более 100 радиостанций, боеприпасы (Радянська Україна. 1990. 9 вересня).

³⁹ Сучасність (Мюнхен). 1985. № 10. С. 65.

⁴⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 179.

- ⁴¹ Голос Украины. 1998. 2 декабря.
- ⁴² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), ф. 393, оп. 9023, д. 23, л. 153.
- ⁴³ ЦГАООУ, ф. 1, оп. 70, д. 899, л. 36, 38.
- ⁴⁴ Там же, оп. 20, д. 40, л. 34.
- ⁴⁵ Там же, оп. 30, д. 319, л. 58.
- ⁴⁶ Сучасна Україна (Мюнхен). 1960. 2 вересня.
- ⁴⁷ ЦГАООУ, ф. 1, оп. 23, д. 219, л. 20.
- ⁴⁸ Там же, оп. 46, д. 8339, л. 42.
- ⁴⁹ Там же, оп. 23, д. 2408, л. 4, 5 (о решении суда данных нет).
- ⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 393, оп. 9023, д. 23, л. 155.
- ⁵¹ Там же, ф. 104, оп. 11615, д. 18, л. 5.
- ⁵² ЦГАООУ, ф. 1, оп. 46, д. 41, л. 8.
- ⁵³ Внутренние войска и органы госбезопасности в 1944 г. столкнулись в Западной Украине с совершенно новым для них явлением, которое можно назвать «подземной войной», так как в ней широко использовались так называемые схроны (бункеры). Опираясь на разветвленную сеть хорошо укрытых в лесной чаще подземных убежищ, УПА могла вести партизанские боевые действия любой продолжительности. Захватив один из схронов на р. Стырь, чекисты описывали его как нечто небывалое. Находился схрон на глубине 5–7 м, высота нескольких помещений была 2.5 м, имелись отопление (печное) и канализация, выведенная к реке. К ней же от схрона вел подземный ход длиной 150 м. На берегу всегда дежурила лодка. Выход на берег был искусно замаскирован. Как выяснилось, работы проводились под руководством инженеров, скрытно, причем строителей приводили в подземелье с завязанными глазами.
- ⁵⁴ Шухевич Роман родился в 1907 г. на Львовщине, участник национально-освободительного движения с 1922 г., краевой проводник ОУН, член провода ОУН(б) политический руководитель батальона «Нахтигаль». Военный референт провода ОУН(б), командующий УПА с ноября 1943 г.
- ⁵⁵ Лебедь Николай родился в 1910 г. во Львовской обл., активный участник оуновского движения с 1928 г., создатель и шеф службы безопасности ОУН(б), руководитель бандеровского подполья в 1941–1945 гг. С 1946 г. в эмиграции. Ныне проживает в США.
- ⁵⁶ Скорупський М. Туди, де бій за волю. Київ, 1992. С. 145.
- ⁵⁷ Клячківський Дмитрій (1911–1945) – участник оуновского движения с 1937 г. В 1940 г. арестован НКВД и приговорен к смертной казни, замененной на 10 лет тюрьмы. С июля 1941 г. после освобождения из тюрьмы гитлеровскими войсками – член провода ОУН(б), организатор и первый командующий Украинской повстанческой армии.
- ⁵⁸ Кук Василий родился в 1913 г. на Львовщине, участник оуновского движения с 1926 г., политзаключенный польских тюрем. Участник «походных групп». С 1950 г. – командующий УПА. В 1954 г. арестован МГБ. Ныне проживает в Киеве.
- ⁵⁹ ЦГАООУ, ф. 1, оп. 23, д. 688, л. 52.
- ⁶⁰ За вільну Україну. 1990. 16 листопада.

© 2003 г. М. М. ГОРИНОВ*

ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ (1923–1941)

27 января 1942 г. в газете «Правда» был опубликован очерк Петра Лидова «Таня». Вечером его передали по Всесоюзному радио. Диктор Ольга Высоцкая, с трудом сдерживая слезы, рассказала потрясенной стране о юной девушке-партизанке, во время выполнения боевого задания попавшей в руки немцев, вынесшей нечеловеческие пытки,

* Горинев Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, зам. директора Центра научного использования и публикации архивного фонда объединения «Мосгорархив».

но не предавшей своих товарищей. Казненной, но несломленной. Специально созданная комиссия установила подлинное имя героини. Ею оказалась 18-летняя московская школьница Зоя Космодемьянская. 16 февраля 1942 г. Зое Анатольевне Космодемьянской посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

С тех пор имя Зои Космодемьянской на десятилетия стало символом героизма, мужества, патриотизма советской молодежи. Однако в начале 1990-х гг. в печати появились материалы, ставившие под сомнение подвиг юной героини и бросавшие тень на ее личность. В них утверждалось: Зоя Космодемьянская, подозреваемая в заболевании шизофренией¹, пошла в деревню Петрицево, где не было немцев², самовольно, без приказа командира отряда; диверсантка пыталась сжечь дома местных жителей, но те ее схватили и выдали немцам³. Еще один вариант – Зою выдал фашистам ее товарищ по оружию Василий Клубков⁴. Есть версия, что под псевдонимом «Таня» на самом деле скрывалась не Зоя Космодемьянская, а другая девушка – Лиля Азолина⁵. В этих публикациях отразились некоторые факты биографии Зои Космодемьянской, замалчивавшиеся в советское время, но отразились, как в кривом зеркале, – в чудовищно искаженном виде.

Что же на самом деле произошло в подмосковной деревне Петрицево? Кто была героиня тех событий? Что она представляла собой как личность? В архивах сохранились материалы, позволяющие ответить на эти вопросы: документы комиссии, установившей обстоятельства подвига «Тани» и ее подлинное имя; воспоминания родных, близких, боевых друзей Зои Космодемьянской; материалы ее семейного архива и архива корреспондента Петра Лидова, собиравшего материалы для своей книги о Зое, но погибшего незадолго до окончания войны; результаты судебно-портретной экспертизы, проведенной в декабре 1991 г., и др.⁶

Но начать хотелось бы с обстановки, в которой Зоя Космодемьянская сделала свой первый шаг в бессмертие.

30 сентября 1941 г. немцы ринулись в наступление на Москву. Оборона советских войск была прорвана. 7 октября противнику удалось в районе Вязьмы окружить пять наших армий Западного и Резервного фронтов. Казалось, ворота на Москву открыты. 8 октября Сталин принял решение о минировании важнейших объектов Москвы – промышленных предприятий, мостов и др., которые предстояло взорвать, если немцы войдут в город. Десятки тысяч человек, в основном женщин, бросили на рытье противотанковых рвов, эскарпов, окопов. С других фронтов, из Сибири, с Дальнего Востока под Москву спешно перебрасывали воинские части. 15 октября Государственный комитет обороны принял решение о срочной эвакуации из Москвы иностранных миссий, Наркомата обороны и Наркомата военно-морских сил, Генерального штаба, правительства во главе с заместителем председателя СНК В.М. Молотовым. В постановлении говорилось, что «товарищ Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». В случае появления противника у ворот Москвы приказывалось взорвать заминированные объекты⁷. Видя уезжающее начальство, москвичи решили, что город сдают врагу. В столице началась паника: грабили магазины, избивали эвакуирующихся руководителей, десятки тысяч жителей с домашним скарбом по шоссе Энтузиастов устремились на восток⁸.

Но в те же смутные октябрьские дни другие москвичи готовились к уличным боям. Мысль о том, что в Москву – их Москву, где они росли, учились, любили, – войдет враг, казалась им невыносимой. Они записывались в коммунистические, рабочие батальоны, боевые дружины, занимавшие оборону непосредственно в городе. В каждом из 25 столичных районов создавались отряды истребителей танков, парашютистов-десантников, подрывников, снайперов⁹.

Остался в городе и Сталин. Верховный главнокомандующий принял решение – не сдавать столицу и драться за город до последнего. 19 октября он продиктовал текст постановления ГКО о введении в Москве осадного положения. «Нарушителей порядка, – говорилось в постановлении, – немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призыва-

ющих к нарушению порядка, расстреливать на месте. Государственный комитет обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всякое содействие»¹⁰.

Зоя Космодемьянская была среди тех, кто остался тогда в Москве. Во второй половине октября в Москве отбирали лучших комсомольцев для работы в тылу врага. Их вызывали в райкомы, где им вручали путевки. Затем в здании ЦК ВЛКСМ с каждым беседовали секретарь МГК комсомола А.Н. Шелепин и руководители разведывательно-диверсионной войсковой части № 9903. Как вспоминал Д.М. Дмитриев, 26 октября около 30 юношей и девушек вызвали в горком. Разговор в кабинете Шелепина был кратким и жестким. «Родине нужны бесстрашные патриоты, способные перенести самые тяжелые испытания, готовые на самопожертвование, – говорил Шелепин. – Хорошо, что все вы согласились пойти в немецкий тыл сражаться с врагом. Но может случиться, что 95% из вас погибнут. От фашистов не будет никакой пощады: они зверски расправляются с партизанами. Если кто-то из вас не готов к таким испытаниям, скажите прямо. Никто вас не осудит. Свое желание биться с врагом реализуете на фронте». Однако «отказников» не оказалось¹¹. Но брали не всех. У кого-то были нелады со здоровьем (требовалось предъявить медицинскую справку), кто-то слишком нервничал при разговоре, и возникали сомнения, как он поведет себя, если попадет в плен. Поначалу отказали и Зое, выглядевшей слишком юной и хрупкой. Но она оказалась настойчивой, и ее зачислили в отряд¹².

Отбрали приблизительно 2 тыс. человек. Их партиями собирали в кинотеатре «Колизей» (ныне театр «Современник»), а затем в крытых грузовиках отвозили в войсковую часть № 9903, располагавшуюся в Кунцево¹³. Времени зря не теряли. Уже через час после приезда, как вспоминала Зояна однополчанка К.А. Милорадова, «начались занятия. В комнату принесли гранаты, пистолеты... Три дня ходили в лес, ставили мины, взрывали деревья, учились снимать часовых, пользоваться картой». В начале ноября Зоя и ее товарищи получили первое задание – заминировать дороги в тылу противника. Группа выполнила его успешно и без потерь вернулась в часть¹⁴.

В Великой Отечественной войне советское руководство применило так называемую скифскую тактику – при отступлении ничего не оставлять врагу, создавать на оккупированных территориях невыносимые условия для противника (именно так действовали древние скифы против вторгшихся на их земли войск персидского царя Дария). В директиве № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требовали: «При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество..., которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться... В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»¹⁵.

17 ноября появился суровый приказ Ставки Верховного главного командования № 0428, конкретизировавший «скифскую» тактику применительно к ситуации осени 1941 г.¹⁶ В нем ставилась задача лишить «германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». С этой целью приказывалось «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать ар-

тиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами... При вынужденном отходе наших частей... уводить с собой советское население и обязательно уничтожить все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»¹⁷.

В начале 1990-х гг. много писалось о неоправданной жестокости, бесчеловечности данного приказа¹⁸. Конечно, местных жителей, которые после поджога их домов среди зимы оставались без крова, можно только пожалеть. Но не нужно забывать, что гитлеровцы ставили задачу уничтожить русскую государственность и превратить всех оставшихся в живых русских в бесправных рабов арийской расы. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, – писал 27 апреля 1942 г. крупный нацистский чиновник Э. Ветцель. – ...Дело заключается... в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа». Предполагалось также довести рождаемость русских до более низкого уровня, чем у немцев. «Мы должны, – конкретизировал последний пункт Ветцель, – сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей... Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев... Следует сократить до минимума подготовку русских [детских] врачей... не оказывать никакой поддержки детским садам... Не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи...»¹⁹ Враг, как видим, диктовал предельно жесткие правила игры. Русские должны были или победить – любой, самой страшной ценой, – или через какое-то время перестать существовать на этой земле как народ. Третьего было не дано.

18 (по другим сведения – 20) ноября командиры диверсионных групп части № 9903 П.С. Проворов и Б.С. Крайнов получили задание «сжечь 10 населенных пунктов (приказ т. Сталина от 17 ноября 1941 г.): Анашкино, Грибцово, Петрищево, Усадково, Ильятино, Грачево, Пушкино, Михайловское, Бугайлово, Коровино. Срок выполнения – 5–7 дней». На задание группы уходили вместе. Среди бойцов группы Проворова – Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Клава Милорадова и др.²⁰.

В районе деревни Головково партизаны наткнулись на немецкую засаду. Завязалась перестрелка. Группы оказались рассеянными. Часть бойцов погибла. Вера Волошина, как узнали много позже, попала в плен²¹. О ее подвиге рассказали местные жители. Тяжело раненную партизанку немцы привезли в деревню Головково. Начался допрос: где партизаны, сколько их, каковы их планы? Вера молчала. Ее зверски пытали, истязали, но так ничего и не добились. Истерзанную девушку снова бросили в машину и повезли на казнь. Когда солдаты опустили борта машины, жители увидели лежавшую в кузове в одном белье Веру. Палачи хотели поднять ее, чтобы набросить на шею петлю, но она оттолкнула их и, цепляясь рукой за кабину грузовика, медленно встала. В наступившей тишине раздался звонкий голос: «Вы пришли в нашу страну и найдете здесь свою смерть! Москву вам не взять...» Когда машина медленно тронулась с места, Вера последний раз громко крикнула: «Прощай, Родина! Смерть фашизму!»²²

После стычки у деревни Головково остатки диверсионных групп объединились в небольшой отряд под командованием Крайнова. В Петрищево, находившееся в 10 км от совхоза «Головково», они пошли втроем: Крайнов, Зоя Космодемьянская и Василий Клубков. Как вспоминала Клавдия Милорадова, «они вышли из леса. Василий пошел перелеском к школе, Зоя поползла к конюшням, Борис к штабу. Крайнов видел вспыхнувшее пламя, слышал стрельбу и крики в деревне... Он ожидал их в условленном месте... Ни Зоя, ни Василий так и не вернулись»²³.

Как выяснилось впоследствии, Зое удалось поджечь три дома. Однако после этого она не вернулась на условленное место, а, пересидев день в лесу, на следующую ночь (или, по показаниям одного из очевидцев, через ночь) вновь пошла в село. Именно этот

поступок отважной партизанки лежит в основе позднейшей версии о том, будто бы «она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево». «Без разрешения» она пошла туда только во второй раз. И пошла не «самовольно», а для того, чтобы до конца выполнить данный диверсионной группе приказ – «сжечь населенный пункт Петрищево».

Выждав, когда стемнеет, Зоя вновь пошла в деревню. Немцы были настороже. После событий предыдущей ночи староста, два немецких офицера и переводчик собрали сход местных жителей, на котором велели им охранять дома. Некоторым выдали белые повязки стражников, в том числе С.А. Свиридову. У того на квартире стояли 4 офицера и переводчик. Возможно, именно поэтому Зоя направилась к его усадьбе. Когда партизанка стала поджигать сарай с сеном, Свиридов ее заметил и побегал за немцами. Подразделение солдат окружило сарай. Зоя была схвачена. Свиридову благодарные оккупанты подарили бутылку водки²⁴. На основании этих обстоятельств пленения Зои Космодемьянской в начале 1990-х гг. была сконструирована сенсационная версия о том, что в Петрищево-де не было немцев, а партизанку схватили сами местные жители, дома которых она собиралась поджечь.

Между тем в Петрищево и сейчас живут очевидцы тех драматических событий. Их возмущает ложь об отсутствии в селе фашистов. «Теперь пишут, – говорила в 1991 г. в беседе с корреспонденткой “Комсомольской правды” Л. Овчинниковой Н.Н. Седова (в 1941 г. ей было 9 лет), – что и немцев-то в Петрищево не было. Но ведь можно людей спросить. Немцы нас из домов прикладами выгоняли. В каждой избе было их набито. Мама и четверо детей – мы ютились в кухне на соломе»²⁵.

Таким образом, 28 ноября 1941 г. Зоя оказалась в руках врагов. О дальнейшем рассказывают жители деревни Петрищево. Приводим самые первые, не подправленные цензурой записи их показаний, сделанные комиссией московского комсомола 3 февраля 1942 г., вскоре после того как Петрищево освободили от немцев²⁶. Прочитируем их, сохраняя все особенности крестьянской речи и убрав лишь мелкие подробности и повторы.

Сначала партизанку привели в дом Седовых. И вот что рассказала 11-летняя девочка Валя Седова: «Ее привели к нам три патруля, вели ее рядовые. Откуда ее привели, я не знаю. Одета она была в меховом пиджаке коричневого цвета, сапоги у нее были холодные, подшлемник серый. На плечах у нее была сумка, на руках – овчинные варежки зеленого цвета, обшитые брезентом. Я сидела на печке, мама – в кухне. Они открыли дверь и ввели ее. Один держал ее руки сзади... Все трое немцы. По-русски говорить не умеют. Они ее прижали к печке (один из них взял за грудную клетку и прижал), а двое стали обыскивать. Во время обыска были и другие солдаты, которые жили в хате (15–20 человек). Они были в другой комнате и смеялись... Сняли сумку зеленого цвета (рюкзак) и поставили возле печки. Потом сняли сумку с отделениями для бутылок, которая висела через плечо. В этой сумке нашли 3 бутылки, которые открыли, нюхали, затем положили обратно в чехол. Затем нашли у нее под пиджаком на ремне наган, который рассматривали. Я слезла с печки и ничего больше не видела. Как говорит моя сестра Нина (8 лет), которая осталась сидеть на печке, ее раздели, раздевали ее трое... Осталась она в защитных теплых брюках, в носках и белого цвета кофточке с воротничком. Обыскивали и раздевали, ей вопросов не задавали, а переговаривались между собой и ржали. Потом старший из них (погоны и 2 кубика) скомандовал: “Русь, марш”, и она повернулась и пошла со связанными руками... Больше я ничего не знаю, куда их повели. При допросе переводчика не было. С ней не разговаривали, вопросов ей не задавали. При обыске она стояла с опущенной головой, не улыбалась, не плакала, ничего не говорила».

Мать девочки, М.И. Седова добавила к рассказу дочери: «Привели ее вечером, часов в 7 или 7.30 минут. Немцы, которые жили дома у нас, закричали: “Партизан, партизан”... Держали ее у нас минут 20. Слышно было, как ее били по щекам – раз пять. Она при этом молчала. Куда увели ее, не знаю. Волосы у нее короткие, черные, зави-

тые, красивые, чернобровая, лицо продолговатое, красивая девушка, губы толстенькие, маленькие».

Из дома Седовых пленную партизанку перевели в избу Ворониных, где размещался немецкий штаб. Рассказывает А.П. Воронина (67 лет): «...Привели ее после Седовых. Я топила печь. Смотрю – ведут. Они мне кричат: “Матка, это русь, это она фу – сожгла дома”. Она при этом молчала. Ее посадили возле печки. Привели ее 5 человек, и еще у меня были немцы – 5 человек. Когда ее обыскивали, то меня позвали и сказали: “Вот, мать, чем дома подождены”. Показали ее бутылки, и опять повесили ей на плечи... Мне они приказали лезть на печку, а дочь посадили на кровать. Начальник стал спрашивать по-русски: “Ты откуда?” Она ответила: “Я из Саратова”. – “Куда ты шла?” – “На Калугу”. – “Где ты фронт перешла?” – Весь ответ я не расслышала. “Прошла я фронт за 3 дня”. – “С кем ты была?” – “Нас двое было. Вторая попалась в Кубинке”. – “Сколько ты домов сожгла?” – “Три”. – “Где ты что еще делала?” – Она сказала, что больше ничего не делала. Ее стали после этого пороть. Пороли ее 4 немца, 4 раза пороли ремнями... Ее спрашивали и пороли, она молчит, ее опять пороли. [В] последнюю порку она вздохнула: “Ох, бросьте пороть, я больше ничего не знаю и больше ничего вам говорить не буду”. Когда пороли, то начальник несколько раз выходил из комнаты и брался за голову (переживал). А те, кто порол, ржали во время порки. Всего ей дали больше 200 ремней. Пороли ее голой, а вывели в нижней рубашке. Крови не было... Держала она себя мужественно, отвечала резко. Привели ее к нам часов в 7 вечера. Была она у нас часа три... При допросе переводчик не присутствовал. Он появился тогда, когда ее вывели. Был он минут 10 и ушел. Когда я у него спросила, что с ней будет, он ответил, что завтра часов в 10 будет виселица. Немцы прибежали (человек 150)... смотрели и смеялись. Куда ее увели, я не знаю. Увели ее от нас часов в 10 вечера...»

Избитую девушку перевели в избу Куликов. Рассказывает П.Я. Кулик (девичья фамилия Петрушина, 33 года): «Откуда ее вели, я не знаю. В эту ночь у меня на квартире было 20–25 немцев, часов в 10 я вышла на улицу. Ее вели патрули – со связанными руками, в нижней рубашке, босиком и сверху нижней рубашки мужская нижняя рубашка. Мне они сказали: “Матка, поймали партизана”. Ее привели и посадили на скамейку, и она охнула. Губы у нее были черные-черные, испекился и вздутое лицо на лбу. Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: “Можно?” Они сказали: “Нет”, и один из них вместо воды поднял к подбородку горящую керосиновую лампу без стекла. Но затем разрешили ее попить, и она выпила 4 стакана. Посидев полчаса, они ее потащили на улицу. Минут 20 таскали по улице босиком, потом опять привели. Так, босиком ее выводили с 10 часов ночи до 2 часов ночи – по улице, по снегу босиком. Все это делал один немец, ему 19 лет. Потом этот 19-летний улегся спать, и к ней приставили другого. Он был более сознательным, взял у меня подушку и одеяло и уложил ее спать. Немного полежав, она попросила у него по-немецки развязать руки, и он ей руки развязал. Больше ей руки не связывали. Так она уснула. Спала она с 3 часов до 7 часов утра.

Утром я подошла к ней и стала с ней разговаривать. Я спросила: “Откуда ты?” Ответ – московская. “Как тебя зовут?” – промолчала. “Где родители?” – промолчала. “Для чего тебя прислали?” – “Мне было задание сжечь деревню”. – “А кто был с тобой?” – “Со мной никого не было, я одна”. – “Кто сжег эти дома в эту ночь (а в эту ночь она сожгла три жилых дома, где жили немцы, но они выбежали)?” Она ответила: “Сожгла я”. Она спросила: “А сколько я сожгла?” Я ответила: “Три дома, и в этих дворах сожгла 20 лошадей”. Она спросила, были ли жертвы? Я ответила, что нет. Она сказала, что вам нужно [было] давно уехать из деревни от немцев. При беседе были немцы, но они не знают русский язык. Утром она у меня просила дать во что-нибудь обуться. Немец спросил у нее: “Где Сталин?” Она ответила: “Сталин на посту”. И после этого отвернулась и сказала: “Я больше с вами разговаривать не буду”. Переводчика еще [не] было. Жгла она дома. Дома сожгла граждан: Кареловой, через три дома – Солнцева и через два дома – Смирнова. Я с ней говорила минут 15–20. Затем мне сказали: “Уходи”. Я пошла топить печку. Ее перевели на нары. Она легла, и опять приходили сотни немцев (это было утром, в 8 часов). Они смеялись. Она молчала, смотрела на них. Часов в

9 утра пришли 3 офицера, переводчик и стали ее допрашивать, а меня, мужа выгнали на улицу. В доме, кроме немцев, никого не было. Я вышла в соседнюю избу. О допросе ничего не знаю. Допрашивали ее часа полтора.

Когда пришли офицеры, то она сказала: “Вот ваши немцы оставили меня раздетой, оставили меня в рубашке и трусах”. Ноги и таз у нее были избитыми, синими-синими. Когда я с ней говорила, она мне сказала: “Победа все равно за нами. Пусть они меня расстреляют, пусть эти изверги надо мной издеваются, но все равно нас всех не расстреляют. Нас еще 170 миллионов, русский народ всегда побеждал, и сейчас победа будет за нами”. В 10 часов 30 минут ее вывели из дома на улицу. Вышла вместе с офицерами, ее держали 2 немца под руки, так как она шаталась. Одетая она была в ватные темно-синие брюки, в темной рубашке, носках серых, на голове ничего, и повели к виселице. Расстояние от нашего дома до виселицы – 4 дома. Вели до виселицы под руки. Я ушла, не дождалась даже, пока доведут ее до виселицы, так как не могла смотреть на эту картину».

3 февраля 1942 г. Прасковья Яковлевна Кулик не все рассказала комиссии. Утаила страшную подробность: схваченную партизанку истязали не только немцы, но и русские – жительницы деревни Петрищево, у одной из которых та накануне сожгла дом. П.Я. Кулик, видимо, пожалела односельчанок. Однако позже случившееся все равно стало известно представителям Советской власти. Военным трибуналом войск НКВД Московского округа было заведено уголовное дело. Расследование длилось несколько месяцев.

12 мая 1942 г. обвиняемая Смирнова А.В. на суде показала: «На другой день после пожара я находилась у своего сожженного дома, ко мне подошла гражданка Солина и сказала: “Пойдем, я тебе покажу, кто тебя сжег”. После этих сказанных ею слов мы вместе направились в дом Петрушиной. Войдя в дом, увидели находящуюся под охраной немецких солдат партизанку Зою Космодемьянскую. Я и Солина стали ее ругать, кроме ругани я на Космодемьянскую два раза замахнулась варежкой, а Солина ударила ее рукой. Дальше нам над партизанкой не дала издеваться Петрушина, которая нас выгнала из своего дома. На второй день после поджога партизанкой домов, в том числе и моего, в котором располагались немецкие офицеры и солдаты, во дворах стояли их лошади, которые при пожаре сгорели, немцы установили на улице виселицу, согнали все население к виселице деревни Петрищево, куда пришла и я. Не ограничившись теми издевательствами, которые я производила в доме Петрушиной, когда немцы привели партизанку к виселице, я взяла деревенную палку, подошла к партизанке и на глазах всех находившихся лиц ударила по ногам партизанки. Это было в тот момент, когда партизанка стояла под виселицей, что я при этом говорила, не помню»²⁷.

24 мая 1942 г., после того как Смирнова сама призналась в содеянном, П.Я. Кулик решила, наконец, раскрыть следствию подробности того страшного утра: «Примерно в конце ноября или начале декабря 1941 г., часов в 10 вечера, ко мне в дом немецкие солдаты привели избитую русскую молодую девушку. Как впоследствии выяснилось, это была Зоя Космодемьянская. Она в моем доме, под охраной немецких солдат, переночевала. На другой день утром ко мне в дом пришли Смирнова Аграфена и Солина Федосья, и как только вошли, стали всячески ругать и оскорблять измученную, лежащую около печки Зою Космодемьянскую, подступая к ней, чтобы ударить. Я их к Зое не подпустила и стала выгонять из дома. Смирнова А. перед выходом из дома взяла стоящий на полу чугунок с помятой и бросила его в Зою Космодемьянскую. Через некоторое время ко мне в дом пришло еще больше народу, с которыми вторично пришли Солина и Смирнова. Через толпу людей Солина Ф.В. и Смирнова А. продрались к Зое Космодемьянской, и тут Смирнова А. стала ее избивать, оскорбляя всякими нехорошими словами. Солина Ф.В., находясь вместе со Смирновой, взмахивала руками и со злобой кричала: “Бей! Бей ее!”, оскорбляя при этом всякими нехорошими словами лежащую около печки партизанку Зою Космодемьянскую»²⁸. 17 июня 1942 г. А.В. Смирнова, а 4 сентября 1942 г. Ф.В. Солина были приговорены к высшей мере наказания. Сведения же об избииении ими Зои Космодемьянской были надолго засекречены.

Но вернемся к материалам комиссии, собранным 3 февраля 1942 г. Вот что сообщил В.А. Кулик (1903 г.р.): «...Вывели ее из дому, при этом было человек 100 немцев только при нашем доме, а всего их было очень много: и пешие, и конные. Между виселицей и домом, в этом расстоянии, ей повесили табличку (на которой было написано по-русски и по-немецки “Поджигатель”. – М.Г.). До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Довели до виселицы. Вокруг виселицы было много немцев и гражданских. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать... При ней была сумка с бутылками. Она крикнула: “Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Эта моя смерть – это мое достижение”. После этого один офицер замахнулся, а другие закричали на нее. Затем она сказала: “Товарищи, победа будет за нами. Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен”. Офицер злобно заорал: “Русь!” “Советский Союз непобедим и не будет побежден”, – все это она говорила в момент, когда ее фотографировали...»

Потом подставили ящик. Она без всякой команды стала сама на ящик. Подошел немец и стал надевать петлю. Она в это время крикнула: “Сколько нас не вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят”. Это она сказала уже с петлей на шее. Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла. Она взялась за веревку рукой, но немец ударил ее по рукам. После этого все разошлись. Возле виселицы в течение 3 дней стояли часовые – 2 человека... Повесили ее в центре села, на перекрестке дорог, на виселице, которая была в 50 м от домов, посреди слободы»²⁹.

Позже в печати появились и другие слова, сказанные Зоей Космодемьянской перед казнью: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это – счастье умереть за свой народ!», «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!»³⁰ На самом ли деле говорила их бесстрашная партизанка, или ее слова были дополнены фразами в духе пропагандистских канонов того времени, – теперь на этот вопрос, наверное, уже не ответит никто. Известно одно, в первых показаниях очевидцев гибели девушки этих слов нет.

«Целый месяц, – писал в 1942 г. Петр Лидов, – провисело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Когда через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали эшафот и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, через несколько километров их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчишек. Так шли они по земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом Зои (кололи ножами, отрезали грудь. – М.Г.). Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января переводчик распорядился спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни. Здесь, на отшибе, стояло здание начальной школы. Немцы разорили его, партами топили печи, содрали полы и из половиц строили в избах нары. Между этим печальным, растерзанным домом и опушкой леса, среди редких кустов была приготовлена могила... Юное тело зарыли... под плакучей березой, и вьюга заваяла могильный холмик»³¹.

А что же произошло с Василием Клубковым, товарищем Зои, вместе с нею и Борисом Крайновым ушедшим в Петрищеве? В феврале 2000 г. в газете «Известия» была напечатана нашумевшая статья «Клубков, который назвал “Таню” Зоей». В публикации со ссылками на хранящееся в архиве спецслужб уголовное дело В.А. Клубкова утверждалось, что именно он и выдал ее немцам³². Но так ли это? Во всех показаниях Клубкова следствию (кроме первой объяснительной записки от 21 февраля 1942 г.) присутствует следующая схема событий. Крайнов, Космодемьянская и Клубков отправились поджигать деревню. У села они разошлись в разные стороны. Клубков не смог поджечь дом, так как увидел часовых и убежал в лес, где его схватили немцы. При допросе он рассказал, что с ним шли еще двое, и объяснил, где их искать. Немцы отпра-

вились на поиски и вскоре привели Зою, которую он, Клубков, опознал и при попытках которой присутствовал. Находясь в плену, Клубков прошел обучение во вражеской разведшколе, после чего возвратился в свою часть с целью работать на немцев. Таким образом, согласно данной версии, Космодемьянскую поймали из-за предательства Клубкова вскоре после поджога ею домов – в ту же ночь.

Однако все местные жители однозначно утверждают, что Зоя ходила в деревню Петрищево дважды и была схвачена немцами через день или два дня после первого похода, при повторной попытке поджога. Причем жители деревни – В.Н. Седова, М.И. Седова, А.П. Воронина, П.Я. Кулик (Петрушина), В.А. Кулик, в домах которых партизанка провела все время с момента поимки до казни, – ни разу не упоминают о Клубкове, на глазах которого якобы пытали Зою. Правда, П.Я. Кулик не рассказала тогда комиссии и о происшедшем у нее на глазах избивании и оскорблении партизанки Солиной и Смирновой. Но в данном случае перед нами несколько иная ситуация. Солина и Смирнова были односельчанками Петрушиной-Кулик, а «выдавать своих» в общинной русской деревне было не принято. Клубков же был чужаком, к тому же давно сгинувшим, и жители деревни вряд ли бы стали замалчивать его участие в поимке и допросе Зои.

Думается, объявлять Клубкова человеком, предавшим Зою, ошибочно. Но тогда, вероятно, мы должны будем признать наиболее достоверными самые первые его показания, данные в объяснительной записке от 21 февраля 1942 г., сразу же по возвращении из плена в часть, т.е. еще до того, как с ним поработали – и, видимо, «с пристрастием» – следователи военного трибунала Западного фронта. В этих показаниях мы найдем, в частности, и возможное объяснение тому, почему Зоя Космодемьянская после похода в Петрищево не пришла на условленное место.

«В конце ноября, 26–27, – пишет Клубков, – по приказанию Крайнова, я, Космодемьянская Зоя и он, Крайнов, ночью подожгли деревню. Я поджег один дом, где ночевали немцы. На других участках я увидел 2 зарева. После того, как я поджег дом, я побежал на сборный пункт в лес. В лесу были немцы, которые набросились на меня и взяли в плен». Слова Клубкова можно понять таким образом, что в лесу, в районе сборного пункта диверсантов находились немцы. Возможно, именно поэтому туда и не явилась Зоя? Заметив врагов, она вынуждена была спрятаться в другом месте. Крайнов же мог прийти на сборный пункт уже после того, как немцы, схватив Клубкова, удалились. И они вполне могли разминуться с Зоей. Командир впоследствии рассказывал, что ждал товарищей на условленном месте «часов десять». Но Зоя, чуть не натолкнувшись накануне на месте сборного пункта на немцев, могла за это время и не решиться опять там появиться. Возможно, она и пришла, но позже, когда Крайнов, никого не дождавшись, уже ушел. Так что партизанка, оставшись одна, вполне вправе была действовать на свой страх и риск. И Зоя решила опять идти в Петрищево.

Но вернемся к Клубкову. Подробно поведав о своих мытарствах: допросе, плене, бегстве, опять плене и опять бегстве, он закончил объяснительную записку следующим образом: «О Зое Космодемьянской я ничего не знаю с тех пор, как разошлись для поджога деревни, занятой немцами»³³. Представляется, что последующие показания Клубкова сфабрикованы в ходе следствия. Если его объяснительная составлена толково и логично, то показания на редкость путаны и противоречивы: то он говорит, что Зоя при допросе у немцев назвала его имя, то, что нет; то заявляет, что он назвал Зою только по имени, так как фамилии ее не знал, то утверждает, что назвал ее по имени и фамилии, и т.д. Даже деревню, где произошли описанные выше события, он называет «Пепелище», а не Петрищево³⁴.

Но с какой целью В.А. Клубкову «шили дело»? Вероятно, для того, чтобы обелить Зою. Ведь по суровым законам военного времени сдача в плен была запрещена и приравнивалась к предательству. «Последнюю пулю – себе» – таким было требование командования. Зоя же оказалась в плену, что накладывало пятно на ее репутацию героини советского народа. Но если диверсантку выдал предатель, указавший немцам, где ее искать, если в результате этой «наводки» Зою застали врасплох, то ее пленение становилось вполне объяснимым и «морально оправданным». А может быть, все объяс-

нялось еще проще: кто-то из спецслужб решил воспользоваться удобным случаем – возвращением из плена Клубкова и, сфабриковав дело о «предательстве» героини, «примазаться» к прозвучавшему на всю страну подвигу Зои Космодемьянской? Судьба самого Клубкова сложилась трагически: добившись необходимых показаний, 16 апреля 1942 г. его расстреляли³⁵.

Роль Клубкова в этой запутанной истории пытался разгадать еще журналист Петр Лидов. В его очерке 1942 г. «Вокруг Тани» говорится: «...Жители деревни Петрищево единодушно утверждают, что Зоя была поймана через сутки после первой диверсии. Отнюдь не состоявший с ними в сговоре военнопленный Карл Бейерлейн (унтер-офицер 10-й роты 332-го полка 197-й дивизии, стоявший на постое в Петрищеве и впоследствии попавший в плен) показывает в точности то же самое. Клубков же заявляет, что Зоя была обыскана и арестована немцами с его помощью в ту же ночь, через несколько часов после поджога. Жители Петрищева, командир Таниного отряда Борис Крайнов и тот же Бейерлейн утверждают, что Зоя была поймана вскоре после того, как стемнело, то есть в 7–8 часов вечера. В 10–11 часов она после допроса была приведена в избу Василия Кулика и провела там свою последнюю ночь перед казнью. Клубков же на предварительном следствии и судебном заседании показал, что поджог совершен в 2–3 часа ночи, а Зою поймали и привели на допрос, когда уже рассвело... Клубкова не удастся снова допросить: он расстрелян»³⁶.

После же знакомства с материалами уголовного дела С.А. Свиридова Лидов пришел к однозначному выводу: Клубков Зою не выдавал. Прочитав записную книжку журналиста: «9 июля 1942 г. Сегодня в трибунале войск НКВД Московского округа читал дело Свиридова, предавшего Таню и приговоренного 4 июля к расстрелу. О том, что он участвовал в поимке Зои и первым заметил ее, мне говорили в Петрищеве еще 26 января. Я был у него, и он вел себя весьма подозрительно. Меня ничуть не удивило, что мои подозрения оправдались. Дело Свиридова полностью опровергает версию, будто Зою выдал ее товарищ по отряду Клубков. Клубков – изменник (Лидов, очевидно, считал, что в плену Клубков действительно согласился работать на немцев, как тот рассказал в ходе следствия. – М.Г.), но Зою выдал не он»³⁷.

С этим выводом Лидова можно согласиться. Но с одним уточнением: возможно, Василий Клубков не был и изменником. Уж больно простолюдно для немецкого агента он себя вел. Бежав из плена, Клубков возвращается к прежнему месту службы в сверхсекретную часть № 9903 якобы с целью работать на немцев. На что он рассчитывал? Ведь плен приравнивался к предательству, и Клубков не мог этого не знать. Бывших в плену длительное время проверяли. И даже после завершения проверки они находились под подозрением. Как в этих условиях Клубков смог бы работать на вражескую разведку? Его бы тут же разоблачили. По рассказам старых чекистов, во время войны наши военнопленные, желая вырваться из концлагеря, очень часто на словах соглашались сотрудничать с немецкими спецслужбами, а затем, перейдя линию фронта, или шли с повинной, предлагая кровью искупить свою вину, или старались затеряться на фронтах³⁸. Не имеем ли мы и здесь дело с аналогичным случаем? Или все обстояло еще проще – так, как Клубков написал в объяснительной записке: он бежал из плена и вернулся в свою часть?

Рассмотрим теперь версию о том, что в Петрищеве погибла не Зоя Космодемьянская, а кто-то другой. В ее основе лежит тот факт, что первоначально героиня стала известна народу под вымышленным именем. Псевдоним ведь можно раскрыть и другому. Отсюда – почва для различных спекуляций. Откуда же взялась «Таня»?

Январской ночью 1942 г., во время боев за Можайск, несколько журналистов оказались в уцелевшей от пожара избе деревни Пушкино. Корреспондент «Правды» Петр Лидов разговорился с пожилым крестьянином, возвращавшимся в родные места, в район Вереи. Старик рассказал, что оккупация настигла его в Петрищеве, где он видел казнь какой-то девушки-москвички: «Ее вешали, а она речь говорила. Ее вешали, а она все грозила им...» Рассказ старика потряс Лидова. И той же ночью он ушел в Петрищево. Шесть раз выезжал туда корреспондент. И не успокоился до тех пор, пока не пе-

реговорил со всеми жителями села, не разузнал все подробности гибели нашей русской Жанны д'Арк – так называл он «Зою». «Нужна фотография. Это поможет узнать, кто она такая», – решает Лидов. И вновь едет в Петрищево, теперь уже вместе с фотокорреспондентом «Правды» Сергеем Струнниковым. Вскрывают могилу, фотографируют³⁹.

В те дни Лидов познакомился с партизаном из местного верейского отряда. Посмотрев на фотографию казненной, боец узнал в ней девушку-диверсантку, встреченную им в лесу накануне разыгравшейся в Петрищеве трагедии. Та называла себя Таней⁴⁰. Под этим именем и вошла героиня в знаменитую статью Лидова. И лишь потом открылось, что это псевдоним, которым партизанка воспользовалась в целях конспирации. Но почему именно «Таня»? По словам матери Зои, так звали ее любимую героиню Гражданской войны – Татьяну Соломаху, сельскую учительницу, большевичку, попавшую в плен к белым и героически погибшую после жестоких истязаний⁴¹.

Настоящее же имя девушки-партизанки из Петрищева в начале февраля 1942 г. установила комиссия МГК ВЛКСМ. В опознании участвовали местные жители, школьная учительница Зои Космодемьянской В.С. Новоселова и ее одноклассник В.И. Белокунь. В акте комиссии от 4 февраля констатировалось: «1. ...Граждане с. Петрищево – Седова В.Н., Седова М.И., Воронина А.П., Кулик П.Я., Кулик В.А., а также преподаватель языка и литературы т. Новоселова и ученик Белокунь В.И. по предъявленным Разведотделом штаба Западного фронта фотографиям опознали, что повешенной была комсомолка Космодемьянская З.А. 2. Комиссия произвела раскопку могилы, где похоронена Космодемьянская Зоя Анатольевна. Осмотр трупа... еще раз подтвердил, что повешенной является т. Космодемьянская З.А.»⁴²

5 февраля комиссия МГК ВЛКСМ подготовила записку в МК и МГК ВКП(б) с предложением представить Зою Космодемьянскую к званию Героя Советского Союза⁴³. Там с этим, очевидно, согласились, но для верности решили еще раз перепроверить имя героини. Дело в том, что после публикации статьи П. Лидова и фотографии «Тани» в погибшей девушке узнали свою дочь несколько женщин⁴⁴. 10 февраля в Тимирязевском райкоме комсомола была проведена беседа с матерью Зои Любовью Тимофеевной Космодемьянской, ее братом Шурой и школьными друзьями. Любовь Тимофеевна подробно рассказала о жизни дочери, описала, в какой одежде и обуви та уходила на фронт. Вместе с сыном внимательно рассмотрела оригинал фотографии: «Да, это Зоя, она похожа, волосы, нос и губы ее. *Сын*: Все очень похоже, волосы очень похожи. *Мать*: Да, это Зоя...»⁴⁵

Чтобы расставить все точки над «i», мать, брата Зои, ее ближайшую подругу по отряду Клаву Милорадову попросили приехать в Петрищево. Там комиссия в составе Зоино командира полковника А.К. Спрогиса, секретаря МГК ВЛКСМ А.Н. Шелепина, старшего лейтенанта Клейменова, судмедэксперта Никифорова предъявила им для опознания труп замученной в деревне девушки. После чего сомнений не осталось – это Зоя. 12 февраля 1942 г. был составлен соответствующий акт⁴⁶. 16 февраля 1942 г. Зое Анатольевне Космодемьянской было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как уже отмечалось, в начале 1990-х гг. в печати вновь появились утверждения о том, что героиня из Петрищева – это не Зоя, а другая партизанка. Конкретно называлось имя Лили Азолиной⁴⁷. Чтобы окончательно установить истину, 17 декабря 1991 г. по просьбе руководства Центрального архива ВЛКСМ во Всероссийском НИИ судебных экспертиз была проведена судебно-портретная экспертиза по фотографиям Зои Космодемьянской, Лили Азолиной, девушки, которую ведут на казнь в селе Петрищеве (фотографии казни нашли у пленного немца), и трупа повешенной девушки. Вывод был однозначным – «на фотоснимках трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская»⁴⁸.

Нам осталось рассмотреть последнюю из сенсационных версий – о том, что Зоя Космодемьянская была больна шизофренией. В основе версии – факт перенесенного девушкой в 1939 г. нервного заболевания, сведения о котором в советское время замал-

чивались, и заболевания в 1940 г. менингитом, о чем говорилось открыто. Что же на самом деле произошло в 1939 и 1940 гг. с Зоей?

Вот что рассказала 10 февраля 1942 г. Любовь Тимофеевна Космодемьянская: «Зоя болела нервным заболеванием с 1939 г., когда переходила из 8-го в 9-й класс... У нее... было нервное заболевание по той причине, что ее ребята не понимали. Ей не нравилось непостоянство подруг: как иногда бывает, – сегодня девочка поделится своими секретами с одной подругой, завтра – с другой, эти поделятся с другими девочками и т.д. Зоя не любила этого и часто сидела одна. Но она переживала все это, говорила, что она одинокий человек, что не может подобрать себе подругу»⁴⁹. Одиночество было следствием крайне требовательного отношения к себе и окружающим. Зоя очень много читала, в основном классическую литературу: Л. Толстого, Маяковского. Сервантеса, Горького, Чернышевского, Шекспира, Гете, Гюго, Жорж Санд, мечтала поступить в Литературный институт⁵⁰. «Книжная» девочка, она и в жизни искала высоких человеческих чувств, благородных порывов, идеальных стремлений.

Вероятно, возвышенный строй души достался Зое в наследство по отцовской линии. Ведь Космодемьянские – старинный священнический род, многие представители которого служили в православных храмах Тамбовской губ. Дедушка девочки, священник Петр Иоаннович Космодемьянский, в августе 1918 г. принял мученическую кончину от рук «строителей новой жизни». Однажды ночью, после того как батюшка выступил на сельском сходе в защиту церкви, его схватили и после жестоких истязаний утопили в пруду⁵¹. Вряд ли родители рассказывали девочке об этой ужасной трагедии. И вряд ли она понимала, чего на самом деле не хватает ее стремящейся к идеалу душе. Она искала абсолютного совершенства. Но не в добром милосердном Боге, а в подружках по классу – обыкновенных девчонках, думающих о нарядах и мальчишках. Искала чистоты и справедливости. Но не в храме, а в комсомольской организации, в которой царили все те же обычаи и нравы...

Зою буквально потрясло пожелание, полученное под новый, 1939 год от одноклассницы (девочки писали их друг другу): «Зюнька, не суди людей так строго. Не принимай все так близко к сердцу. Знай, что все почти люди эгоисты, льстецы, неискренние и полагаться на них нельзя. Слова, сказанные ими, оставляй без внимания. Таково мое пожелание к Новому году». «Если так думать о людях, то зачем жить?» – сказала Зоя, прочитав записку⁵². Но вскоре ей пришлось убедиться, что в словах одноклассницы было много правды. Осознание горькой истины, видимо, и привело к нервному срыву.

«В 6-м классе мы стали готовиться к вступлению в комсомол (это было в 1938 г.), – писал 7 февраля 1942 г. Зоин одноклассник В.И. Белокунов, – и в октябре этого же года общее собрание комсомольцев нашей школы... приняло часть ребят нашего класса в члены ВЛКСМ. Комсомольская группа вначале состояла всего из 6 человек. Группоргом был Арнольд Гриф, на 7 месяцев раньше нас вступивший в комсомол... В середине учебного года начался трудный раздел по математике и физике, и Зоя, лучше других преуспевавшая в литературе и истории, стала отставать по математике. Зоя усиленно занималась, обращалась ко мне за помощью... Нам жалко было терять в классе отличника, и мы решили, что если Зое дать ответственную работу, то она обязательно подтянется в учебе. Зою выбрали группоргом». Но отнимавшая много времени общественная работа не помогла учебе. Она только привела к острому конфликту Зои с одноклассниками. «...Однажды на группе ею было внесено предложение о регулярных занятиях наших комсомольцев с малограмотными и неграмотными домохозяйками. Вначале ребята согласились, но когда оказалось, что придется ходить далеко через поле, то многие стали отказываться. Зоя пристыдила их и указала на то, что они не выполняют комсомольских поручений, те стали посмеиваться над этим нововведением, и начался большой спор, а затем и ссора. Настало время перевыборов, и группоргом снова был избран Арнольд Гриф».

«Эта история, – продолжает одноклассник, – очень нехорошо подействовала на Зою. Она стала как-то постепенно уходить в себя. Стала менее общительной, больше полюбила уединение. В 7-м классе за ней еще чаще стали замечать, как нам казалось,

странности... Было заметно: что-то накапливает у этой девушки. Она не находила себе места, но не с кем было поделиться, некому было открыть душу. Из девочек близких подруг после ссоры не было, а из мальчиков оставался один брат Шурик, которого она хотя и очень любила, но задушевно поговорить боялась – мог не понять. Мы тоже не понимали эту девушку, и она не могла среди нас найти себе друга. Слишком загадочными были для нас ее молчание, всегда задумчивые глаза, а порою некоторая рассеянность. И непонятная Зоя становилась еще непонятней. В середине года мы узнали от ее брата Шуры, что Зоя больна. Это произвело сильное впечатление на ребят. Решили, что в этом виноваты мы»⁵³.

Едва Зоя оправилась от первой болезни, как ее настигла другая. «...При переходе из 9-го в 10-й класс в 1940 г. Зоя болела менингитом в острой форме, – рассказывала Л.Т. Космодемьянская в феврале 1942 г. (и более подробно в опубликованных воспоминаниях). – Сначала врачи говорили, что надежды на выздоровление нет, но она попала к профессору Маргулису, который спас ее... Врачи даже удивились, когда ее выписывали из больницы. Она терпела такие болезненные уколы в спинной мозг! Зоя была в памяти и говорила, что уколы были очень болезненными. Она была выносливой и терпеливой... В санатории по нервным болезням в Сокольниках (где она приходила в себя после менингита) Зоя дружила с одной сестрой... В этом санатории был и товарищ Гайдар (детский писатель, книги которого очень любила девочка), который делал ей нравочения, и она ему также... В санатории Зоя находилась 40 дней, и как я, бывало, ни приду к ней, то всегда их вижу вместе в парке...»⁵⁴

В опубликованных воспоминаниях Любовь Тимофеевна рассказала подробнее об удивительной дружбе ее дочери и знаменитого детского писателя, как никто другой понимавшего Зою: «Аркадий Петрович и Зоя подружились: катались вместе на коньках, ходили на лыжах, вместе пели песни по вечерам и разговаривали о прочитанных книгах. Зоя читала ему свои любимые стихи, и он сказал мне при встрече: “Она у вас великолепно читает Гете”... В другой раз, незадолго до отъезда из санатория, Зоя рассказала: “Знаешь, мама, я вчера спросила: “Аркадий Петрович, что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно, большое, общее счастье?” Он задумался, а потом сказал: “Есть, конечно, такое счастье. Ради него живут и умирают настоящие люди. Но такое счастье на всей земле наступит еще не скоро”. Тогда я сказала: “Только бы наступило!” И он сказал: “Непременно!” На прощание Гайдар подарил Зое на память свою книгу, на титульном листе которой написал хорошо ей знакомые слова из повести “Чук и Гек”: “Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной”. “Это он мне опять отвечает”, – тихо сказала Зоя»⁵⁵. Не пройдет и года, и оба они, Аркадий Гайдар и Зоя Космодемьянская, отдадут свою жизнь за «огромную счастливую землю»...

Из санатория, в котором Зоя находилась с 24 января по 4 марта 1941 г., ее выписали по следующему заключению (в архиве сохранилась медицинская справка): «По состоянию здоровья б[ольшая] приступить к учебе может, но без утомления и перегрузки»⁵⁶. До конца учебного года оставалось менее трех месяцев, но Зоя и слышать не хотела о том, чтобы остаться на второй год. Благо, одноклассники встретили ее прекрасно, старались загладить свою вину, всячески помочь. «...“Меня очень хорошо встретили в школе, – рассказывала Зоя маме. – Даже как-то удивительно хорошо.., как-то бережно. Как будто я после болезни стала стеклянная и вот-вот разобьюсь... Нет, правда, было очень приятно видеть, что мне рады”, – добавила она после небольшого молчания»⁵⁷.

С огромным трудом, но Зое все же удалось закончить учебный год, хотя и далеко не с такими хорошими оценками, как до болезни. Сохранилась ее школьная характеристика от 14 июня 1941 г., данная классным руководителем: «Имеет посредственную успеваемость, отличную дисциплину. До болезни училась хорошо. После пропуска с трудом догнала товарищей. Нуждается в индивидуальном подходе»⁵⁸. И только по ли-

тературе Зоя, как всегда, была на высоте. «...Как и прежде, ее сочинения по литературе отличались своеобразием написания, живостью образов. Было видно, что материал, по которому пишется сочинение, глубоко продуман и понят, и единственное, что было однообразно во всех сочинениях, – это оценка “отлично”», – вспоминал В.И. Белокунь⁵⁹.

В приведенных воспоминаниях и документах Зоя Космодемьянская предстает перед нами натурой сложной, утонченной, романтически-возвышенной, болезненно реагирующей на несовершенство мира, его несоответствие высоким идеалам. Разрыв между мечтой и действительностью переживается ею необычайно остро, приводит девочку к отчуждению от окружающих, одиночеству, нервному срыву. Через год к этому добавляется тяжелейшая болезнь. Однако Зоя находит в себе душевные и физические силы вынести мучительный курс лечения, преодолеть болезнь, догнать в учебе одноклассников.

...А всего через несколько месяцев у нее найдутся силы и для большего. Для того, чтобы вынести пытки, но не предать боевых товарищей. Для того, чтобы отдать жизнь за Родину. Для того, чтобы еще раз доказать себе и миру, что не все люди – эгоисты. Конечно, для современных циничных борзописцев такое отношение к жизни – «шизофрения». Им не дано понять высокого смысла евангельской заповеди: «Нет выше подвига, чем душу свою положить за други своя!» Бог им судья.

Примечания

¹ Ведущий врач Научно-методического центра детской психиатрии А. Мельникова, С. Юрьева, Н. Камельсон в 1991 г. писали: «Перед войной в 1938–1939 гг. 14-летняя девочка по имени Зоя Космодемьянская неоднократно находилась на обследовании в Ведущем научно-методическом центре детской психиатрии и лежала в стационаре в детском отделении больницы им. Кашенко. У нее подозревали шизофрению. Сразу после войны в архив нашей больницы пришли два человека и изъяли историю болезни Космодемьянской» (Зоя Космодемьянская: Героиня или символ? // Аргументы и факты. 1991. № 43). В этой публикации сенсационная версия о психическом заболевании З.А. Космодемьянской изложена в «обтекаемой» формулировке – «подозревали шизофрению». В последующих же сообщениях СМИ слово «подозревали» исчезло.

² Первым эту версию обнародовал писатель А. Жовтис: «Немцы заняли Петрищево во время общего наступления на Москву. Они назначили старосту и ушли. Староста поддерживал контакт с оккупационными властями, располагавшимися в другом населенном пункте... Немцев на постое здесь не было, и, следовательно, не было и никаких немецких конюшен, которые, согласно официальной версии, партизанка якобы подожгла» (Жовтис А. Уточнения к канонической версии // Аргументы и факты. 1991. № 38).

³ Бывший работник Управления НКВД по г. Москве и Московской обл. Б.Я. Чмелев 22 марта 1994 г. рассказывал: В 1942 г. в деревне Петрищево «арестовали некоего Свиридова, ему вменили в вину, что он предал Зою и что поэтому ее схватили и казнили. Причем все так и было – он был причастен к тому, что немцы арестовали Зою, следовательно, и к тому, что ее казнили. И газеты, и радио уже сообщили обо всем этом, и благодаря “Правде” вся страна знала о героине Зое. Но когда на месте мы стали разбираться с тем, что произошло в деревне Петрищево, оказалось, что все выглядело несколько иначе и что этот человек не был виноват в происшедшем. Во-первых, Зоя сама нарушила приказ командира партизанского отряда, запретившего какие бы то ни было самовольные акции, а она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево. Мы допросили и командира отряда, и других партизан и выяснили, что в Петрищево она пошла сама, без разрешения и начала поджигать сарай этого самого Свиридова, где не было ни немцев, ни военной техники и ничего, кроме сена... Но можете себе представить: хозяин сарая выходит из дома – а это было именно так – и видит, что кто-то поджигает его сарай! Какой должна быть его реакция?! А в это время рядом были немцы... Свиридов закричал: “Ты что там делаешь?!” Этого было достаточно, чтобы Зою схватили. Нам было понятно, что реакция Свиридова была вполне естественной, думаю, что точно такой же она была бы и у вас, и у меня: “Ты что делаешь? Почему поджигаешь мой сарай?” Конечно, на этот факт было наложено вето, и мне категорически запретили кому бы то ни было об этом говорить. Обо всем рассказал [начальнику УНКВД по Москве и Московской обл.] М.И. Журавлеву. Он долго молчал, наконец, спросил: “А что ты думаешь обо всем этом?” Я говорю, что судить Свиридова на основании только того, что он бросился защищать свое имущество, нельзя. “А, черт с ним, в конце концов, – говорит Журавлев. – Давай будем его освобождать... Пишите постановление об освобождении”. Мы тут же написали соответствующую бумагу, и Свиридов неожиданно для себя, как я понимаю, оказался на свободе» (Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные док. и мат. М., 2001. С. 644). В свою очередь,

А. Жовтис писал: «Однажды ночью в деревне загорелась изба, пожар уничтожил ее дотла. Люди пришли к заключению, что это был поджог, и на следующее утро выставили караульных. Через день или два поджигатель был пойман с поличным: неизвестная девушка с помощью тряпок, смоченных в керосине, пыталась поджечь другую избу. Зима была суровая, одна семья, потерявшая кров, ютилась у соседей, жители деревни были обозлены и разъярены. Караульные зверски избили девушку, затем втащили ее в избу к Лукерье, а утром староста отправился к властям и доложил о случившемся. В тот же день девушка была повешена прибывшими в Петрищево солдатами спецслужбы» (Жовтис А. Указ. соч.).

⁴ Д м и т р е в Ю. Правда о Зое. Репортаж-исследование с опозданием на четверть века // Труд. 1991. 29 ноября; М о р к о в ч и н В., Ш у р Э. Клубков, который назвал «Таню» Зоей // Известия. 2000. 2 февраля.

⁵ Впервые эту версию изложила Е. Сеньявская, ныне доктор исторических наук, в 1991 г. Ее письмо в газету завершалось следующими словами: «Подтвердить или опровергнуть эту версию может только криминалистическая экспертиза, которой долго и безуспешно добиваются товарищи Лили» (Аргументы и факты. 1991. № 43).

⁶ Эти документы опубл. в кн.: Москва прифронтовая.

⁷ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 365–366.

⁸ См.: там же. С. 106–123, 250, 475–479 и др.; Москва прифронтовая. С. 251–292.

⁹ Москва прифронтовая. С. 177–178, 198–250.

¹⁰ Москва военная. С. 125; Правда. 1941. 20 октября.

¹¹ Москва прифронтовая. С. 156.

¹² Об этом рассказал писателю В. Лаврову А.К. Спрогис, командир войсковой разведывательно-диверсионной части № 9903, в которой сражалась З.А. Космодемьянская. См.: Л а в р о в В. Зоя. Еще раз о гибели Зои Космодемьянской // Московский комсомолец. 1991. 12 декабря.

¹³ Там же; Москва прифронтовая. С. 156.

¹⁴ Москва прифронтовая. С. 581–583.

¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. I: Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 121–123.

¹⁶ Возможно, принятие этого приказа инициировала докладная записка секретаря МГК ВЛКСМ по пропаганде Н.П. Красавченко секретарю МГК ВКП(б) Г.М. Попову от 8 ноября 1941 г. Н.П. Красавченко находился на строительстве оборонительных рубежей в районе Издешково Смоленской обл. 7 октября вместе с другими руководящими работниками он оказался в окружении, а затем в плену. Проведя во вражеском тылу 21 день и в конце концов благополучно вернувшись к своим, он подготовил аналитическую записку о положении дел на оккупированной советской территории, в которой сделал ряд выводов. Последний, шестой пункт звучал следующим образом: «Когда я перешел фронт и в штабе дивизии доложил, что дер. Павлово забита немцами, что артиллерийским огнем прямо по деревне можно нанести значительный ущерб врагу, мне ответили, что деревню обстреливать нельзя, так как там советские граждане. Я часто видел бомбежку советской авиации, но ни разу не видел, что наши летчики бомбят тот или иной населенный пункт, а немцы, как правило, располагаются по населенным пунктам. Мне кажется, что щадить тут нечего. Обычно население прифронтовых деревень уходит, и, уничтожая села, деревни, мы наносили бы значительные потери врагу, лишали бы немцев теплого жилья, а холода немцы боятся гораздо больше, чем черт лаdana» (ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 95, л. 37. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 190).

¹⁷ Битва за столицу. Сб. док. От обороны к наступлению. Т. 1. М., 1994. С. 130.

¹⁸ См., напр.: История Тани в документе // Аргументы и факты. 1992. № 7.

¹⁹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Док. и мат. М., 1967. С. 117–120.

²⁰ Москва прифронтовая. С. 584, 642.

²¹ Там же. С. 585.

²² Там же. С. 562–563.

²³ Там же. С. 587.

²⁴ Там же. С. 644. Сведения взяты из записной книжки П. Лидова, знакомого с уголовным делом С.А. Свиридова и сделавшего из него выписки. Копии выписок см.: РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649.

²⁵ О в ч и н н и к о в а Л. Свеча на ветру // Комсомольская правда. 1991. 29 ноября.

²⁶ Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ), ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 55 (1–22). Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 564–566.

²⁷ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 40–40 об. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 579.

²⁸ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 38–38 об.; Москва прифронтовая. С. 579.

²⁹ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 55 (1–22); Москва прифронтовая. С. 565–566.

³⁰ См., напр.: Л и д о в П. Таня (Герой Советского Союза Зоя Анатольевна Космодемьянская). М., 1942. С. 14–15 и др.

- ³¹ Там же. С. 15–16.
- ³² Известия. 2000. 2 февраля.
- ³³ Там же. См. также материалы уголовного дела В.А. Клубкова. Коллекция Центрального архива ФСБ РФ.
- ³⁴ Материалы уголовного дела В.А. Клубкова. Коллекция Центрального архива ФСБ РФ.
- ³⁵ Известия. 2000. 2 февраля.
- ³⁶ РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 643.
- ³⁷ Там же. С. 644.
- ³⁸ Москва военная. С. 228–229.
- ³⁹ Соломатин П. Подвиг Зои // Наука и жизнь. 1966. № 12. С. 10–11.
- ⁴⁰ Лидов П. Таня. С. 5.
- ⁴¹ Космодемьянская Л.Т. Повесть о Зое и Шуре. М., 1961. С. 97–100.
- ⁴² ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 145, л. 13–15; ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 31–33. Опул.: Наука и жизнь. 1966. № 12; Москва прифронтонная. С. 566–567.
- ⁴³ ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 145, л. 1–10. См. также: там же, л. 16–17 (краткий вариант записки), ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 13–21; РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, л. 9–17.
- ⁴⁴ См.: Лавров В. Указ. соч.
- ⁴⁵ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 56–63. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 572–573.
- ⁴⁶ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 36–36 об. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 574. См. также: Кожмяко В. Трагедия Зои Космодемьянской // Правда. 1991. 29 ноября.
- ⁴⁷ Аргументы и факты. 1991. № 43.
- ⁴⁸ РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. См. также: Жизнь. 1992. № 3; Советская Россия. 1992. 29 января.
- ⁴⁹ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 56–63. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 573–574.
- ⁵⁰ Там же. С. 572, 574. См. также сохранившуюся записную книжку Зои, где она делала выписки из прочитанных книг. РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. 7-М, оп. 2, д. 649, россыпь.
- ⁵¹ Кученкова В. Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского (1872–1918) // Мир Божий. 2001. № 1.
- ⁵² Космодемьянская Л.Т. Указ. соч. С. 122.
- ⁵³ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 70–76. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 570.
- ⁵⁴ Москва прифронтонная. С. 573.
- ⁵⁵ Космодемьянская Л.Т. Указ. соч. С. 130–131.
- ⁵⁶ РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 642.
- ⁵⁷ Космодемьянская Л.Т. Указ. соч. С. 131.
- ⁵⁸ РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 643.
- ⁵⁹ ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 70–76. Опул. в кн.: Москва прифронтонная. С. 570–571.

© 2003 г. Г.В. КОСТЫРЧЕНКО*

ДЕПОРТАЦИЯ – МИСТИФИКАЦИЯ (Прощание с мифом сталинской эпохи)

Рождение легенды

Одним из доживших до наших дней мифов сталинской эпохи является легенда времен «холодной войны» (она передавалась сначала шепотом из уст в уста, затем стала достоянием публицистики и наконец перекочевала в научные издания) о подготовке Сталиным незадолго до своей смерти тотального выселения евреев в Сибирь. Описанная в десятках, если не сотнях статей, книг, радио- и телеинтервью, сталинская депорта-

* Костырченко Геннадий Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

ция евреев превратилась в своего рода Лохнесское чудовище. Многие его якобы видели, но никто не смог представить пока ни одного бесспорного и заслуживающего доверия доказательства его существования.

Слухи о депортации появились в начале 1948 г. после трагической и таинственной гибели С.М. Михоэlsa, но особенно усилились к концу того же года, когда был закрыт Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) и начались массовые аресты его руководителей, а также деятелей идишистской культуры. Л.А. Шатуновская, получившая за близкое знакомство с Михоэлсом лагерный срок, оказавшись потом на Западе, писала, что в первой половине 1948 г. власти хотели провести (но потом отказались от этой идеи) открытый судебный процесс по «делу Аллилуевых» – родственников Сталина, подозревавшихся им в совместных с «еврейскими националистами» кознях против собственной персоны. По ее мнению, эта «важнейшая политическая антиеврейская акция» должна была стать сигналом к массовой депортации советского еврейства в биробиджанскую тайгу, где уже тогда будто бы строились бараки, а к Москве и другим крупным городам подгонялись сотни товарных вагонов для ссыльных. По версии же другого бывшего узника ГУЛАГа, Е.И. Долицкого, работавшего до ареста в марте 1948 г. в Совинформбюро, руководству ЕАК якобы предлагалось в 1948 г. через М.А. Сулова одобрить разработанный в «верхах» план добровольного переселения евреев на Дальний Восток и создания там на базе Еврейской автономной обл. Еврейской автономной советской социалистической республики. Однако такого одобрения получить будто бы не удалось, поскольку приглашенные в ЦК ВКП(б) С.А. Лозовский и П.Д. Маркиш, который ошибочно именуется председателем ЕАК, восприняли этот проект как скрытую попытку осуществления депортации. Разумеется, ни Шатуновская, ни Долицкий не подкрепляют свои версии какими-либо фактами¹.

Масштабы слухов о готовившейся властями массовой высылке евреев существенно возросли в период антикосмополитической кампании, причем до такой степени, что об этом заговорила заграничная печать. На страницах еврейских изданий (в первую очередь в Израиле, США и Великобритании) в течение 1949–1952 гг. неоднократно появлялись сообщения то о вроде бы принятом советскими властями решении депортировать в Сибирь все еврейское население страны, то об уже произведенном переселении туда 400 тыс. евреев из России, то о готовящейся депортации в том же направлении еще 1 млн евреев из Украины и Белоруссии. Появление подобной информации в западной прессе было в какой-то степени обусловлено тем подспудным пропагандистским нажимом, который с конца 1948 г. стали оказывать на СССР израильские руководители, стремившиеся таким образом побудить Сталина пойти навстречу их требованиям разрешить массовую эмиграцию евреев из СССР. Особую настойчивость в этом деле проявил министр иностранных дел Израиля М. Шаретт. 5 октября 1949 г. он был информирован посланником в СССР М. Намиром о том, что советские евреи «живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне» и многие из них «опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы». Через 10 дней в качестве ответа Шаретт направил в Москву шифротелеграмму, содержавшую следующую инструкцию: «Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, равно как и в европейской прессе по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации, имеющейся в нашем распоряжении, а также слухов». И хотя впоследствии тот же Намир, а также директор восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Левави неоднократно сообщали Шаретту о безосновательности подобных слухов, тот не спешил с официальным их опровержением, и они продолжали муссироваться в западных СМИ. Уже в наши дни И. Харел, руководивший с 1952 г. израильской разведкой «Моссад», заявил в интервью (оговорив, правда, недостаточные возможности его секретной службы в то время), что ничего не слышал о подобных планах Сталина².

Новый, еще больший всплеск тревожных толков о депортации произошел после публикации в печати сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте «врачей-вредителей». На следующий день первый заместитель министра госбезопасности СССР

С.А. Гоглидзе проинформировал Кремль об оценке этого события посланником Израйля Ш. Эльяшивом: «Вся миссия очень опечалена сегодняшним сообщением. В случае войны (выделено мною. – Г.К.) может быть решено всех евреев выслать в Сибирь, и этот процесс (суд над кремлевскими врачами. – Г.К.) явится подготовкой общественно-го мнения».

Еще более панические настроения наблюдались в кругах столичной еврейской интеллигенции. Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Они были спровоцированы и массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский подтекст, и всплеском «бытовой» юдофобии, которая закамуфлировано подогревалась сверху (особенно в последние недели жизни Сталина), в том числе и через СМИ. Определенную основательность слухам придавало то, что с конца 1952 г. из Москвы в Казахстан стали высылаться семьи арестованных «еврейских националистов», включая тайно казненных к тому времени «саковцев». Масло в огонь депортационной истерии подливали и частные экстремистские заявления, звучавшие из стана кремлевской элиты, и потом разносившиеся народной молвой, обрастая всевозможными леденящими кровь слухами и толками. Известно, скажем, что жена секретаря ЦК и руководителя Агитпрома Н.А. Михайлова сказала тогда дочери Сталина Светлане: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»³ Подобные высказывания свидетельствовали о том, что сталинская верхушка в какой-то мере была заряжена антисемитизмом, но все же за ними вряд ли стояло тогда нечто большее.

Страхи в еврейской среде многократно усиливались и из-за отсутствия в тоталитарном обществе возможности получить объективную и независимую информацию о происходящем, что спонтанно компенсировалось широкой циркуляцией среди населения различных, подчас самых нелепых домыслов и легенд. Ведь долго блуждающим в информационной пустыне часто грезятся причудливые миражи. Проецируясь на послевоенную ментальность еврейства, только что перенесшего величайшую в своей истории трагедию и как бы по инерции ожидавшего повторения национальной катастрофы, все это переполняло его самыми мрачными предчувствиями и ожиданиями. Воистину мало что изменилось в России со времен Екатерины II, когда, как писал историк В.О. Ключевский, «люди судили о своем времени не по фактам окружающей их действительности, а по чувствам, навеянным поверх этой действительности»⁴.

Но имели ли под собой реальную почву охватившие страну и мир слухи о чуть было не осуществленной Сталиным депортации евреев? Конечно, подобная угроза существовала, ибо чуть ли не с момента установления в России власти большевиков они постоянно практиковали бессудное и массовое выселение людей (сначала по классовому, а потом и по национальному признакам). Но верно и то, что реализоваться эта угроза на рубеже 1940–1950-х гг. не могла. И вот почему. В отличие, скажем, от насильственного выселения территориально локализованных на окраинах страны кавказских народов депортацию евреев, – а это сотни тысяч человек, проживавших в густонаселенных городских центрах страны, причем не обособленно, в виде колоний (гетто), а в большинстве своем среди массы инонационального населения (главным образом русского), – нельзя было провести ни молниеносно, ни тем более тайно. Ясно, что изъятие такого количества людей из нормальной общественной среды, где многие из них к тому же играли заметную роль в области науки, культуры и в других общественно значимых сферах, нельзя было провести с наскока, без продолжительной подготовки. Требовались предвзятые радикальные изменения и в официальной идеологии, сохранявшей, несмотря на шовинистический пресс сталинизма, еще существенную толику большевистского интернационализма. Важно и то, что несмотря на всю симпатию Сталина к традиционной крепкой русской государственности и нагнетавшийся по его воле русский патриотизм, он не мог отказаться от коммунистической идеологии, ибо его евроазиатская империя от Берлина до Владивостока держалась главным образом на ней, а отнюдь не на русской идее. И в этом противоречии коренилась главная причина идеологической амбивалентности сталинизма.

В отличие от сталинского, гитлеровский режим был лишен такого дуализма. Тем не менее потребовалось несколько лет, чтобы нацистская Германия подошла к так называемому окончательному решению еврейского вопроса, предусматривавшему массовую депортацию в лагеря смерти. Там этому предшествовали продолжительная идеологическая «промывка мозгов» с помощью «Майн кампф» Гитлера и других открыто расистских и антисемитских работ, официальное узаконение антисемитизма как государственной политики, повлекшее за собой систематическое вытеснение евреев из политических, общественных и экономических институций рейха, принятие расовых законов, лишивших евреев гражданских прав и определивших юридически точное понятие еврейства, исходя из конкретно сформулированных этнорелигиозных критериев, а также организованные сверху погромы ноября 1938 г. и, наконец, начало Второй мировой войны, окончательно развязавшей руки нацистов для геноцида. Если та же идея тотально покончить с евреями действительно завладела бы Сталиным в начале 1953 г., то их депортации должно было предшествовать нечто подобное. Но диктатор не мог не понимать, что его многонациональной империи, в отличие от мононациональной Германии, изначально противопоказан такой эксперимент, ибо она рискует просто развалиться.

Существует и другой достаточно весомый антидепортационный аргумент. Несмотря на предание гласности после августа 1991 г. самых секретных архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницилирующей депортацию* но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе сотни тысяч пресловутых списков евреев и выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло с многими другими советскими политическими секретами. В последнее десятилетие, например, были опубликованы основные официальные документы о насильственном выселении в годы войны и послевоенное время чеченцев, ингушей, крымских татар и прочих так называемых изменнических народов, а также «буржуазных националистов» из Западной Украины, Прибалтики и других регионов страны. Причем эти директивы принимались иногда задолго до начала депортационных акций, что опровергает измышления о том, будто сталинское руководство письменно оформляло их постфактум. В общем, если даже в чьих-то «руководящих» умах и возникало намерение административно выслать евреев в места весьма отдаленные, то в конечном счете оно оказывалось мертворожденным.

Думается, что масштабы официального антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 г., находились на предельно допустимом в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системе уровне. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации, поставило бы страну перед неизбежностью радикальных политических и идеологических преобразований (прежде всего легализации антисемитизма как государственной политики, а, значит, и введения национальной дискриминации), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями в многонациональной стране. При таком развитии событий зверь стихийного антисемитизма, разбуженный «делом врачей», мог вырваться на свободу, и тогда страна погрузилась бы в хаос национальных и социальных катаклизмов. Я.Л. Рапопорт (один из арестованных кремлевских врачей) впоследствии называл «дело врачей» «незаконченным советским изданием» российских холерных бунтов начала 1830-х гг., когда темные и бесправные народные массы, доведенные до отчаяния страхом перед смертельной опасностью, сначала расправились с медиками, самоотверженно боровавшимися с эпиде-

* Между прочим, в положении, регламентировавшем деятельность МГБ СССР, указывалось, что отправка на спецпоселение есть ни что иное как «принудительное переселение по решению правительства (выделено мною. – Г.К.) из постоянного места жительства под надзор органов МГБ отдельных категорий лиц навечно или на срок» (ГА РФ, ф. 9497, оп. 1, д. 303, л. 21–221).

мией (видели в них умышленных распространителей заразы), а потом обрушили свой гнев на представителей властей⁵.

Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. Да и по складу своего характера он не решился бы открыто выступить против евреев, хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической раздвоенности, которая, возможно, и ускорила его конец. Показателен в связи с этим эпизод, описанный композитором Т.Н. Хренниковым: в конце 1952 г. Сталин, в последний раз присутствовавший на заседании комитета по премиям своего имени, совершенно неожиданно заявил: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!»^{6*}

Из-за быстро ухудшавшегося самочувствия Сталин почти безвыездно находился тогда на «ближней» даче, лишь изредка наведываясь в Москву и то в основном для того, чтобы появлениями в Большом театре или встречами с иностранными послами пресечь усиливавшиеся с каждым днем слухи о его нездоровье. Тем не менее он был в курсе текущей политики благодаря Маленкову, Берии, другим самым доверенным приближенным, которые, конечно, докладывали ему и о негативной реакции Запада на инспирированную им шумиху в связи с «делом врачей», а также о нарастании антисемитского психоза и вызванной им паники среди еврейского населения внутри страны. Осознав под воздействием этой информации, что подобное развитие событий чревато самыми непредсказуемыми последствиями, Сталин, всегда стремившийся сохранить для истории свое «прогрессивное» лицо, решился на отступной маневр. Будучи когда-то непревзойденным мастером политической ретирады, он хоть и не смог, как в марте 1930 г., написать нечто подобное «Головокружению от успехов», тем не менее все же нашел выход из критической ситуации. Чтобы снять политическое напряжение, возникшее в связи с «делом врачей», Сталин, как вспоминал потом Л.М. Каганович, поручил тогдашнему главному идеологу Н.А. Михайлову подготовить от имени наиболее выдающихся и известных в стране деятелей еврейского происхождения проект соответствующего письма в редакцию «Правды».

В 20-х числах января такой текст был готов, причем даже в виде газетного оттиска. При этом Михайлов не пошел дальше конформистского копирования кондового стиля сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте «врачей-вредителей». В его проекте присутствовала та же, в духе 1937 г., лексика, бичующая «шпионскую банду врачей-убийц», «этих извергов рода человеческого», «продавшихся американско-английским поджигателям войны» и «завербованных международной сионистской организацией “Джойнт” – филиалом американской разведки». К позорному столбу пригвождались также «империалистическая Америка», эта «каторга для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации», и «главари сионизма», превратившие «государство Израиль в плацдарм американских агрессоров» и создающие «по заданию американской и английской разведок террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии». Вместе с тем четко была зафиксирована официально проводимая Сталиным дифференциация между «еврейскими буржуазными националистами» и «честными еврейскими тружениками». Это – важный аргумент против версии, согласно которой все евреи должны были подвергнуться депортации. Пафос обращения и состоял в противопоставлении «жалкой кучке» «отщепенцев и вырожденцев», которые, продав «свою душу и тело империалистам», пытаются «всеми мерами подогреть и раздуть среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности..., национальную вражду к русскому и другим народам Советского Союза..., стремятся... превра-

* Идейную бифуркацию Сталина на почве «еврейского вопроса» отмечал и Н.С. Хрущев: «Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму» (Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 59).

тить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа», «подавляющего большинства еврейского населения», состоящего из «патриотов Советской Родины», которые «вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества». К ним и был обращен призыв «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников». Завершалось послание требованием «самого беспощадного наказания» «группы врачей-убийц» и выражением уверенности в том, что это требование будет единодушно поддержано трудящимися евреями. Кроме того, в письме отмечалась выдающаяся роль Советского Союза в спасении человечества от гитлеризма, а европейских евреев – от полного уничтожения. Особо подчеркивалось, что, несмотря на попытки Запада «создать почву для оживления в СССР антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого», «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа»⁷.

Поддержать обращение в «Правду» должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников – евреев. Однако в ходе сбора их подписей, в котором активную помощь сотрудникам ЦК и редакции «Правды» оказывали академик-историк И.И. Минц и начальствующий журналист Я.С. Хавинсон-Маринин, произошел некоторый сбой: Л.М. Каганович, считавший себя членом высшего руководства партии и государства, а отнюдь не еврейским общественным деятелем, решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем списке. Коллегию эту разрешили довольно быстро, предоставив Кагановичу персональную копию письма, которую тот и подписал как личное обращение в «Правду». На пленуме ЦК в июле 1953 г. он, имея в виду «евреев-националистов», заявит, что «дело врачей» было бы «неправильно связывать с еврейством вообще». Позже Каганович, будучи хорошо осведомленным о тайнах кремлевской политической кухни, отрицал наличие плана депортации⁸.

Возникла заминка и с И.Г. Эренбургом: прежде чем поставить свой автограф, тот на всякий случай решил заручиться личным благословением Сталина, направив ему письмо, где, как сторонник полной ассимиляции евреев, намекнул на заведомую порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку. Он также выступил против использования в обращении словосочетания «еврейский народ», которое, по его мнению, могло «ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет». В конце Эренбург приписал: «Если руководящие товарищи передадут мне, что опубликование документа и моя подпись могут быть полезны для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу “Письмо в редакцию”». Эти замечания были учтены при редактировании письма, которое свелось в основном лишь к тому, что из него изъяли словосочетание «еврейский народ», противоречащее сталинскому учению о нациях. После чего Эренбург расписался под обращением.

29 января Михайлов и Т.Д. Шепилов направили подправленный проект Маленкову, а тот, в свою очередь, представил его Сталину. Судя по тому, что 2 февраля на сопроводительной записке к письму появилась отметка об отправке его в архив, можно сделать вывод, что текст Сталину не понравился. Не исключено, что его не устроил чрезмерно резкий тон письма, явно не способствующий достижению новой цели: потушить скандальную ажитацию вокруг «дела врачей» в стране и мире. Обоснованность такой догадки подтверждается тем, что составление следующего варианта письма было поручено Шепилову, слышшему среди интеллигенции либералом. О выполнении задания он отчитался 20 февраля, когда вручил Михайлову «исправленный текст проекта письма в редакцию газета “Правда”»⁹.

Хотя в идейно-концептуальном смысле вариант, подготовленный под руководством Шепилова, не претендовал на новизну, по лексике он разительно отличался от первоначального. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные ин-

тересы евреев». Смягчился и язык послания: исчезли «выродки», «отщепенцы», «шпионские банды», испарились куда-то «еврейские буржуазные националисты», не использовался даже такой ходовой пропагандистский штамп, как «англо-американские империалисты» (вместо них фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры», «зарвавшиеся еврейские империалисты»). «Еврейские труженики» не призывались больше к повышению бдительности, но появилось вновь вычеркнутое было словосочетание «еврейский народ», что вопреки собственной теории мог сделать только сам Сталин. И хотя в тексте пуше прежнего клеймились Израиль и сионисты, это объясняется неожиданно и скандално произошедшим тем временем разрывом дипломатических отношений с этим государством. Умиротворяющая направленность письма оттенялась призванной внушить оптимизм концовкой – пожеланием начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом¹⁰.

Поскольку из послания был также изъят призыв к самому беспощадному наказанию «преступников», можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «делу врачей». Тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации. Поэтому если бы Сталин вскоре не умер, то, видимо, имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководством ЕАК.

Как известно, обращение еврейской общественности так и не появилось в печати. Думается, сам Сталин успел незадолго до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, поскольку публикация любой, даже выдержанной в самом оптимистическом тоне, коллективной петиции евреев могла быть воспринята как свидетельство того, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос». Возможно, до диктатора в конце концов дошел смысл предостережения, прозвучавшего в письме Эренбурга: «Опубликование “Письма”, подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины»¹¹. С 20-х чисел февраля с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев», неизменно присутствовавшая там с первых дней января 1953 г. А 1 марта у Сталина произошел сильнейший инсульт, после которого он уже не поднялся.

Мифотворцы

Преемники диктатора в Кремле первым делом поспешили откреститься от наиболее одиозного его наследия, в том числе и от «дела кремлевских врачей», спровоцировавшего антисемитскую истерию в стране. Уже в начале апреля все арестованные врачи были освобождены и реабилитированы. Казалось, после устранения таким образом даже теоретической угрозы еврейской депортации, миф о ней очень скоро развеется и исчезнет вместе с другими страхами и химерами эпохи сталинизма. Однако он оказался чрезвычайно живучим. И вот почему: во-первых, активно циркулируя в виде слухов начиная с 1948 г., этот миф успел основательно укорениться в еврейской ментальности, опаленной многовековыми преследованиями и колоссальной национальной катастрофой XX в.; во-вторых, на протяжении нескольких последующих десятилетий (в ходе «холодной войны», горбачевской перестройки и ельцинских реформ) он искусственно подпитывался и активно использовался в различных верхушечных политических играх, пропаганде и книгоиздательском бизнесе. Первый массированный «выброс» дезинформации произошел весной 1956 г., когда Н.С. Хрущев заявил одному французскому журналисту, что непосредственной причиной смерти Сталина явилось решительное выступление В.М. Молотова и А.И. Микояна против плана депортации евреев, в чем их якобы поддержал и К.Е. Ворошилов, заявивший, что эта акция может дискредитировать советское руководство своим сходством с преступными деяниями Гитлера. О том, что со стороны Хрущева это была чистой воды политическая спекуляция, гово-

рит хотя бы тот факт, что в его мемуарах, вышедших 15 лет спустя на Западе и повторающих версию об антисемитизме Сталина, не было даже намека на то, что последний собирался депортировать евреев.

Но это будет потом, а пока все сказанное советским лидером было воспринято на Западе за чистую монету. И по-другому не могло быть: там не были посвящены в тайны кремлевских политических игр и, конечно, не знали, что в последние месяцы жизни Сталин вообще не встречался ни с Молотовым, ни с Ворошиловым, ни с Микояном, на которых им была наложена опала. Спустя несколько месяцев ту же легенду, представлявшую новых советских руководителей чуть ли не борцами с тиранией обезумевшего диктатора, пересказал (в несколько модифицированном виде) философ и писатель Ж.-П. Сартру приехавший во Францию Эренбург. Как своему близкому другу он поведал ему, что 1 марта 1953 г. на заседании президиума ЦК КПСС выступил поддержанный всеми присутствовавшими (кроме Берии) Каганович, потребовавший от Сталина предпринять объективное расследование «дела врачей» и отменить отданное вождем распоряжение о депортации евреев в Сибирь. В ответ тот будто бы разразился угрозами в адрес «заговорщиков», но они не дрогнули, а Микоян даже отважился заявить, что если Сталин арестует их, то в дело вмешается армия, которая на их стороне и готова занять Кремль. Рассказ Эренбурга завершался финалом в духе пошлой мелодрамы: немую сцену, возникшую после угрозы Микояна, прервал Каганович, который, не говоря ни слова, разорвал свой партбилет на мелкие клочки и бросил их в лицо диктатора. Эта сцена якобы так сильно подействовала на Сталина, что того тут же хватил удар и он потерял сознание*. Спустя год этот рассказ подтвердил бывший секретарь ЦК КПСС П.К. Пономаренко, который тогда был послом в Польше¹².

Предприняв эту пиаровскую акцию за границей и получив в результате определенных политические дивиденды, кремлевские лидеры сочли за благо для себя больше не касаться обоюдоострых обстоятельств, предшествовавших кончине диктатора, а после смещения Хрущева, этого живого кладезя исторических фактов и анекдотов, вообще табуировали темные страницы сталинского прошлого. Однако это не погасило интереса к тому, что в интеллигентских кругах стали называть «сталинщиной». Скорее наоборот, официальная полуправда о недавних преступлениях режима, т.е. по сути их сокрытие, только стимулировала общественное любопытство, притом что отсутствие доступа к достоверной информации компенсировалось все более разраставшимся мифотворчеством. Вот почему народная молва неустанно творила миф о еврейской депортации, наделяя его все новыми деталями и подробностями, причем зачастую противоречившими друг другу. В конце концов слухи, достигнув критической массы, стали по закону диалектики обретать новое качество, как бы превращаясь задним числом в ретроспективную реальность. Так действовал механизм «отмывания» мифа – его включение в анналы прошлого на правах исторической правды.

Одну из первых попыток такого рода предпринял известный американский журналист еврейского происхождения, зять Шолом-Алейхема Б.Ц. Гольдберг, который в прошлом неоднократно бывал в СССР. В 1961 г. он издал книгу по «еврейскому вопросу» в СССР, преподнося депортацию уже не как эпизод верхушечной политической игры постсталинского руководства в СССР, а как важный сам по себе факт реально существовавший угрозы геноцида советских евреев.

«Научное» обоснование этого тезиса взял на себя израильский историк Й. Гильбоа, опубликовавший в 1971 г. монографию (в ней период гонений на советское еврейство обозначался эмоциональной парадигмой «черные годы»), востребованной сразу же западной советологией. В том же году в Нью-Йорке вышла в свет книга «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма», где ее автор, правозащитник Р.А. Медведев аналогичным образом интерпретировал слухи о депортации. За неимением других источни-

---

* Эта версия, правда, в несколько препарированном в жанре политического детектива виде перекочевала потом в книгу скандально известного американского журналиста С. Кагана «Кремлевский волк» (М., 1991. С. 245–247), который самозвано объявил себя «племянником» Л.М. Кагановича.

ков информации он отнесся к ним с определенным доверием, включив в виде реальных планов Сталина в подготовленный предварительно для самиздатского журнала «Евреи в СССР» очерк об антиеврейских репрессиях Советской власти. Вслед за этим миф о депортации обрел «историческую прописку» и на страницах парижского издания «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, который, правда, изложил его только в примечании и с оговорками: «Кажется, он (Сталин. – Г.К.) собирался устроить большое еврейское избиение. ... По московским слухам, замысел Сталина был такой: в начале марта “врачей-убийц” должны были на Красной площади повесить. Всколыхнутые патриоты (под руководством инструкторов) должны были кинуться в еврейский погром. И тогда правительство, великодушно спасая евреев от народного гнева, тут же выселяло их на Дальний Восток и в Сибирь (где бараки уже готовились)». Но с годами скептицизм Солженицына в отношении «московских слухов», видимо, усилился. Во всяком случае в вышедшем в 1991 г. издании «Архипелага ГУЛАГ» их описание уже не было^{13*}.

Обозначилась явная тенденция: чем интенсивнее проходил в СССР процесс идейно-политического брожения и сильнее накалялись страсти вокруг еврейской эмиграции, тем активнее эксплуатировалась в политических целях тема депортации. В первую очередь эта легенда оказалась замкнутой на массовый выезд евреев из СССР в 1970–1980-е гг., когда наверх шли от них и такие письма: «Почему увеличился, особенно за 1978 г., выезд из СССР лиц еврейской национальности? Мы люди среднего возраста (38–45 лет) очень обеспокоены этим явлением. ... Страшно, когда покидают пределы страны близкие родственники, товарищи, с которыми вместе росли, учились, работали. ... Стали упорно распространяться слухи о том, что с 1980 г. будет запрещен выезд из СССР, что готовится массовое переселение всех оставшихся евреев в автономную республику (Еврейскую автономную обл. – Г.К.). Эти слухи будоражат людей, порождают неустойчивость. Кто распространяет эти слухи? Да и как реагируют на предприятиях и в организациях, когда становится известно о чем-либо очередном выезде: начинаются публичные выступления, которые сводятся к одному – выслать немедленно всех евреев до одного»¹⁴. Миф о депортации стал играть роль устрашающего идеологического жупела. Налицо была его очевидная политическая ангажированность, в чем, собственно, и кроется разгадка того, что даже в наше время он скорее жив, чем мертв.

Деформирующее влияние политического мифотворчества ощущала на себе и историческая наука. И все же серьезные западные ученые в большинстве своем с честью для себя выдержали этот натиск, отнесясь к мифу о депортации весьма сдержанно как к предположению или не подкрепленной необходимыми фактами гипотезе. Более того, в сборниках научных статей «Книга о русском еврействе. 1917–1967» (Н.-Й.: Союз русских евреев, 1968) и «Евреи в Советской России. 1917–1967» (Тель-Авив: Библиотека «Алия», 1975) о подготовке выселения советских евреев вообще ничего не говорилось. Только как слух она фигурирует в основных научных трудах 1980-х гг.: в книгах авторитетных американских и израильских специалистов по истории советского еврейства Н. Левин и Ц. Гительмана, Я. Рои** и Б. Пинкуса, хотя последний, как кажется, был склонен доверять этим слухам¹⁵.

И только в 1990-х гг. под напором мифа дрогнула интеллектуальная элита и ученый мир Запада. Именно в те годы он стал включаться в более или менее серьезные научно-популярные и даже сугубо научные издания как уже нечто само собой разумеющееся, когда-то и кем-то полностью доказанное. Подобный настрой был задан книгой

* Характерно, что Я.И. Айзенштат (один из приверженцев депортационной версии), воспроизводя этот фрагмент в своей брошюре, постарался представить А.И. Солженицына полным своим единомышленником. Для этого из текста были изъяты «невыгодные» оговорки последнего: «кажется», «по московским слухам» (Айзенштат Я.И. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Юридическое исследование этапов преступной подготовки Сталиным геноцида советских евреев. Иерусалим, 1994. С. 63).

** Интересно, что в монографии Я. Рои приводятся выдержки из доклада посла Израиля в Москве М. Намира, сообщавшего в феврале 1950 г. в Тель-Авив, что гонения, которым подвергли советские власти евреев, являются «Главным источником слухов о депортации всех евреев в другие регионы» (Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice... P. 349).

американо-израильского журналиста и писателя Л. Рапопорта, который, целиком ориентируясь на созданный в духе политического триллера памфлет А.В. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана» (впервые вышел на Западе в 1980 г.), уже без обиняков утверждал, что Сталин избрал депортацию в качестве советского способа решения еврейского вопроса. Доказательством тому должен был послужить собственноручно сработанный («научно реконструированный») автором на основе слухов вариант письма еврейской общественности к советскому руководству с просьбой оградить евреев от справедливого гнева русского народа путем массового переселения их в безлюдные районы Дальнего Востока. Таким образом, предлагалась модель текста, который якобы в свое время был составлен в ЦК КПСС для пропагандистского обоснования грядущей депортации. В качестве исходных данных «реконструкции» были упомянуты «различные источники», хотя ссылка давалась только на мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь», где, как известно, депортация даже не упоминается. Несмотря на это, известный американский ученый Д. Рубенштейн в изданной им биографии Эренбурга в значительной мере солидаризировался с позицией Л. Рапопорта. То же самое можно сказать и об израильском ученом М. Альтшулере. Под напором апологетов мифа не устояла даже солидная энциклопедия «Britannica». В эти годы содержание легенды, прежде глухое, неясное и лапидарное, расцвело пространными описаниями различных холодящих кровь подробностей и деталей. Особенно преуспели в этом те, кто сочинял и редактировал статью «Советский Союз» в вышедшей в Иерусалиме «Краткой еврейской энциклопедии»¹⁶.

Чтобы разобраться в механизме этого процесса, необходимо мысленно перенестись в Советский Союз конца 1980-х гг. Именно тогда, на излете горбачевской перестройки, советские ученые-историки впервые осмелились открыто заговорить об угрозах (гипотетических и реальных), тревоживших евреев в последние месяцы жизни Сталина. Однако высказаться более или менее определенно по поводу того, готовилась ли им депортация евреев, они не могли, поскольку архивные источники, необходимые для изучения этой проблемы, были еще недоступны. Впрочем, в те годы это обстоятельство мало смущало литераторов-публицистов, которые на волне стремительно усиливающегося общественного ажиотажа вокруг так называемых тайн Кремля принялись заполнять на свой манер «белые пятна» прошлого. В основном на этой ниве подвизались или те, кто в свое время пострадал от сталинских репрессий, т.е. люди, от которых за редким исключением трудно было ожидать объективных и беспристрастных исследований (и это была не вина их, а беда), или циничные конъюнктурщики, спешившие прославиться и сорвать куш на ставших вдруг очень модными разоблачениях преступлений сталинизма. На основе бытовавших в интеллигентской среде застарелых слухов, которым горбачевская гласность дала возможность, преодолев тесные рамки неконформистского устного междусобойчика и подпольного самиздата, широким потоком хлынуть на страницы печатных изданий с многомиллионными тиражами, они принялись «творить историю» чуть было не состоявшегося геноцида советских евреев.

В качестве главного доказательства будто бы планировавшей Сталиным депортации были использованы широко распространившиеся в еврейской среде толки вокруг упоминавшегося выше обращения в «Правду», реально готовившегося от имени известных деятелей еврейского происхождения. Благо даже те люди, которые так или иначе знакомились в свое время с подлинным письмом и были еще живы в 1980-е гг., под влиянием этих же слухов склонны были расценивать его как прелюдию к депортации, хотя прямо и не утверждали, что призыв к ней содержался в самом этом письме. Взять хотя бы выделяющиеся на общем фоне мемуаристики своей полнотой, взвешенностью и глубиной и объективным анализом исторических событий воспоминания Я.Л. Рапопорта – профессора-патологоанатома, арестовывавшегося по делу кремлевских врачей. Довольно точно передав содержание реального письма, известного ему со слов тех, кто его подписывал, он, разумеется, не припомнил, чтобы в нем что-либо говорилось о депортации, хотя в последующих рассуждениях не удержался и увязал это письмо «с намечаемыми последующими акциями против всей национальности»¹⁷. В мемуарах же А.Д. Сахарова, в части, увидевшей свет в декабре 1990 г., вместо коллективно под-

писанного послания вообще фигурирует какая-то приписываемая одному из партидеологов передовица, уже прямо квалифицируемая как составная часть некоего депортационного плана: «Потом мы узнали, что в начале марта были подготовлены эшелоны для депортации евреев и напечатаны оправдывающие эту акцию пропагандистские материалы, в том числе номер “Правды” с передовой “Русский народ спасает еврейский народ” (автор якобы Чесноков, незадолго до смерти Сталина введенный им в расширенный состав Президиума ЦК КПСС...)»¹⁸.

Вряд ли эти строчки следует воспринимать как свидетельство очевидца, ибо сам Сахаров, который в момент описываемых им событий находился вдали от Москвы, в наглухо изолированном от внешнего мира научном атомном центре «Арзамас-16», не скрывал, что изложенные им обстоятельства «дела врачей» стали ему известны только «потом» (когда и от кого именно не уточнялось). Видимо, Сахаров, в отличие от того же Я.Л. Рапопорта, вынужден был пользоваться данными, дошедшими до него через третьи руки. Может поэтому он и назвал коллективное обращение в «Правду» передовой статьей, а в качестве ее автора упомянул Д.И. Чеснокова, которому этот «грех» никто и никогда больше не ставил в вину. Правда, потом ему задним числом припишут сочинительство другого «оправдывающего депортацию» пропагандистского материала, о чем будет сказано ниже. Немаловажно и то, что сам Сахаров непосредственно не участвовал в издании собственных воспоминаний, вышедших спустя год после ее смерти.

Тогда, в начале 1990-х гг., когда Советский Союз вошел в штопор глубочайшего системного кризиса и многим стало ясно, что процесс распада красной империи приобрел несбратимый характер, спонтанная либерализация режима и страх перед непредсказуемым будущим привели к взрыву еврейской эмиграции из СССР. Только за один 1990 г. страну покинули 186 тыс. евреев. И этот массовый исход обуславливался не только одними политическими и экономическими причинами. Велико было влияние и социально-психологического фактора, который жидился в страхе перед шовинистическими бесчинствами распоясавшейся «Памяти» Д.Д. Васильева, с одной стороны, и на витавшем в воздухе идеологическом заказе на дальнейшее стимулирование еврейской эмиграции – с другой. Подобно эпидемии по Москве и другим городам распространялись слухи о том, что грядут массовые еврейские погромы и что крайние шовинисты, готовящие новую Варфоломеевскую ночь, уже помечают меловыми крестами жилища будущих жертв. Некоторые, впад от этих кошмарных пересудов в истерику, стали умолять своих русских друзей и знакомых укрыть их в своих квартирах и на дачах. Под воздействием столь сильного психологического прессинга, о котором, впрочем, нееврейское население в подавляющем большинстве и не догадывалось, количество желающих выехать в Израиль стремительно возросло с каждым днем.

Именно в такой накаленной до предела атмосфере и вышла в свет книга, как будто специально изданная «страха иудейска ради». Именно она, как мы убедимся, составит потом основу «доказательной базы» приверженцев мифа о депортации, но основу тайную, так как, в отличие от тех же мемуаров Сахарова, на этот источник не будет сделано ни одной ссылки. Речь идет о сборнике сочинений прозаика В.П. Ерашова, выпущенном в декабре 1990 г. 250-тысячным тиражом новообразованным «независимым» кооперативным издательством «ПИК». На траурной черной обложке фольговой зеленью угловатых букв было выведено «Коридоры смерти». Такое название книга получила по включенному в нее произведению с подзаголовком «Историко-фантастическая хроника». В авторском и издательском пояснениях к «хронике» говорилось, что, хотя основное ее содержание и выдуманно автором, задавшимся вопросом, что могло бы произойти, умри Сталин неделей позже, тем не менее (и далее – нечто парадоксальное) «страшные события, черед которых прослеживается в повести изо дня в день, не столь уж фантазмагоричен: за ними стоят исторические реалии, подтвержденные свидетельствами современников и документами».

Автору этих строк так и не удалось обнаружить в «хронике» ни одного реального документа. Зато в ней обильно представлены искусно выполненные стилизации под официальные документы и пропагандистские материалы сталинской эпохи. Это и

Правительственное сообщение от 7 марта 1953 г. о том, что «Особое присутствие Военной коллегии Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании рассмотрело дело по обвинению преступной шайки врачей-вредителей» и приговорило их к смертной казни. Это и «Обращение к евреям – гражданам Советского Союза», в котором все советские евреи призываются группой именитых соплеменников «добровольно покинуть обжитые, привычные города и районы, отправиться на освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера». Таким образом, тут мы имеем дело с очередным фантастическим аналогом настоящего коллективного обращения в «Правду», о котором речь уже шла выше. Здесь же была опубликована и хроника (тоже, разумеется, фантастическая) состоявшейся 8 марта на Лобном месте Красной площади казни через повешение восьмерых евреев. В манере, стилизованной под газетный репортаж, описывалась и отправка в тот же день с Казанского вокзала столицы так называемого экспресса особого назначения «Москва – Биробиджан» с первыми «добровольцами», депортируемыми на Дальний Восток, где уже были подготовлены свыше 20 спецпоселков «для евреев из Москвы». А через несколько страниц читатель мог прочитать, что этому составу не суждено было прибыть к месту назначения: 14 марта в 2.02 по московскому времени в районе станции Слюдянка он «с налету выскочил на отрезок пути, разрушенный гебистами, рухнул под откос и почти мгновенно сгорел, поскольку был для пущей надежности начинен в багажниках под полом вагонов канистрами с бензином». Как далее фантазирует автор, в Москве тем временем заканчивался подсчет и оформление данных по контингенту депортируемых, в который «по состоянию на 24.00 10 марта» входили 211 492 еврея, «включая полукровок», что составляло «67 856 семейств». Завершающие эпизоды «хроники» рассказывают о смерти Сталина, последовавшей, по воле автора повести, в ночь на 12 марта, и произошедшему в результате этого срыва «операции под кодовым названием “Восток”», планом которой предусматривалось осуществить «начиная с 5.00 14 марта» массовую депортацию московских евреев¹⁹.

Столь подробный разбор историко-фантастического сочинения может показаться, на первый взгляд, не совсем уместным в научной статье, если не учитывать одного важного обстоятельства. Пройдет всего полгода со времени издания книги Ерашова и представленная в ней легенда станет выдаваться за некий утаиваемый советскими властями реальный антиеврейский план сталинского руководства. Первым об этом заговорил журналист З.С. Шейнис, начавший свою трудовую деятельность в печати еще до войны, возглавив в обезлюдившей после Большого террора редакции «Труда» иностранный отдел. После войны Шейнис, работая в Берлине корреспондентом «Tägliche Rundschau» (газеты Советской военной администрации в Германии), привлекая к судебной ответственности за присвоение литературного труда одного немецкого писателя. Широко известным имя этого журналиста стало осенью 1958 г., после выхода в Госполитиздате первой советской многотиражной антисемитской книги «Государство Израиль, его положение и политика», написанной им совместно с заместителем министра иностранных дел В.С. Семеновым, выступившим под псевдонимом «К. Иванов». В вышедшей потом на Западе «Книге о русском еврействе. 1917–1967» об этом опусе говорилось как об «изобилующем злопахательными и невежественными извращениями» и содержащем «тысячу вольных и невольных ошибок и явно клеветнические комментарии»²⁰.

Возможно, чтобы реабилитировать себя за столь неприглядное сотрудничество с властью, которая летом 1991 г. уже агонизировала, Шейнис решил публично выступить в роли разоблачителя преступлений сталинизма. 28 июня он публикует в «Вечерней Москве» очерк «Грозил депортация», где воспроизвел якобы рассказанную ему Эренбургом в конце июля 1953 г. историю: «...Они приехали ко мне домой. Они, академик Минц, бывший генеральный директор ТАСС Маринин и еще один человек. Вопрос о выселении евреев из Москвы и других городов решен Сталиным... Они приехали с проектом письма на имя “великого и мудрого вождя товарища Сталина”. В письме содержалась просьба. Врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены.

Справедлив гнев русского народа. Может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость и охранить евреев от справедливого гнева русского народа. То есть под охраной выселить их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа, очевидно, в надежде, что сами они не подвергнутся выселению».

Достоверность этого свидетельства более чем сомнительна, ибо по сути оно – перепев циркулировавшего в течение десятилетий в литературно-журналистских кругах слуха о том, что журналисты Я.С. Маринин-Хавинсон, Д.И. Заславский, историк И.И. Минц и философ М.Б. Митин (второй и последний часто «подменяли» друг друга в большинстве интерпретаций слуха) собирали подписи под «еврейским письмом». Одна из вариаций этого слуха была изложена в мемуарах писателя В.А. Каверина, в эмоциональной художественной манере изобразившего, как один из этой «четверки», «иуда» Хавинсон, настойчиво завлекал его в ряды подписантов. Но поскольку Каверин, утверждавший, что непосредственно знакомился в свое время в ЦК с «письмом», существенно извратил в воспоминаниях текст известного теперь по публикации в «Источнике» реального обращения, возникая определенные сомнения в том, держал ли он на самом деле его в собственных руках. Ведь в разобранном нами выше настоящем письме говорится о том, что «громадное большинство еврейского населения СССР является другом русского народа», тогда как у Каверина аналогичный пассаж имеет диаметрально противоположный смысл и содержит противоречащие друг другу фрагменты (чего не могло быть в тщательно редактировавшихся аппаратных документах): «...Евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, научных институтах, на фабриках и заводах. И тем не менее в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма...» В мемуарах Каверина имеют место и другие логические нестыковки: он утверждает, например, что «еврейское письмо» было прочитано им внимательно дважды, и одновременно жалуется на память, которая не сохранила его «подробностей»; датирует сбор подписей зимой 1952 г., хотя на самом деле эта кампания произошла в конце января – начале февраля 1953 г. и т.д.²¹

Возвращаясь к очерку Шейниса «Грозил депортация», нельзя не отметить еще одну немаловажную деталь: все фигурирующие в нем лица, кроме, естественно, самого автора, к моменту публикации отошли в мир иной, и читателю как бы предлагалось просто поверить публикатору на слово. В последующем, как мы успеем еще убедиться, не только Шейнис, но и продолжатели его дела на ниве мифотворчества будут активно прибегать к «свидетельствам» «мертвых душ», как, впрочем, и другим банальным приемам фальсификации.

Чтобы закрепить успех, Шейнис вскоре выдал «на гора» новую порцию «доказательств». 26 сентября 1991 г. он поместил их в «Вечерней Москве» под хлестким заголовком «Провокация века» (ныне более пригодным для квалификации самого факта этой публикации). На сей раз в качестве еще одного безгласного свидетеля публике был представлен некто Н.Н. Поляков – бывший сотрудник КГБ и ЦК КПСС, который «последние годы жизни... тяжело болел», а «перед кончиной... решил облегчить свою душу», в чем ему помогли «два человека» (?), которые «записали его показания и прислали автору...»* А вот и сам текст «покаяния», якобы доставленного ими Шейнису: «В конце 40-х – начале 50-х годов было принято решение о полной депортации евреев. Для руководства этой акцией была создана комиссия, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил Сулова, а секретарем был я, Поляков. Для приемки депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барач-

* То, что некто Н.Н. Поляков действительно работал в конце 1940 – начале 1950-х гг. в аппарате ЦК КПСС и МГБ СССР, архивными службами, хранящими в настоящее время документы этих ведомств, не подтверждается (Ответы руководства Центрального архива ФСБ РФ и Российского государственного архива новейшей истории от 29 и 28 мая 2002 г. на официальный запрос руководства Института российской истории РАН от 21 мая 2002 г. – Архив автора).

ные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров – по месту работы, домоуправлениями – по месту жительства) всех лиц еврейской национальности, чтобы никого не пропустить. Было два вида списков – на чистокровных евреев и на полукровок. Депортация должна была осуществиться в два этапа – чистые в первую очередь, полукровки – во вторую. Операцию намечено было осуществить во вторую половину февраля 1953 г. Но вышла задержка не с концлагерями (барачное строительство не было завершено и на половину, но это не могло лимитировать акцию), а со списками требовалось больше времени; для этого Сталин установил жесткие сроки: суд над врачами 5–7 марта, казнь (на Лобном месте) 11–12 марта».

Сразу же бросается в глаза, что представленное Шейнисом «свидетельство» похоже как две капли воды на то, что писал в своей «историко-фантастической хронике» В. Ерашов. И тут и там присутствуют суд над врачами, датированный, кстати, почти одним и тем же сроком, казнь на Лобном месте Красной площади, «задержка» (у Ерашова – «заминка») с оформлением бумаг на выселение, включение в контингент высылаемых наряду с «полными» евреями «полукровок» и т.д. Но есть и некоторые отличия, причем такие, которые приводят к парадоксальному выводу: содержание «историко-фантастической хроники» проинизно куда большей осведомленностью об организации реальной деятельности сталинских спецслужб, чем так называемое свидетельство «сотрудника ЦК КПСС и КГБ» Н.Н. Полякова. Во-первых, если у Шейниса упоминаются так называемые списки на депортацию, которые якобы по всей стране составлялись в общем-то некомпетентными в этом роде деятельности отделами кадров предприятий и организаций, а также домоуправлениями (ни одного такого списка – а их количество должно было бы исчисляться миллионами – так и не было найдено), то у Ерашова сказано, что власти, решив депортировать сначала евреев из Москвы, поручили провести отбор и оформление документации силовым органам, в чью прерогативу и входила высылка неблагонадежных граждан в административном порядке (в частности, функционировало 9 управление МГБ, занимавшееся ссыльными, высланными и спецпоселенцами). Во-вторых, у Ерашова, старавшегося максимально приблизить свое повествование к реалиям тогдашней жизни, депортируемые евреи должны были следовать на спецпоселения, представлявшие собой специально оборудованные в отдаленных местностях поселки (как это и происходило на самом деле с высланными по той же схеме крымскими татарами, чеченцами, «украинскими националистами» и др.). У Шейниса же в качестве мест будущего обитания евреев почему-то называются «барачные комплексы по типу концлагерей», расположенные в каких-то непонятных «закрытых, секретных зонах». Имелись в публикации Шейниса и другие «новации». С претензией на таковую в ней утверждалось, к примеру, что существовала «депортационная комиссия», которая, как можно понять из контекста «свидетельства Полякова», была создана еще в конце 1940-х гг. и которую возглавлял Сулов. При этом об источнике данной информации ничего не говорилось. Тем не менее таковой существует (хотя к нему и неприемлемо определение «заслуживающий доверия») и установить его не представляло большой сложности: достаточно обратиться к подготовленному «Мемориалом» и вышедшему зимой 1991 г. первому выпуску исторического альманаха «Звенья», где помещен фрагмент воспоминаний уже упомянутого Е.И. Долицкого. С этой публикацией Шейнис был несомненно знаком, ибо в примечаниях к ней он упомянут в качестве консультанта. Так вот именно в этом тексте Сулов впервые называется секретарем ЦК ВКП(б), отвечавшим с 1948 г. за подготовку депортации всех советских евреев (под видом добровольного переселения) на территорию Еврейской автономной обл.²² Скорее всего Шейнис, ориентируясь на эти весьма сомнительные и документально не подтвержденные данные, которые даже сам их публикатор вынужден был назвать «отчасти мифологизированными», и «произвел» Сулова в председатели депортационной комиссии, якобы функционировавшей более четырех лет, но почему-то так не оставившей по себе никакой фактической памяти (ни одного собственного документа и даже простого упоминания в каких-либо других документах или мемуарах).

Летом 1992 г. депортационная версия Шейниса пережила второе рождение. Тогда она вновь явилась публике, на сей раз будучи включенной в новую книгу, но под старым и уже «раскрученным» заголовком «Провокация века». Случайно или нет, но этот труд, толщиной в агитпроповскую брошюру, на мягкой обложке которой было изображено что-то наподобие шабаша оживших скелетов, был «при содействии Израильского фонда культуры и просвещения» подготовлен все тем же «независимым издательством» «ПИК», которое в свое время выпустило «историко-фантастическую хронику» В. Ерашова. Весьма показательно, что в эту книжку, ставшую своеобразной лебединой песнью Шейниса (спустя несколько месяцев он умер), вошел в несколько препарированном виде и материал из сборника исторических анекдотов Ю.В. Борева «Сталиниада». Вышедший в 1991 г., он включал в себя различные толки, возникшие в советское время в интеллигентской среде. Среди них были и такие: об издании в феврале 1953 г. «миллионным тиражом» пропагандистской брошюры «члена президиума ЦК Дмитрия Чеснокова» «Почему необходимо было выселить евреев из промышленных районов страны», распространение которой было приурочено к высылке в биробиджанскую тайгу «трех миллионов евреев» (общая численность евреев в СССР тогда не превышала 2.25 млн человек. – Г.К.); о том, как Маленков уговаривал Эренбурга подписать «еврейское письмо» и как, «утверждая сценарий депортации», Сталин «проговорился» Хрущеву (а тот – Эренбургу) о данном им распоряжении «органам» организовать во время транспортировки евреев по Транссибу под видом «стихийных» проявлений народного гнева нападения на эшелоны и убийства депортируемых с тем, чтобы доехать до места могло не более половины, и т.п.²³ И хотя сам Боров отнес свою книгу к жанру литературно-художественно-исторической фольклористики и пафос ее зиждился на разоблачении во что бы то ни стало советской системы, почерпнутые из нее апокрифы были представлены Шейнисом как реальные факты. Вот как он с подачи Борева изобразил участие уже знакомого нам Чеснокова в «деле врачей»: «К началу февраля он (Чесноков. – Г.К.) закончил порученный (Сталиным. – Г.К.) теоретический труд, обосновывавший изгнание трех миллионов евреев. Брошюра была напечатана и спрятана в одном из особо охраняемых подвалов МГБ в Москве. По указанию Сталина в день “X” ее надлежало извлечь из подземелья и как можно быстрее распространить по всей стране»²⁴. Как тут не подивиться прихотливости мифотворчества: ведь в вышедших прежде мемуарах А.Д. Сахарова Чеснокову приписывалось нечто иное – он называл там автором «еврейского письма».

У Шейниса, вознамерившегося сказку-миф о депортации сделать «документально подтвержденной» былью, нашлось немало последователей как в России, так и за рубежом. С 1993 г. потоком пошли публикации, в которых обнародованный «документальный материал» о подготовке Сталиным депортации евреев преподносился как авторитетный и заслуживающий доверия «исторический источник», причем по ходу дела он приправлялся такого же рода «вновь открывшимися фактами»²⁵. Лидерство в уснащении своих сочинений подобными «фактами» захватил Я.Я. Этингер. Пострадав в свое время от сталинских политических репрессий (в 1951 г. получил 10 лет лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду) и став потом профессором истории (специалистом по новейшей истории развивающихся стран Азии и Африки), он, казалось бы, способен был внести существенный вклад в начавшееся в годы перестройки восстановление исторической правды. Однако, испытывая «глубокую внутреннюю ненависть к коммунизму и КПСС»²⁶, он после развала Советского Союза нашел свое призвание в пропагандистском обличении сталинщины – миссии общественно значимой и благородной, но далеко не тождественной строго научному осмыслению этого исторического явления. Чтобы убедиться в этом, необходимо вспомнить, как проходило освоение Этингером проблематики «дела врачей». В 1988 г. он дал интервью «Медицинской газете», где остановился на истории фабрикации МГБ СССР уголовного дела на него самого и его приемного отца, профессора медицины и консультанта лечебно-санитарного управления Кремля Я.Г. Этингера, которого после ареста сначала обвиняли в антисоветской пропаганде и еврейском буржуазном национализме, а потом – во «вредительском

лечении» руководителей партии и правительства. Беседуя с корреспондентом, Я.Я. Этингер почему-то ни словом не обмолвился о наличии угрозы депортации евреев как следствии «дела врачей», хотя перестроечная гласность уже вовсю бичевала преступления сталинизма²⁷. В появившейся в 1990 г. в журнале «Наука и жизнь» статье «“Дело врачей” и судьба» Этингер продолжает хранить молчание по поводу депортации, задаваясь исключительно вопросом о том, «не должен ли был задуманный процесс над врачами стать прологом новой гигантской чистки в высших эшелонах партийно-государственного и военного руководства?» И даже в начале 1991 г., публикуя в историческом альманахе «Звенья» очерк по «делу врачей», Этингер не спешил присоединиться к хору сторонников депортационной версии, хотя в том же выпуске альманаха был помещен фактически поддерживавший ее материал – «Воспоминания Е.И. Долицкого». Правда, тут же он впервые очень осторожно коснулся гипотезы о подготовке выселения евреев, предположив, что «истинный смысл» «дела врачей» прояснится только после открытия секретных архивов, а пока остается гадать «должно ли оно было ограничиться только врачами, стало бы началом депортации еще одного народа, или, кроме всего прочего, процесс над кремлевскими медиками явился бы прологом новой гигантской чистки, нового “большого террора”»²⁸. Однако в последующем, когда рухнул коммунистический режим и его задним числом не ругал разве только ленивый, позиция Этингера претерпела неожиданную и существенную метаморфозу. Произошло это в начале 1993 г. Тогда одновременно в парижской «Русской мысли» и московской «Еврейской газете» появилась его большая статья «К сорокалетию “дела врачей”», в которой он, не дожидаясь более рассекречивания закрытых архивов прежней власти, решительно заявлял: «... Упорные слухи, что после процесса над врачами и их публичной казни в крупнейших городах страны начнется депортация евреев в отдаленные районы Дальнего Востока..., как теперь выяснилось, были обоснованны».

Тут же приводился и целый набор соответствующих «доказательств». И хотя почти все они как будто слово в слово были списаны из книг Шейниса и Борева, эти авторы не были даже упомянуты. Вместо них были названы новые «источники», главным из которых стал скончавшийся еще в 1975 г. Н.А. Булганин, якобы поведавший в 1970 г. Я.Я. Этингеру о запланированных Сталиным публичных казнях через повешение «врачей-вредителей», которые должны были пройти «при огромном стечении населения на больших площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске и ряде других крупнейших городов страны», о крушениях составов с евреями, депортируемыми по Транссибу. Повторялся и застарелый слух, приписывающий «профессору-философу» Д. Чеснокову авторство книги, оправдывавшей депортацию евреев. При этом Этингер сослался на также уже умершего журналиста Э. Генри. Если говорить о достоверности этих «новых свидетельств», то она более чем сомнительна, причем не только потому, что эти «свидетельства» по сути не содержали ничего нового. Настораживает и то, что полученные вроде бы давным давно они могли бы быть преданы гласности значительно раньше. Как это сделал, скажем, Ф.И. Гусев, выпустивший в 1991 г. “Сто сорок бесед с Молотовым”.

Кроме того, в статье «К сорокалетию “дела врачей”» Этингер без ссылок на какие-либо источники повторил не раз уже публиковавшуюся другими авторами легенду о составлении «несколькими евреями – сталинскими прислужниками» письма, призывавшего советское руководство «спасти» евреев от «народного гнева» посредством их депортации в Сибирь, где «готовились новые лагеря, строились тысячи бараков...» Единственной свежей струей в той публикации стала так и не подтвердившаяся потом информация, что «Маленковым и Суловым были направлены инструктирующие письма в аппарат ЦК, где оба требовали вынесения врачам смертного приговора и вообще провести “определенные антиеврейские акции”»²⁹.

Свою «обновленную» версию «дела врачей» Этингер изложил потом в общем виде в выходявших многомиллионным тиражом «Аргументах и фактах»³⁰, что способствовало популяризации его «открытой» в этой области, а сам он был разрекламирован как лучший специалист по истории позднего сталинизма. «Источниковая база» исследования позже им была дополнена еще одним «важным документом». Произошло это в на-

чале 1999 г., когда в нью-йоркской русскоязычной газете «Еврейский мир» Этингер опубликовал загадочную историю о том, как от одной незнакомой женщины, «плохо одетой», производившей «жалкое впечатление» и обратившейся к нему инкогнито, он получил «пожелтевший от времени машинописный экземпляр письма, озаглавленного “Ко всем евреям Советского Союза”», который, по ее словам, достался ей от умершей лет 10 назад старой матери, работавшей когда-то машинисткой в редакции «одной из центральных газет». Убедившись сразу же, что в его руках «находится уникальный исторический документ, призыв-обращение к депортации евреев в отдаленные районы страны», Этингер, согласно его рассказу, попросил у таинственной посетительницы разрешения скопировать его. Но та ответила решительным отказом, разрешив только переписать текст в ее присутствии, «после чего исчезла навсегда». В России это обретенное столь чудесным образом «письмо» впервые было напечатано («в сокращении») через два года в «Известиях»³¹. Знакомство с данным фрагментом убеждало меня в том, что это примитивно сработанный фальсификат, о чем я без каких-либо экивоков и написал в своей вышедшей в 2001 г. монографии. Еще раз убедиться в собственной правоте я смог, прочитав в недавно вышедших мемуарах Этингера полный текст «письма»³², где обнаружились явные текстуальные заимствования из «Обращения», сочиненного в свое время Ерашовым. Чтобы наглядно убедиться в этом, достаточно сопоставить соответствующие фрагменты этих «литературных произведений»³³.

Перечислить все ляпсусы в мемуарах Этингера в рамках данной статьи просто невозможно, да в этом и нет особой необходимости. Но без демонстрации наиболее характерных из них, думается, все же не обойтись, так как фальшь, как известно, проявляется в деталях. Начать с того, что в мемуарах, со ссылкой на свидетельство Булганина, которое странным образом как на дрожжах разрослось с десяти строчек текста в момент первой апелляции к нему Этингера в 1993 г. до нескольких страниц в публикации 2001 г., утверждается, что на «совещании в начале декабря 1952 г. Сталин прямо сказал: “Каждый еврей в Советском Союзе – это националист, агент американской разведки. Еврейские националисты – а все они националисты (?) – думают, что еврейскую нацию облагодетельствовали США. Вот почему они считают своим долгом помогать американским империалистам”». Далее уже от себя Этингер дополняет: «Спустя много лет “Независимая газета” 29 сентября 1999 г. опубликовала выдержки из дневника сталинского министра В.А. Малышева, который после совещания у Сталина 1 декабря 1952 года записал примерно те же слова». Действительно, 1 декабря 1952 г. в Кремле состоялось расширенное заседание президиума ЦК КПСС, на котором присутствовал Малышев (правда, тогда он был не «сталинским министром», а заместителем председателя Совета министров СССР). Установить же, принимал ли в том заседании участие Булганин, не представляется возможным, так как нет никаких официальных протоколов этого заседания. Известно о нем стало только благодаря дневниковой записи Малышева, где наряду с прочим были зафиксированы следующие высказывания Сталина по «еврейскому вопросу»: «Любой еврей-националист – это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов». Как видим, реально сказанное на этом заседании Сталиным (т.е. записанное Малышевым) лишь чисто внешне похоже на то, что якобы поведал Булганин Этингеру. Ясно, что, говоря об агентах американской разведки, Сталин имел в виду не всех советских евреев, а только «евреев-националистов». Вот почему то подлинное, но «невыгодное» для него свидетельство Этингер не воспроизвел в своих мемуарах, а вместо него поместил, со ссылкой на Булганина, совершенно противоположный, как выясняется, по смыслу парафраз, пояснив, ничтоже сумняшеся, что это «примерно те же слова», что записал Малышев³⁴.

Можно привести и другие примеры того, как Этингер манипулирует фактами. Довольно подробно останавливаясь на воспоминаниях В.А. Каверина о том, как проходила подготовка коллективного «еврейского письма», Этингер воспроизводит в своих мемуарах только те мысли писателя, которые укладываются в собственную его кон-

цепцию депортации, и безжалостно отбрасывает все, что так или иначе ей противоречит. В частности, опускается замечание Каверина о том, что в этом письме решительно отвергалось наличие в СССР антисемитизма, а также его предположение, что письмо Эренбурга Сталину «подорвало идею дальневосточного гетто»³⁵. Та же фигура умалчивается возникает и тогда, когда Этингер обращается к мемуарам А.И. Микояна. Из них берется только рассказ последнего о жалобах Кагановича по поводу сталинского поручения (которое действительно имело место) организовать подготовку «еврейского письма». Причем берется только ради завершающей этот сюжет и явно «притянутой за уши» и штампованной фразы, служащей разве что для обозначения того, когда такая беседа происходила: «Это было за месяц, за полтора до смерти Сталина – готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы...» И поскольку ничем лично-конкретным эта «концовка» не подкреплялась, апелляцию Этингера к тени самого хамелеоноподобного советского вельможи можно мотивировать только желанием продемонстрировать читателю еще одного авторитетного сторонника депортационной версии³⁶.

Еще более ценный козырь получил в свои руки Этингер, когда такой маститый общественный и политический деятель, как А.Н. Яковлев, назначенный руководством посткоммунистической России председателем Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, издал в 1995 г. брошюру «По мощам и елей», где кратко повторялась версия о депортации. Само собой разумеется, все это перекочевало затем в книгу Этингера, причем Яковлеву были приписаны утверждения, которых нет ни в упомянутой брошюре, ни в вышедших позднее мемуарах «Омут памяти»³⁷.

Заметим, что, давая в 1991 г. интервью во Франции, Яковлев еще полагал, что Сталин непосредственно не стоял за планом депортации евреев и, если таковой действительно существовал, то именно диктатор незадолго до своей смерти мог дать отбой, исходя, возможно, из резонов, почерпнутых из письма Эренбурга³⁸.

Туман рассеивается...

Публикация в журнале «Источник» именно этого письма, а также одного из вариантов подлинного обращения представителей еврейской общественности в редакцию «Правды», осуществленная в начале 1997 г. Архивом Президента Российской Федерации³⁹, помогла автору этих строк избавиться от последних сомнений в отношении того, планировалась ли в действительности Сталиным депортация евреев или нет. А первые семена скепсиса заронило в мою душу прочитанное за четыре года до этого интервью в «Литературной газете» с тогдашним руководством Государственной архивной службы России Р.Г. Пихоя. Среди прочих ему, со ссылкой на «свидетельство Н.А. Булганина», только что «вброшенное» в информационное поле Я.Я. Этингером, был задан вопрос: правда ли, что Сталин принял перед смертью решение о массовой депортации евреев и к Москве «уже начали подгонять десятки железнодорожных эшелонов...»? В ответ Пихоя сказал: «Таких документов я не видел»⁴⁰. Но отсутствие документов о каком-либо событии, как известно, не всегда означает, что такового не было вообще. И потому в своей книге 1994 г. «В плену у красного фараона» я мог выразить лишь надежду на то, что загадка депортации когда-нибудь будет раскрыта⁴¹. Некоторым такая позиция может показаться чрезмерно осторожной и даже перестраховочной. Ведь в том же году, за несколько месяцев до выхода упомянутой книги, была издана документальная повесть А.М. Борщаговского «Обвиняется кровь». В ней известный писатель, кстати, объявленный в 1949 г. одним из предводителей «банды безродных космополитов» и на себе познавший, что такое сталинский антисемитизм на практике, вполне определенно отрицал возможность осуществления Сталиным депортации.

«...Ничем не ограниченный диктатор самой могущественной военной державы, не в силах, однако, осуществить депортацию (здесь и далее разрядка Борщаговского. – Г.К.) евреев, выдворить, вытолкать их... Ссылка, депортация евреев страны... мифо-

логический, близкий к фантастике образ возделений и тайных замыслов Сталина дополнительный мотив ненависти из-за сознания не в ы п о л н и м о с т и его мечты»⁴².

Но эти продиктованные личным жизненным опытом утверждения были результатом интуитивно-психологического осмысления проблемы. А художественное прозрение (даже близкое к истине) не может быть равнозначным научному анализу фактов. Но констатируя, что Борщаговский, не поддавшись провокационной магии расплодившихся во множестве фальшивок, совершенно точно передал основное содержание реального «еврейского письма» в «Правду» (хотя никогда его не видел, считая несохранившимся), а также очень убедительно предположил, что сам Сталин отверг перед смертью затею с ним, я все же не мог быть стопроцентно уверенным в корректности этой точки зрения.

Момент истины наступил именно после знакомства с означенными выше документами из Архива Президента России. У «твердых» же сторонников депортационной версии они вызвали шок, который сменился бурной реакцией неприятия исторической правды, разрушающей привычные и прочно укоренившиеся в общественном сознании иллюзорные представления о прошлом. Особенно эмоциональным был отклик литературоведа и специалиста по творчеству Эренбурга Б.Я. Фрезинского, разразившегося объемной статьей под заголовком «Не подставляйте уши – лапша из “Источника”»⁴³.

Но вырвавшуюся наружу правду, какой бы неудобной она для кого-то ни была, мучрено одолеть. Первый прорыв сквозь завалы мифов о депортации произошел в мае 1997 г. на международной конференции в католическом университете Айштетта (Германия) по теме «Поздний сталинизм и “еврейский вопрос”». Поскольку я выступил на этом научном форуме с докладом, в котором на основе фактов доказывалась полная несостоятельность депортационной версии, между мною и В.П. Наумовым, увязывающим «дело врачей» и «депортацию евреев» с планами Сталина начать третью мировую войну, возникла полемика. Она была столь острой и бескомпромиссной, что ей, несмотря на ее сугубо научный характер, уделили внимание и ведущие немецкие газеты⁴⁴. Благодаря такой «рекламе» материалами конференции, вышедшими на немецком языке⁴⁵, заинтересовалась научная общественность Германии, особенно та ее часть, которая так или иначе связана с еврейской общиной в этой стране. Несомненно, под влиянием этих материалов известный ученый и общественный деятель А. Лустигер (почетный председатель Сионистской организации Германии, бывший узник лагерей смерти Освенцим и Бухенвальд), включил в опубликованную им в 1998 г. «Красную книгу: Сталин и евреи» следующий вывод: «Поскольку до сих пор не существует никаких документальных доказательств планирования массовой депортации советских евреев, которая, согласно многим высказыванием, предстояла в начале 1953 г., подобные утверждения впредь до того, как будет доказано обратное, должны рассматриваться как слухи или легенды»⁴⁶. Еще более категорично, полностью отрицая подготовку депортации, выступили В. Балан (США) и И. Коршевер (Израиль)⁴⁷. Но самое главное состоит в том, что конференция заставила задуматься и даже более или менее скорректировать свою позицию тех, кто раньше безоговорочно поддерживал точку зрения Я.Я. Этингера. В их число входит и устроитель конференции в Айштетте немецкий политолог и историк Л. Люкс. Если раньше он без тени сомнения утверждал со ссылкой на «доказательства», приводимые Этингером, что советским вариантом решения «еврейского вопроса» должна была стать подготовленная Сталиным депортация, то в статье 1999 г. вынужден был о том же самом говорить как всего лишь об одной из дискуссионных версий развития событий, сосуществующей на равных с совершенно противоположной точкой зрения. Правда, дальше этой «подвижки» Люкс не пошел. Он, как и прежде, пытался механически уподобить Сталина Гитлеру, туманно рассуждая о том, что, поскольку оба они были тоталитарными диктаторами и оба считали своих соратников неспособными реализовать задуманное ими, то, уходя с политической сцены, должны были и действовать одинаково. Таким образом, давалось понять, что советский вождь, проживи он несколько дольше, непременно повторил бы Холокост, учиненный в свое время Гитлером. Понимая, впрочем, что подобные спекуляции

ничего не стоят без конкретных доказательств, Люкс, видимо, надеясь получить их когда-нибудь в будущем, уведомил читателей, что «В.П. Наумовым обнаружены новые архивные документы, свидетельствующие о подготовке депортации евреев». Как известно, ничего подобного до сих пор так и не было опубликовано⁴⁸.

Видимо, избавился от части прежних заблуждений и уже упоминавшийся ранее американский биограф Эренбурга и правозащитник Д. Рубенстайн. В написанном им предисловии к недавно переизданному в США на английском языке сборнику документов «Неправедный суд, последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета» он, отходя от прежней непоколебимой уверенности в том, что только смерть Сталина предотвратила полностью подготовленное им выселение евреев, употребляет теперь более осторожные формулировки, в том смысле, что в начале 1953 г. все оставалось неопределенным, хотя многое указывало на то, что диктатор планировал эту акцию, но что он колебался⁴⁹. Примерно такую же неопределенную позицию занимают и авторы вышедшей сначала во Франции, а потом и в России «Черной книги коммунизма», где превалирует разоблачительный пафос, не всегда, как известно, находящийся в ладах с правдой истории. Понимая абсурдность приписывания Сталину намерений, не подкрепленных бесспорными доказательствами, они вместе с тем явно не готовы отказаться от старой и привычной депортационной версии. Отсюда и столь расплывчатый и межеумочный вывод: «В настоящее время в связи с труднодоступностью Архива Президента Российской Федерации, где хранятся самые секретные и, видимо, самые “неудобные” (для кого? – Г.К.) сведения, нет возможности доподлинно установить, существовал ли план массовой высылки евреев в начале 1953 года»⁵⁰.

Иную позицию – активную и деятельную – занял историк С.А. Мадиевский, выходец из бывшего СССР, живущий ныне в Германии. Примыкая изначально к сторонникам депортационной версии, он тем не менее решил провести самостоятельное, объективное и независимое расследование, нацеленное на установление исторической правды. Для этого он провел детальные интервью с основными участниками полемики, разгоравшейся на Айхштеттской конференции, и потом, научно систематизировав аргументационно-источниковую базу каждого из них, подготовил пространную информационно-аналитическую статью, которую в 1999–2001 гг. опубликовал в более чем 20 печатных изданиях Европы, США, Израиля и России⁵¹. И хотя этому педантичному и очень осторожному в оценках ученому в результате так и не удалось прийти к однозначному выводу в пользу той или иной стороны, тем не менее он вынужден был констатировать, что все контрдоводы, выдвинутые В.П. Наумовым после выступления на конференции автора этих строк, оказались научно несостоятельными.

Непростой выбор в пользу здравого смысла уже сделали такие известные историки, как Рой и Жорес Медведевы, которые прежде склонны были доверять «свидетельствам» о намерении властей депортировать евреев, а недавно заявили автору этой статьи, что под воздействием рассекреченных в последнее время архивных документов пришли к выводу, что в действительности ничего подобного не готовилось. То же самое можно сказать и о коллективе авторов изданной не так давно Ассоциацией народных университетов еврейской культуры «Истории еврейского народа в контексте мировой истории. События, имена, культурные достижения», где в разделе «Дело врачей» отсутствует какое-либо упоминание о так называемой депортации⁵².

Подводя итог, приходишь к выводу, что все так называемые конкретные доказательства («свидетельства» Н.Н. Полякова, Н.А. Булганина, «еврейское письмо» с просьбой о переселении и пр.), на которых жидилась депортационная версия, либо сфальсифицированы, либо, в лучшем случае, носят сомнительный характер. В активе сторонников этой версии ныне остается разве что разнородная масса противоречивых и эмоциональных слухов, фактическую достоверность которых в принципе нельзя проверить. Наличие этих слухов доказывает только то, что под воздействием государственного антисемитизма в еврейской среде возникли депортационные настроения. И по мере усиления антиеврейских гонений эти ожидания приобретали почти апокалип-

тический накал. Но утверждать, что подобные слухи свидетельствуют о реальных намерениях Сталина осуществить депортацию и тем более о развертывании им практической подготовки этой акции, не позволяют не только принципы научно-исторического исследования, но и просто здравый смысл. Ибо все разговоры о том, что готовилась средневековая по жестокости казнь арестованных евреев на Красной площади, огромными тиражами печаталась пропагандистская литература, обосновывающая необходимость депортации, составлялись списки на выселение, происходила концентрация железнодорожных вагонов, предназначенных для транспортировки евреев в Сибирь, где для них возводились бараки и целые концлагеря, и т.п., так и остались разговорами (хотя и были растражированы печатью), не став, как выражаются юристы, событием преступления (в данном случае – сталинизма).

На этом фоне становится все более очевидным банкротство тех, кто и сейчас еще пытается воспрепятствовать торжеству исторической правды. Своими нелепыми выдумками они дискредитируют реальные страдания еврейского народа, которые тому пришлось претерпеть в XX в. Говоря о якобы готовившейся Сталиным депортации евреев как о некоем без пяти минут втором Холокосте, они девальвируют трагедию настоящего Холокоста. Но взбаламученная социальными катаклизмами река новейшей отечественной истории постепенно входит в нормальное научное русло, и этот поток знаний о прошлом уже перестает вспениваться от сенсаций и громких разоблачений, приобретая аналитическую размеренность и фактологическую прозрачность. Теперь любителям половить рыбку удачи в мутной воде ретроспективных мистификаций становится все труднее и небезопаснее (для собственной репутации) заниматься этим малопочтенным делом. И такое развитие внушает оптимизм.

Примечания

¹ Еврейский антифашистский комитет у М.А. Сулова (из воспоминаний Е.И. Долицкого). Публикация А. Вайсберга // Звенья. Исторический альманах, вып. 1. М., 1991. С. 537–54. Шатуновская Л.А. Жизнь в Кремле. Н.-Й., 1982. С. 335–339.

² Jewish Chronicle July 29, 1949; November 23, 1951; May 9, 1952. Советско-израильские отношения. Сб. док. 1941–1953. В 2-х т. Т. 1. Кн. 2. М., 2000. С. 85, 86, 107, 130–131, 192–193, 199–200, 337–339. Независимая газета. 1999. 5 октября.

³ Аллилуева С.И. Только один год. М., 1990. С. 135.

⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 290.

⁵ Рапорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 70–71.

⁶ Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994. С. 179.

⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 25, д. 504, л. 173–179.

⁸ Источник. 1997. № 1. С. 142–143. Чув Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 174. Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 192.

⁹ Источник. 1997. № 1. С. 142. РГАНИ, ф. 3, оп. 25, д. 504, л. 180–186, 187, 188.

¹⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 25, д. 504, л. 138–168. Источник. 1997. № 1. С. 143–146.

¹¹ Источник. 1997. № 1. С. 142.

¹² Le Monde, April 17, 1956. Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). М., 1992. С. 89–90.

¹³ Goldberg B.Z. The Jewish Problem in the Soviet Union. Analysis and Solution. N.Y., 1961, P. 177–188; Gilboa Y. The Black Years of Soviet Jewry. 1939–1953. Boston, 1971; Medvedev R.A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N.Y., 1971, P. 615; Медведев Р.А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Н.-Й., 1974. С. 1001; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Ч. 1. Париж. 1973. С. 102; его же. Малое собрание сочинений. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Ч. 1, 2. М., 1991. С. 74.

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 76, д. 213, л. 319 (документ выявлен историком М.М. Членовым).

¹⁵ Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival, vol. 2. N.Y., 1987. P. 548. Gitelman Z.A. Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. N.Y., 1988. P. 239; Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice. The USSR and Israel 1947–1954. New Brunswick (USA): 1980. P. 349; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. N.Y., 1988. P. 180.

¹⁶ Rapoport L. Stalin's War against the Jews. The Doctor's Plot and the Soviet Solution. N.Y., 1990. P. 167; idem. Hammer, Sichel, Davidstern. Judenverfolgung in der Sowjetunion. Berlin, 1992. S. 129. Антонов-Ов-

сеенко А.В. Портрет тирана. М., 1994. С. 404–402; Rubenstein J. Tangled Loyalties. The Life and Times of Ilia Ehrenburg. N.Y., 1996. P. 273–276; Альтшулер М. Эренбург и евреи. (Набросок портрета) // Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966. Иерусалим, 1993. С. 79; See: Union of Soviet Socialist Republics: Encyclopedia Britannica, 1996 (компьютерная версия); Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. Иерусалим, 1996. С. 255–256.

¹⁷ Рапопорт Я.Л. Указ. соч. С. 67–68.

¹⁸ Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 33.

¹⁹ Ерашов В.П. Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника. Рассказы. М., 1990. С. 291–326.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 757, л. 95; Книга о русском еврействе. 1917–1967. Минск, 2002. С. 348.

²¹ Источник. 1991. № 1. С. 144–145. Каверин В.А. Эпилог. Мемуары. М., 1989. С. 316–320.

²² Звенья. Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 535–554.

²³ Боров Ю.В. Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора. Иркутск, 1992. С. 403–408.

²⁴ Шейнис З.С. Провокация века. М., 1992. С. 107.

²⁵ Этингер Я.Я. К сорокалетию «дела врачей» // Еврейская газета. 1993. № 4 (91); Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 293–294; Айзенштадт Я.И. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Иерусалим, 1994. С. 61–80. Лясс Ф.М. Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид. Иерусалим, 1995. С. 109–124 и др.

²⁶ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... Воспоминания. М., 2001. С. 234.

²⁷ Медицинская газета. 1988. 20 июля.

²⁸ Наука и жизнь. 1990. № 1. С. 126–129; Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 559.

²⁹ Русская мысль. 1993. 15 января; Еврейская газета. 1993. № 4 (91), № 5 (92).

³⁰ Аргументы и факты. 1993. № 15.

³¹ Еврейский мир (N.Y.). 1999. 11 марта. Известия. 2001. 9 января.

³² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 672; Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 122–123.

³³ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 122–123; Ерашов В.П. Указ. соч. С. 293–295.

³⁴ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 104; Источник. 1997. № 5. С. 140–141.

³⁵ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 119–120; Каверин В.А. Указ. соч. С. 317, 320.

³⁶ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 124.

³⁷ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 111–112; Яковлев А.Н. По мoshам и елей. М., 1995. С. 108; его же. Омут памяти. М., 2000. С. 429–430.

³⁸ Rubenstein Y. Op. cit. P. 434.

³⁹ Источник. 1997. № 1. С. 141–146.

⁴⁰ Литературная газета. 1993. 28 апреля.

⁴¹ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 361.

⁴² Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., 1994. С. 35–36, 380.

⁴³ Невское время (СПб.). 1997. 6 июня.

⁴⁴ Süddeutsche Zeitung. 15 Mai, 1997; Frankfurter Allgemeine Zeitung. 21 Mai, 1997.

⁴⁵ Der Spätstalinismus und die «Jüdische Frage». Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus. Köln, 1998.

⁴⁶ Lustiger A. Rotbuch: Stalin und die Juden. Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komitees und der sowjetischen Juden. Berlin, 1998. S. 263.

⁴⁷ Еврейский мир (N.Y.). 1998. 4 июня. № 9 (315); 1999. 6 мая. № 57 (363); Еврейский камертон (прил. к Новости недели) (Израиль). 2000. 30 марта.

⁴⁸ Luk s L. Auch Stalin plante eine «Lösung der jüdischen Frage» // Allgemeine Jüdische Wochenzeitung. 1993, 18 März; его же. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 41–59.

⁴⁹ Неправедный суд, последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994; Stalin's Secret Pogrom. The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee. New Haven; London, 2001. P. 62.

⁵⁰ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. Пер. с франц. М., 1999. С. 236.

⁵¹ Русская Германия (ФРГ). 1999. 23–29 августа. № 33; Лехаим (Россия). 2001. № 1 (105). С. 51–53 и др.

⁵² История еврейского народа в контексте мировой истории. События, имена, культурные достижения. М., 2001. С. 62.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2003 г. В. В. ТРЕПАВЛОВ*

НАРОДЫ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (до XX в.)

В учебных курсах по отечественной истории начиная с самых первых опытов ее преподавания закрепилось повышенное внимание к прошлому прежде всего или даже исключительно русских, их социальной организации и духовной жизни. Этапы и особенности развития русского народа и его восточнославянских предков находились и продолжают находиться в центре изложения истории России в ущерб многонациональному компоненту российской цивилизации. Это оказалось следствием не только объективного численного и культурного доминирования русских в стране, но и определенной идеологической ситуации. До 1917 г. «Святая Русь» изначально изображалась как крепость, осаждаемая разномастными врагами – «погаными», «басурманами», «псами-рыцарями» и т.п. Соседи Древней Руси и Московского царства, как правило, преподносились в качестве противников, а борьба с ними представляла как неприятное и досадное препятствие на пути православной монархии к славе и величию.

В трактовке официальной историографии экспансия России XVI–XIX вв., особенно в восточном и южном направлениях, шла под лозунгом принятия другими народами и государствами подданства могущественному и справедливому «Белому царю» и рассматривалась как показатель силы русского оружия. В официальной пропаганде, адресованной «инородцам», российская монархия обретала облик неодолимой силы, собирательницы и защитницы народов. При этом официоз не допускал мысли о каком-либо историческом равноправии присоединенных государств с Россией. Различные теории «освоения Сибири» (в действительности освоенной местным населением за тысячи лет до Ермака), присоединения к России как «наименьшего зла» и т.п. оправдывали итоги подобного территориального расширения и завоеваний. Естественно, что деятели эпохи экспансии (Ермака, Ермолова, Скобелева, Суворова и др.) следовало считать героическими личностями, кузнецами славы и мощи России, а их противники трактовались в довольно зловещем виде и находились на задворках официальной пропаганды и державной идеологии. Эта традиция в несколько модифицированном виде была продолжена затем и советской историографией.

В школьных курсах отечественной истории советского времени наблюдалась определенная дозировка в освещении национальных регионов. В особые темы выделялась история Закавказья, Средней Азии и Украины. В рамках некоторых других тем затрагивалась история Сибири, Северного Кавказа, Поволжья. Как видим, специально рассмотрению подвергались в основном территории, находящиеся теперь за пределами Российской Федерации. Собственно же российские регионы не вызывали у авторов учебников особого интереса. На страницах современных школьных и вузовских учебников народы Поволжья, Северного Кавказа и Сибири также появляются, как правило, лишь при описании присоединения соответствующих регионов к России – после чего вновь исчезают из повествования.

Между тем влияние неславянского компонента на организацию российской государственности, формирование культуры и этнодемографического облика страны несомненно. Русь изначально пребывала в окружении равновеликих государственных и культурных систем, взаимодействовала с ними, училась у них и сама делилась своими достижениями. К таким системам принадлежали и страны Европы, и Византия, и мир ислама, и языческий мир тюрко-монгольских степных кочевников. По различным письменным текстам и фольклору разбросаны свидетельства

---

* Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

ства тесной и исконной связи русских с их западными, восточными и южными соседями (некоторые из которых впоследствии стали соотечественниками). Чтобы разобраться в формах, степени интенсивности, хронологии этого влияния на Россию, нужно иметь представление о тех государствах и народах, которые в разное время соседствовали с Россией.

Кроме того, фактор межнациональных отношений в современной политической ситуации чрезвычайно актуален для России. Процессы бурного пробуждения национального самосознания у российских народов, обретение многими из них нового качества государственности (суверенные республики в составе Федерации) пробудили интерес к прошлому этих народов. Названные явления сопровождаются своеобразным идеологическим оформлением, в том числе иногда и ностальгией по временам самостоятельного развития, независимости, утраченной в результате присоединения к России. Дополнительную остроту данной проблеме придает многолетний кризис на Северном Кавказе.

Феномен многонациональности неразрывно связан с особенностями исторического развития страны. Неславянские племена жили на территории еще Древнерусского государства, отдельных княжеств, но, очевидно, не оказывали заметного влияния на государственность и культуру русских. С конца XV в. началось присоединение территорий, населенных нерусскими народами. Именно тогда произошло формирование полиэтничного населения Российской государственности, которое впитывало социальные и культурные элементы, не знакомые и не присущие до того русским. Не случайно в литературе можно встретить утверждение о начале складывания российской цивилизации со времени установления отношений между соседними народами на уровне взаимодействия и взаимопроникновения в XV столетии. Правда, под данный критерий подпадает и более раннее славяно-финское взаимодействие, определяемое главным образом средствами археологии и лингвистики, а также славяно-тюркские контакты в золотоордынскую эпоху, которая в этом отношении почти не освещена источниками. Мы можем с уверенностью лишь констатировать, что восточное влияние на русскую государственность и культуру достигло апогея в XIV–XVI вв. и придало особый, специфический облик российской цивилизации.

Включенность в эту цивилизацию нерусских компонентов вовсе не означала отсутствия цивилизационной цельности, какого-то непреодолимого разрыва между ними, например между христианским и мусульманским «полюсами» российского общества. Напротив, происходил сложный синтез культур, не сводимый к какой-либо одной конфессии, хотя представители неправославных конфессий действительно изначально принадлежали к иным локальным цивилизациям, да и во время пребывания в составе России продолжали сохранять свои духовные центры вне ее пределов. Такое различие между регионами и народами державы требует внимания к причинам ее вековой устойчивости, отсутствию глобальных межэтнических (межцивилизационных) конфликтов. Сам факт относительной социально-культурной стабильности в империи и Советском Союзе – за исключением, естественно, периодов революционных кризисов – не позволяет согласиться с встречающимся иногда пренебрежительным отношением к широкому межэтническому взаимодействию как к некой легенде и пропагандистскому вымыслу.

Напротив, «Россия выработала такой тип межнациональных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций» (В.К. Трофимов). При этом формировалась «многослойная» идентичность, очевидно, характерная в целом для империй: наряду с принадлежностью к своему этносу (а у некоторых народов еще и к клану, племени, патронимии, тейпу и т.д.) представитель этого этноса начинал осознавать себя, кроме того, и россиянином – жителем, подданным, гражданином общего Отечества. Причем если до 1917 г. такое осознание еще во многом персонифицировалось в фигуре монарха, то позднее, как мне представляется, выработалась идея причастности именно к советскому «надэтническому» государству как общей Родине населяющих его народов. Терминологически эта идея оформилась в понятии «советский народ», которое абсолютным большинством нынешних обществоведов незаслуженно, на мой взгляд, игнорируется или объявляется нежизнеспособной идеологемой.

Было бы неправильно обделять вниманием историю нерусских народов на том основании, что все вместе они составляют ныне лишь около 15% населения Российской Федерации. Иногда для оправдания руссоцентризма рядом с Россией ставят какую-нибудь традиционно «моноэтническую» европейскую страну, например Францию, в которой процент представителей «титულიной нации» из-за наплыва афро-азиатских эмигрантов теперь оказался гораздо ниже, чем доля русских у нас. Однако в данном случае арифметические подсчеты не играют существенной роли, поскольку политическое воздействие национального фактора на внутреннюю ситуацию в нашем государстве намного выше «представленности» народов в статистических выкладках.

Сейчас в средних школах используется несколько учебников по российской истории, рекомендованных Министерством образования. Среди них есть как входящие в «федеральный комплект», так и предлагаемые на усмотрение учителя. Как сообщила автору этих строк заведующая редакцией истории издательства «Просвещение» Л.А. Соколова, чаще прочих используются учебники А.Н. Сахарова «История России с древнейших времен до конца XVI века» для 6-го класса, А.Н. Сахарова и В.И. Буганова «История России с древнейших времен до конца XVII века» для 10-го класса, В.И. Буганова и П.Н. Зырянова «История России. Конец XVII–XIX век» для 10-го класса, а также 4 учебника А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной – «История России. Конец XVI–XVIII век» для 7-го класса, «История России. XIX век» для 8-го класса, «История государства и народов России с древнейших времен до начала XVI в.» для 6-го класса и «История государства и народов России с древнейших времен. XVI–XVIII вв.» для 7-го класса. В настоящем обзоре анализируется трактовка в указанных учебниках истории только тех народов, которые проживают ныне на территории Российской Федерации, а разбор показа истории Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья и Центральной Азии в данном случае не входил в мою задачу.

Трактовка многонациональности как цивилизационного свойства России, хотя и в разной степени, безусловно, осознается и порой формулируется названными авторами. Об этом наглядно свидетельствует название учебника Данилова–Косулиной «История государства и народов России». В двух книгах этого курса в качестве отдельных параграфов выделены «Великое княжество Литовское и Русское в XIII–XIV веках», «Распад Золотой Орды» (при этом раньше, в параграфе «Русь и Орда в XIII–XIV веках» имеется пункт «Образование Золотой Орды»), «Народы Поволжья после вхождения в состав Российского государства», «Народы России» [в XVII в.] и «Народы России в XVIII веке». В книге тех же авторов по истории XVI–XVIII вв. темы о нерусских народах структурно не выделяются.

Во введении к учебнику Данилова–Косулиной для 6-го класса перечислены основные языковые семьи, а после этого говорится: «История многочисленных народов, населяющих территорию нашей страны, является составной частью истории России. Каждый народ вносил свой вклад в развитие культуры, языка, хозяйства, то есть в формирование российской цивилизации» (с. 5). Правда, во введении к учебнику тех же авторов для 8-го класса уже нет общих тезисов о многонациональности, и учащемуся предлагается лишь перечень основных народов и конфессий Российской империи в конце XVIII в. (с. 4).

Развернуто и логично вопрос о многонациональном характере России отражен во введении к учебнику Сахарова–Буганова. Это явление преподносится как одна из принципиальных особенностей развития России наряду с ее географическим положением и природой, региональными различиями, византийским влиянием, перманентным колонизационным процессом и др. Перечислены основные территории проживания нерусских (для Древней Руси – неславянских) народов, указано на различные способы их включения в состав государства, сферы межнационального взаимодействия, противоречивое воздействие этого явления на развитие общества: замедленная консолидация государства, формирование этнической терпимости, слабое развитие национализма (с. 11, 12). Затем авторы возвращаются к данной проблеме, когда излагают последствия присоединения к России татарских ханств Поволжья. Отметим его общеизвестные положительные аспекты (прекращение войн, экономический рост и т.д.), они упоминают и негативные: давление русской администрации и насильственную христианизацию, что вызывало возмущение в «низах» и сепаратизм в «верхах» присоединенных народов (с. 210).

Буганов и Зырянов также отмечают многообразие межэтнического взаимодействия (мирные и насильственные способы присоединения народов к России), взаимную ассимиляцию, накопление традиций взаимопонимания (с. 7, 8). Общая панорама империи с перечислением основных народов и религиозных систем дается при ее характеристике в начале XIX в. (с. 115).

Как видим, авторы учебников учитывают полиэтничный характер страны и вполне адекватно отражают его в вводных и обобщающих частях своих курсов.

Неславянские народы Восточной Европы, не входившие в Древнерусское государство, представлены в учебниках, как правило, скифами, гуннами, хазарами, булгарами и некоторыми другими (История государства и народов, 6 класс, с. 16–23; Сахаров, с. 16–23). Дается также характеристика финского и балтского населения лесной зоны Восточной Европы – его занятий, поселений, быта, верований. В позитивном ключе отмечается взаимное воздействие финнов и пришлых славян и взаимообогащение их культур (История государства и народов, 6 класс, с. 21, 22, 30, 96). В то же время признается, что для лесных народов «было несчастьем оказаться в зависимости от сильного соседа», да и для Руси «в этом было мало радости, потому что в ее состав

входили отсталые в хозяйственном отношении земли, языческие охотничьи народы. А это не способствовало общему развитию страны» (Сахаров, с. 108).

Описание позднейшего продвижения русских владений на север связано с темами колонизации северо-восточных, владими́ро-суздальских, новгородских и позднее московских рубежей, а также Карелии. Тема освоения так называемого Русского Севера периодически поднимается у Сахарова–Буганова, в частности в связи с проповедью Стефана Пермского среди коми (с. 181, 189, 208, 209, 282, 283), а также у Сахарова (с. 174, 175).

До XIII в. неславянский компонент в государственности и культуре Руси ограничивался, пожалуй, лишь византийскими заимствованиями в «верхах», финскими – в «низах» да трудноуловимым сейчас иранским (скифо-сарматским) наследием. А вот когда Русская земля оказалась завоеванной монголами, произошел мощный вброс инокультурных элементов. В научной литературе и публицистике сейчас наблюдается повышенное внимание к восточному компоненту российской цивилизации. Это вызвано несколькими причинами – популярностью евразийской концепции, интересом к трудам Л.Н. Гумилева, политической активностью элиты тюркских народов и мусульманской общины в сегодняшней России.

Но даже без этих искусственных стимулов тема Золотой Орды и ордынского «следа» в русской истории представляется одной из первостепенных по значимости. В современных научных работах начинает утверждаться более спокойный, объективный взгляд на Орду, отказ от интерпретации ее как силы, безусловно враждебной Руси. Кроме того, Золотая Орда, охватывавшая территории Казахстана, а отчасти и нынешних Российской Федерации, Узбекистана, Украины и Молдавии, послужила для многих тюркских народов этнической колыбелью, а ее население и культура являются частью истории этих народов и, следовательно, частью истории России в целом.

Однако в школьных курсах пока практически безраздельно господствует традиционная интерпретация ордынской державы как угнетательницы и поработительницы. Она интересует авторов учебников только в связи с организацией системы «ига» (ярлыки, дань, ямы и т.д.) да в качестве объекта интриг вокруг великого владимирского стола и нараставшей борьбы русских за независимость. Лишь из текста Данилова–Косулиной учащийся сможет кое-что узнать о внутренней организации этого мощного государства, его территории, населении, культуре, а также о влиянии (не только отрицательном!) ордынского владычества на политический и культурный облик Руси (История государства и народов, 6 класс, с. 128–130, 135, 136).

Ту же сверхлаконичность можно отметить и при освещении вопроса о наследниках и «осколках» Золотой Орды – татарских ханствах, которые интересуют авторов прежде всего как очаг напряженности на российских рубежах, обреченный на справедливое возмездие и уничтожение. Тюркские государства выступают не в качестве самостоятельного субъекта исторического развития, а лишь как объект восточной политики Москвы. Только в учебнике Данилова–Косулиной данная тема адекватно изложена в виде отдельного параграфа («Распад Золотой Орды»), где авторы сумели назвать возникшие при этом государства и одновременно описать обстоятельства их возникновения, политический строй, состав и занятия населения, особенности отношений с Русским государством и вдобавок дать соответствующую карту (История государства и народов, 6 класс, с. 180–188).

Причины завоевания Иваном Грозным поволжских ханств в 1550-х гг. сводятся обычно к стандартному набору: прекращение татарских набегов; освобождение из плена множества русских невольников; пополнение земельного фонда для раздачи дворянам за счет казанской «подрайской земли»; овладение волжской торговой магистралью. Заметим, что все эти позиции, за исключением последней, могут быть отнесены к завоеванию Казанского ханства (хотя при этом каждая из них остается дискуссионной в науке), но неприменимы к Астрахани, которая оставалась для России сравнительно безопасной, отдаленной и была окружена не благодатными пашнями, а полупустынями. Что касается последствий и исторического значения присоединения Казани и Астрахани, то и здесь большинство авторов остаются верными давно сформулированным тезисам: на восточных границах России воцарился долгожданный мир; Волга на всем ее протяжении стала «русской рекой»; Волжский и Камский торговые пути оказались в распоряжении российских властей и коммерсантов и т.п. В итоге местные народы вошли в состав многонационального государства, которое приступило к их христианизации (то добровольной, то насильственной), изъятию земель под новые города, монастыри и поместья. При этом Сахаров расценивает эту ситуацию как проявление однозначно завоевательной политики России, как знак постепенного превращения ее «из обороняющейся, страдающей стороны... в захватническое государство» (Сахаров, с. 224). Попутно во всех рассматриваемых учебниках затрагивает-

ся вопрос о поэтапном присоединении Башкирии: западной в середине XVI в., восточной – в конце столетия.

Вопрос о ликвидации Сибирского ханства в основном освещается при изложении хода военной экспедиции Ермака, причем авторы верно отделяют ее от государственной политики в целом, связывая сибирскую кампанию с инициативой предпринимателей Строгановых. Польза для России от приобретения зауральских земель (пушнина) и относительные выгоды для местных народов (льготный режим по сравнению с правлением Кучума, избавление от набегов кочевников, заимствование у русских передовых элементов хозяйства) – все это в учебниках названо и в общем адекватно отражает события конца XVI в.

Перечисленные исторические события были достаточно яркими, осуществлялись заметными историческими деятелями и представляют собой благодатный, интересный материал для изложения в учебной литературе. Другое дело – положение присоединенных народов в Российском государстве XVII–XVIII вв. Здесь авторы ограничиваются показом общей картины отношений между властью и нерусскими этносами. Плюсы и минусы, приобретения и потери от вхождения последних в состав России, как правило, остаются «за кадром». Лишь в отношении Поволжья и Сибири школьник может получить какие-то сведения по этому вопросу.

Что касается территории бывшего Казанского ханства, то в учебниках сообщается о введении там воеводского управления, учреждении в Москве особого приказа, ведавшего данной территорией, ясном налогообложении, отношениях с местной знатью. При изложении событий XVII–XVIII вв. отмечается активное заселение края русским крестьянством, которое привнесло в среду местных жителей новые элементы экономики и культуры и в свою очередь кое-что заимствовало у них (Сахаров–Буганов, с. 209, 210; Буганов–Зырянов, с. 83, 84; История государства и народов, 7 класс, с. 303). Кроме того, у Данилова–Косулиной в специальном параграфе, посвященном данному региону во второй половине XVI в., особо выделены темы формирования слоя служилых татар, религиозной ситуации и описания Казани как локального административного центра (История государства и народов, 7 класс, с. 47–54).

Противоречия в национальной политике и межэтнические конфликты отображаются весьма лаконично. Например, вскользь упоминается участие поволжских народов и башкир в движениях Разина и Пугачева. Многолюдные и кровопролитные башкирские восстания и жестокое подавление их русскими войсками показаны только у Сахарова–Буганова (с. 284) и у Данилова–Косулиной (История государства и народов, 7 класс, с. 203, 204; тот же текст: Данилов–Косулина, XVI–XVIII вв., с. 134). Впрочем, в данном случае едва ли правомерно упрекать авторов в пренебрежительном отношении к этой важной проблеме, поскольку методологически очень трудно отделить этническую составляющую упомянутых конфликтов от социальной.

Еще меньше событий, достойных упоминания, можно отыскать в истории народов Сибири. Знаменитая эпопея с освоением Россией колоссального пространства между Уралом и Тихим океаном излагается обычно путем описания путешествий землепроходцев XVII в. и морских экспедиций XVIII в. Аборигенное население при этом предстает лишь как «фон» для процесса утверждения русских в сибирской тайге и тундре: перечисляются крупнейшие народы, их занятия, общие особенности их статуса в составе государства (Сахаров–Буганов, с. 209, 280, 282; Буганов–Зырянов, с. 85; Данилов–Косулина, XVI–XVIII вв., с. 73; История государства и народов, с. 121, 156–158, 305, где упоминается о сопротивлении русским камчадалов и чукчей).

Особняком в истории многонациональной Российской державы стоит Северный Кавказ. Традиционно начало его постепенного вхождения в состав России связывается с женитьбой Ивана IV на кабардинской княжне Гошаней (Марии Темрюковне) в 1557 г. Трактовка этого брака как обращения Кабарды в российское подданство встречается до сих пор и в монографических изданиях, и в учебной литературе (см., например: Сахаров–Буганов, с. 211). Данное положение, очевидно, нуждается в пересмотре, поскольку реальная власть московского правительства в то время не распространялась на горские народы. Да и сами авторы ниже пишут уже не о подданстве, а лишь о вассальной зависимости Кабарды от царя (с. 284). Во второй части этого учебника говорится об усилении русского влияния на Кавказе, причем своеобразии ситуации передано не вполне корректной формулировкой: «Кабарда то вступала в российское подданство, то выходила из него в зависимости от обстановки» (Буганов–Зырянов, с. 85). У Данилова–Косулиной вопрос о степени зависимости Кабарды и окрестных народов от России вообще не поднимается и говорится лишь об активизации их отношений во второй половине XVI в. (История государства и народов, 7 класс, с. 155). С моей точки зрения, это довольно спорный вопрос. Полагаю, что лишь с конца XVIII в. (Кючук–Кайнарджийский мир 1774 г.) можно вести речь о включении Кабарды в состав России. Современные кабардинские историки связывают окончание этого процесса с «военно-колониальной экспансией царизма» только в первой четверти XIX в.

Кавказская война XIX в., разумеется, не остается без внимания авторов учебников. У Буганова–Зырянова о ней рассказывается в разделе «Начало кризиса николаевской системы», хотя война началась до воцарения Николая I и закончилась после его смерти. Тем не менее названы ее главные участники, основные этапы, охарактеризован режим имамата Шамиля (с. 158, 159). Единственное существенное замечание к этому тексту заключается в том, что там не показаны территориальные масштабы войны и движения горцев под предводительством Шамиля. Несколько подробнее изложен материал у Данилова–Косулиной, причем в специальных разделах: «Кавказская война» и «Завершение Кавказской войны» (соответственно в параграфах «Внешняя политика Николая I в 1826–1849 гг.» и «Внешняя политика Александра II»). Здесь авторы нашли возможным сказать и о послевоенной судьбе Шамиля, и о последних сражениях на Северо-Западном Кавказе (правда, имя вождя адыгского движения передано с тройной опечаткой: Мухамед Аминь вместо Мухаммед-Амин), и о развитии региона в конце XIX в. (Данилов–Косулина, XIX в., с. 74, 75, 172).

Проведенный краткий разбор соответствующих разделов учебников показывает, что их авторы сознают важность отражения истории российских народов в общем курсе истории нашего государства. Отрадно, что все эти тексты выдержаны в уважительном тоне по отношению к неславянскому населению России, и в них начисто отсутствует сознательный, демонстративный руссоцентризм, о котором говорилось в начале обзора. Однако он все же проявляется в традиционной схеме изложения российской истории, которая по соотношению сюжетов все еще остается прежде всего историей русского народа.

Можно ли найти непротиворечивый выход из этой ситуации? Ведь понятно, что крайне ограниченные рамки школьного курса позволяют концентрировать внимание лишь на действительно значимых событиях, принципиально важных для судьбы всего государства. Наверное, здесь могут быть два пути. Первый – это создание в регионах пособий с изложением тех подробностей местной (национальной) истории, которые не вошли в федеральные учебники. Известно, что во многих субъектах Российской Федерации такая работа уже успешно ведется. Однако при таком подходе прошлое других национальных регионов не рассматривается, и для школьников Татарстана, скажем, история Дагестана по-прежнему остается неизвестной, равно как и наоборот. Поэтому есть другой выход – составить пособие федерального уровня (на первом этапе, возможно, только для учителя), где изложить основные события истории российских народов, привести яркие фрагменты источников, показать спорные и нерешенные вопросы, обсуждаемые в историографии и публицистике. При этом такое пособие не должно претендовать на дополнительное место в программе. Очевидно, следует составить его в дополнение к основным учебникам, например к прекрасно зарекомендовавшим себя книгам Сахарова–Буганова и Буганова–Зырянова. Помещенный в пособие материал можно было бы расположить в соответствии со структурой этих учебников, указав, в какой теме или в каком параграфе может быть рассмотрен соответствующий сюжет. Подобное расширение содержательной базы основного курса может послужить основой также для подготовки учащимися докладов и рефератов, для факультативной и внеклассной кружковой работы. Ксгати, такая, условно говоря, «Книга для чтения по истории народов» не помешает применению в учебном процессе и региональных учебников, о которых сказано выше. Ведь изучение истории одного региона не может заменить знакомства со всем многообразием истории и культуры российских народов.

В настоящем обзоре затронута лишь незначительная часть проблем нашего школьного исторического образования и притом не самая, на первый взгляд, важная. Оставлен без обсуждения, например, вопрос о принципиальном изменении парадигмы преподавания и составления учебников с жестким структурированием (повествовательный авторский текст и методический материал, неизбежно разделенные на параграфы и выстроенные в хронологической последовательности). Не менее актуальна тема соотношения между информативностью курса и его концептуальной направленностью, т.е. вопрос о том, что важнее привить школьнику – убеждения или знания. Боюсь, нынешние авторы концентрируются на последних в ущерб первым.

Между тем ситуация в межнациональных отношениях остается предельно сложной. На исторически (в течение веков!) сложившиеся противоречия и взаимные претензии наложены негативные стереотипы и эмоции последних полутора десятилетий. Как и подавляющая часть российского общества, школьники подвержены «эпидемиям» исламофобии и кавказофобии. Из средств массовой информации, от взрослых и от сверстников при повседневном общении они зачастую слышат негативные оценки мусульман и народов Кавказа, причем не только чеченцев, поскольку для обывателя все «лица кавказской национальности» одним миром мазаны.

В этом отношении просветительская функция школьного исторического курса выходит на первый план и объединяет информационный и концептуальный компоненты. Желательно, что-

бы в нем отображались истоки феномена многонациональности, его позитивные и негативные проявления. Разумеется, не нужно сосредоточиваться на корнях и предпосылках одних лишь конфликтов. В распоряжении современных исследователей имеется достаточно данных, чтобы показать историческую самоценность оригинальной культуры российских народов и их былой государственности (у тех, которые ею обладали в прошлом), причем ценность именно самостоятельную, вне обязательной связи с участием данного народа в жизни всей России.

И главное: сюжеты, связанные с описанием национальных регионов, могут послужить средством привлечения внимания к поучительным и ярким страницам прошлого народов, воспитания интереса и уважения к их истории и культуре, позволят углубить представления о постепенном территориальном расширении Российского государства, о процессе вхождения в его состав новых регионов. Это будет способствовать воспитанию, во-первых, терпимости к «чужим» жизненным устоям и культурным ценностям, и, во-вторых, общероссийского патриотизма, в частности осознанию общности исторических судеб народов, населяющих Россию.

© 2003 г. А. С. КАН*

ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ В РОССИИ И СССР

Несколько слов к истории изучения вопроса

С точки зрения правящих классов, каждая революция в истории сопровождается попранием действующих законов и может быть расценена как преступление. Не поддерживая такую крайнюю, легитимистскую точку зрения, соглашусь с тем, что эпоха коммунистического правления в России (Советском Союзе) и в дни войны, и в дни мира, при самых различных партийных руководителях сопровождалась репрессиями и нарушениями гражданских прав, предоставляемых Хартией Объединенных Наций. Формами массовых репрессий были смертная казнь, тюремное заключение без суда или по суду и многолетние принудительные работы. Наибольшего размаха репрессии в СССР достигли с установлением личной диктатуры Сталина. Последующее изложение касается главным образом перечисленных репрессивных действий Советской власти против своих граждан. В статье не затрагиваются менее жестокие нарушения гражданских прав – социальная и национальная дискриминация, практика тайных доносов, цензура в мирные годы, запрет частной собственности и оппозиционных партий, ограничение на передвижения даже внутри своей страны и т.д.

Освещение ранней истории большевистских репрессий, «красного террора» 1917–1921 гг. началось с двух различных, но равно пристрастных сторон: белогвардейским следователям, публицистам, эмигрантским историкам противостояли публичные отчеты знаменитой ВЧК. После окончания Гражданской войны таких отчетов больше не публиковалось. За малым исключением (книга ученого-юриста М. Гернета по истории царской тюрьмы) изучение советских репрессий оставалось монополией антикоммунистов вплоть до XX съезда КПСС. Решения съезда положили начало огласке и расследованию преступлений периода культа личности. Итоги этих расследований, впрочем, так и не стали достоянием общественности вплоть до горбачевской перестройки. Лишь немногие, пережившие тюрьму и ссылку, смогли при Н.С. Хрущеве опубликовать свои мемуары, рассказы и повести. Количество их резко сократилось при Л.И. Брежнев, когда дальнейшее разоблачение сталинских преступлений стало нежелательным. В самом Советском Союзе о преступлениях режима писали только диссиденты, которые пускали в обращение свои сочинения в виде машинописи или печатали их за рубежом. Разоблачение коммунистических преступлений получило мощную поддержку извне в виде «Архипелага ГУЛАГ», впервые

---

* Кан Александр, доктор исторических наук, профессор и почетный доктор Упсальского университета (Швеция), член Норвежской академии наук.

Настоящая статья представляет собой вариант главы из изданной на английском языке кн.: Кёль А.М., Кан А., Харт Т. Исследование коммунистических режимов. Краткий очерк. Упсала. 2001.

Перевод к.и.н. В.С. Антонова.

опубликованного за границей и принесшего его автору А.И. Солженицыну Нобелевскую премию.

Однако изображение советского режима в целом как преступного встретило возражения и в самом диссидентском лагере. Отличный от Солженицына взгляд коммунистов-ленинцев был представлен в многочисленных произведениях братьев-близнецов Р.А. и Ж.А. Медведевых. Наиболее исчерпывающим был трехтомник «Перед судом истории: о Сталине и сталинизме» Роя Медведева, впервые тоже вышедший на Западе. Воспоминания других пострадавших были подготовлены в Советском Союзе и напечатаны за границей в эмигрантском издательстве «Посев» (альманахи «Прошлое», «Память» и др.).

Перестройка и гласность в корне изменили положение: разоблачение всеми средствами массовой информации в первую очередь сталинских преступлений, а затем и преступлений власти на протяжении всей советской эпохи стало действенным ударом по советскому строю, все более лишая его права на существование. Перед (а особенно после) антикоммунистической «номенклатурно-демократической революции» августа 1991 г. объем публикаций о репрессиях еще более возрос. Характер литературы постепенно менялся – от чисто журналистских публикаций к академическим исследованиям, от газетных статей – к многотомным изданиям первоисточников. Это произошло благодаря беспрецедентному для России и СССР открытию доступа в государственные архивы и даже – для отдельных авторов – в фонды бывшего КГБ.

Обилие литературы по интересующему нас вопросу заставляет сосредоточиться в данном обзоре в основном лишь на крупных изданиях, оставляя в стороне статьи, заметки и публикации отдельных документов, простой перечень которых занял бы многие десятки страниц, тем более что их научный уровень нередко оставляет желать лучшего, а погоня авторов за сенсационностью мешает объективному и трезвому анализу фактов.

Прорыв 1990-х гг. Главные виды публикаций. Издатели и спонсоры

Все возрастающий поток научных исследований и публицистических работ по интересующему нас вопросу превысил возможности имеющейся художественной и научной периодики и потребовал создания особых печатных органов. Появились антологии, после многотомной «Неизвестной России. XX век» возникли новые московские журналы – «Родина», «Источник», «Исторический архив», «Кентавр»; стали выходить бюллетени и книжные серии, в особенности по инициативе «Мемориала» – историко-просветительного общества бывших узников сталинских лагерей и их потомков. Российская национальная библиотека в Петербурге начала издавать кумулятивную библиографию отечественных изданий по истории репрессий¹. Власти теперь сами пришли на помощь исследователям, выпуская такие авторитетные справочные издания, как «Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960» (М., 1997) или «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960» (М., 1998). Первый путеводитель по бывшим секретным фондам ГА РФ появился в 1994 г., причем финансировали его издание американцы. То были «Особые папки» Сталина и Молотова, содержавшие перечень архивных дел МВД СССР с 1944 по 1953 гг.²

Среди публикуемых источников наиболее многочисленны и в некотором отношении наиболее впечатляющи именные списки репрессированных граждан из конкретной местности и даже похороненных на конкретном кладбище. Списки включали краткие биографические сведения, а иногда даже тюремные снимки жертв. Насколько я знаю, впервые такая публикация была предпринята «Вечерней Москвой» при М.С. Горбачеве. Газетная публикация переросла в обширные списки казненных жертв (так называемые «расстрельные списки»), которые в Петербурге увидели свет в виде многотомного продолжающегося «Ленинградского мартиролога». Обе эти публикации все еще не полны: известные автору московские списки охватывают только два столичных кладбища. Между тем эта работа была продолжена в других городах и областях. Больше того, такие публикации стали почти делом чести местных властей. Многие из них выходят далеко за рамки простого перечня, они включают биографические статьи о наиболее выдающихся жертвах репрессий, воспоминания редких счастливых, которым удалось выжить, письма родственников, описание самого репрессивного механизма, иллюстрации и даже схемы захоронений и географические карты. Таковы петербургские «Уроки гнева и любви» (1990), латвийская «Жизнь против смерти» (Рига, 1993), «Мартиролог заключенных» Республики Коми (в 3-х ч. Сыктывкар, 1999), «Мартиролог Башкортостана» (в 2-х т. Уфа, 1999), «Забвению не подлежит» – мартиролог Нижнего Новгорода за 1918–1984 гг., охватывающий также деятельность диссидентов (в 2-х кн. Нижний Новгород, 1994). Мемориальная книга Псковской обл. имеет подобное же название (опубликован уже 9-й т. Псков, 2000). Сюда же относится орловский «Реквием» (1999 г. и позже), «Белая книга» Самарской обл. (в 11 т. 1997–1999), «Мемориальная

книга» 1917–1980 гг. по Нижнему Тагилу (Екатеринбург, 1994). Особым случаем пополняемого мартиролога стала публикация в альманахе «Дворянское собрание» (т. 3. М., 1995).

Недостатком подобных сводных публикаций было, однако, стремление (порой даже неосознанное) их составителей уравнивать репрессии ленинского, сталинского и последующих периодов и тем самым объективнее сгладить и даже скрыть чудовищные злодеяния Сталина и его соратников – перерождение революционной диктатуры народных низов в тоталитарный режим (сталинизм). Имя Сталина все реже упоминалось в предисловиях к подобным изданиям в ельцинскую эпоху. К сожалению, зарубежная общественность еще не заметила, по-видимому, новые и верные акценты публикаций и телепередач последнего времени (например компакт-диск «Сталинские расстрельные списки»), прочно и зримо связавшие Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Жданова со внесудебными массовыми убийствами своих товарищей и подчиненных (2002)*.

В отличие от мартирологов, документальные сборники, подготовленные центральными архивами для издательства «Росспэн», строго научны, снабжены вступительными статьями, комментариями и указателями. Наиболее впечатляющие подборки изданы по следующим сюжетам: репрессивное и реабилитационное законодательство, крестьянство в оценке карательных органов, Кронштадтский мятеж 1921 г. В Москве изданы в 1998 г. «Письма во власть. 1917–1927» – заявления, жалобы, доносы и письма рядовых граждан властям и вождям (в том числе в защиту арестованных людей), «Трагедия советской деревни» – о сталинской коллективизации крестьян в 1929–1933 гг. (вышли в свет первые три тома из запланированных пяти), собрания актов, регулирующих положение отдельных национальностей за всю их «российскую» историю, включая сталинские репрессивные акты, например увидевшая свет в 1993 г. «История российских немцев в документах (1763–1992 гг.)».

Публикуются протоколы пленарных заседаний ЦК ВКП(б)–КПСС, например самого зловещего за февраль–март 1937 г., а также послесталинских пленумов лета 1953 г. (дело Берии) и лета 1957 г. (осуждение так называемой группы Молотова–Маленкова–Кагановича). Недавно вышли в свет протоколы пяти пленумов 1928–1929 гг., покончивших с нэпом и крестьянином-единоличником с метким названием «Как ломали нэп».

Несколько ограниченный (но не менее интересный) характер носит публикация других, более редких памятников советской эпохи – дневников и переписки. Среди авторов дневниковых записей – ученые, историки, священники, ссыльные оппозиционеры-большевики, провинциальные библиофилы и даже родственники Сталина. Вышли в свет письма Сталина к Молотову, переписка Сталина с Кагановичем, коллекция перехваченных военной цензурой писем периода гражданской войны, письма Льва Троцкого из казахстанской ссылки 1928 г. и др. К сожалению, воспоминания, написанные или продиктованные бывшими сталинскими политиками (Кагановичем, Микояном, Хрущевым, Шепиловым, Гришиным, Громыко), маршалами и генералами, особенно теми, кому угрожали репрессии, или теми, кто им подвергался, касаются этого сюжета очень осторожно. Исключение составляют лишь мемуары Хрущева. Среди мемуаров бывших узников есть принадлежащие перу женщин, например актрис, написанные членами администрации ГУЛАГа или просто видными современниками, не входившими во власть, – учеными, писателями, художниками, врачами. Хотелось бы отметить изданную в 1997 г. книгу «Я жила в самой бесчеловечной стране» женщины-анархистки Анны Гарасевой – одной из главных помощниц автора «Архипелага ГУЛАГ». Иногда воспоминания нескольких авторов публикуются в одной книге. Такова, например, уже упоминавшаяся многотомная питерская антология «Уроки гнева и любви», охватывающая практически всю советскую эпоху от Ленина до Брежнева. Особой формой мемуаров являются записи бесед с бывшими советскими руководителями. Наиболее известны «140 бесед с Молотовым», опубликованные бывшим летчиком, покойным поэтом Ф. Чуевым (М., 1991), записи его же бесед с Кагановичем (М., 1992), а также его воспоминания о Молотове (М., 1999). Московский историк Г. А. Куманев сделал большое дело, опубликовав свои беседы с видными политиками сталинской эпохи в книге «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства» (М., 1999).

Перехода от этих первоисточников к многообразной российской литературе о репрессиях, следует разделить ее на две главные группы в соответствии с их характером и жанром. Наиболее распространенными являются публицистические повествования на основе документов, но без точных ссылок на архивы, весьма эмоциональные и с явными литературными претензиями. Такие книги, как правило, рассказывают об определенных героях или антигероях, группах жертв и отдельных разрядах тюремщиков. Значительно меньше научных исследований о политичес-

* Автор признателен З.Л. Серебряковой за это сообщение.

ких репрессиях, репрессивном законодательстве и соответствующих органах, о социальных, этнических и профессиональных группах, подвергшихся преследованиям.

В пору горбачевской перестройки и гласности главным публикатором этих произведений стал столичный Политиздат, нацеленный на разоблачение преступлений Сталина. В годы правления Ельцина соответствующая литература охватила и досталинский период, ее выпускали общественные организации, акционерные издательства, индивидуальные столичные (пожалуй, в многострадальном Петербурге даже больше, чем в Москве) и периферийные издатели. В начале 1990-х гг. особо заметным в этом деле стало общество «Мемориал», отделения которого появились в крупнейших российских городах. Некоторые его энтузиасты начали свой небезопасный поиск еще в последние брежневские годы³. Для последующих лет – рубежа веков – должны быть упомянуты Международный фонд гласности, Москва (так называемый фонд Яковлева⁴), Росспэн (Российская политическая энциклопедия, Москва), РАГС (Российская академия государственной службы) при Президенте РФ, два частных издательских дома: АИРО-XX, возглавляемый Геннадием Бордюговым (Москва)⁵, и фирма Дмитрия Буланина в Петербурге. Соиздателями, партнерами и спонсорами во многих случаях выступают иностранные университеты – в большинстве случаев американские, но иногда и французские, немецкие, британские, канадские, да же финские и, наконец, шведские научные учреждения.

Публикация и исследования отдельных периодов

Советская эпоха в целом. Тема всеохватывающего исследования Ю. Стецковского говорит сама за себя: «История советских репрессий. 1917–1995» (1997). В этой двухтомной работе анализируется практика карательных органов, причём в ней использован и архивный материал. Сборник статей «Население России в 1920–1950 гг.» (1994) под редакцией известного московского историка академика Ю.А. Полякова косвенно касается и репрессий – этой «жатвы» человеческих жизней, поскольку делает картину динамики народонаселения более надежной и точной.

Однако большинство историков обращаются к репрессиям в конкретном регионе, в отношении определенных политических партий или этнических групп. Новаторская работа такого рода была выполнена молодым историком Миклошом (Мишей) Куном (внуком венгерского революционера, расстрелянного Сталиным) в его книге и докторской диссертации «Бухарин: его друзья и враги» (М., 1992). Шесть с воодушевлением написанных и изданных в 1992–1997 гг. книг, каждая со своим названием, были выпущены ныне покойным московским социологом Вадимом Роговиным. Он эмоционально описывал борьбу, а затем и расправу сталинского руководства с подлинной и мнимой оппозицией внутри правящей большевистской партии, включая «большой террор» (М., 1992–1997). В монографии Д.Б. Павлова «Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов» (М., 1999) прослежена непримиримая борьба властей против российских социалистов-небольшевиков.

Что касается преследования отдельных социальных или профессиональных групп, то эта тема рассматривается, например, в книге «Возрождение казачества» (Новочеркасск, 1994). Советским прокурорам, которые противились террору, посвящена книга А.Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова «Распяты революцией: российские и советские прокуроры, XX в. 1922–1936 гг.» (М., 1998). Наиболее же многочисленны исследования о преследовании духовенства. В их числе «Свидетельство обвинения» В. Степанова (Русака) (в 3-х т. М., 1993).

Очень популярным видом литературы являются, повторым, местные документальные повествования, сочетающие черты исследования с журналистикой и воспоминаниями. Власти с готовностью финансировали подобные издания, выполненные местной демократической интеллигенцией. Число подобных сборников отражает степень влияния местных демократов. Малое их количество на Украине или на бывшем советском Юге может быть объяснено слабостью там демократического движения. Некоторые исследования о репрессиях в советских регионах были написаны англоязычными историками и опубликованы в России: например в республике Марий Эл, в Смоленске, Бельске и т.д. Большинство этих публикаций, естественно, носят более специальный характер и касаются сталинских времен.

Это же можно сказать и о трудах по истории гонимых национальностей. Первый вклад здесь внес эмигрант-историк, ныне покойный Александр Некрич («Наказанные народы» на русском и английском яз. Нью-Йорк, 1978). Спустя 20 лет был опубликован фундаментальный сборник статей «Юбилей, которого никогда не было» (М., 1998), где описывается преследование отдельных народов и этнических групп в СССР. В дальнейшем представители интеллигенции 12 бывших репрессированных народов составили страстную 3-томную антологию «Так это было» (М., 1993), осветив средствами журналистики и беллетристики мрачную судьбу своих соотечественников в сталинскую эпоху.

Хорошие возможности проследить репрессивную практику предоставляет жанр коллективной биографии, иногда одновременно «палачей и жертв». Таков и заголовок книги В.А. Бобренева и В.Б. Рязанцева, выпущенной Воениздатом (М., 1993). Другой пример – «13 „железных“ наркомов: история НКВД–МВД от Рыкова до Щелокова. 1917–1982 гг.» В.Е. Некрасова (М., 1992). Весьма поучительной может быть и индивидуальная биография. Прекрасные примеры – книга А.А. Корникова о меньшевике Николае Суханове – первом историке русской революции, советском экономисте и сталинской жертве (Иваново, 1995); «Мой отец – меньшевик» Н.Б. Богдановой (СПб., 1994) и «Первая жертва генсека» Б.Ф. Султанбекова (Казань, 1991), описывающая жизнь и смерть татарского революционера Султан-Галеева. К той же группе книг принадлежат короткие очерки Р. Медведева по истории семей Троцкого, Мартова и родственного окружения самого Сталина; как известно, все три семьи стали жертвами сталинской мести. Особую группу биографий составляют жизнеописания мучеников православной церкви, преследовавшихся Советской властью, в том числе епископа г. Коврова св. Афанасия (М., 2000) и знаменитой монахини Вероники, умершей на Соловках (М., 1997).

Исследование советской эпохи в целом, по крайней мере с 1923 г., когда становится доступной официальная статистика, и вплоть до большой амнистии 1953 г. после внезапной смерти Сталина, показывает постоянный рост удельного веса осужденной или высылаемой части населения, включая сравнительно тихие годы нэпа, когда большинство заключенных были осуждены за чисто уголовные преступления. Постоянно преследуя все новые и новые категории правонарушителей, коммунистическое государство само создавало новых преступников. Точное количество репрессированных до сих пор неизвестно. Поэтому есть основания считать, что некоторые показатели здесь преувеличены. Утверждают, например, что 40 млн. человек, или каждый 3-й взрослый, по крайней мере однажды побывал в ГУЛАГе, а в досталинское десятилетие – возможно, каждый 15-й⁶. Но так или иначе, число жертв коммунистического режима было чудовищно велико.

Кровавые страницы недавнего прошлого побудили множество российских литераторов к созданию объемистых «триллеров» вроде «Тайн ушедшего столетия». Подобные книги, ставящие целью как развлечь читателя, так и «запудрить его мозги», имеют обычно явную политическую тенденцию часто шовинистического и антидемократического свойства.

«Красный террор» в годы Гражданской войны. Годы Гражданской войны более полно освещены в таких фундаментальных публикациях источников, как «Антоновщина» (Тамбов, 1994) – об известном крестьянском восстании в Тамбовской губ. или «Филипп Миронов» (М., 1996) – о конфликтах Советской власти с донскими казаками. В трактовке исследователей 1990-х гг. весь революционный период, начиная с Февральской революции 1917 г., нередко преподносился как сплошное насилие. Странным кажется то, что многочисленные постсоветские, т.е. молодые историки, приняв монархическую, открыто контрреволюционную концепцию солженицынского «Красного колеса» – подробнейшего художественного описания и политического толкования революции (так и не оконченного, несмотря на наличие 10 его томов).

Своего рода знаковым явлением 1990-х гг. стала на шумевшая «Красная смута: природа революционного насилия» московского историка В.П. Булдакова (М., 1997), направленная против традиционного советского изображения революции 1917 г. и поэтому совершенно напрасно посвященная памяти академика П.В. Волобуева. Перепечатанный отчет о первом расследовании убийства царской семьи, составленный юристом Н.А. Соколовым, принадлежавшим к белой стороне, стал частью многотомной серии «Российский архив» (Т. 8. М., 1998). В своем роде первый постсоветский очерк плодovitого казанского ученого А.Л. Литвина «Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг.» (1995) осуждает и белых, и красных, но преимущественно большевиков, которые своей политикой, особенно в 1918 г., развязали беспрецедентную по жестокости Гражданскую войну. Сторону белых безоговорочно принял другой плодovitый (российско-американский) историк Юрий Фельштинский своим «Красным террором в годы Гражданской войны» (Лондон, 1992). Тот же подход отличает и молодых авторов в общем содержательных исследований по истории «военного коммунизма», движению «зеленых» в конце Гражданской войны и Кронштадтского восстания, жестоко подавленных победителями. Что касается белого, контрреволюционного террора, то он порою вовсе замалчивался или встречал сочувствие этих авторов.

Репрессии времен нэпа. Первоисточников по периоду нэпа опубликовано много меньше, чем по периоду Гражданской войны. Наиболее солидной представляется документальная подборка «Политбюро и Церковь. 1922–1925» (в 2-х кн. М.; Новосибирск, 1997–1998). Хорошим подспорьем для ученых стала публикация прежде не издававшихся ленинских текстов (В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1992. М., 1999). Неожиданное ужесточение репрессий после перехода к новой экономической политике явилось темой нескольких исследований, среди которых выде-

ляется работа Л.П. Рассказова «Деятельность карательно-репрессивных органов по реализации нового политического курса большевиков (1921–1927 гг.)» (Уфа, 1993).

Единичные долгожители – беглецы из «политических изоляторов» (советский эвфемизм для мест заключения, где политические преступники не сливались с уголовными) – опубликовали свои мемуары. Примером могут служить воспоминания А. Клингера в возобновленной серии «Архив русской революции» (Т. 19, 1993). В виде книг вышли воспоминания А. Малсагова (Нальчик, 1995) и священника Православной церкви М. Чельцова (М., 1995).

Судьбам интеллигенции 1920-х гг. посвящена статья С.А. Красильникова в сборнике «Интеллигенция в советском обществе» (Кемерово, 1993). Популярной темой для периода нэпа является преследование Церкви и некоторых групп верующих. Сюда относятся: «Религия и Церковь в Сибири» (серия, публикуемая в Тюмени); «Власть и Церковь в 1922–1925 гг.» Н.А. Кривовой (М., 1997). Поддержку таким публикациям охотно оказывает Российский православный университет в Москве (его «Ученые записки» публикуются с 1995 г.).

В документальной повести «Начальник террора» (М., 1993) Г. Миронов рассмотрел «заговор Таганцева» в Санкт-Петербурге в 1921 г. и квалифицировал его как первую в своем роде судебную инсценировку, приведшую к многочисленным смертным приговорам, несмотря на наступивший мир⁷. Г.К. Дзюев в «Кровавом лете 1928-го» (Нальчик, 1997) описал жестокое подавление крестьянского восстания на своей родине – в Кабарде.

Сталинские предвоенные годы (1928–1939) в целом. Как уже мог заметить читатель, преобладающей тенденцией историографии 1990-х гг. было сближение сталинского террора с «красным террором» времен Гражданской войны, сталинизма – с большевизмом вообще, распространение тоталитарных черт диктатуры Сталина «вперед и назад» – на его предшественников и преемников, на Ленина и на Хрущева. Весьма различные периоды в истории советского общества таким образом клеймились как тоталитарные. Тем самым консервативный националист Солженицын торжествовал над марксистскими упрямыми Медведевым или Роговиным. Тесные рамки статьи мешают подробно вдаваться в анализ сталинизма. И все-таки отмечу, что когда исследуются криминальные аспекты советской эпохи, ученых неизбежно влечет к себе сталинская четверть XX века – 1928–1953 гг. На ней сосредотачиваются документальные публикации, особенно примечательные монографии. Об этом времени велись самые горячие дискуссии. Лучшие, наиболее насыщенные архивным материалом книги рассказывают о положении Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е гг. и подчинении его Сталиным, с одной стороны, и борьбе за власть между его приближенными и наследниками – с другой. Отметим такие работы как «Бюрократия и сталинизм» В.П. Макаренко (Ростов-на-Дону, 1989), «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы» О.В. Хлевнюка (М., 1996), «Дела и люди сталинского времени» Б.А. Старкова (СПб., 1995), объемистую монографию бывшего главы архивного ведомства Р.Г. Пихои «Советский Союз: история власти. 1945–1991 гг.» (М., 1998).

Довоенный сталинизм изучался также на региональном уровне. Своего рода моделью здесь послужила Смоленская обл.: ее партийный архив был захвачен немцами в 1941 г., а затем попал в руки американцев. Смоленские ученые, приняв во внимание предшествующие западные работы (перевод известной книги Фэйнсоды), опубликовали затем собственные исследования, среди которых в первую очередь следует назвать книгу Е.В. Кодина «“Смоленский архив” и американская советология» (Смоленск, 1998). Под редакцией его же и профессора М. Хики вышли в свет труды американских советологов «Сталинизм в российской провинции» (Смоленск, 1999).

Сталинские десятилетия и личность «Хозяина» продолжают привлекать историков и литераторов. Здесь можно отметить, например, исследование о сталинизме историков А.И. Зевелева и Б.П. Курашвили, книги биографа Сталина, Троцкого и Ленина военного историка Д.А. Волкогонова; популярного писателя и драматурга Э. Радзинского; статьи демократического политика А.А. Собчака и т.д. Тема Сталина трактовалась с прямо противоположных позиций – демократической, марксистской или шовинистической, разоблачительной или апологетической. Таковы были знаменитые повести Александра Бека «Новое назначение» и «В круге первом» Солженицына, впервые опубликованные много лет назад за границей. А. Рыбаков создал бестселлер «Дети Арбата», вызвавший многочисленные подражания⁸. Жанр документальной повести привлек и других авторов, например журналиста Аркадия Ваксберга. Свои блестящие документальные очерки о «Большом терроре» он дополнил романизованными биографиями А.М. Коллонтай – «Валькирия революции» (М., 1997) и Максима Горького – «Гибель Буревестника» (М., 1999), основанными на материалах советских архивов.

Репрессии в период коллективизации. Первая сталинская «революция сверху» – аграрная – издавна привлекала внимание многочисленных историков в СССР и западном мире. В России пересмотр прежнего приукрашенного изображения коллективизации начался в разгар горбачев-

ской перестройки. Эту кампанию возглавил широко известный в России и за рубежом историк аграрных отношений Виктор Данилов⁹. После революции 1991 г. усилия обоих академических сообществ – российского и западного – в большой степени совпали¹⁰. Появление щедрых спонсоров – отечественных и иностранных – принесло впечатляющие результаты: свободные дискуссии на конференциях и отличные публикации источников (некоторые из них уже упоминались). Хорошо составленные издательские введения (например, у Данилова оно озаглавлено «Истоки и начало деревенской трагедии»¹¹) дают истолкование потоку новых документов, особенно прежде совершенно секретным сводкам ОГПУ, составляющим своеобразную разновидность военных коммюнике. Сводки реконструируют размах и формы крестьянского сопротивления и (это особенно относится к материалам Политбюро) рисуют картину ожесточенных споров внутри партийной верхушки. Сталинские кампании коллективизации, раскулачивания и депортации ныне рассматриваются как фактические проявления Гражданской войны, поскольку крестьянское сопротивление было сокрушено силой оружия – милицией и внутренними войсками ОГПУ.

Та же тема отражена и в публикациях источников на региональном уровне: принудительная коллективизация в Рязанской обл. в 1929–1930 гг. показана в совместной российско-канадской публикации (М., 1998). В литературе отражена эта кампания и в приволжском татарском районе (так называемое Альметьевское дело 1931 г.), сопровождавшаяся резней и жертвами среди крестьян. Трагические судьбы высланных кулацких семей (спецпереселенцев, по советской терминологии) показаны в сборнике «Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 гг.» под ред. С. Красильникова (Новосибирск, 1992), монографии В.Я. Шашкова «Спецпоселенцы в Мурманском регионе» (Мурманск, 1992), а также в статьях и диссертациях. Не без влияния зарубежных исследователей занялись в современной России и изучением произвола в отношении иностранных рабочих, эмигрировавших в Советский Союз, чтобы избавиться от безработицы и помочь реконструкции страны Советов, например, в Карелии¹².

Экономика ГУЛАГа. Принудительный труд уголовных и политических заключенных был значительно моложе советского режима и ненадолго пережил своего творца – Сталина. Система ГУЛАГа вызрела и впервые получила впечатляющий экономический вес в 1930-е гг., когда число занятых принудительным трудом выросло более чем в 10 раз. В 1937 г. политические заключенные составляли в этой группе еще только около 18%¹³, а к 1940 г. их было уже более трети (630 тыс. из 1 700 тыс., по данным Попова). Академический сборник документов «Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы», сост. М.И. Хлусов (М., 1998) был первым советским изданием такого рода. По мнению его публикаторов, главной задачей вновь созданной структуры было выполнение пятилетних планов на Крайнем Севере, в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке, т.е. во всех отдаленных регионах с суровыми природными условиями, где добровольно работать никто не хотел. Приведенная в сборнике статистика показывает разительный рост производства золота, угля и лесной продукции благодаря применению труда заключенных. Вместе с тем здесь видна и некоторая склонность составителей к апологетике. Такие явления, как массовая смертность (хотя в основном в военные годы) и произвольное увеличение сроков наказания замалчиваются, а усилия лагерной администрации по обеспечению продовольственного снабжения и медицинской помощи заключенным – наоборот, всячески выписываются.

И в этой области документальные публикации и мемуары еще преобладают над монографиями. Отметим российско-германскую публикацию источников «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» (Франкфурт-на-Майне; М., 1999), воспоминания бывшего главного бухгалтера ГУЛАГа Наринского (СПб., 1997) и брата известного поэта – И.Т. Твардовского «Родина и чужбина» (Смоленск, 1996), а также антологии типа «Поэзия Бамлага и поэты» (Владивосток, 1994). Среди исследований на эту тему важнейшим является книга Г.М. Ивановой «ГУЛАГ в системе тоталитарного государства» (М., 1997), переведенная на английский язык. Иванова показывает, что в конечном счете после временного начального успеха система ГУЛАГа причинила советской экономике явный вред. Короче говоря, горбачевское определение сталинского социализма как командно-административной системы следовало бы заменить определением его как системы командно-репрессивной (выражение, употребляемое В.П. Даниловым).

Большой террор. Этот ключевой сюжет ныне освещается на основе надежной статистики и обильной документации. Побудительные мотивы Сталина для разгрома правящей элиты – его боязнь любой оппозиции, антипатия к руководству Коминтерна, неверие в возможность пролетарской революции на Западе, как и его все более явное стремление уничтожить людей за их образ мыслей – стали яснее после публикации дневников последнего руководителя Коминтерна Георгия Димитрова за 1933–1949 гг. (София, 1997, на болгар., позже на англ. и, наконец, на русском яз.).

Начать следует с недавно опубликованных на Западе обобщающих трудов с участием или научной помощью российских авторов. Наиболее известные из них – большая статья А. Гетти и В. Земскова в «The American Historical Review» (Окт. 1993) и обильно документированная объемная книга «Дорога к террору» (М., 1999) А. Гетти и О. Наумова.

Добротный анализ скрытой Сталиным всеобщей переписи 1937 г. (Всеобщая перепись населения 1937 года. М., 1991), выполненный группой экспертов под руководством Ю.А. Полякова, может послужить действенным противовесом против завышенных цифровых оценок à la Конквест, Рой Медведев или Солженицын. Наумов и Гетти видят главный смысл Большого террора в самоуничтожении большевиков. В этом они следуют таким авторам, как О.В. Хлевнюк (М., 1992) и В.З. Роговин (М., 1996), чьи книги озаглавлены одинаково – «1937 год». Следующая книга Роговина даже вышла под названием, заимствованным у французских коммунистов, – «Партия расстрелянных» (М., 1997).

Однако волна «расстрельных списков» и ставшие теперь известными террористические директивы второй половины 1937 г. доказывают, что подавляющее большинство казненных представляло собой причудливую смесь беспартийных, у которых были какие-либо действительные или мнимые социальные, политические или национальные изъяны в биографии, делавшие их опасными и позволявшие «органам» выполнять спущенную сверху квоту на подлежащих аресту в данной местности «врагов народа». Подобные директивы («лимиты») Сталина – Ежова выглядят по численности скромнее, чем железнодорожные графики эсэсовца Эйхмана, но в принципе ничем не лучше последних.

Уникальные, по крайней мере в мирное время, сталинские репрессии – хорошо спланированные, полностью осуществленные и бюрократически документированные – проводились как превентивная мера по изъятию пресловутой «пятой колонны», во имя укрепления обороноспособности страны перед лицом надвигающейся войны. Когда осенью 1938 г. массовый террор был прекращен, Сталин и Молотов лицемерно возложили ответственность за недавние «лимиты» на карательные органы, прежде всего на Ежова, и осудили их за это. Что касается самой правящей партии, то ее руководство в 1937–1938 гг. основательно поредело на всех уровнях, тогда как рядовые члены партии пострадали гораздо меньше. А после 1939 г. и особенно после 1945 г. процент арестованных коммунистов резко упал и среди членов партии, и среди заключенных ГУЛАГа.

Теперь изучены как правовая, так и техническая сторона Большого террора. Книга «Оправданию не подлежит: Ежов и ежовщина. 1936–1938 гг.» Б.Б. Брюханова и Е.Н. Шошкова (СПб., 1998) пролила свет на состав «органов», их методы работы и дальнейшую судьбу сталинских палачей. Справочная книга Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД в 1934–1941 гг.» (М., 1999) исчерпывающе характеризует социальный, национальный и образовательный уровень чекистов и опровергает легенду о массовой расправе над ними самими. Чекисты, работавшие на высоких постах еще в ленинское время, пережили в НКВД Большой террор со сравнительно небольшими потерями: с приходом Берии было казнено менее 1 тыс. высокопоставленных «ежовцев». Более обширная чистка «органов» прошла после смерти Сталина и падения Берии, но число осужденных тогда было значительно меньше, чем в 1939–1940 гг. Поражает также низкий образовательный уровень руководства НКВД в 1930-х гг. (позже он впечатляюще поднялся). Одновременно чекистское руководство было русифицировано или, более точно, ославлено, и характерный для ВЧК и ОГПУ высокий удельный вес евреев в органах безопасности отошел в прошлое.

Опубликованы ныне биографии руководителей ОГПУ–НКВД–КГБ от Ягоды до Абакумова, а также зловещего прокурора Вышинского. Исследования карательных директив отдельных членов Политбюро ЦК ставят их как бы посередине между тираном и прямыми организаторами репрессий, причем это касается и реформатора Хрущева в бытность его в Киеве с 1938 г.

Большое внимание неизменно привлекает процесс истребления кадров советских военачальников. Появились новые книги на эту тему, включая фундаментальное исследование бывшего сотрудника Института военной истории О.Ф. Сувенирова (Трагедия РККА. 1937–1938 гг. М., 1998). Писатель, Герой Советского Союза В. Карпов, сам бывший заключенный, создал очерк о нескольких казенных маршалах, включая Берия, – «Расстрелянные маршалы» (М., 2000)¹⁴. Не завершена пока дискуссия о так называемом «заговоре военных» против Сталина, планы которого, возможно, обсуждались, но не были реализованы (П л и м а к Е.Г., Антонов В.С. Отечественная история. 1994. № 4; 1999. № 6). Все еще встречаются выходящие за пределы науки попытки оправдать расправу Сталина с генералами (имеется в виду книга «Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию?», написанная разведчиком-перебежчиком В. Суворовым, живущим ныне за границей).

Фундаментальные сборники документов по таким судебным делам, как «Академическое дело 1929–1930 гг.» (в 2-х вып.) и «Меньшевицкий процесс 1931 г.» (в 2-х кн.) освещают как технику получения ранних вынужденных показаний, так и постоянный контроль над следователями со стороны Политбюро. Попытка некоторых авторов обвинить широко известных ученых-коммунистов 1920-х гг. в аресте беспартийных «буржуазных» историков старшего поколения документами опровергается. К опубликованным протоколам допросов необходимо подходить очень осторожно¹⁵, так как измененные профессора были доведены до предела соприкосновения. Больше соответствуют действительности дневники, которые вели осужденные перед арестами, в том числе получивший международную известность дневник Соколовой-Пятницкой, жены арестованного коминтерновского аппаратчика, старого большевика Осипа (Иосифа) Пятницкого, изданный в 1998 г. их сыном В.И. Пятницким под названием «Голгофа».

Автору настоящей публикации представлялся случай познакомиться с делом одного из группы бывших социалистов-революционеров (дело Р-21115 в Санкт-Петербургском архиве ФСБ). Эти ветераны принадлежали к абсолютно легальному Обществу бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и принимали участие в его собраниях и публикациях. В 1938 г. их одновременно арестовали и вынудили признать свое членство в «ленинградском террористическом центре социалистов-революционеров», готовившем убийство советских лидеров. Слабым местом в биографии старшей жертвы по этому делу, Василия Сухомлина (родившегося в 1860 г.) был его сын-эмигрант Василий, который в 1920-х гг. был членом заграничного руководства ПСР и, по версии следствия, инструктировал остальных «террористов» с помощью иностранных туристов. В 1957 г. младший Сухомлин вернулся в СССР и получил от КГБ свидетельство о реабилитации своего отца, умершего еще в 1938 г. в тюремной больнице.

Фальсифицированные сталинские процессы 1932–1950 гг. против бывших видных коммунистов концентрированно представлены в документальном сборнике «Реабилитация» (1991) под редакцией главы Комиссии по реабилитации при Президенте СССР А.Н. Яковлева. Изданы также мемуары некоторых видных сталинских чекистов, работавших главным образом по ведомству внешней разведки. Здесь и лояльные советскому режиму деятели (П. Судоплатов, резидент в Швеции Зоя Воскресенская и резидент в Финляндии Сеницын), и перебежчики (их воспоминания изданы в переводе с английского). Воспоминания видных работников НКВД, освещающих проблему репрессий как бы «изнутри», – таких, как М. Шрейдер (1995), – остаются редким исключением.

Прежде чем закончить рассмотрение все еще актуального Большого террора, обратимся к некоторым более частным темам. О трагической судьбе советских ученых, подвергшихся репрессиям, рассказывается в антологии «Репрессированная наука» под ред. М. Ярошевского (1991) и в книге «Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР» (1995). Особо рассматриваются репрессии против отдельных групп интеллигенции, включая историков партии (Л и т - в и А.Л. Без права на мысль. Казань, 1994), «дело» славистов, историков и языковедов 1933 г. (Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов. М., 1994), репрессированных этнографов, геологов и почвоведов, востоковедов, специалистов по Японии, работников библиотек и архивов, ленинградского радио, ленинградских филологов немецкого происхождения, художественных критиков и изобретателей того же города-мученика, советских дипломатов и др.

Национальный аспект предвоенного Большого террора в советские времена сначала был как бы забыт и перекрыт этническими депортациями и массовыми расправами военных времен. Пришло время и для освещения этой трагедии. Ведь жертвы Большого террора по национальным мотивам составили 10% всех арестованных в 1937–1938 гг. Сталинская борьба против «буржуазного национализма» в союзных республиках и автономиях началась в период коллективизации и постепенно распространилась, например, на приволжские национальные районы с финно-угорским населением. Хотелось бы остановиться на книге К.И. Куликова «Дело “СОФИН”» (Ижевск, 1997). Автор разоблачает кровавую историю мнимого «Союза за освобождение финских народностей» – показательного дела, состряпанного ОГПУ в начале 1930-х гг. Интеллектуальная элита небольшой приволжской национальности – удмуртов – подверглась жестокой репрессии в 1937 и 1938 гг.

Историки и этнографы немало сделали для изучения репрессий 1930-х гг. в отношении народов, имеющих иностранные этнические корни (финнов, прибалтов, поляков, немцев, корейцев, китайцев, румын, греков, афганцев и иранцев). Вышла в свет, например, коллективная работа «Депортации народов СССР (1930–1950-е гг.)» (ч. 1–2. М., 1992–1995). Книга «Репрессии против поляков и польских граждан» (М., 1997) открыла так называемые исторические сборники «Мемориала». Поляки были выбраны потому, что на них пришелся главный удар предвоенных репрессий: 144 тыс. человек были арестованы и 111 тыс. из них были расстреляны. И местные со-

ветские работники польской национальности из западных районов СССР, и находившееся в Москве руководство Польской коммунистической партии были заподозрены Сталиным в измене. В другом сборнике «Мемориала» «Репрессии против российских немцев» (М., 1998) рассказывается о том, что все немцы, занятые в стратегических отраслях советской промышленности, были арестованы по личной директиве Сталина, 42 тыс. человек были казнены в период между августом 1937 и ноябрем 1938 гг., иначе говоря задолго до нападения Германии на Советский Союз.

«Белая книга о депортации корейского населения в России в 30–40-е гг.» (М., 1992) рассказывает не столько об арестах, сколько о насильственной «денационализации» высоко цивилизованного народа, переселенного с советского Дальнего Востока в Центральную Азию и лишённого национальных школ и литературы, вследствие чего корейская советская молодежь фактически потеряла свой собственный язык.

Особые документальные сборники или исследования посвящены некоторым выдающимся деятелям науки, литературы и искусства – казненным, арестованным или попавшим под подозрение советских спецслужб. Это расстрелянные поэт Борис Корнилов и прозаик Борис Пильняк; сталинский протеже и позже Нобелевский лауреат Михаил Шолохов, который одно время жил в ожидании ареста; родные поэтессы Анны Ахматовой; физик-теоретик, позже лауреат Нобелевской премии Лев Ландау, спасённый по ходатайству своего старшего коллеги, академика Петра Капицы; художник и православный верующий Павел Корин; преподавательница истории в Казанском университете коммунистка Евгения Гинзбург, дважды арестованная и получившая широкую известность за свои воспоминания (опубликованные впервые на Западе); полярник академик Отто Шмидт; широко известный режиссер В.Э. Мейерхольд, казненный после пыток, и др.

Два блестящих, почти исчерпывающих документальных сборника с введением и комментариями Я.Г. Рокитянского в соавторстве с Р. Мюллером рассказывают об основателе московского Института Маркса–Энгельса, правом большевике Давиде Рязанове. (Красный диссидент. М., 1996) и о не менее знаменитом ботанике и агрономе Николае Вавилове (Суд палача. М., 1999). Первый был расстрелян в 1938 г., второй умер от истощения в 1943 г.

Основываясь на этих и других постсоветских публикациях, мы теперь можем лучше понять место Большого террора в сталинской предвоенной политике. Посредством массовых репрессий, увенчанных тремя московскими судебными инсценировками, тиран достиг двоякой цели: вычистил во многом вымышленную «пятую колонну» и замаскировал истребление все еще активных и не старых большевиков, своих бывших или возможных противников.

Годы Второй мировой войны. Исчезновение цензуры в СССР сделало возможным новый подход к Великой Отечественной войне и публикацию более правдивых статистических данных о потерях на фронтах и в концлагерях. Такие книги, как «Скрытая правда войны 1941 года» (М., 1992), «Сталинизм и война» А. и Л. Мерцаловых (М., 1994), «Гриф секретности снят» (М., 1993), «Живая память: Великая Отечественная война» под ред. В.Л. Богданова (в 3-х ч. М., 1995), «Другая война» под ред. выдающегося демократа и профессора истории Юрия Афанасьева (М., 1996) рассказали горькую правду о страшной цене Победы, омраченной сталинской политикой в Восточной и Центральной Европе. По вине пережившего свое время Сталина победа оказалась пирровой – исход «холодной войны» был фактически предрешен.

В данной связи, однако, наиболее важны документальные публикации и исследования (все еще малочисленные) о репрессиях военного времени, Борьба с нацизмом не улучшила обращения властей с подозреваемыми «внутренними врагами». Всего в военные годы было осуждено 2,5 млн. мужчин и женщин, включая 471 тыс. человек за «контрреволюционные преступления». Свыше 9% всех осужденных – 225 тыс. человек – были казнены¹⁶. Чрезвычайные обстоятельства предвоенного и военного времени привели к репрессиям нового типа – публичной казни дезертиров и трусов перед строем; поспешной высылке местной буржуазной и чиновной элиты с присоединенных к СССР польских, прибалтийских и молдавских территорий; массовым расстрелам военнопленных (избиение поляков в Катюны в 1940 г.) и политических заключенных перед отступлением советских войск, например в Орле в 1941 г., а также к внезапным повальным депортациям «подозрительных» народностей и одновременной ликвидации целых автономных образований.

Обобщенное документальное исследование о депортациях народов в годы войны было выполнено Н.Ф. Бугаев под выразительным заголовком: «Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: “Их надо депортировать”» (М., 1992). Среди книг о российских немцах антология под ред. Т.С. Иларионовой «Судьба российских немцев: коллективная исповедь в письмах» (М., 1993) должна быть упомянута как одна из лучших, так же как и исследование В.Г. Чеботаревой «Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг.» (М., 1999). По-

следняя книга вышла под двойным грифом – Министерства по делам национальностей и общественной Академии российских немцев. Широкою известность получил российско-польский документальный сборник «Преступление в Катynie», причем оба тома переведены в 1998 г. и на польский язык. Московский историк Н.С. Лебедева была награждена польским орденом за исследование «Катynie: преступление против человечности» (М., 1994).

«Невозможно молчать» – такой заголовок дан большой эстонской публикации на русском языке, освещающей период начиная с 1917 г. (в 2-х кн. Таллин, 1996). К сожалению, русофобский оттенок части авторского текста способен подорвать доверие к этой публикации у русскоязычного населения молодой Эстонской республики. Древнему финноговорящему меньшинству Ленинградской обл. посвящена книга и докторская диссертация В.И. Мусаева «Ингерманландский вопрос в XX веке» (СПб., 1999)¹⁷, а крымским татарам – книга Ш.М. Забирова «Об исторической судьбе татар в России» (СПб., 1999). Депортация калмыков освещается Панкиным и Панаевым в книге «Пути памяти» (Элиста, 1994); чеченцев – отцом и сыном М.Ю. и О.М. Джургаевыми в книге «Круги ада» (Грозный, 1989). Подобная литература не одинакова по своей научной ценности и полиграфическому исполнению, что зависит от квалификации авторов и финансовых возможностей издателей. Впечатляют, например, объемистые книги о депортации немцев, поляков и прибалтов, тогда как рассказы о судьбах чеченцев, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, калмыков выглядят значительно скромнее.

Положительной чертой новых военных мемуаров стало появление воспоминаний бывших советских военнопленных. Каждые двое из троих заключенных погибли в нацистских лагерях. Более того, некоторые из тех, кто выжил и был репатриирован на родину, попали из проверочных «фильтрационных» лагерей в ГУЛАГ и во многих случаях (количество их до сих пор точно не установлено) так и не вернулись домой. Несмотря на реабилитацию при Хрущеве, когда рассказы писателей – бывших военнопленных, например Константина Воробьева, буквально потрясли читателя, бывшие пленные вновь замолкли при Брежнев (за исключением некоторых наиболее активных участников антинацистского сопротивления) и состарились, так и не описав свои незаслуженные страдания. Большинство воспоминаний военнопленных, в том числе бывших власовцев, и гражданских лиц в советское время были изданы теми, кто остался на Западе, например в Норвегии или Аргентине. Только в 1990-х гг. увидели свет записки бывших обитателей немецких и более благополучных финских лагерей для военнопленных, а также шведских лагерей для интернированных беженцев-красноармейцев. Норвежских читателей тронули безыскусные воспоминания «В лагерях за Полярным кругом» (Смоленск, 1996), теперь частично напечатанные в Норвегии. Их автор – бывший сержант Федор Мезенцев благодарил норвежцев из Намсоса (вблизи Тронхейма) за их щедрую помощь, позволившую спастись многим советским пленным. В г. Тромсе за Полярным кругом ныне существует небольшой музей советских военнопленных в Норвегии. Одним из широко известных преступлений Сталина был его отказ присоединиться к Женевской международной конвенции о военнопленных и поддерживать своих умирающих от голода соотечественников, несмотря на неоднократные предложения шведского министерства иностранных дел, представлявшего советские интересы в Германии¹⁸.

Наиболее драматичной была судьба тех, кто прошел через концлагеря и Гимmlера, и Берия. «Синдром удава» – таково странное название поражающей воображение документальной повести советского офицера-разведчика Б.В. Витмана (М., 1998). В объемистой автобиографии Николая Нумерова (Золотая звезда ГУЛАГа. М., 1999) рассказывается фантастическая история о члене партии, советском офицере, который оказался в немецком плену, сумел освободиться и присоединиться к партизанам. Через несколько лет после окончания войны Герой Советского Союза Нумеров был арестован и осужден на 10-летнее заключение. Реабилитировали его в 1956 г., и он получил обратно свои награды. В дальнейшем Нумеров возглавлял Российскую ассоциацию жертв политических репрессий, которую сам же и организовал.

Среди жертв политических репрессий особую группу составили политические эмигранты из государств оси, которых Берия выдал гестапо в 1940 г. О них рассказывают, например, хорошо известные на Западе мемуары г-жи Бубер-Нейман, вдовы расстрелянного Сталиным видного немецкого коммуниста. Многие немецкие политэмигранты, избежавшие довоенных репрессий, были в начале советско-германской войны вывезены на восток и отправлены в особую часть ГУЛАГа вместе с высланными немцами Поволжья (мужчинами, достигшими совершеннолетия). Смертность там была даже выше, чем в тюрьмах. Через 3 года лесоповала прошел ныне хорошо известный профессор истории (в отставке) Вольфганг Руге – старый друг автора настоящего обзора. Его брат, рентгенолог Вальтер Руге был арестован в Москве в первые дни немецкого нападения на СССР и осужден за свою действительно имевшую место критику пакта Гитлера–Сталина на 10 лет заключения, после войны замененного «вечной» ссылкой в Туруханский край¹⁹.

Вальтер также выжил и даже стал горячим поборником советско-германской дружбы в ГДР. Братья Руге – родственники известного Арнольда Руге, друга Маркса и члена Союза коммунистов середины XIX в.

Среди немногих исследований данного сюжета – книга Н.А. Троицкого «Тяжелые сны» (издание мемориального музея немецких антифашистов в Красногорске, 1998). Другая публикация – «Беседы на Лубянке» (М., 1999) – об аресте венгра Георга Лукача в 1941 г. – привлекает внимание к судьбе известного марксистского философа и необычайно своей счастливой развязкой (друг Лукача академик Е. Варга играл в карты с самим Берией и спас выдающегося ученого).

Послевоенный террор при дряхлеющем Сталине. Победа в войне положила начало новым репрессиям. Сначала они коснулись тех, кто жил на временно оккупированных территориях. Люди осуждались за сотрудничество (действительное или мнимое) с врагом. Вооруженное сопротивление Советской власти в западных районах страны, равно как и сталинская коллективизация сельского хозяйства Прибалтики потребовали новых жертв, среди которых были и виновные, и невинные. Перемещенные лица, выданные СССР союзниками против их воли («жертвы Ялты»), и иностранцы-военнопленные, осужденные во время пребывания их в плену по ложным политическим обвинениям²⁰, а также бывшие русские «белые» эмигранты, которые, вернувшись по собственному желанию на родину, были арестованы, – все они еще ждут специальных исследований, посвященных их трагической судьбе.

Вот почему основательная работа Павла Поляна «Жертвы двух диктатур» (М., 1996) является своего рода прорывом. Автор изучил источники в комплексе, как в Москве, так и в Берлине, и таким образом представил реальное положение «остарбайтеров» и советских военнопленных во время войны, а также их возвращение на родину.

Яркое повествование Иоффе и Нестеренко о заключенных, работавших на урановых рудниках, называется «Волчий камень: урановый остров архипелага ГУЛАГ» (СПб., 1998). Немецкие, японские и финские пленные стали объектом изучения в книгах «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР» В.Б. Конасова (М., 1998), «Проблема пленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны» С.И. Кузнецова (Иркутск, 1994), «Финские пленные в лагерях Министерства внутренних дел. 1939–1953 гг.» В.П. Галицкого (М., 1997). Новые, более либеральные условия 1990-х гг. сделали возможным созыв первой в России международной конференции по военнопленным (труды ее напечатаны в 2-х кн. в 1997 г. в Вологде). Начата публикация серии «Трагедия плена».

Победившие фашистов советские люди не обрели покоя в послевоенные годы. Их надежды и разочарования проанализированы Еленой Зубковой в монографии «Послевоенное советское общество 1945–1953 гг.» (М., 2000). После того, как началась «холодная война», режим стал еще жестче. Доля «контрреволюционеров» среди заключенных ГУЛАГа выросла с 40% в 1944 г. до 54% в 1947 г.²¹ Новая волна арестов ударила по немногим ранее освобожденным жертвам «Большого террора» и по их родственникам. Например, были арестованы вдовы и дочери Бухарина, Шляпникова, Крестинского, Гамарника. Этот «малый террор» все еще не изучен, хотя имеются довольно многочисленные воспоминания его жертв.

После войны «репрессированные народы» были «навечно» поселены в своих новых местах пребывания в Центральной Азии и Сибири. Этот второй этап депортации отражен в книгах и статьях главным образом мемуарного или журналистского характера. В дополнение к уже высланным были депортированы новые, меньшие по численности этнические группы: грузинские мусульмане, кавказские греки и некоторые другие (см.: Бу га й Н.Ф., Ко ц о н и с А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999). Объектом послевоенных исследований стали советские евреи. Многие из них под ложными предлогами были сняты с высоких постов в центральных учреждениях и высших учебных заведениях в ходе кампании против так называемых космополитов в конце 1940-х гг. Ныне уже существуют солидные документальные публикации о расправе с так называемым Еврейским антифашистским комитетом и «врачами-вредителями»: изданы материалы закрытого процесса над членами ЕАК в 1952 г. (М., 1994), а также несколько воспоминаний и исследований: «В плену у красного фараона» Г.В. Костырченко (М., 1994), его же более поздняя фундаментальная монография «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (М., 2001) и душераздирающее «Убийство Михоэлса» В.В. Левашова (М., 1998).

Другим закрытым судом в 1950 г. рассматривалось так называемое Ленинградское дело группы партийных деятелей, о котором рассказывается в документальном сборнике В.И. Демидова и В.А. Кутузова (Л., 1990). По крайней мере один российский документальный сборник «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953» (М.; Новосибирск, 1997) обличает ве-

душую роль советского МГБ в кровавых судах над коммунистическими лидерами нескольких европейских стран-сателлитов фашистской Германии.

Общее количество жертв политических репрессий 1930–1953 гг. – казненных и умерших от истощения в годы войны и в результате разного рода депортаций, согласно авторитетному заключению А.Н. Яковлева, составляет 10 млн. человек.

Репрессивная политика преемников Сталина. Посталалинский период также не был свободным от преступных действий советских властей внутри страны и за рубежом. К наиболее позорным из них принадлежат разгон рабочих выступлений в Восточной Германии летом 1953 г., кровавое подавление молодежных демонстраций в Тбилиси и венгерского народного восстания в 1956 г., расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске в 1962 г. Согласно исследованию В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе» (Новосибирск, 1999), новочеркасское побоище было кульминацией многочисленных народных выступлений и погромов во многих провинциальных городах и рабочих поселках, подавленных военной силой. Массовые выступления имели также место в период «брежневского застоя», но власти научились справляться с ними без кровопролития. В ряде городов европейской части СССР разоблачение Хрущевым преступлений Сталина вызвало к жизни дискуссионные студенческие кружки, члены которых были подвергнуты суровым судебным преследованиям. Их история теперь изложена во многих мемориальных публикациях. То же самое произошло с отдельными советскими писателями в середине 1960-х гг. и с защитниками гражданских прав – так называемыми диссидентами в конце 1960 – начале 1970-х гг. С 1969 г. новых выступлений практически не было: движение за гражданские права в духе Хельсинкской конференции 1975 г. было рассеяно андроповским КГБ с помощью насильственного психиатрического лечения и принуждения к эмиграции.

Административные и судебные преследования «политических» при преемниках Сталина во многих отношениях отличались от соответствующих действий властей сталинской эпохи. Прекратились судебные инсценировки с заранее вынесенными приговорами и массовые кампании против целых социальных или этнических групп. Постепенно сошедший на нет ГУЛАГ больше не требовал новой рабочей силы. Отныне преследовались подлинные противники режима. Уголовный кодекс, особенно его пространная 58-я ст., разрешали судебное преследование за любую критику режима, начиная от простых анекдотов и кончая настоящим заговором (попытка капитана Саблина поднять мятеж на Балтийском флоте против брежневского режима) и шпионажем в пользу иностранной державы (дело Пеньковского). Иногда (к сожалению, очень редко) – привлекались к суду организаторы или исполнители преступлений сталинского времени. Репрессии, особенно при Брежневе, стали много мягче и реже, тогда как известия о них достигали внешнего мира гораздо быстрее. Их выявляли и разоблачали гораздо чаще и не только иностранные средства массовой информации (в прошлом, как правило, это делали только они), но также подпольная машинописная «Хроника текущих событий» («самиздат»). В 1990-х гг. появилось великое множество разнообразных публикаций, освещающих оппозиционное движение недавнего советского прошлого: протоколы судебных процессов, дневники, мемуары, публицистика. Серьезные исследования по истории диссидентского движения мне не знакомы.

Заключение

Даже из этого далеко не полного обзора, неизбежно отставшего от новостей российского книжного рынка, видно, что в России существует обширная литература о политических репрессиях советской и в особенности сталинской эпохи, от фундаментальных документальных сборников до детективных романов. Этим изобилием в определенной мере объясняется безразличие российской общественности к нашумевшей на Западе «Черной книге коммунизма» С. Куртуа, Н. Верта, Ж. Панне и др., перевод которой вышел в Москве в 1999 г. Впрочем, это лишь часть объяснения. Другая причина в том, что ныне живущие поколения бывших советских граждан, как правило, непосредственно не пострадали от политических репрессий. Несмотря на конечный провал социалистического эксперимента и громадные людские жертвы социалистической эпохи и вопреки широкой антикоммунистической обработке, идущей с конца 1980-х гг., народы России помнят Октябрьскую революцию, советские пятилетки и самого Сталина не только с одной отрицательной стороны. Толпы народа протестовали против действий властей под портретами Сталина еще в хрущевские времена, а многие здравствующие ныне ветераны и пенсионеры вообще связывают с именем Сталина социальную обеспеченность и славу Отечества. Не Ленин, а Сталин служит символом порядка и стабильности для обездоленных слоев общества, причём не для одних только малокультурных его групп. И, видимо, пройдут еще годы и годы, пока каждый россиянин поймет, кем в действительности был Сталин в истории России.

Примечания

- ¹ См.: Т а р а с о в К.К. Тоталитарная система в СССР: история и пути преодоления. СПб., 1992.
- ² Обзор их помещен в журнале «Отечественная история» (1996. № 1).
- ³ Здесь должен быть с благодарностью упомянут ленинградский школьный учитель покойный Федор Перченко. См. сб. его памяти: «In memoiam». СПб., 1995, включающий и его собственные статьи.
- ⁴ Ныне А.Н. Яковлев, которого иногда называют духовным отцом перестройки, возглавляет фонд «Демократия».
- ⁵ В этой связи должна быть упомянута серия издательства Г.А.Бордюгова АИРО-XX «Первая монография», в которой публикуются исследования молодых историков.
- ⁶ См.: П а в л о в В.П. Государственный террор в Советской России в 1923–1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2; М у р а н о в А.И., З в я г и н ц е в В.Е. Досье на маршала. М., 1999. С. 6.
- ⁷ Однако Миронов встретил возражения других исследователей: единой антисоветской военной организации к тому времени не было, но отдельные неформальные группы все же существовали («Вестник “Мемориала”». 1995. № 4/5. С. 122–126).
- ⁸ Красноречивы сами названия: «Тайный советник вождя», «Логика кошмара», «Заговор против маршалов», «Никто не знал Сталина», «Со Сталиным в Сочи», «Я была любовницей Сталина» и т.д.
- ⁹ См. его более раннюю публикацию: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. (М., 1989).
- ¹⁰ При Московской высшей школе социальных и экономических наук был создан под руководством В.П. Данилова и Теодора Шанина Международный центр крестьяноведения.
- ¹¹ См.: Трагедия советской деревни. М., 1999. Т. 1. С. 13–67.
- ¹² О судьбе некоторых шведских «строителей социализма» см. очерк: Е n e b e r g K. Tvingade till tystnad (Осужденные на молчание). Stockholm, 2000.
- ¹³ М у р а н о в А.И., З в я г и н ц е в В.Е. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁴ Карпов сделал некоторые открытия: жена маршала Кулика, будучи обвинена в связи с иностранцами, была похищена и тайно убита людьми Берии, после чего официальные ее поиски продолжались еще много лет. Ее супруг был произведен в маршалы в 1939 г., но во время Великой Отечественной войны его понизили в звании, а потом уличили в критике Сталина и казнили в 1950 г.
- ¹⁵ См.: А н а н ь и ч Б.В., П а н е я х В.М. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. Т. 2 (120). М., 1999.
- ¹⁶ См. М у р а н о в А.И., З в я г и н ц е в В.Е. Указ. соч. С. 137.
- ¹⁷ По этому вопросу есть также литература, изданная в Финляндии.
- ¹⁸ Автор настоящего обзора описал этот тягостный эпизод в рукописном варианте своей докторской диссертации «Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны» (М., 1966) (теперь он находится в университетской библиотеке г. Упсала), но не смог включить его в одноименную книгу (М., 1967).
- ¹⁹ Автор этих строк располагает неопубликованными воспоминаниями Вальтера Руге «После нападения нацистской Германии».
- ²⁰ Например, сам генерал фон Зейдлиц, один из организаторов антинацистского движения среди военнопленных в СССР (см.: Б е з б о р о д о в а И.В. Генералы вермахта в плену. М., 1998). ✓
- ²¹ См.: М у р а н о в А.И., З в я г и н ц е в В.Е. Указ. соч. С. 134.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

*Жизнь... была полна опасностей,
ход ее – неясен,
будущее – непредсказуемо.*

И. Нарский

Фундаментальная монография И.В. Нарского* – это без преувеличения талантливая работа, предлагающая свой особый взгляд на события революции и послереволюционного лихолетья. В книге собран и проанализирован громадный фактический материал, не оставляющий равнодуши-

* И. Нарский. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 615 с. Тир. 1500.

ными ни фанатов популярной ныне документальной истории, ни людей, склонных к структурным и теоретическим построениям, ни тех, кто имеет вкус к исторической детали, ни «эстетов», получающих удовольствие от глубины, оригинальности и отточенности авторской мысли.

Рецензируемая работа – из тех, что способны опровергнуть обывательские представления о неактуальности современного изучения истории русской революции. Более того, ее появление – заметный шаг вперед в исследовании этой темы и эпохи, и одновременно – яркое, своевременное напоминание о том, что все мы родом из того времени.

«Моя история»

Кто-то из историков «сражался» за «красных» (традиционная советская историография), кто-то за «белых» (представители «тоталитарной школы»), а 40-летний профессор Челябинского государственного университета Игорь Владимирович Нарский ведет свой бой на стороне «маленького человека» в революции.

«Как протекала обычная жизнь в необычных условиях революции? Что видел и переживал обитатель региона, ставшего одним из эпицентров Гражданской войны? Как объяснял безымянный «маленький человек» происходившее с ним и вокруг него? Какие линии поведения избирал, какие формы приспособления и протеста находил?» Это главные перечисленные автором, но, конечно, далеко не все вопросы, ответы на которые попытался найти историк на основании тщательного изучения родного ему уральского региона в противоречивый и экстремальный по любым меркам период 1917–1922 гг.

С первых же страниц книгу Нарского не спутаешь с другой. Автор незаметно, но весьма умело и настойчиво вовлекает читателя в круговорот исторических событий, не оставляя его равнодушным созерцателем прошлого. Достигается этот редкий в научных трудах эффект сопричастности в том числе удачным приемом написания книги «от первого лица». Ее «изюминка» – в авторской субъективности. Начиная с сугубо личного посвящения «Моим родным и близким, живущим и ушедшим» (после прочтения книги понимаешь, что для автора связь времен и поколений – не ради красного словца, а одно из средств познания прошлого), с неожиданного своей автобиографической пронзительностью вводного раздела, так и названного – «Моя история» («мое детство было как бы окутано прошлым...»; с. 11), с заботливо подобранных автором многочисленных эпиграфов к главам и разделам книги, с «профильтрованных» через личностное восприятие и опыт методологических установок (характерна формулировка задач вводной части – «определить, какие исторические подходы я считаю близкими себе, “моими”»; с. 9). И еще – обильное цитирование источников, как правило, сочетается с глубокими и органично вписывающимися в манеру изложения авторскими комментариями и размышлениями, зачастую выходящими далеко за хронологические рамки исследования. В итоге достигается необычный для исторического труда эффект постоянной связи времен (раздел «Вместо заключения» вообще посвящен по сути урокам революционной трагедии в наши дни) и присутствия автора – «гида» по лабиринтам прошлого, выступающего одновременно одним из героев книги.

Истоки такого ракурса видны в приверженности И.В. Нарского культурно-антропологическому подходу. Характерно, что он сходится с социологом Н.Н. Козловой во мнении, что ученый не может быть безучастным наблюдателем прошлого. Наоборот, нужно стремиться к ситуации, когда «сам исследователь ощущает себя непосредственно включенным в живую историческую цепь и принимает на себя ответственность за деяния предшественников и современников» (с. 15).

История повседневности

При оценке историографической ситуации автор сконцентрировал внимание на двух основных сюжетах: состоянии изучения истории революции и Гражданской войны (это время он метко характеризует как «“заповедник” героических мифов»; с. 18), а также возможности использования новейшего методологического инструментария для их переосмысления. Здесь Нарский выступает как «западник», констатирующий заметное отставание отечественной историографии от мирового уровня и испытывший явное искушение постструктурализмом и постмодернизмом. Демонстрируя эрудицию и знание новейшей иностранной литературы на немецком и английском языках (правда, при этом для доказательства собственного тезиса иногда ставя в один ряд историков, исповедующих все же разные исследовательские подходы), он справедливо воздает должное результативности микроисторического анализа, а также успехам региональной истории. Символично, что эпиграфом к введению к монографии выбрано именно высказывание классика микроистории Дж. Леви: «Микроистория означает не рассматривать мелкое, а видеть в малом». Применительно к рецензируемой работе это означает авторскую заявку пока-

зять сквозь призму ситуации в уральском регионе более общие процессы и тенденции революционных лет.

Во главу угла своего исследования Нарский ставит завоевывающий в последнее время все большее признание специалистов подход с позиций истории повседневности, рассматриваемый автором как органичное развитие и обогащение направления социальной истории. Более того, он провозглашает историю повседневности методологической основой своей работы, настаивая на возможности в ее рамках сочетать «описания с высоким уровнем теоретичности» (с. 22). Рассматривая природу «иммунитета» как советской, так и постсоветской историографии к революционной повседневности, он обращает внимание на то, что данный период был в особенности политизирован и мифологизирован. В этих условиях региональная история российской революции незаслуженно становилась второстепенным придатком «столичной» истории.

Нарский точно подметил, что в целом история повседневности потому с таким трудом приживается в современной российской историографии, что, находясь в русле социально-исторической концепции, она предлагает более сложную, многофакторную, полифоничную картину жизни и оказывается несовместимой с привычной «красно-белой», дихотомичной трактовкой прошлого (с. 15–16). В связи с этим Нарский подчеркнул принципиальную родственность «теории тоталитаризма» с советским классовым подходом в их политической ангажированности, в стремлении к унификации исторического процесса, в неприятии иного мнения и проч. Отражение данного вопроса в книге представляется своевременным в связи с сохраняющимися историографическими оценками, напоминающими образчики мышления времен «холодной войны»¹.

Особенности структуры и жанра

Об оригинальной структуре монографии, а также об избранной системе изложения материала следует сказать особо. В «искусении пойти по неизведанному пути в надежде на приращение знаний» (с. 21) автор задался целью изучить ситуацию на Урале в 1917–1922 гг. поочередно в трех системах координат (соответственно, книга имеет три основные части): 1) «сверху» – «взгляд из профессионального “далека”», 2) «из опасной близости» и, наконец, 3) «изнутри» – глазами самого «маленького человека». Трехкратная смена фокусировки с постоянным приближением к «плоти и крови» создает необычайный «стереоскопический эффект» вживания в реальность и одновременно позволяет сопоставлять результаты, полученные от наблюдения с разного расстояния и как бы из разных исследовательских плоскостей. Опираясь на преимущества такой трехзвенной системы, Нарский также предпринял небезуспешную практическую попытку навести мосты между макро- и микроуровнем, о принципиальной возможности сопряжения которых в научном мире ведутся жаркие споры. Фактически каждая из трех частей монографии представляет собой самостоятельное исследование, и одновременно они составляют единое целое. Добиться подобной органичности удается далеко не каждому историку.

Но структура работы такова, что даже будучи честно предупрежденным автором («материал, с которым столкнется читатель в этой книге, ... требует больших энергетических затрат и нервного напряжения»; с. 23), читатель должен приготовиться к эмоциональным и интеллектуальным испытаниям. Уже пережив (и «отпереживав»!) последовательно трагические события революции, Гражданской войны, голода и начала нэпа, он вынужден в каждой новой части книги (а то и чаще) возвращаться «на круги своя».

В монографии особая роль принадлежит документальным свидетельствам эпохи. Весьма красноречивые, насыщенные конкретными ситуациями и деталями того времени, они широко цитируются, вкрапляются в текст, на определенном этапе даже выходя на первый план, и действительно лучше всяких комментариев подтверждают авторские мысли. Тем самым, за исключением первой историографической части книги, ее жанр может быть смело определен как «повествование в документах» – тип изложения, получивший в последние годы признание специалистов².

Взгляд из кабинета историка

Первая часть книги – это по существу взгляд самого историка на общие контуры положения в 1917–1922 гг. в России в целом, и на Урале в частности. Уральский регион взят автором в границах «большого Урала» – Вятская, Пермская, Оренбургская и Уфимская губ., что позволяет ему удачно оперировать дореволюционной статистикой, анализировать поведенческие коды и степень ментальной целостности населения. Вместе с тем этот регион отличался заметным разнообразием: национально-культурным, природно-климатическим, производственно-хозяйственной деятельности населения и проч. Это обстоятельство изначально существенно усложняло ис-

следовательскую задачу. Следует особо подчеркнуть, что Нарский успешно справился с этой проблемой, показав завидное знание специфики регионов Урала и умение заниматься тщательной контекстной прорисовкой проблематики.

Привлекая труды коллег, на основании систематизации главным образом известных специалистам фактов, автор временами пунктирно, местами более подробно и основательно вводит читателя в курс дела относительно различных аспектов политической истории региона (настроения, отношение к Гражданской войне, многопартийность, общественная активность населения, ситуация со средствами массовой информации и др.), его экономического положения (ситуация в промышленности, сельском хозяйстве, материальное положение населения, голод и др.) и социальных проблем (демографические данные, эпидемии, система образования и общественного призрения, уровень грамотности, преступность, отношение к религии и церкви). Все это рассмотрено под углом зрения воздействия на жизнь простого человека. Автор резонно замечает, что политической истории Урала этого времени «историки уделили значительно больше внимания, чем экономической, а социальная история русской революции в регионе пока не написана» (с. 167). Логично, что он обращает особое внимание именно на дискуссионные и малоизученные аспекты, привлекая для их изучения новые документы. Существенным подспорьем здесь служит хорошее знание дореволюционной фактуры (автор долгое время занимался политической историей начала XX в.), позволяющее сравнивать ситуацию и проводить тонкие параллели. Вообще говоря, книга Нарского наводит на размышления о том, что микроисторик и историк повседневности (в силу ее многогранности, необходимости владения разнообразием методических приемов, тщательности проблемной и хронологической контекстной проработки материала и др.) по определению не может быть «узким» специалистом, а должен стремиться к универсальности. В этом смысле рецензируемая книга высоко поднимает исследовательскую планку.

Взгляд из «опасной близости»

Во второй части монографии Нарский меняет ракурс: из исследовательского «далека», от современного научного знания единиц профессионалов о революционном времени, он переносится в «опасную близость» к нему и приступает к изучению «знания многих – тех обычных, чаще всего безымянных людей, которые непосредственно видели и переживали происходившее; тех, кто жил повседневными заботами, работал, занимался поисками пропитания, отдыхал, радовался и страдал посреди разворачивающейся трагедии» (с. 167). Только пока еще слово предоставлено не самим «маленьким людям», а свидетельствам той эпохи.

Опираясь в основном на газеты уральского региона в купе с мемуарами и архивными документами, автор «реконструирует события и процессы, непосредственно пережитые населением» (с. 25). Эта часть монографии под названием «Великие потрясения» построена по хронологически-проблемному принципу и состоит из следующих глав: «Неизвестная революция: 1917 год глазами обывателя», «Жизнь в калейдоскопе режимов (1918–1919)», «Среди кривых зеркал “военного коммунизма” (середина 1919 – начало 1921)», «В начале нэпа: время надежд и страхов». Оставаясь верным себе, в рамках каждой главы Нарский рисует широкую и противоречивую картину политической, экономической и социальной повседневности на Урале в 1917–1923 гг. При этом от него не ускользают сходства и отличия повседневной жизни в городах, рабочих поселках и сельской местности, среди представителей разных социальных групп, в трудовых отношениях, снабжении, буднях и праздниках в русских и национальных районах, на территориях, занятых «белыми», «красными» и др. Но о какой бы местности и о каком бы периоде ни шла речь, в той или иной степени везде господствует голод, эпидемии, насилие («террор вошел в плоть и кровь уральских будней»; с. 236), неустроенность быта, управленческий хаос, произвол властей, самогоноварение и беспробудное пьянство.

Анализируя складывающуюся картину, Нарский обращает особое внимание на заметную «примитивизацию» быта, скатывание жизни к доиндустриальной «архаике», «привыкание» к смерти. Вместе с тем он не закрывает глаза на то, что повседневность 1917–1922 гг. представляла собой причудливое переплетение «старого» с быстро проникавшими даже в уральскую глубинку приметами «нового», связанного с языком и традициями революции. Другое его сопоставление – с тем, что было известно об этом времени советской историографии: «Реально же условия жизни “маленького человека” в то время были, очевидно, принципиально иными, чем рисовала советская апологетика. Не поддающееся воображению современного человека запустение среды обитания и деградация материальных основ жизни дополнились управленческим хаосом...» (с. 279).

Автор монографии решительно выступает против романтизации революционного времени, настаивая на том, что в глазах народа главным его содержанием являлась катастрофичность

происходящего: «Поэтическая романтизация революции при взгляде на нее из “опасной близости” оборачивается серой прозой все более трудного поиска заработков и пропитания, все менее устроенного быта и все меньшей физической защищенности человека» (с. 385).

Но отчего же тогда письма крестьян полны шокирующей парадоксальностью: «У нас урожай в этом году очень плохой, с голоду будем умирать и скотину нечем кормить. Праздники проводим весело, приезжай домой...» (с. 306). Или: «Живется хорошо, здесь хлеба едят крестьяне не досыта,... среди нас порядку нет... Самогонку варят без отдыха» (с. 406). Не пир ли во время чумы? А быть может, разные представления о счастье, о нормах и ценностях человеческого бытия тогда и сейчас?

“Взгляд изнутри”

Заключительная и, на мой взгляд, наиболее значимая часть книги рассказывает о стратегии выживания населения Урала в условиях катастрофы 1917–1922 гг. – тема ныне не только модная, но и вполне естественно выдвигавшаяся на первый план. Главное слово здесь должно быть предоставлено самому «маленькому человеку», ярко, образно и в деталях повествующему о своей повседневной жизни и перипетиях происходящего.

Наивный абориген революции, «человек из другого времени и иной культуры» (с. 386) не чувствует подвоха маститого профессора из XXI века. Он не предполагает, что повседневность понадобилась историку в качестве «ключа от золотого ларца». С помощью ее изучения автор надеется получить ответы на действительно важнейшие, принципиальные вопросы социальной психологии и общественного сознания революционной эпохи: «Что происходило в головах людей, как накапливался опыт и каково было его содержание, как и в каком направлении работала коллективная память, какие поведенческие коды вырабатывало население и в какие формы воплощало их...» (с. 386).

Автор начинает с того, что уже известно по проблеме выживания. Он справедливо обращает внимание на то, что при классификации способов приспособления населения к экстремальным условиям основное внимание традиционно уделялось экономическим компонентам (производство и распределение материальных ресурсов) и предлагает дополнить их, во-первых, действиями, направленными на обеспечение личной безопасности (методы активного и пассивного приспособления к власти или обороны против нее), во-вторых, техникой самоограничения или сбережения ресурсов, в-третьих, изучением особенностей «идеологического» приспособления.

В соответствии с предположенной классификацией эта часть монографии включает три главы: «В поисках смысла: интерпретация происходящего» («идеологические» техники приспособления, средства предотвращения или снятия психологической угрозы), «Между “сознательностью”, “шкурничеством” и “контрреволюцией”»: техника борьбы за существование» (способы предотвращения физической и материальной опасности) и «Привыкание к бедности: злосточенная культура потребления» (проблема деформации культуры потребления как относительно самостоятельной сферы борьбы за существование).

«Революционная Россия напоминала хаос накануне сотворения мира: твердь не была отделена от хляби, свет – от тьмы. Тому, как современники революции нащупывали ориентиры в объёме распада мире» (с. 391), автор посвящает свое дальнейшее изложение. Он прослеживает, как сквозь череду невзгод и несчастий проступают контуры «образа врага», в чем выражалась в повседневной жизни революционная сознательность, обращается к простонародным истолкованиям событий тех лет, к отношению «рядового человека» к властям. В центре внимания оказывается народная религиозность и суеверия, «алкоголь как эликсир забвения», готовность простых людей участвовать в сотворении мифов, роль слухов (со ссылками на уважаемого, но далекого от российской проблематики Х.-Й. Нойбауэра, но, к сожалению, без упоминания успешно работавшего по этой теме недавно умершего историка советского времени В.В. Кабанова), а также место праздников и ритуалов, попытки власти «нормировать память» населения и др. Общий вывод автора в связи с рассмотрением «идеологических» и «психологических» техник приспособления соответствует одному из эпиграфов к главе – крылатой фразе М. Булгакова о разлуке «не в клозетах, а в головах».

Однако далее, в связи с рассмотрением мотивов поступления на службу, вступления в партию и других сюжетов, выясняется, что разлука в прямом и переносном смысле даже в самые голодные годы царя в головах далеко не у всех. Были среди обычных граждан и проходимцы, и спекулянты, и расчетливые карьеристы, и просто те, кому революция дала единственный шанс «выбиться в люди» («Я теперь и сыт, и пьян, я одет по лучшей моде...»; с. 447). Стратегией выживания «слабейших» стала проституция, нищенство, а также криминальные занятия, в особенности в условиях голода, кражи продуктов и скота.

Рассматривая с разных сторон особенности потребления, автор приходит к выводу, что связываемые с индустриальной культурой «потребительские стандарты города были потеснены крестьянскими, в то время как деревня была отброшена к периоду первобытной дикости, ожившей палеолитические поведенческие установки» (с. 559). И все же, по мнению Нарского, «деформация сельской культуры не вела к ее качественным переменам». Изучение повседневности выживания «изнутри», глазами «рядовых людей» привело автора к логическому убеждению, что «маленький человек являлся не только объектом, но и активным участником и фактически главным действующим лицом исторической трагедии» (там же). Таким образом, оказался подтвержденным современный манифест социальной истории.

Детям до 16-ти.., или пособие для начинающего людоеда

На страницах книги настойчиво проводится утверждение о том, что размеры постигшей население революционной России системной катастрофы «превосходят силу воображения современного человека» (с. 19 и др.)

Нужно сказать, что, поставив перед собой задачу поразить воображение читателя (скажем прямо, уже весьма искушенного нашим весьма непростым временем и «откровенностью» средств массовой информации) ужасами политической, экономической и социальной катастрофы 1917–1922 гг., Нарский успешно справляется с нею. Особенно убедительно выглядят фотографии людоедов вместе с расчлененными частями тел их недоенных жертв, а также детальные описания случаев трупоедения и каннибализма, в том числе поедания родителями своих детей. Волосы встают дыбом и от соответствующих «кулинарных рецептов» (один из шокирующих разделов последней части книги так и называется – «Меню людоеда»). Описания разделки, особенностей приготовления и вкусовых качеств разных частей человеческого тела, а также предпочтительного гарнира к нему вполне могут служить в качестве пособия для начинающего людоеда.

На этом фоне переходящие со страницы на страницу описания употребления в пищу животных, насилия и беззакония, расстрелов, пыток, проституции, беспризорности, повального пьянства, явлений депопуляции и социального разложения, нравственной безысходности и проч., подтверждающие действительно крайне низкую цену человеческой жизни и низшую грань ее падения, выглядят – страшно сказать – едва ли не «буднично». Все это, несомненно, производит впечатление и на самого автора, который «входит в роль» и местами в публицистическом тоне, в стиле современных «ужастиков», например, сообщает: «Впереды были мучительно долгие весна и лето 1922 г., когда многие, пережившие голодную зиму, позавидовали умершим ранее» (с. 366). Детям до 16 лет и людям впечатлительным эти страницы книги читать не рекомендуется.

Вопросы автора к самому себе

Не избежав влияния постмодернизма, Нарский сознается, что его личный опыт тем не менее «подтвердил старую банальную истину: без постановки вопросов нельзя получить ответы, без выдвижения гипотезы и интерпретации материала невозможно обнаружить исторические факты – источники данные остаются россыпью антикварных единиц» (с. 13). Проще говоря, автор монографии предлагает танцевать не от анализа сохранившихся в источниках «кусков повседневности» (как, например, делают микроисторики), а действовать традиционно – от изначально поставленной исследователем проблемы или выдвинутой гипотезы, с которой остается сверять факты и документальные свидетельства, тем самым лишь подтверждая или опровергая ее. В нашем случае Нарский не скрывает: его диагноз уральской повседневности – «системная катастрофа» – представляется ему окончательным.

Говоря о задаче первой части исследования, автор смело использует образный язык. Он предлагает последовать за ним в виртуальный срежиссированный театр прошлого, где «будут обозначены общие границы сцены, эскиз декораций, основные линии сценария, которым вольно или невольно будут следовать герои описываемой драмы» (с. 32). Но не рискует ли читатель оказаться невольным заложником такого «театрального» подхода к истории, где даже жанр драмы заранее указан и с самого начала расставляются акценты (взглянем лишь на определения в названиях глав первой части: «политические катаклизмы», «экономический хаос», «социальное разложение» или на подобранные в качестве камертона исключительно апокалипсические эпиграфы из Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др.)?

В выводах ко второй части книги, предчувствуя неминуемый вопрос, «не выискивал ли автор целенаправленно наиболее мрачные факты, вызывающие гнетущее впечатление, не сгустил ли он краски?» (с. 384), Нарский делает несколько важных замечаний. Акцентируя внимание на субъективности своего исследования («Под пером другого историка, при иной постановке во-

просов, иной бы оказалась и эта история»; с. 385), в чем в принципе нет ничего плохого, он неожиданно сознается, что его книга посвящена не скромным тысячам оптимистов-романтиков революции и «борцов за идею» («белую», «зеленую» или «красную» – все равно), а подавляющему большинству – миллионам пессимистов, «людей, для которых русская революция оказалась внешним и чужим явлением...» (с. 385). Для серьезных исследователей последнее утверждение покажется слишком важным, чтобы быть брошенным мимоходом. Другие спросят: а кто и как их – наивных оптимистов, борцов-романтиков, пассивных созерцателей, пессимистов и проч. – считал, и вспомнят известную шутку о том, что пессимист – это просто хорошо информированный оптимист.

«Источниковый материал на эту тему не пришлось выискивать, препарировать его для сгущения красок было нелегко», – продолжает Нарский. Напротив, «авторские усилия сводились к тому, чтобы упорядочить материал и по возможности воздержаться от пристрастных комментариев» (с. 385). Что же за «источниковый материал» использует автор монографии и нет ли здесь ответа на поставленный им же самим вопрос?

Вопросы к автору: «Источниковые залежи: видимое, но не замечаемое»

Проблему создания источниковой базы своего исследования Нарский называет «центральной и весьма непростой» (с. 27). С этим можно согласиться, поскольку все без исключения исследователи сходятся во мнении: материалы периода революции и Гражданской войны, в том числе запечатлевшие «голос народа», сохранились в основном во фрагментарном виде. Автор добросовестно изучил основные массивы документов в центральных и местных архивах – Вятки, Екатеринбурга, Оренбурга, Перми, Уфы и Челябинска. Наибольшее его внимание, с точки зрения задач изучения революционной повседневности, привлекли два, казалось бы, лежащих на поверхности, но маловостребованных историками комплекса источников – материалы региональной периодической печати и информационные документы спецслужб. Они-то и были положены в основу рецензируемого исследования.

Вне всякого сомнения, даже введение в научный оборот столь информативно ценных источниковых комплексов, сбор и систематизация богатейшего и обширного фактического материала позволяют говорить о книге как о настоящем историографическом событии. Но к столь яркой и неординарной работе, претендующей к тому же на значимые теоретические обобщения, основанные на новой документальной базе, хотелось бы предъявить и взыскательные требования источниковедческого характера.

Думается, Нарский понимает, что главной причиной осторожного отношения коллег к периодике и сводкам ВЧК–ОГПУ является сложность их источниковедческого анализа в связи с частой невозможностью перепроверки данных по другим материалам. Автор признает, что и в его исследовании один из наиболее «трудных» вопросов – достоверность привлекаемых источников.

Верно отмечая, что в принципе даже «самые фантастические слухи или ... фальсифицированные материалы... прессы» могут поведать о многом (но – добавим – для этого сначала надо отделить фальсификацию от правды, ложные слухи от реальных данных), Нарский полагается на предложенный этнологом К. Гиршем метод «плотного описания», когда в центре исследовательского интереса оказываются не только «социальные поступки» людей, но и скрывающиеся за этими поступками культурные формы (с. 29). Однако снимает ли следование методу «плотного описания» необходимость классического источниковедческого анализа с его критическим подходом к источнику?

В книге есть разделы, написанные почти исключительно на материалах газет (в особенности это относится к периоду до середины 1919 г.), с обильным цитированием, но без упоминания, каким образом осуществлялась проверка приводимых в них сведений. Региональная периодика – действительно интереснейший источник, из которого можно многое почерпнуть о красноречивых деталях повседневности в революционную эпоху: чем жило население, как относилось к войне, к революции и местной власти, как работало и проводило свободное время, чем было недовольно и какие требования предъявляло, какие ЧП вызывали общественный резонанс, что ставилось в театрах, где можно было купить и сколько стоили промтовары, продукты питания и т.д. Всеми этими преимуществами газет автор умело пользуется.

Между тем очевидно, что газеты тех лет, как и современные, зачастую отражали реальность в кривом зеркале. Они не были свободны от политических пристрастий издателя, редактора и от необходимости за счет сенсационности и «раздувания пожара» поддерживать тираж. Газеты активно использовались в качестве средства пропаганды и формирования общественного мнения, в том числе с помощью тщательного просеивания публикуемой корреспонденции с мест и интерпретации событий центральной и местной жизни. Известно и то, как много помещалось в них

слухов, непроверенных сообщений и просто заведомых «уток». Конечно, кроме всего прочего, многих исследователей, – но не Нарского, за что надо воздать ему должное, – отпугивает чрезвычайная трудоемкость работы с периодикой. Тем не менее строгий источниковедческий подход к, казалось бы, «не замечаемой» историками прессе представляется по-прежнему актуальным.

Специального разговора заслуживают сводки ВЧК–ГПУ и другие информационные документы спецслужб, обильно представленные в книге и составляющие, по словам автора, «своеобразный стержень источниковой базы исследования за период с лета 1919 до конца 1922 г.». Они характеризуются им как «наиболее надежный (!) и информативный источник для изучения истории повседневности обозначенного периода», особенно в отношении настроений и условий жизни населения (с. 28–29).

Ни в коей мере не умаляя значения этих источников, существенно расширяющих наши знания о прошлом, стоит прислушаться к мнению работавших с ними специалистов – источниковедов и археографов. На самом деле сводки и иные информационно-аналитические документы спецслужб являются весьма специфическим материалом, отразившим в значительной степени «сгущенный негатив» – постоянную нацеленность спецслужб на выявление ЧП, негативных моментов, на разоблачение опасных элементов, на обоснование значимости своей деятельности и проч. И наоборот, в силу первичных функциональных особенностей, они, как правило, оставляют в стороне «норму» и «позитив», в их задачи не входят всестороннее освещение событий и анализ жизнедеятельности, например, всех социальных слоев³. Кроме того, в силу своей бросающейся в глаза детальности, точности, благодаря обилию цитат, региональные сводки создают подчас иллюзию достоверности и доказательности⁴. Применение же к сводкам исключительно метода «плотного описания» может привести к заведомо искаженной картине действительности, причем это относится к материалам спецслужб любого государства и любого периода.

Если учесть, что взгляд «снизу» и «голос» «маленького человека» в революции реконструируются в книге в немалой степени на основании фактически «голосов» газетного редактора и составителя сводок во френче, то становится очевидным, насколько важное значение имеют в такого рода исследованиях не всегда внешне выигрышные, но столь необходимые источниковедческие сюжеты.

Отмеченные недочеты не снижают общего безусловно положительного впечатления о рецензируемой монографии. Возможно, при обращении к зарубежной аудитории (в необходимости перевода труда у меня нет никаких сомнений) автор сочтет возможным прислушаться к навеянным его размышлениям. В целом же книга И.В. Нарского – вне всякого сомнения знаменательное историографическое событие последних лет, свидетельствующее о заметном повышении уровня исторических исследований в России и об уверенном вхождении лучших представителей нового поколения отечественной науки в мировую историческую элиту.

**С.В. Журавлев, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ См., напр.: П а в л о в а И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–56. О ситуации в американской историографии: L y n e Viola. The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union // Russian Review. 2002. Vol. 61. № 1. P. 26–34.

² Среди работ, созданных в данном историческом жанре в последнее время: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997; Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; Stalinism as a way of Life: A Narrative in Documents / Lewis Siegelbaum and Andrei Sokolov, ed. Yale University Press, 2000.

³ См. вводные статьи к осуществляемой Институтом российской истории РАН в содружестве с другими организациями многоотомной фундаментальной публикации документов «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001.

⁴ Об особенностях источниковедческого анализа региональных сводок см.: Журавлев С.В. Документальная история «четвертой российской революции» // Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С. Журавлев и др. М.; Торонто, 1998. С. VI–XXI.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVI–XVII ВЕКА (состав насельников)

Вологодскую землю от южной ее границы до Белозерья писатель А.Н. Муравьев назвал «Русской Фиваидой на Севере» по аналогии с египетской пустыней, где селились когда-то основатели раннехристианского отшельничества¹. Это поэтическое сравнение вполне оправдано. Здесь возникли десятки крупных и мелких монастырей, а протекавшая в них интенсивная духовная жизнь и особый уклад сохранялись в отдельных уголках Вологодчины вплоть до революционных событий 1917 г. В предлагаемой статье речь пойдет о монастырях Северной Фиваиды, располагавшихся к югу от Вологды. В XVI–XVII вв. это территории Комельской и Обнорской волостей, где на сравнительно небольшом пространстве существовало до 10 монастырей и пустыней. История монастырей региона к югу от Вологды практически неизвестна. Наиболее подробные сведения о них содержатся в работах местных краеведов XIX – начала XX в. А. Воскресенского, Н.И. Суворова, А.К. Лебедева, Р. Чевского и др. Однако они носят описательный характер, поскольку краеведы делали акцент на современном им состоянии обитателей и не затрагивали социально-экономические аспекты, организацию хозяйства и внутреннюю жизнь монастырей².

Первые монастыри в южной части Вологодского уезда появились уже в конце XIV – начале XV в. Это Спасо-Преображенский Нуромский (1387 г.) и Троицкий Павлов Обнорский (1414 г.), основанные учениками Сергия Радонежского. В XV–XVI вв. возникли Спасо-Преображенский Иннокентиев (1480-е гг.), Введенский Корнильево-Комельский (1497 г.), Николо-Озерский (1528–1530 гг.), Арсеньев-Комельский (1528–1530 гг.) монастыри, а также Коптево-Сретенская Николаевская (1481 г.), Комело-Перцова (1499 г.), Шилегодская Александро-Коровина (1529–1530 гг.) и Иоанно-Богословская Кохтыжская (XVI в.) пустыни. В XVI в. небольшие Перцова и Коптева пустыни перешли во владение Корнильево-Комельского, а Александро-Коровина в XVII в. – Арсеньев-Комельского монастырей.

Каждый из монастырей южной части Вологодского уезда представлял собой единое культурно-хозяйственное целое, но они различались как по уровню экономического развития, так и по своей религиозной и культурной значимости. Сравнительно крупными из них можно считать Павлов Обнорский и Корнильево-Комельский. Они входили в общероссийскую иерархию, а их настоятели ставили свои подписи под важнейшими государственными постановлениями – решениями соборов 1580 г. об ограничении земельных пожалований Церкви, осуждении патриарха Никона 1660 г., Соборным Уложением 1649 г. и др. Принадлежащие им вотчины располагались не только в Вологодском уезде, но и за его пределами. Так, во владении Павлова Обнорского монастыря в 1678 г. находились 9 сел и 122 деревни в Вологодском, Пошехонском, Ярославском и Костромском уездах с 702 крестьянскими дворами. Вотчина Корнильево-Комельского монастыря в эти годы была одной из самых крупных в Вологодском уезде. Она включала в себя 9 сел с деревнями, расположенными в Вологодском, Пошехонском и Переяславском уездах с 769 крестьянскими дворами³.

Николо-Озерский, Спасо-Нуромский, Иннокентьево-Комельский и Арсеньев-Комельский монастыри не были степенными, а среди вологодских обителей занимали, соответственно, 6, 7, 17 и 19 места⁴. Владения Николо-Озерского монастыря, к 1678 г. включавшие в себя 383 крестьянских двора, располагались в Вологодском уезде – в Комельской и Лоскомской волостях и частично – в Пошехонском уезде, в то время как небольшие в 122, 108 и 39 дворов вотчины Иннокентьева, Нуромского и Арсеньева – находились в непосредственной близости от самих монастырей.

* Шамина Ирина Николаевна, аспирантка Института российской истории РАН.

Различия в экономическом положении монастырей оказали влияние на организацию их хозяйств, внутреннее устройство и на структуру штатов. В статье предполагается на примере перечисленных обителей показать, кто жил в монастырях северной России в XVI – XVII в., во времена, предшествующие началу реформ Петра I и введению монастырских штатов, а также каковы были основные обязанности и социальное положение монастырских насельников.

Вопрос о населении монастырей – один из наименее изученных в историографии. В дореволюционный период ему уделяли внимание Н.К. Никольский и М.М. Богословский, показавшие, как управлялся монастырь и отправлялось богослужение, что представлял собой монастырь как особый тип поселения, а также проанализировавшие различные стороны его хозяйственной деятельности и др.⁵ А.А. Савич в 1920-е гг. показал устройство вотчины Соловецкого монастыря, назвав и его насельников⁶. Б.Д. Греков подробно разобрал структуру управления Новгородского дома Святой Софии и организацию крупной церковной вотчины. Ученый выявил круг лиц, управлявших хозяйством (казначей, конюшенный старец, коровник, чашник и др.), определил, что входило в их обязанности. З.А. Огризко очень обстоятельно рассмотрела категорию монастырских слуг на примере Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, выяснила их происхождение, круг обязанностей, систему вознаграждения за службу и т.д. Большой вклад в изучение вопроса об организации монастырского хозяйства внес М.Н. Тихомиров. В своем очерке об Иосифо-Волоколамском монастыре он описал обязанности некоторых категорий монастырских работников, определил размеры их жалованья⁷. В работе И.К. Смолича, увидевшей свет в 1952 г. и переработанной в 1997 г. на русский язык, наряду с другими вопросами уделяется внимание и штатам монастырей XVI–XVII вв. В целом же его труд, охватывая широкий спектр вопросов по истории русского монашества, является, однако, достаточно поверхностным, а многие выводы требуют проверки⁸. Составу монашеской братии Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVIII в. посвящена статья С.В. Николаевой⁹.

Сохранившиеся источники содержат в основном сведения о лицах, занимавших должности игумена, келаря, казначея, а также о некоторых соборных старцах. Кроме того, большинство из них ограничивается лишь упоминанием монашеского имени, что затрудняет определение социального происхождения человека. Основными документами о населении монастырей являются описи монастырского имущества середины XVII – начала XVIII в. Их составляли при передаче монастырей в ведение новых настоятелей или отдельных монастырских служб новым ответственным за них лицам – келарю, казначею, посельским старцам или приказчикам. В описях, наряду с описанием внешнего облика монастырей, храмов, ризницы, библиотеки, хозяйственных служб и др., содержатся сведения о составе братии и монастырских работниках. При работе над статьей использовались описи имущества XVII в.: Корнильево-Комельского – 1656, 1657, 1659, 1661 гг. и Павлова Обнорского монастырей – 1654, 1683 и 1687 гг.¹⁰ В качестве дополнительной информации привлекались также отдельные описи начала XVIII в. – переписная книга Павлова Обнорского 1702 г. и опись имущества Николо-Озерского 1702 г. монастырей¹¹.

Об обязанностях представителей монастырской администрации, а также рядовых монахов, слуг, детенышей, участвовавших в монастырских хозяйственных делах, позволяють судить приходо-расходные книги. Опубликованы и неоднократно вовлекались в научный оборот расходная книга Павлова Обнорского монастыря 1568 г. и приходо-расходная книга Корнильево-Комельского монастыря 1576/1577 гг.¹² Представляют интерес недавно выявленные приходо-расходные книги Павлова Обнорского 1694 г. и Корнильево-Комельского 1703 г. монастырей. В них названы имена священников и некоторых монастырских работников (в приходо-расходной книге Павлова Обнорского монастыря 1694 г. – всех), а также указаны их месячный и годовой оклады¹³.

Пожалуй, уникальным источником для характеристики повседневной жизни монастырей и выявления монастырских насельников является хранящаяся в Государственном архиве Вологодской обл. вкладная книга Арсеньев-Комельского монастыря. Источник содержит записи о вкладах (всего их 673), поступивших в монастырь на протяжении второй половины XVI–XVIII в. Записи включают в себя, как правило, дату поступления вклада (часто неполную), имя вкладчика (если речь шла о крепостных крестьянах, то фиксировались и имена их владельцев), место жительства, описание вклада. Часть вкладных записей XVI – первой половины XVII в. обозначает цели вкладов и называет монашеские имена вновь постригшихся людей. В отдельных случаях указаны имена игуменов, в период настоятельства которых поступил вклад¹⁴. Сохранившиеся источники по составу населения монастырей Обнорской и Комельской волостей в XVI–XVII вв. позволяют выяснить разные аспекты поставленной задачи. Однако их объем не дает возможности в полной мере описать состав населения всех монастырей региона, поэтому в ряде случаев я ограничусь лишь характеристикой сравнительно крупных обителей.

Русские монастыри были не только вотчинными, но и духовными центрами. На основании вкладной книги Арсеньев-Комельского монастыря можно проследить, кто и каким образом становился иноком в XVI–XVII вв. Информация о вкладах на пострижение содержится только в записях с 1553 по 1656 гг. (около 25% всех вкладных записей, сделанных в эти годы). За пострижение необходимо было внести сумму, которая составляла в среднем 5 руб. Вкладчик не всегда мог отдать ее целиком. В таком случае ему предлагалось принести свою одежду или отработать в монастыре необходимое время. Чаще всего, приняв от человека небольшой вклад, монастырские власти отмечали «а постричься ему в своем платье». Строгих требований к одежде, по крайней мере в Арсеньев-Комельском монастыре, не существовало. В 1650 г. «дал вкладу Лоскомские волости деревни Окатова Прокопия Воронова крестьянин Борис Панкратьев пять рублей, да как придет в монастырь и ему принести шуба нова, да кавтан сермяжной нов, да штаны сермяжные серы, да онучи, да рукавицы». Только крупные вклады давали людям право получить «платье казенное». В 1629 г. «дал вкладом Еремеев крестьянин Скорбиева Фома Кондратьев мерина бура за пять рублей, да того ж дни и постригся. А платье ему дано монастырское, шуба братцкая, да матеица болшая, да свиска, да клобук, да матеица малая, да снуженка»¹⁵.

Наиболее крупным по числу постриженников был Павлов Обнорский монастырь. В XVII в. в его стенах жили от 47 (в 1683 г.) до 60 (в 1687 г.) монахов. По описи монастырского имущества 1654 г., в монастыре было 27 монашеских келий, в которых жили 59 человек. Следовательно, одну келью могли занимать 2–3 человека. Вторым по численности иноков был Корнильево-Комельский монастырь, где в XVII в. их проживало от 45 до 54. Прямых сведений о численности монахов в других монастырях региона нет. В сотных грамотах и выписях из писцовых книг 1620–1630 г., выданных властям, указано количество монашеских келий. Так, в Николо-Озерском монастыре их было 10, и в них могли жить 20–25 человек; в Спасо-Нуромском – 7 (около 15 человек); в Арсеньев-Комельском – 5 (10–12 человек); в Иннокентьево-Комельском – 4 (до 10 монахов)¹⁶.

К сожалению, данные источников о социальном происхождении монахов за XVI–XVII вв. фрагментарны. Жития святых об основателях изучаемых монастырей говорят, что они были в основном «благородного» происхождения. Преподобный Корнилий Комельский вышел из рода ростовских бояр Крюковых, Арсений Комельский принадлежал к знатному московскому роду бояр Сахарусовых, Стефан Комельский был незаконнорожденным сыном княгини Софьи Бородатой из рода Ярославских князей. Павел Обнорский «родился от благородных и благочестивоу родителей»¹⁷. Сергей Нуромский, по мнению И.У. Будовница, был человеком достаточно богатым, поскольку пришел к Сергию Радонежскому с Афона, что, безусловно, было сопряжено с большими расходами¹⁸.

Монахами же в изучаемых монастырях становились чаще всего люди незнатные и небогатые. Так, из вкладной книги Арсеньев-Комельского монастыря видим, что из 61 человека, внесшего вклады на пострижение в течение второй половины XVI – первой половины XVII в., 28 были крестьянами и бобылями, 11 – горожанами, преимущественно из г. Вологды, 7 – священниками, в том числе и овдовевшими попами, 2 – слугами местных помещиков и 1 – помещиком. Социальное происхождение остальных вкладчиков, ставших монахами, неизвестно¹⁹. Еще одну возможность для определения социального положения монахов дает переписная книга Павлова Обнорского монастыря 1702 г. Большинство братии в это время составляли выходцы из крестьянской среды (41 человек из 60), 5 человек до пострижения были священниками или детьми священников, 4 – служками и служебниками. Названы также ямщики, соколий помытчик, помещик (Азарий Остолопов), посадский человек, слуги помещиков. О настоятеле монастыря в эти годы архимандрите Сергии сказано, что он «родом вологжанин попов сын, пострижен в Прилуцком монастыре»²⁰. Как видим, по крайней мере в XVII в., на основе имеющихся далеко не полных данных, можно полагать, что насельники рассматриваемых монастырей происходили преимущественно из местных крестьян, посадских людей, монастырских слуг. Доля феодалов, даже средних и мелких, была крайне незначительна. Аналогичную картину в Троице-Сергиевом монастыре в первой четверти XVIII в. отметила С.В. Николаева²¹. Имена некоторых монахов сопровождалось прозвищами географического характера, что позволяет определить их региональную принадлежность. Так, в Павлове Обнорском и Корнильево-Комельском монастырях в разные годы жили уроженцы Костромы, Пскова, Новгорода, Нижнего Новгорода, Смоленска, Рязани и др.

По форме подвижничества монахи разделялись на три степени: рясофорные, куда постригались прошедшие послушание лица, монахи малой схимы (слово схима означает внешнее смирение, внутреннее душевное покаяние) и, наконец, монахи великой схимы, дававшие обеты проводить свою жизнь в особенно строгом посте и непрерывной молитве²². К сожалению, имеющиеся источники не позволяют в полной мере выявить в среде братии изучаемых монастырей степени монашества. Лишь синодик Корнильево-Комельского монастыря, составленный не ранее 1652 г.

и перечисляющий всех постриженников обители с момента ее основания, разделяет их на иноков и иноков схимников. Всего в синодике названы имена 772 человек. Из них 135 (около 17.5%) записаны как схимники²³.

Все рассматриваемые монастыри были в XVI–XVII вв. мужскими. Однако в них могли жить и женщины. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые записи во вкладной книге Арсеньево-Комельского монастыря. Например, «189 октября в 30 день дал вкладом Иван Кузмин сын Скорбиев за мать свою старицу Анастасию божие милосердие восемь икон... а за тот ево Иванов вклад давать ей старице по две четверти ржи, да по две овса, да по осмине солоду, да по сажени дров не полененых, да в том ей и вкладная дана по ей смерть»²⁴. Речь идет о назначении «кормов» монахине, безусловно, жившей в Арсеньево-Комельском монастыре. Такого рода случаи не были исключением. Так, в синодике Корнильево-Комельского монастыря названы имена 14 монахинь, живших здесь в разные годы²⁵.

Чтобы вести хозяйство, монастырю требовался большой управленческий персонал. Возглавлял монастырь настоятель. Им мог быть архимандрит, игумен, строитель (иеромонах, иеродьякон) или просто черный священник. Большинство монастырей южной части Вологодского уезда в XVI–XVII вв. возглавляли игумены. В Павлове Обнорском и Корнильево-Комельском монастырях игуменство установилось уже в первые годы их существования. Так, митрополит Фотий в 1420 г. вместе с грамотой на возведение церкви, выданной Павлу Обнорскому, поставил игуменом нового монастыря Алексия, ученика преподобного Сергия Нуромского²⁶. Преподобный Корнилий Комельский был поставлен митрополитом Симоном в 1501 г. в попы монастырской церкви Введения Пречистой богородицы, а также «в четцы и в подьяконы и в диаконы», однако уже в 1530 г. имел статус игумена²⁷. Интересно, что настоятель Корнильево-Комельского монастыря Исаак в грамоте 1563 г. в одном случае назван строителем, в другом игуменом. Видимо, эти понятия в те годы четко не различались. Во вкладной грамоте 1638 г. в монастыре упоминаются одновременно игумен Пимен и строитель Иев Белянцын²⁸. Возможно, строители могли назначать при старом игумене в том случае, если он уже не мог самостоятельно выполнять свои функции.

Строители были настоятелями, как правило, в небольших монастырях и пустынях. Поскольку положение строителя по рангу было ниже, чем игуменское, то, по мнению А.В. Камкина, игуменам как старшим поручался надзор и опека над соседними мелкими пустынями²⁹. Такого рода подчинение видим на примере Арсеньево-Комельского монастыря и Шилегодской Александро-Коровиной пустыни. Александрову пустынь, так же как и Арсеньев монастырь, основал в 1529–1530 гг. преподобный Арсений Комельский, изгнанный из Комельской волости крестьянами. С тех пор пустынь находилась в полной зависимости от Арсеньево-Комельского монастыря, оттуда же в нее направляли строителей. По имени одного из них в первой половине XVII в. за пустыней утвердилось название Александро-Коровина³⁰. В 1656 г. ее официально приписали к Арсеньево-Комельскому монастырю. Строительское настоятельство отмечено в отдельные годы в Коптевой и Перцово-Пустынях, находившихся в зависимости от Корнильево-Комельского монастыря, а также в Спасо-Нуромском монастыре.

Иоанно-Богословская Кохтыжская пустынь, которую когда-то возглавлял игумен, сильно пострадала в годы Смуты; «И как де были на Вологде полские и литовские люди и от тех лет та пустынка запустела и церковка ветхи...» Ее настоятелем стал черный поп. К 1649 г. пустынь совсем обезлюдела. В церкви Иоанна Богослова служил белый священник, а при ней жили 3 бобыля. В связи с этим некий богомолец бил челом Алексею Михайловичу с тем, чтобы он содействовал устройству в заброшенную пустынь черного попа³¹.

В конце XVII в. в крупных Павлове Обнорском и Корнильево-Комельском монастырях настоятелями стали архимандриты. В Корнильево-Комельском на эту должность в 1693 г. был назначен игумен Климент. Архимандритом Павлова монастыря по челобитью «вологжан вкладчиков всяких чинов людей, и того монастыря братии, служек и служебников и вотчинных крестьян духовного чину и мирского» в 1694 г. стал переведенный из Вологодского Сямского Рождественского монастыря игумен Сергей. Свою просьбу челобитчики мотивировали тем, что «во иных монастырех, кои и ниже того Павлова монастыря по степеням, а иных монастырей в степени и не написано и построены вновь, и в тех монастырях архимандриты с шапками». В царской грамоте установлены и правила, соблюдать которые обязан был архимандрит: «Носити мандии простомонашеския, и во олтарь царскими враты без фелоня и епитрахили не входить... ниже при первом входе на литургии кадити, ниже осеняти народ, ниже святое во олтарь гласно пети...»³².

Настоятели монастырей по уставу избирались братией³³. При выборе кандидата учитывались его происхождение, личные заслуги, образование и т.д. Часто настоятель был выходцем из другого монастыря. Подобно Сямскому игумену Сергию, из Вологодского Духова монастыря в

Корнильево-Комельский в 1685 г. был переведен игумен Авраамий. П. Строев зафиксировал несколько случаев, когда настоятелей изучаемых монастырей переводили в другие обители. В 1577 г. в Антониево-Сийский монастырь был переведен игумен Николо-Озерского монастыря Питирим. В трех случаях настоятелей отправляли в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь – в 1632 г. игумена Арсеньев-Комельского монастыря Антония, в 1644 г. Николо-Озерского игумена Феодосия, 5 октября 1679 г. Павловского игумена Иосифа Андреевского³⁴. Настоятель Павлова Обнорского монастыря игумен Никон в 1502 г. стал Коломенским епископом. Однако его пребывание на епископской кафедре продолжалось лишь полтора года. По мнению А.Б. Мазурова, это объясняется позицией Никона на соборах начала XVI в., ознаменовавшихся победой сторонников Иосифа Волоцкого. Будучи по своим взглядам «нестяжателем», он сложил с себя епископию и удалился в Кирилло-Белозерский монастырь, поддерживавший в те годы позицию Нила Сорского³⁵.

Главная обязанность настоятеля состояла в управлении всей монастырской собственностью – землей, строениями, и людьми – монахами, слугами, монастырскими работниками, крестьянами. Без участия и подписи игуменов не совершалась ни одна земельная сделка. Настоятели монастырей стремились получить от властей иммунитет на свои владения, в частности право самостоятельно вершить суд. Так, игумен Павлова Обнорского монастыря в 1546 г. добился права судить своих крестьян, не прибегая к вмешательству волостных и уездных властей. Князьям, боярам, воеводам, а также всяким «ездокам незванным» грамота запрещала собирать «корм» с монастырских крестьян и вообще вмешиваться в жизнь вотчины³⁶.

Многие игумены, судя по сохранившимся документам, делали в монастыри личные вклады, занимались их благоустройством. Во вкладной книге Арсеньев-Комельского монастыря записаны 6 игуменских вкладов. В 1600 г. игумен Дионисий дал в монастырь Евангелие, псалтырь, постригальник и другие книги, а также 5 четей ржаной муки; игумен Иоасаф в 1652 г. купил Евангелие, колокол и дал 4 руб. в царские двери. При игумене Арсеньев-Комельского монастыря Сергии в 1630-е гг. монастырские власти собирали средства на приобретение колокола Благовеста. В 1654–1655 гг. игумен Иоасаф начал строительство нового каменного храма во имя Пречистой Богородицы. В 1682 г. игумен Иона Кочев «дал в церковь Пресвятые Богородицы на церковное строение за письмо праотцев и пророков своих келейных денег восемь рублей, да он же ... дал на позолоту креста осеняльного серебряного три рубли десять алтын с полугривною, да он же игумен дал сорок алтын, да свечи, да крест золотил дал за работу пятнадцать алтын»³⁷.

Отмечены случаи, когда игумены лично занимались переписыванием и обновлением книг в библиотеках. По сообщению М.В. Кукушкиной, книга «Беседы Иоанна Златоуста» 1592 г., попавшая в качестве вклада во Владимирский Рождественский монастырь в 1617 г., содержит запись: «Писана... з добрых переводов честных монастырей Заволжских Павловского и с перевода преподобного отца нашего святого старца Корнилия Комельского чудотворца, а перевод его руки; а правлена на Москве»³⁸. Игумен Арсеньев-Комельского монастыря Антоний «переплетал евангелие старое манастырское тетро в поддести да Апостол: починивал и переплетал, да святцы церковные, да кануник на Рождество Христово и на Крещение, да Триодь Постную преплетал все снова и починивал»³⁹. Стараниями игумена Павлова Обнорского монастыря Протасия (1538–1546 гг.) было составлено житие преподобного Павла Обнорского. Протасий собрал все известные к тому времени сведения об основателе обители, сохранившиеся преимущественно в устных рассказах, которые, по мнению В.О. Ключевского, существовали наряду с различными текстами о жизни святого еще до появления его труда⁴⁰. Помимо биографических сведений, в житие, составленное Протасием, попали 25 чудес⁴¹. Труд игумена рассматривался московским собором русских архипастырей в 1547 г. и был признан достоверным. Это послужило основанием для канонизации Павла Обнорского.

Архимандриты Павлова Обнорского и Корнильево-Комельского монастырей ездили в Вологду на большие церковные праздники – Рождество, Светлое Христово Воскресение, Успение и др. Перед тем, как прийти на архиерейский двор, настоятели вместе с сопровождавшими их представителями монастырской администрации или слугами покупали дары для подношения преосвященному архиепископу⁴². Приходо-расходная книга показывает также, что на протяжении 1694 г. архимандрит Сергей даже не в праздничные дни (сам или через своих служек) подносил Вологодскому архиерею деньги и рыбу. Причиной столь особо обходительного отношения архимандрита Павлова Обнорского к властям было судебное дело об избиении монастырскими крестьянами и слугами приказных людей архиепископа и костромича Кирилла Андреева сына Писемского. Подношения в данном случае делались для того, чтобы архиепископ «пожаловал заступил в деле с Кириллом Писемским», а стольник Петр Григорьев Львов «не торопил с пошлинами»⁴³.

О причинах прекращения настоятельства источники полной информации не предоставляют. Некоторые старцы могли занимать это место по несколько раз. По наблюдению С.М. Каштанов

ва, игумен Павлова Обнорского монастыря Антоний занимал свой пост в 1559/60–1563/64 гг. В 1566 г. игуменом был Макарий, а в 1567/68 гг. Паисий⁴⁴. Однако в приходо-расходной книге монастыря за 1568–1569 гг. вновь появляется имя Антония как игумена⁴⁵, что может свидетельствовать о том, что в эти годы он занимал пост вторично. Не исключено также, что игуменом в период составления приходно-расходной книги стал другой монах с именем Антоний. Игумены могли закончить свое настоятельство не только переводом в другие монастыри и возвращением в число рядовой братии. Так, игумена Корнильево-Комельского монастыря Макария в 1610 г. сослали в тюрьму на Соловки, откуда 31 марта 1613 г. перевели в Ферапонтов монастырь⁴⁶. Еще более красноречив документ об изгнании в 1682 г. игумена Николо-Озерского монастыря Иоасафа. Он бил челом архиепископу Симону о том, что монахи и представители крестьян «пришли ко мне, богомольцу твоему, в келью и брали меня, и безчестили, и от игуменства мне без твоего святительского указу неведомо для чего и за какую вину отказали, и старцом меня называли, и посох у меня просили с насильем»⁴⁷. Источник не говорит, за что так прогневались на своего игумена братия и крестьяне. Однако игумен Иоасаф продолжал занимать свое место и в 1683–1684 гг.⁴⁸ Причины недовольства и изгнания из монастырей настоятелей были разными. Так, игумен Спасо-Нуромского монастыря писал, по словам келаря Ионы и братии в челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу в 1646 г., на крестьян подложные кабалы и грозился поджечь монастырь⁴⁹. Причиной недовольства могли быть также пьянство, растрата монастырской казны или даже блудные дела.

Информацию о должностных лицах монастырей выясняем преимущественно из источников по Павлову Обнорскому, Корнильево-Комельскому и Николо-Озерскому монастырях. Структура их штатов была приблизительно сходной. Единичные упоминания о должностях монахов встречаются и в документах других обителей, однако документы Иннокентьево-Комельского, Арсеньево-Комельского и Спасо-Нуромского монастырей не позволяют полностью ее охарактеризовать. Далее пойдет речь преимущественно об относительно крупных Павлове Обнорском, Корнильево-Комельском монастырях, по которым в составе описей имущества сохранились списки проживавших в них людей.

Ближайшими сотрудниками настоятеля были келарь и казначей. Эти посты существовали во всех монастырях рассматриваемого региона. Келаря, как и настоятеля, выбирала монастырская братия. Он управлял монастырским хозяйством, в том числе и земельными владениями, поэтому его положение было особенно ответственным. Если тот или иной монастырь имел приписные пустыни, то келарь главного монастыря был лицом, которому они подчинялись административно и судебно. В документах по крайней мере XVI в. имя келаря писали рядом с игуменским, а в поземельных актах он, как правило, ставил свою подпись. Вкладная книга Арсеньево-Комельского монастыря, составителями которой были келари, позволяет выяснить, как долго тот или иной старец занимал эту должность. На протяжении второй половины XVI–XVII вв. записи в книге делали десятки людей, что прослеживается по чередованию различных почерков (их удалось выделить визуально на основе элементарных внешних признаков – написания отдельных букв, угла их наклона, расположения строк на листе и др.: всего зафиксировано около 50 почерков). Это говорит прежде всего о том, что перед нами подлинник, который составлялся на протяжении всего рассматриваемого периода. Из наблюдений за частотой смены почерков следует, что келари занимали эту должность от 2 до 3, реже – до 5–8 лет.

Келари участвовали в монастырской торговле, в судебных разбирательствах, касавшихся имущества монастыря. Некоторых келарей, как и игуменов, приглашали в Вологду на различные праздники. Помощниками келарей в монастырях были монахи-подкеларники. По описи Корнильево-Комельского монастыря 1657 г., в ведении подкеларника находились иконы и посуда: «Сутки чудотворца Корнилия древяные, росолничек, да оловеничек, да перешейчек, ... 4 росолника древяных, 5 солоник оловянных белых ветхи гораздо, 10 блюдов оловянных больших и малых» и др.⁵⁰ Как видим, подкеларники заведовали в стенах монастырей отдельными отраслями хозяйства. И.К. Смолич считает, что они могли также вместе с посельскими старцами и приказчиками управлять монастырскими владениями⁵¹.

Ближайшим сотрудником келаря был казначей, также избираемый монастырской братией «ведати приход и росход деньгам и платью». Казначей заведовали и распоряжались всей монастырской казной, составляли приходо-расходные книги. Они занимали должность не менее 2 лет. Об этом, в частности, свидетельствует запись в приходо-расходной книге Корнильево-Комельского монастыря 1576/77 гг.: игумен, келарь и братия дали «казначею Исаие в приход денег 90 рублей». Вероятно, ранее этими деньгами он не распоряжался. По истечении года казначей Исайя «остальные деньги в 85 году отдал в приход в 86 году тому ж казначею старцу Исаие»⁵².

Казначей также активно участвовали в монастырской торговле. Иногда они специально выезжали в Вологду или другие города на ярмарки для крупных монастырских покупок. Казначей же, распоряжаясь монастырской казной, выдавал деньги – «зажилое» священникам, монастырским слугам и работникам. Иногда обязанности казначея тесно переплетались с обязанностями келаря. Так, казначей Исайя в 1577 г. брал с крестьян деньги «за выход» (т.е. «зажилое»), по кабалам и собирал оброк, в то время как келарь также «взял у христиан на пустошных травах», по сути дела тот же оброк⁵³. В подчинении у казначея находился «казенной службы подъячий», который, судя по всему, был и помощником келаря. Например, подъячий казенной службы Павлова Обнорского монастыря Иван Ефремов неоднократно ездил с келарем в Москву⁵⁴. Видимо, в этом и заключалась одна из главных его обязанностей.

Келарь и казначей входили в состав монастырского собора, игравшего важную роль в управлении монастырем. Наиболее ранняя информация о соборных старцах содержится в житии Корнилия Комельского: «... Посих же призывает весь лик своея ограды ученик своих, и избра от них дванадесять и тем вручает монастырское строение и с ними всей братии»⁵⁵. По мнению А.А. Савича, это была своего рода монастырская аристократия. У некоторых же из них, особенно пожилых, вопреки господствовавшим в монастырях общежительным уставам, могло быть отдельное хозяйство и крупные суммы денег⁵⁶. Соборные старцы участвовали в принятии важнейших постановлений. Полагаю, что формулировка «по приговору братцкому» игумен принял решение» предполагает в первую очередь участие соборных старцев. И.К. Смолич отмечает, что собор монастырских старцев в вопросах дисциплины имел почти такие же права, как и настоятель, он мог делать замечания и даже выговоры настоятелю⁵⁷. Дело доходило и до прямых угроз и даже лишения настоятеля и других административных служителей своего места. Так, соборные старцы Спасо-Нуромского монастыря жаловались архиепископу, что казначей Иоасаф управляет имуществом монастыря «без братцкого совета», что послужило началом судебного разбирательства⁵⁸. В изгнании же игумена из Николо-Озерского монастыря в 1682 г. участвовал лишь один соборный старец. Тот факт, что игумен Иоасаф все же остался на своем месте, может свидетельствовать о том, что остальные члены монастырского собора высказались против его отставки. Число соборных старцев известно лишь в Корнильево-Комельском монастыре – 12 человек. Такую же цифру, вероятно, символизирующую число апостолов Иисуса Христа, называют и другие исследователи⁵⁹.

Были определенные обязанности и у монахов, не входивших в состав собора. Некоторые постриженники в ранге иеромонахов или иеродьяконов были священниками в монастырских церквях. Особенно это было характерно для Корнильево-Комельского монастыря, где практически все церковные должности в XVI–XVII вв. занимали монахи. Ведущее место среди них принадлежало уставщику, или эклессиарху. Им был, как правило, пожилой и наиболее опытный старец, хорошо знающий типикон (монастырский устав). Он отвечал за уставное совершение церковных служб. В некоторых вопросах, касающихся прежде всего церкви и ее внутреннего убранства, уставщик занимал положение более высокое, чем, например, казначей или келарь. Помощниками уставщика были головщики, канонархи (конархисты), псаломщики, пономари, «синодишники» (старцы, читающие во время службы синодик). В XVI в. канонархи, псаломщики и пономари назывались крылошанами (клирошанами), т.е. стоящими и поющими на клиросе. В штате Николо-Озерского монастыря упоминаются дьякон и синодишник, Спасо-Нуромского и Арсеньево-Комельского – черные попы. К концу XVII – началу XVIII в. должности монастырских священников все чаще стали занимать люди, не имеющие монашеского сана.

В монастырях обязательно был большой штат так называемых служебных монахов, надзиравших за различными отраслями и службами монастырского хозяйства. В зависимости от размеров монастыря и общего количества братии их число и круг обязанностей различались. В Павлове Обнорском, Корнильево-Комельском и Николо-Озерском монастырях упоминается конюшенный старец. Он, безусловно, играл в монастыре важную роль, поскольку в списках насельников, содержащих в описях имущества, записывался сразу же после казначея. Главная его задача состояла в заботе о монастырских конюшнях, при которых часто располагалась особая конюшенная «казна» с упряжью, а также составление особых книг, куда он тщательным образом записывал всех монастырских лошадей. Конюшенные старцы следили не только за конюшнями, но и за другими службами, где использовались лошади, – за пожнями, дорогами и т.д.⁶⁰ Конюшенный старец в Корнильево-Комельском монастыре собирал пошлины от торговли лошадьми на ярмарке в селе Грязивицы (это право монастырь получил в 1677 г.)⁶¹, в Павлове Обнорском монастыре сопровождал настоятелей в дальних поездках. Подчинялись конюшему старцу конюхи, ясельничие, сторожа, которые были чаще всего из числа монастырских слуг или наемных работников.

Следующим в списке монахов в описях Корнильево-Комельского и Павлова Обнорского монастырей стоял житенной старец, или житник. На этот пост, по наблюдению Б.Д. Грекова, назначались монахи не менее грамотные и образованные, чем казначей⁶². Главной обязанностью житника был прием от крестьян хлеба в снопах, а также ведение учета прихода и расхода хлеба из житницы. Он же давал хлеб в качестве жалования монастырским слугам и служебникам. В ведении житника находились также мельницы. Они могли выполнять и другие функции. Например, житник Корнильево-Комельского монастыря Антоний вместе с целовальником Иваном Епифановым в 1703 г. приносил в монастырскую казну таможенные сборы⁶³.

После житника в списке стоял чашник, или погребной старец. Он следил за состоянием погребного двора и количеством поступающего в него хлеба, а также заведовал напитками, производившимися и хранившимися в монастыре. В Павлове Обнорском монастыре в 1654 г. у чашника «на квасной поварне четыре сковородки белых, три сковородки починиванных белые ж, два горшечка медных с кровлем, ставик масляной белои послужен, свешник масляной медяной, другон железной, дюжина стаканов оловянных... два пистика... ситцо с венчиком, что перец сеют ветхой...», перечислены другая разнообразная посуда и инвентарь, в том числе косы, плуги, топоры, ужища (веревки) и др.⁶⁴ Чашник из данного описания представляется своего рода кладовщиком, обеспечивающим всем необходимым монастырскую трапезу.

Одной из обязательных фигур в монастыре был хлебодар, или хлебенный старец. Он надзирал за всем, что делалось в монастырской хлебне, и, как и житник, следил за мельницами. Под начальством хлебодаря работали служки – хлебники, помесы, мукосеи и др. В крупных Корнильево-Комельском и Павлове Обнорском монастырях были поварни, где несли послушание поваренные старцы. Их служба, как утверждал Б.Д. Греков, была независима от хлебодаря и существовала отдельно от хлебни⁶⁵.

При монастырских мельницах жили мельничные старцы. Здесь же часто располагались помещения для изготовления солода, где служили солодежные старцы. В монастырях же были огороды, которыми заведовали огородники и польщики. Причем иногда по распоряжению властей огородники сами продавали выращенный урожай. Огородник Корнильево-Комельского монастыря старец Куприян в 1577 г. продавал репу. Видимо, он был также иконописцем, так как по приказу игумена и уставщика получил «за иконное дело» 2 руб.⁶⁶ Должности житника, чашника, хлебодаря, поваренного старца и польщика отмечены также в Николо-Озерском монастыре.

Большинство в монастырях составляли рядовые монахи, не имеющие должностей. Например, в Павлове Обнорском монастыре в 1687 г. из 60 постриженников их было 52. Несмотря на отсутствие определенных обязанностей, рядовые монахи выполняли различные послушания по приказу и благословию игумена, келаря, казначея или соборных старцев. Так, например, инок Корнильева монастыря Артемий в 1536 г. переписывал постнические правила Василия Великого⁶⁷, а инок того же монастыря Нафанаил составил житие преподобного Корнилия Комельского. Об этом свидетельствует запись, сохранившаяся в некоторых его списках: «В лето 7097 мая в 22 день при державе государя, благоверного царя и великаго князя Феодора Ивановича, всея России самодержца, благословиению отца нашего игумена Лаврентия написано бысть житие преподобнаго во обители Пречистыя Богородицы Корнильева монастыря рукою многогрешнаго и последнего в иноцех Нифанаила Корнилиевого»⁶⁸. Монахи принимали участие в покупке для монастыря необходимых товаров, рукодельничали, приносили в монастырь деньги с различных служб – мельниц, солодежных, от мостов. Регулярно один или несколько старцев направлялись собирать милостыню к большой дороге или часовне. По несколько лет монахи служили дворниками в монастырских городских дворах или отправлялись строителями в приписные пустыни.

С XVI в. известно о посельских старцах – представителях власти в вотчинных монастырских селах, к которым тянули иногда десятки деревень. Они жили в вотчинных монастырских дворах, достаточно редко оставляя их и, по мнению И.К. Смолича, таким образом совершенно отрывались от внутренней жизни монастыря⁶⁹. Посельские старцы отмечены лишь в Павлове Обнорском и Николо-Озерском монастырях. В Корнильево-Комельском надзирали за селами и сбором оброка в них приказчики. Возможно, должности приказчиков и посельских старцев были взаимозаменяемы. Любопытно, однако, что в документах Николо-Озерского и Павлова Обнорского монастырей отмечены и те, и другие. Каждый из приказчиков в их вотчинах, в отличие от старцев, контролировал сразу несколько сел. Посельские старцы жили в селах не одни, а часто вместе с монастырскими детенышами или служками. Иногда по распоряжению властей туда приезжали и монастырские работники: «В селе Зиновьеве двор монастырской, в нем живут посельской старец да служки монастырские, приезжают на приказ, да работники монастырские»⁷⁰.

И, наконец, особую категорию монахов составляли «больнишные старцы», которые отмечены в Павлове Обнорском и Корнильево-Комельском монастырях. А.В. Камкин полагает, что

это были монахи, ухаживавшие за больными и престарелыми⁷¹. В документах же рассматриваемых монастырей это «немошные и престарелые монахи», хотя не исключено, что среди них были и хорошие врачеватели. «Больнишние старцы» освобождались от несения послушаний, но были и те, как считает С.В. Николаева, кто, несмотря на свой возраст, продолжали их выполнять⁷².

Круг обязанностей постриженников в монастырях южной части Вологодского уезда был достаточно широк. Тем не менее в монастырях содержался также большой штат бельцов – людей, не постриженных в монахи, но работавших на монастырь. На многочисленных монастырских службах, возглавляемых старцами или подчиненных непосредственно настоятелю, трудились мастера разнообразных специальностей – иконописцы, каменщики, кузнецы, плотники, токари, портные, сапожники, мельники, рыбные ловцы, мастера по изготовлению окон, сушильщики, судомои, повара, трапезники и др. Все они были бельцами, но жили или прямо в монастырях, занимая отдельные кельи, или сразу за его стенами. Многие из них имели дворы в подмонастырных вотчинах. В штат работников в относительно крупных Корнильево-Комельском и Павлове Обнорском монастырях входило обычно около 30 человек. Больше всего в них трудилось портных и сапожников – от 4 до 10 человек, токарей – 3–4 человека, кузнецов – 2, плотников – от 4 до 7 человек и др. Работники, обслуживающие монастырский скот и лошадей, – конюхи и скотники (коровники или коровницы) жили в селах и деревнях при монастырских скотных дворах. Так, за стадами Павлова Обнорского монастыря в 1702 г. следили 4 конюха, 3 скотника и 2 работника воловьего двора. За свой труд монастырские работники получали деньги (до 2 руб. с полтиной в год). Некоторым, вероятно старшим и более опытным, давали также «отсыпной» хлеб или его заменяли наделом монастырской земли, где можно было посеять от полуосмины до четверти ржи и накосить около 2 копен сена.

Достаточно многочисленной была категория монастырских слуг. Они были во всех монастырях изучаемого региона. Слуги появились, вероятно, сразу же после основания монастырей. Так, в житии преподобного Геннадия Костромского – ученика Корнилия Комельского, основавшего вместе с ним Геннадиеву пустынь на Сурском озере, – содержатся наставления монастырским слугам: «Настоятелю во всем повинунитесь и послушайте. Братию же не оскорбляйте словом, ни же делом дерзость учинити неподобно, ... Орудия монастырския и домашния вещи велми берегите, да не погибнет от вас ни что же. Чуждаго имениа и неправеднаго восхищения не прикасайтесь, ... монастырския дела труждати не ропотливо, не лениво и безмятежно, ... Христиан насилем не обидте и гостми не превозношатиcя приимайте, ... паче же на них не враждуйте и ложных словес игумену и братии не износите»⁷³.

В Корнильево-Комельском и Павлове Обнорском монастырях числилось обычно около 30 слуг. Их происхождение было различным. Чаще всего работали в монастыре слугами те, кто по той или иной причине не мог иначе прокормить себя и свою семью. В переписной книге Павлова Обнорского монастыря 1702 г. перечислен 31 монастырский слуга. Из них 14 человек (45%) составляли дети монастырских слуг, 8 (26%) были крестьянами, четверо (13%) – детьми служебников, двое (6,5%) – детьми монастырских подьячих. Вступление в ряды монастырских слуг в Спасо-Прилуцком монастыре, по наблюдениям З.А. Огризко, сопровождалось соответствующими челобитной и вкладом⁷⁴.

Обязанности монастырских слуг были разнообразны. Одни ездили с настоятелем, келарем или казначеем на ярмарки за товарами, другие работали на различных монастырских службах, в том числе жили в вотчине вместе с посельскими старцами. Отмечены случаи их участия в судебных делах в роли гонцов или сопровождающих. В 1636 г. слуга Корнильево-Комельского монастыря Архип Богданов доставил строителю Павлова Обнорского монастыря Феоктисту Калединскому царскую грамоту о мерах к поддержанию монастырского порядка. Слуга этого же монастыря Иван Ипатьев ездил в 1683 г. посылным в Галич, чтобы привезти к архиепископу для судебного разбирательства сына боярского Галактиона Болотова, не выплатившего положенные по договору 40 руб. сыну боярскому Василию Семенову сыну Сапогову из Вологды. Слуга Корнильево-Комельского монастыря Костянка Студеницын ездил в Москву, сопровождая отписные колокола (которые были сняты по приказу Петра I и отправлены на переплавку для пушек). Некоторым наиболее грамотным слугам монастырские власти поручали оформлять сделки. Слуга Павлова Обнорского монастыря Родион Ильин в 1694 г. составлял в Олгоде запись об обмене пустошей с помещиком Леонтием Мишевским, а Данило Самойлов писал с Алексеем Писемским «мировые записи»⁷⁵.

Особое положение среди слуг занимали монастырские стряпчие. Б.Д. Греков считал их «вообще работниками» – пивоварами, водовозами, сторожами. По его мнению, стряпчие были заняты в монастыре производством продуктов погребного двора⁷⁶. Для XVI–XVII вв. более спра-

ведлива позиция И.К. Смолыча, который определял стряпчих как уполномоченных представителей монастыря, живших в монастырских подворьях и сносившихся в Москве с Дворцовым, а позже Монастырским приказами по самым разным делам⁷⁷. Стряпчие подолгу жили в столице «для всяких монастырских дел». Например, стряпчий Корнильево-Комельского монастыря Иван Дмитриевич в 1703 г. «по властину указу ездил к Москве ... четырех человек каменщиков записывал в Каменном приказе»⁷⁸. В Павлове Обнорском монастыре отмечена должность припешни, или припешника. Судя по всему, это были слуги, выполнявшие различные мелкие поручения.

Монастырских слуг регулярно брали на военную службу. В 1604 г. правительство Бориса Годунова собирало войска для борьбы с самозванцем. Практически из всех крупных монастырей Вологодского уезда в него рекрутировались служки. Корнильево-Комельский монастырь выставил «десять человек конных да семь лошадей, да для бережения и корму два человека», Павлов Обнорский монастырь – десять человек и шесть лошадей, Спасо-Нуромский – четырех человек и двух лошадей. Николо-Озерский, Иннокентьев и Арсеньев-Комельские монастыри – по одному человеку⁷⁹. В синодике Корнильево-Комельского монастыря записаны для поминовения имена 25 служек, «побитых на государевой службе»⁸⁰. В Павлове Обнорском монастыре в 1702 г. из 31 человека шестеро находились на военной службе с 1700 г. Двое, однако, уже вернулись обратно: «Из Нова города отпущены с отпуском за раны»⁸¹. З.А. Огризко приводит любопытные факты о том, что некоторые слуги стремились попасть на военную службу, несмотря на ее опасность, видимо, желая продвинуться. Другие же, напротив, уклонялись⁸².

В XVI в. в Корнильево-Комельском монастыре молодым служкам за работу, помимо содержания, выдавали деньги на одежду и обувь⁸³. В конце XVII в. служки Павлова Обнорского монастыря получали землю. На каждую деревню, где они жили группами по 5–6 (в одном случае 14) человек, полагалась пашня, на которую высевалась четверть ржи, а также сенные угодья на три копны. Жалованье от монастыря служки получали раз в год. Каждому назначали также определенное количество отсыпного хлеба, собранного с крестьян. Не входящие в оклад дополнительные деньги им платили приказчики. Примерно треть служек Павлова Обнорского монастыря пользовалась землей, взятой у монастырских властей в аренду сверх положенного оклада.

Состав монастырских служек менялся достаточно часто. При сопоставлении трех списков насельников Корнильево-Комельского монастыря 1657, 1659 и 1661 г., содержащих соответственно 32, 30 и 29 имен служек, удалось установить, что лишь 11 человек в период с 1657 по 1661 гг. непрерывно жили в монастыре. В 1659 г. в их состав вошли еще 7 человек, а в 1661 г. состав монастырских служек обновился более чем наполовину по сравнению с 1659 г. Некоторые же работали в монастыре практически всю жизнь. Так, слуга Пантелей Костров упоминается в документах Корнильево-Комельского монастыря с 1654 по 1703 г. Следовательно, он прожил в монастыре как минимум 49 лет. Слуга Никита Самсонов служил в Павлове Обнорском монастыре 33 года.

Особую категорию монастырских насельников составляли служебники, также упоминающиеся в документах всех монастырей. Они, как и слуги, работали на монастырь по найму, но были несколько ниже по своему положению, поскольку во всех списках записаны после них. Количество служебников в монастырях не было стабильным. Так, в Павлове Обнорском оно колебалось от 26 человек в 1654 г. до 18 в 1702 г., в Корнильево-Комельском – от 42 в 1657 г. до 19 в 1659 г. От монастыря служебники получали полное содержание: «Дают деньги на платье, а едят они за монастырским столом и работают всякую монастырскую пахотную работу. ... А земля монастырская дана им для пропитания жен их и детей»⁸⁴. Но занятия служебников не сводились только к работе на пашне, а были такими же, как у служек, – торговля, сопровождение представителей власти в различных поездках, сбор денег с монастырских служб и др. Как и слуги, служебники жили в монастыре или в вотчине, помогая посельским старцам. Иногда по распоряжению монастырской администрации их отправляли на срочные работы. Труд служебников, в отличие от служек, оценивался в деньгах: они получали до 2 руб. в год. Основная их масса формировалась из бывших монастырских детенышей.

Детеныши – это, пожалуй, самая спорная и вызывающая неоднозначные оценки категория населения. По мнению иеромонаха Арсения, «детеныши, кажется, были круглые сироты, монастырских крестьян дети». А.П. Доброклонский полагал, что детеныши иногда сохраняли свое название, даже если достигали зрелого возраста. М.А. Дьяконов же считал, что детенышей могли специально нанимать из крестьян для работы на пашне и летом в страду. С его точки зрения, в эту категорию входили прежде всего осиротевшие крестьянские и бобыльские дети, обедневшие крестьяне и бобыли, а также наемные люди. М.Н. Тихомиров пришел к выводу, что монастырские детеныши – это определенная категория работных людей, подобно ремесленникам,

так называемые деловые люди, которые нанимались в монастырь на какое-то время и получали за свой труд жалованье⁸⁵.

В житии преподобного Корнилия Комельского есть указания на то, что во время сильного голода «мнози приношаху младенцы своя и пометаху под стенами монастыря. Святые же всех приема и отсылаше к детям на дворец, и тамо учрежаху их покоем всяким»⁸⁶. По переписной книге Павлова Обнорского монастыря 1702 г., детеныши – это «малолетние робята, их монастырские крестьянские дети разных деревень сироты, и нет у них ни отцов, ни матерей. И в скудные годы тех сирот привозили под монастырь и пометывали. И тех выше писанных робят кормят монастырским хлебом, а живут они за монастырем близ мельницы в особых избах, а дают им из казны одни рубашечки»⁸⁷. Монастырские детеныши действительно жили при монастыре или в вотчине вместе с посельскими старцами и обрабатывали землю «наездом». Они также пасли монастырский скот, помогали на сенокосе, т.е. выполняли любую посильную работу. В переписной книге монастыря 1702 г. не только перечислены имена детенышей, в тот момент живших в Павлове Обнорском монастыре (всего 41 человек), но и указан их возраст. Это были дети, подростки и юноши (от 5 до 20 лет).

Количество детенышей в монастырях было различным. В 1632 г. в вотчине Николо-Озерского монастыря они занимали 7 дворов, в Арсеньев-Комельском в 1677 г. все жили в одном дворе. В Корнилево-Комельском монастыре в 1650-е гг. детенышей числилось не более 7. Гораздо больше их было в Павлове Обнорском монастыре. Для характеристики детенышей как особой группы монастырского населения использовались данные описей имущества и приходо-расходная книга монастыря, содержащие списки последних за 1654, 1683, 1687, 1694 и 1702 гг. Так, в 1654 г. в Павлове Обнорском монастыре жили 57 детенышей, причем в описи они разделены на группы: собственно детеныши (22 человека), «малые робята» (18 человек) и подростки (17 человек); в 1683 г. – 97 детенышей; в 1687 г. – 49 детенышей и 47 «малых робят» (всего 96 человек); в 1694 г. – 56 человек. Имена 81 детеныша (около 33%) фиксируются в источниках неоднократно, что дает возможность проследить их дальнейшую судьбу. Так, 23 человека из них (28.3%) через какое-то время перешли в разряд монастырских служебников, 14 (17.2%) получили в монастыре специальность токаря, кузнеца, плотника, сапожника, портного и др., 7 (8.6%) стали служками, 6 (7.4%) остались работать в монастыре сторожами, коровниками и рыбными ловцами, однако большая часть – 26 человек (32%) – на протяжении длительного времени (иногда нескольких десятков лет) записывались детенышами. По моим подсчетам, возраст некоторых из них мог достигать 33 лет и более, что, безусловно, противоречит приведенным ранее утверждениям монастырской описи. Это были уже вполне взрослые, вероятно, имевшие собственные семьи люди, но тем не менее продолжавшие находиться на содержании монастыря. Большинство же детенышей (их имена записаны лишь 1 раз, всего 161 человек), став взрослыми, уходили из монастыря.

В Павлове Обнорском монастыре, по крайней мере во второй половине XVII в., располагался детский приют, где на содержании монастыря жили осиротевшие крестьянские дети. Их число в разные годы достигало 40 и более человек. Однако детенышами назывались также люди, работавшие на монастырь, о чем красноречиво говорят записи в приходо-расходной книге 1694 г., где указаны суммы, заплаченные им за работу по найму⁸⁸. Это были так называемые работные люди, о чем и сообщает ниже источник. По моим подсчетам, детенышей – работных людей – в Павлове Обнорском монастыре в разные годы числилось от 22 до 49 человек. Следовательно, под категорией «монастырских детенышей» в Павлове Обнорском монастыре подразумевались, с одной стороны, дети, оставшиеся в малом возрасте без родителей и находящиеся на попечении монастыря, с другой – взрослые люди, работавшие на монастырь по найму. Вероятно, именно работные люди, определенные документами как детеныши, жили и в вотчинах остальных монастырей. Все они имели отдельные дворы, занимались ремеслом или обрабатывали землю «наездом».

В описях Павлова Обнорского монастыря помимо братии, работников, слуг, служебников и детенышей в разные годы упоминаются и своего рода заключенные, «отправленные под начало игумена». О наличии тюрьмы в монастыре источники не сообщают, однако случаи ссылки сюда для «исправления» не были редкостью. Например, в 1630-е гг. в Павлове Обнорском монастыре находились черкесы, которые там же были и крещены, а некоторые из них в 1648 г. бежали. В 1658 г. игумен монастыря Авраамий сообщал о смерти в заключении двух ссыльных шляхтичей и побеге третьего⁸⁹. Сюда же был сослан в последней трети XVII в. распоп Прокофий, уличенный в расколе. Он пробыл под началом Павловского игумена полтора года, после чего ушел на Дон к казакам⁹⁰.

Таким образом, состав населения монастырей южной части Вологодского уезда в XVI–XVII вв. был довольно разнообразным. Он диктовался прежде всего их хозяйственными нуждами. Вопреки определению монастыря как особой закрытой корпорации, куда уходили люди, чтобы спасти свою душу и отречься от всего мирского, иноки, искавшие «безмолвия», составляли лишь пятую часть всего монастырского населения. Монастыри имели свою власть, мастерские, поля, обрабатываемые многочисленными работниками и слугами. Существовали некоторые различия в составе штатов относительно крупных – Павлова Обнорского, Корнильево-Комельского и Николо-Озерского и небольших – Спасо-Нуромского, Иннокентьево-Комельского и Арсеньево-Комельского монастырей. В последних количество насельников было гораздо меньшим, а структура штатов более простой. Сравнительно небольшой размах хозяйственной деятельности этих монастырей позволял объединять несколько должностей в одном лице, а иные просто исключать. Однако, несмотря на наличие в монастырях региона большого количества различных служб и работавших на них, порой нескольких сотен человек, власти монастырей нередко прибегали не только к приобретению необходимых товаров на рынке, но и к денежным займам.

Примечания

¹ Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1992.

² За сецкий А.А. Корнильево монастырь // Вологодские губернские ведомости (далее ВГВ). 1839, № 13; Чевский Р. Сведения об упраздненном Спасо-Нуромском монастыре // ВГВ. 1848. № 9; Историческое и статистическое описание Корнильево-Комельского монастыря. Вологда, 1855; Суворов Н.И. Описание Арсеньево-Комельского монастыря // Вологодские епархиальные ведомости (далее ВЕВ). 1869. № 23–24, 1870. № 2–3; его же. Корнильево-Комельский монастырь Вологодской епархии // ВЕВ. 1883. № 1–10; Лебедев А.К. Четырехсотлетие Корнильево-Комельского монастыря // ВЕВ. 1897. № 3; Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Корнильево-Комельского Введенского мужского монастыря Вологодской епархии; Святая обитель преподобного Павла Обнорского. Вологда, 1898; Лебедев А.К. Успенский женский монастырь и приписная Николаевская Озерская пустынь. Вологда, 1899; Кузнецов П.Н. Свято-Троицкая обитель преподобного Павла Обнорского. Вологда, 1913; Вокресенский А. Свято-Троицкий Павлов – Обнорский монастырь. Вологда, 1914 и др.

³ Водарский Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 297; см. также Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 51.

⁴ Румянцев В.С. Опыт классификации монастырей в России в XVII в.: Вологодская степень // Церковь в истории России. М., 1997. С. 94–95.

⁵ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до первой четверти XVII в. (1397–1625 гг.). СПб., 1897; Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском севере. М., 1909–1912; см. также Доброклонский А.П. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне. Исторический очерк монастырского хозяйства, суда и управления в связи с положением монастырских слуг и крестьян в XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее ЧОИДР). 1888. Кн. 1.; Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898; Воронцов А.Л.Д. Несколько данных о быте монастырей XVII–XVIII вв. // Древности. Труды археологической комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1900.

⁶ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927; его же. Вклады и вкладчики в севернорусских монастырях XV–XVII вв. Пермь, 1929.

⁷ Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии: Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной вотчины. СПб., 1914; Гризко З.А. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVII вв. // Труды государственного исторического музея. Вып. XXVII. М., 1955; Тихомиров М.Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 147–151; см. также Камкин А.В. Православная церковь на севере России. Вологда, 1992; Колычева Е.И. К вопросу о малых монастырях в России XVI в. // Церковь в истории России. М., 1999.

⁸ Смолитч И.К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999.

⁹ Николаева С.В. Состав братии Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVIII в. (По данным Ландратской книги 1715 года) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000.

¹⁰ Государственный архив Вологодской области (далее ГА ВО), ф. 674, № 1, 2; ф. 521, № 1–3; ф. 883, № 28, 29; Отписная книга Введенского Корнильево-Комельского монастыря 1657 г. Публ. Ю.С. Васильева // Городок на Московской дороге. Вологда, 1994. С. 130–169.

¹¹ РГАДА. ф. 237, оп. 1, № 41; ГА ВО, ф. 496, № 35, л. 1.

¹² РИБ. Т. 37. Вып. 1. Л., 1924; Летопись занятий археографической комиссии (ЛЗАК). Вып. 5. СПб., 1869–1871. См., напр.: Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М., 1951; Колычева Е.И. Приходо-расходные книги XVI в. как источник по истории монастырского хозяйства // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974.

¹³ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, № 41; ГА ВО, ф. 496, № 54.

¹⁴ ГА ВО, ф. 883, № 52.

¹⁵ Там же, л. 17, 35.

¹⁶ См. РГАДА, ф. 281, № 2643, 2648, 2672, 2730.

¹⁷ РГБ, ф. 310, № 349.

¹⁸ Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 143–144.

¹⁹ ГА ВО, ф. 883, № 52.

²⁰ РГАДА, ф. 237, оп. 1, № 8.

²¹ Николаева С.В. Указ. соч.

²² Смолич И.К. Указ. соч. С. 169–170.

²³ Вологодский областной краеведческий музей (далее ВОКМ), № 2008.

²⁴ ГА ВО, ф. 883, № 52, л. 87 об. – 88.

²⁵ ВОКМ, № 2008.

²⁶ РГБ, ф. 310, № 349, л. 30.

²⁷ Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря. Публ. Ю.С. Васильева // Городок на Московской дороге. С. 95, 97.

²⁸ Там же. С. 101–102; РГАДА, ф. 281, № 9737.

²⁹ Камкин А.В. Указ. соч. С. 72.

³⁰ Суворов Н.И. Описание Арсениево-Комельского монастыря // ВЕВ. 1870. № 2. С. 62–63; РГАДА, ф. 281, № 2810.

³¹ РГАДА, ф. 281, № 2485.

³² Настольная грамота, данная патриархом Адрианом первому архимандриту Павлова монастыря Сергию, 1694 года, июля 8 дня // Воскресенский А. Указ. соч. С. VII–IX.

³³ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. С. 207; Смолич И.К. Указ. соч. С. 165.

³⁴ Строев П. Списки иерархов Российской церкви. СПб., 1882. С. 746, 753, 757.

³⁵ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М., 2001. С. 210.

³⁶ Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. М., 1996. С. 154–157.

³⁷ ГА ВО, ф. 883, № 52, л. 128–128 об., л. 91 об.

³⁸ Кукушкина М.В. Книга в России в XVI в. СПб., 1999. С. 124.

³⁹ ГА ВО, ф. 883, № 52, л. 8 об.

⁴⁰ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 271.

⁴¹ Воскресенский А. Указ. соч. С. 35–36.

⁴² РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, № 8, л. 50 об.

⁴³ Там же, л. 52, 61 об.

⁴⁴ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 161.

⁴⁵ РИБ. Т. 37. Вып. 1. Л., 1924.

⁴⁶ Строев П. Указ. соч. С. 750.

⁴⁷ К истории монастырей. Публ. И. Суворова // Русская старина. 1911. Кн. 11. С. 448.

⁴⁸ Строев П. Указ. соч. С. 757.

⁴⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 358.

⁵⁰ Отписная книга Введенского Корнильево-Комельского монастыря, 1657 г. Публ. Ю.С. Васильева // Городок на московской дороге. С. 164.

⁵¹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 167.

⁵² ЛЗАК. Вып. 5. С. 14, 29.

⁵³ Там же. С. 16, 17, 19.

⁵⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, № 8, л. 45 об. – 46.

⁵⁵ Житие Корнилия Комельского. Публ. Н.Н. Малининой // Городок на Московской дороге. С. 181.

⁵⁶ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. С. 210–211.

⁵⁷ Смолич И.К. Указ. соч. С. 165.

⁵⁸ ГА ВО, ф. 1260, № 396.

⁵⁹ См. Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. С. 210; Смолич И.К. Указ. соч. С. 166.

⁶⁰ См. Греков Б.Д. Указ. соч. С. 79–80.

⁶¹ Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря. С. 105–107.

⁶² Греков Б.Д. Указ. соч. С. 76.

- ⁶³ ГА ВО, ф. 496, № 54, л. 5.
- ⁶⁴ ГА ВО, ф. 521, № 1, л. 65 об. – 68 а об.
- ⁶⁵ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 87.
- ⁶⁶ ЛЗАК. Вып. 5. С. 15, 20.
- ⁶⁷ ГИМ, собр. Уварова, № 180. 255.25.
- ⁶⁸ См.: ВОКМ. № 2031, л. 67–138; РГБ, ф. 304, № 676, л. 509–566.
- ⁶⁹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 168.
- ⁷⁰ ГА ВО, ф. 521, оп. 1, № 2, л. 167 об.
- ⁷¹ Камкин А.В. Указ. соч. С. 77.
- ⁷² Николаева С.В. Указ. соч. С. 169–170.
- ⁷³ РГБ, ф. 833, № 30, л. 50–51.
- ⁷⁴ Огризко З.А. Указ. соч. С. 17.
- ⁷⁵ См. Дополнения к Актам историческим (далее ДАИ). Т. 2. СПб., 1846 г. № 64. С. 152. ВОКМ, ф. 1, оп. 1, № 54; ГА ВО, ф. 496, № 54, л. 18; РГАДА, ф. 237, оп. 1, № 8.
- ⁷⁶ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 84–85.
- ⁷⁷ Смолич И.К. Указ. соч. С. 152.
- ⁷⁸ ГА ВО, ф. 496, № 54, л. 27 об.–28.
- ⁷⁹ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979. С. 124, 125, 126.
- ⁸⁰ ВОКМ, № 2008, л. 231 об., 378 об. – 379.
- ⁸¹ См. РГАДА, ф. 237, оп. 1, № 41.
- ⁸² Огризко З.А. Указ. соч. С. 23–24.
- ⁸³ ЛЗАК. Вып. 5. С. 28.
- ⁸⁴ РГАДА, ф. 237, № 41, л. 139.
- ⁸⁵ См. Иеромонах Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о служках // ЧОИДР. 1867. Кн. 3. С. 8. Доброклонский А.П. Указ. соч. С. 34.; Дьяконов М.А. Указ. соч. С. 303. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 142–143.
- ⁸⁶ Житие Корнилия Комельского. С. 179.
- ⁸⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, № 41, л. 142.
- ⁸⁸ Там же, № 8, л. 78 об. – 82 об.
- ⁸⁹ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869. Кн. III, № 140, № 169; Кн. XV, № 163, 490.
- ⁹⁰ ДАИ. Т. 12. СПб., 1872. № 17. С. 203.

© 2003 г. Ю.В. КУРКОВА*

ЗЕМЕЛЬНО-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ (по материалам Богородского уезда Московской губ.)

Крестьянская община в России выполняла множество функций. Одной из основных являлась земельно-распределительная деятельность. Для регулирования поземельных отношений между крестьянами русская община применяла переделы земли, которые служили важной составной частью общинного агропроизводства, затрагивавшей не только экономические, но и социальные отношения. Поэтому общинная земельно-распределительная практика постоянно рассматривалась исследователями российского сельского хозяйства.

Первую попытку перейти от общих рассуждений о ее достоинствах и недостатках к конкретным оценкам на основе статистических данных сделали народники. В своих работах В.С. Пругавин, В.П. Воронцов, А.А. Карелин, К.Р. Качоровский, П. Вениаминов¹ и др. рассматривали общину как земельный союз, главная цель которого – «уравнительный раздел земли между всеми ее членами»², причем достигалась она при помощи переделов. Поэтому народники считали пе-

* Куркова Юлия Владимировна, аспирантка Института российской истории РАН.

редел земли главным и, безусловно, положительным элементом в реулировании земельных отношений. Именно переделы избавляли, по их мнению, общинное ведение хозяйства от застоя.

Большое внимание в трудах народников уделено опровержению доводов противников общины о негативном влиянии переделов земли на сельское хозяйство. П. Вениаминов в работе «Крестьянская община» пытался доказать, что такой вред «во-первых, на деле оказывается обыкновенно незначительным или временным, во-вторых, при помощи различных мер может быть крайне уменьшен или даже совершенно уничтожен»³. Однако даже последовательные защитники переделовой деятельности общины вынуждены были констатировать, что количество переделов во второй половине XIX в. растет в основном в тех районах, где хозяйство находится в кризисном состоянии⁴. В ряде губерний к началу XX в. отмечалось «затухание» практики переделов. Одну из основных причин этого народники видели в заметном росте в хозяйственной жизни крестьян «индивидуального начала»⁵. Ценность работ народников состоит в том, что они содержат богатый материал о переделах земли; в них дается подробная характеристика типов переделов, способов разверстки земли, их эволюции в пореформенное время, хотя точные статистические данные, как правило, отсутствуют.

Противоположная взглядам народников позиция представлена в исследованиях ряда авторов консервативного и официального направлений (А.А. Риттиха, Н.К. Бржеского, К.Ф. Головина и др.)⁶. А.А. Риттих собрал и систематизировал мнения членов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности о значении переделов для развития сельского хозяйства. Но в его исследованиях отчетливо прослеживается виттевская антиобщинная позиция. И.В. Чернышов описал переделную деятельность общины в период столыпинской аграрной реформы в центрально-черноземных и поволжских губерниях. В качестве основного источника он использовал анкеты Всероссийского экономического общества. Привлечение статистических материалов позволило автору создать достаточно развернутую картину изменений, происходивших в земельно-распределительной деятельности общины в период аграрного реформирования⁷.

В советской историографии проблеме регулирования поземельных отношений в общине уделено внимание в обобщающих монографиях П.Г. Рындзюнского и А.М. Анфимова⁸. Исследователи раскрывают причины сохранения переделной практики, в общих чертах характеризуют ее содержание, тенденции развития. Более конкретно вопрос о переделах в пореформенной общине рассматривается в статье А.М. Анфимова и П.Н. Зырянова «Некоторые черты эволюции крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.)»⁹. Отмечая сложный и противоречивый характер пореформенного развития русской общины, авторы выделили две важные тенденции. Первая из них полнее проявилась в черноземной полосе и выражалась в ослаблении земельно-распределительных функций общины. Вторая связана с особенностями пореформенного развития общин нечерноземной зоны, где «переделный механизм продолжал исправно действовать»¹⁰ и в пореформенное время. По мнению авторов, такое активное вмешательство общин нечерноземья в процесс сельскохозяйственного производства объяснялось тем, что земля здесь была переобложена выкупными платежами и произошло сильное истощение наделов.

В монографии П.Н. Зырянова «Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг.» (М., 1992) дается подробное описание сложного механизма земельных переделов в пореформенной общине. В рамках исследования крестьянской общины в период столыпинского реформирования анализируются переделы полей, усадеб и других земельных угодий, рассматривается социальное значение переделов. Автор считает, что, несмотря на проводившуюся правительством Столыпина политику, община не была разрушена. Оправившись от удара, она возобновила переделы.

Поземельные отношения в общине на рубеже XIX–XX вв. исследуются в работах О.Г. Вронского. Основываясь на материалах Центрально-земледельческого района, автор акцентирует внимание на отрицательных сторонах переделной практики и приходит к выводу, что «общинное землевладение не соответствовало ни интересам личности, ни интересам государства»¹¹. Сходную позицию занимает В.Г. Тюкавкин. Признавая, что, используя переделы, община оберегала многих своих членов от окончательного разорения, исследователь подчеркивает бесперспективность подобной системы землепользования, поскольку спасение крестьянства от обезземливания было возможно, «пока земли в общине было достаточно, но при таком бурном росте сельского населения, какой был в конце XIX–начале XX в. в России, любой общинный фонд истощился бы по историческим меркам сравнительно быстро»¹².

Существует и несколько региональных исследований, в которых на конкретном материале земской статистики прослеживаются особенности переделной деятельности общины в отдельных губерниях. Следует отметить работы Е.К. Розова «Сельское хозяйство Тверской и Новго-

родской деревни во второй половине XIX – начале XX в.» (Калинин, 1974), Д.И. Будаева «Смоленская деревня в конце XIX – начале XX вв.» (Смоленск, 1972). Авторы анализируют (правда, лишь обзорно) виды переделов, появление новых способов разверстки земли. В последнее время были защищены диссертации по истории пореформенной крестьянской общины Самарской, Воронежской губ., Марийского края, Северо-западного района, Мордовии, Сибири, в которых также затрагиваются вопросы поземельных отношений¹³.

В целом необходимо отметить, что земельно-распределительная деятельность общины в большинстве работ получила лишь фрагментарное освещение. Поэтому по-прежнему актуальными остаются вопросы, связанные с выяснением реального места и значения передельной практики в жизни общины, ее характера и основных тенденций развития.

Целью настоящей статьи является освещение земельно-распределительной деятельности общины в одном из уездов Московской губ. на рубеже XIX–XX вв., когда аграрный вопрос обострился до максимума и был очевиден общий упадок агрокультуры. Основной источник по данной проблеме – поземельно-передельные приговоры крестьянских общин. Я опирался на данные приговоров, составленных в Богородском уезде Московской губ. в период с 1890 по 1906 гг. и сосредоточенных в фонде Богородского уездного съезда Центрального исторического архива г. Москвы (ф. 696). При выборе Богородского уезда в качестве объекта исследования важное значение придавалось такому фактору, как высокая сохранность приговоров за последнюю четверть XIX – начало XX в., что позволило провести статистическую обработку материалов фонда.

Приговор – это краткая письменная фиксация решения сельского схода по одному или нескольким вопросам. В данной работе рассматриваются приговоры о коренных переделах земли. Большинство из них имеет стандартную форму. Во вступительную часть включено название сельского общества, в котором происходит передел земли, названа дата составления приговора, указывается размер земельного владения общества, количество присутствующих на сходе крестьян и общее число крестьян, имеющих право голоса. Содержательная часть приговора позволяет установить, какие земли подлежали переделу, на какой срок он осуществлялся, способ разверстки земли. К некоторым приговорам прилагался список домохозяев, участвующих в переделе, с указанием количества получаемой ими земли. Таким образом, данные документы, в отличие от других источников, например земской статистики, дают возможность начать изучение проблемы с отдельных крестьянских общин, учитывая конкретное содержание каждого из проведенных и письменно зафиксированных переделов. Ценным источником являются также жалобы отдельных крестьян на приговор общества, нередко позволяющие установить важные детали осуществления передела. По протоколам заседаний Богородского уездного съезда можно судить об утверждении передельного приговора или его отклонении.

Исследование проводилось на основе методики, разработанной П.Н. Зыряновым, согласно которой «учитывались приговоры, а не общества. Получив из съезда отвергнутый приговор, крестьяне иногда составляли новый. Все эти приговоры учитывались отдельно... Совершившимися считались такие переделы, приговоры о которых получили утверждение уездного съезда. Не учитывались переделы части надела. При отсутствии отметки о времени исполнения приговора он датировался по передельному приговору»¹⁴.

Развитие сельского хозяйства в Богородском уезде Московской губ. типично для Центрального промышленного района. На рубеже XIX–XX вв. здесь наблюдался отход крестьян на заработки в промышленность, однако постепенно распространялись и передовые методы ведения хозяйства. Уезд был одним из наиболее переделывающихся в Московской губ. Из 412 общин уезда 69 (16,7%) являлись беспередельными, т.е. не применяли коренных переделов земли¹⁵. Это самый низкий показатель по губернии.

Данные о количестве переделов в уезде на рубеже XIX – XX вв. представлены в табл. 1.

В период с 1890 по 1893 г. коренных переделов в материалах Богородского уездного съезда не зафиксировано. Однако это не означает, что в это время переделы совсем не производились. Необходимо отметить, что уездные съезды были созданы по закону 12 июля 1889 г., который учредил должность земских начальников. В 1890 г. уездные съезды развернули свою деятельность, но, возможно, первые 2–3 года крестьяне делили землю по-старому, самовольно, и лишь спустя некоторое время властям удалось добиться, чтобы передельные приговоры поступали на утверждение уездного съезда.

Материалы Богородского уездного съезда свидетельствуют, что в это время совершалось большое количество частных переделов. С одной стороны, подобное явление можно объяснить обычной схемой передельной практики: коренные переделы совершались нечасто (раз в 10–15 лет), а чтобы регулировать земельные отношения в перерывах между ними, крестьяне

Динамика коренных переделов в Богородском уезде Московской губ. в 1890–1906 гг.

Годы	1890–1893	1894	1895	1896	1897–1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	Всего
Кол-во переделов	–	2	9	7	–	4	5	8	1	3	3	10	1	53

* Составлено по: ЦИАМ, ф. 696, оп. 1, д. 285, 286, 366, 367, 368, 369, 370, 384, 385, 387, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 501, 502, 503, 538, 569, 570, 571, 572, 593, 594, 635, 636, 637, 639, 684, 685, 687, 714, 776, 819, 844, 845, 890, 891, 893, 907, 911, 912, 913, 914, 923, 924, 925, 926, 928; ф. 62, оп. 1, д. 4342 А.

Таблица 2*

Переделные приговоры в Богородском уезде Московской губ. в 1894–1906 гг.

Годы	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	Всего
Общее кол-во составленных приговоров	3	10	7	–	–	5	6	13	6	10	5	13	1	79
Кол-во приговоров, не утвержденных уездным съездом	1	1	–	–	–	1	1	5	5	7	2	3	–	26

* Количество неутвержденных приговоров подсчитано по: ЦИАМ, ф. 696, оп. 1, д. 188, 388, 543, 576, 648, 650, 551, 652, 688, 762, 763, 764, 784, 787, 830, 832, 833, 834, 846, 847, 848, 884, 892, 917, 927, 930.

применяли частные переделы, и, возможно, в ряде общин Богородского уезда время коренного передела еще не настало.

С другой стороны, явное предпочтение, отдававшееся в это время частным переделам, исследователи замечают и в других губерниях. Так, например, Г. А. Алексейченко отмечает подобную картину в 80–начале 90-х гг. XIX в. в уездах Тверской губ. По мнению этого историка, широкое распространение частных переделов объясняется самим характером такого типа переделов (мобильным и достаточно гибким). В своей работе он приводит мнение земских статистиков о том, что скидки-накидки обеспечивали «во-первых, наибольшее приспособление системы поземельного регулирования к постоянно менявшемуся численно-рабочему составу крестьянских дворов, во-вторых, позволяли общине длительное время избегать коренных переделов с ломкой меж»¹⁶. Подобное объяснение справедливо и в отношении Богородского уезда. Кроме того, нельзя не принимать во внимание, что Богородский уезд относился к промышленным. По данным Я. Е. Водарского, во второй половине XIX в. около 50% крестьян уезда были заняты в промышленном производстве¹⁷. В такой ситуации спрос на землю зависел от уровня фабричных заработков и в разные годы был неодинаков. Частный передел чутко реагировал на механическое движение населения и поэтому применялся достаточно часто. Вероятно, такие переделы были более выгодны зажиточным и середняцким дворам, не порвавшим с земледелием и стремившимся удержать в своих руках уже обработанные ими участки земли.

Положение с коренными переделами изменяется с 1894 г. Во многом это связано с принятием закона 8 июня 1893 г., по которому крестьянским обществам запрещалось производить частные переделы. Из табл. 1 видно, что с 1894 г. количество коренных переделов растет, а в начале XX в. переделная деятельность общины достигла своего максимума. Такое увеличение количества переделов было связано с общим экономическим положением в стране. Разразившийся промышленный кризис сократил возможности получения крестьянами доходов вне села. В эти годы многие предпочитали вернуться к своим наделам и заняться обработкой земли, что требовало пересмотра сложившихся в общине земельных отношений и нового передела.

Большое влияние на переделную деятельность общины оказали события Первой российской революции. В литературе период 1905–1907 гг. выделяется в особый этап, связанный с очень активными переделами. Это подтверждают и данные по Богородскому уезду. В это время местные власти старались не раздражать крестьян, чтобы не спровоцировать волнения, и утверждали практически все переделные приговоры. На 1905 г. приходится самое большое за исследуемый период количество исполненных приговоров. Однако в 1906 г. был осуществлен

только один передел; вероятно, большинство переделов совершилось в период первой волны революции.

Для создания более полной картины переделной деятельности общины важно учитывать не только количество осуществленных переделов, т.е. утвержденных уездным съездом, но и отмененных им переделных приговоров (см. табл. 2).

Данные таблицы показывают, что с 1894 по 1900 г. количество исполненных приговоров было больше, чем неутвержденных, а начиная с 1901 г. ситуация изменяется. Особенно показательным количеством неутвержденных приговоров за 1902–1903 гг. (соответственно 83% и 70% от общего количества рассмотренных уездным съездом). Таким образом, можно сделать вывод об определенной эволюции в отношении местных властей к практике коренных переделов от равнодушного до настороженного, когда их количество стало быстро расти.

Важным является вопрос о сроках между коренными переделами земли. По мнению А.М. Анфимова, частота общих переделов зависела от хозяйственных особенностей того или иного района. Например, в регионах с преобладанием переложного хозяйства и в тех местностях, где еще не применялось удобрение почв, было необходимо переделывать землю через каждые 3–6 лет. Там же, где широко применяли удобрения, общества имели возможность отдалять сроки переделов на 20–30 лет¹⁸. Закон 8 июня 1893 г. вносил существенные изменения в сроки между коренными переделами. Если по Положению 1861 г. крестьяне определяли его самостоятельно, то теперь устанавливался минимальный 12-летний перерыв между ними.

Исследование переделных приговоров Богородского уезда показывает, что в большинстве общин придерживались именно этого срока. Установлено только 2 случая, когда крестьяне переделали землю на меньший срок (9 и 10 лет)¹⁹, чем указано в законе. По этой причине оба приговора были отменены уездным съездом. В ряде общин крестьяне определили более длительный перерыв между коренными переделами, но и таких случаев обнаружено немного. Так, на сельском сходе в деревне Титово крестьяне установили 20-летний срок передела, в деревне Барышево земля была переделана на 18 лет, а крестьяне села Гридина считали более приемлемым 15-летний срок передела²⁰. К сожалению, архивные дела не позволяют установить причины увеличения срока между переделами. Однако в литературе долгосрочные переделы объясняются желанием общины провести «какие-либо крупные агротехнические мероприятия (например, введение многопольного севооборота)... Длительный срок требовался крестьянам для того, чтобы вернуть вложенные в землю единовременные крупные затраты»²¹. Таким образом, 12-летний срок передела в целом соответствовал хозяйственным условиям Богородского уезда, где применялось удобрение почв, хотя еще не повсеместно и не систематически.

Из 53 исполненных переделных приговоров сведения о способе разверстки земли имеются в 44 случаях. В уезде на рубеже XIX–XX вв. применялось 3 вида разверстки: по работникам мужского пола (30 приговоров), по наличным душам мужского пола (5 приговоров), по ревизским душам (9 приговоров).

Самым предпочитаемым способом разверстки земли в уезде было распределение наделов по работникам. Землей наделяли только мужчин. П. Вениаминов приводит распространенное объяснение крестьянами причин, по которым община оставляла без земли женщин: «Баба ни податей не платит, ни в солдатах не служит, а потому бабьего стога не должно быть в поле»²². Как правило, землей наделяли мужчин с 17–18 лет. Однако в Богородском уезде часто встречается и более раннее наделение земель. В шести случаях землю давали с 15 лет. В деревне Черная работниками считали мальчиков, достигших 12-летнего возраста²³. Иногда надел получали по частям. Например, в деревне Пятковой каждый взрослый работник (с 18 лет) обрабатывал полуторудшевой надел, однако землей начинали наделять с 14 лет. В этом возрасте получали половину душевого надела, другая половина прибавлялась в 16 лет²⁴. По-видимому, раннее наделение землей было связано с проблемой малоземелья: в Богородском уезде в 22% общин крестьяне имели средний размер надела менее 5 дес.²⁵.

В уезде отмечены 3 случая наделения землей с 22–23 лет. По мнению П.Н. Зырянова, позднее получение надела было связано с воинской повинностью. Предполагалось, что к 22 годам работник вернется со службы и обзаведется семьей. В селе Благовещенском при составлении переделного приговора был определен не конкретный возраст работника, а указано, что «такowymi считают только лиц, отбывших воинскую повинность»²⁶.

В 9 общинах Богородского уезда была использована разверстка по ревизским душам. При этом способе земля делилась только между теми домохозяйствами, чьи имена содержались в ревизских списках, а земля, получаемая при переделе, распределялась пропорционально числу ревизских душ. Соответствующие списки составлялись в дореформенной России каждые 10–15 лет и преследовали цель установить точное число налогоплательщиков. Последняя ревизия была в

1857 г. Разверстка по ревизским душам сменила у помещичьих крестьян разверстку по тяглам и широко применялась в первое пореформенное десятилетие. Однако не совсем понятно, почему при переделе земли в начале XX в. сельский сход «наделял землей согласно последней ревизской сказке всех домохозяев, которые или сами уже значились в ревизии, или же, если сами не попали в ревизскую сказку, то имели в то время родственников по прямой восходящей линии»²⁷. Одна из первых попыток найти объяснение этому явлению была сделана Н. Бржеским. В журнале «Русское экономическое обозрение» за 1893 г. он опубликовал статью «Крестьянская земельная община по новым данным», в которой указывал, что разверстка земли по ревизским душам оставалась наиболее распространенной и в 90-е гг. XIX в. По мнению автора, это можно объяснить «стремлением формирующейся деревенской буржуазии к удержанию данного количества земли в форме, близкой к подворному владению»²⁸.

П.Н. Зырянов, более подробно исследовавший этот способ разверстки, отмечает «вопиющее неравенство в распределении земли» в таких общинах. Он считает, что подобные переделы «были авсвогательным средством внутриобщинной мобилизации земли, сосредотачивая ее в руках зажиточной верхушки»²⁹. Вероятно, этот вывод особенно справедлив в отношении тех общин, где средний размер надела был небольшим. Имея 1-душевой надел в 3 с небольшим дес., крестьянин вряд ли рассчитывал прокормиться за его счет. Владелец уходил на заработки в город, а участок либо сдавал в аренду, либо забрасывал. В последнем случае его присоединяли к участкам его односельчан. Таким путем в руках некоторых крестьян сосредотачивались значительные земельные площади. А чтобы собрать их по возможности в одной меже, проводился передел по ревизским душам. В некоторых общинах ревизская разверстка применялась в течение длительного времени. Поэтому жалоб на подобные приговоры не поступало, т.е. они как бы фиксировали уже сложившийся в обществе порядок распределения и пользования землей.

Иным образом развивались события, если в обществе происходила смена предыдущего способа распределения земли разверсткой по ревизским душам. Происходили эти изменения в большинстве случаев тоже из-за стремления определенной части крестьян сосредоточить в своих руках как можно больше земли. Против выступали крестьяне, терявшие часть надела при новом переделе в основном малоземельные. Так, в деревне Фатеево жалобу на передельный приговор заявили 2 крестьянина, пользовавшиеся до этого 2-душевыми наделами, а теперь получившие право лишь на 1-душевой участок. Тем не менее приговор был утвержден уездным съездом³⁰.

Не всегда ревизская разверстка отвечала интересам зажиточной части общины. Интересный эпизод произошел в 1900 г. в деревне Караваево. Многие крестьяне этого общества отказались от своих наделов в 70–80-е гг. XIX в. из-за высоких платежей за землю, предпочитая работать в городе. Их наделы были распределены между 4 домохозяевами, каждый из которых, таким образом, пользовался 4-душевым наделом. Однако, когда в начале XX в. платежи были существенно снижены (например, за 4-душевой надел в начале 80-х гг. XIX в. «платили по 72 рубля в год..., то ныне же повинностей этих уплачивается 26 рублей в год»³¹), отсутствующие крестьяне вернулись в деревню и потребовали вернуть им их наделы. Но свободной земли не оказалось. Тогда на сельском сходе они предложили совершить передел и разделить землю в соответствии с ревизскими душами. В этом случае наиболее зажиточные лишились 6 душевых наделов и соответственно выступали против передела. Однако большинство схода оказалось не на их стороне, и приговор был утвержден.

В Богородском уезде применялась и разверстка по наличным мужским душам. Землей наделались все крестьяне мужского пола независимо от возраста. Иногда вводилось ограничение, и детям давали неполный надел. Примером может служить приговор села Бисерово, где детям до 7-летнего возраста полагалось половина душевого надела³².

Анализируя передельные приговоры, можно выделить группы крестьян, которых община лишала земли. Во-первых, на рубеже XIX–XX вв. особую остроту приобрел вопрос о наделах крестьян, фактически переставших заниматься хозяйством и предпочитавших работать по найму в городе. Община выступала против того, что наделы таких односельчан либо сдаются в аренду и попадают в чужие руки, либо совсем забрасываются. А.А. Булгаков, изучавший в начале XX в. движение населения в Московской губ., отмечал недовольство общины тем, что такие крестьяне «отсутствуют всей семьей, сохраняя со своим обществом лишь формальную связь; есть и такие, которые хоть и имеют избу, но также не живут здесь или ограничиваются весьма редкими наездами, причем обычно не имеют никакого посева и вообще земледельческого хозяйства»³³. Таких отсутствующих семей было достаточно много, в Богородском уезде их оказалось 17%. Поэтому в передельных приговорах крестьяне иногда оговаривали, что не живущие в селении землей не наделаются, а у тех, кто не обрабатывал свой надел, его отбирали³⁴.

У крестьян, проходивших военную службу, община тоже забирала надел, однако по возвращении им гарантировалось наделение землей. К вернувшимся же с заработков из города община относилась настороженно, получение надела для них было связано с трудностями. Часто сход соглашался отвести землю только после жалобы просителя земскому начальнику или уездному съезду.

Неустойчиво было и положение новых крестьян, принятых в общество. В 1905 г. уездный съезд отменил приговор Шелковского сельского общества, в котором двое крестьян, приписанных к обществу около 20 лет назад, были неправильно наделены землей. Несмотря на принятое за основание распределение по наличным мужским душам, они получили земли на то количество душ, которое было в их семьях на момент принятия в общество, хотя к 1905 г. оно возросло, и они были вправе рассчитывать на увеличение надела³⁵.

Другой группой крестьян, лишившихся надела, были пожилые люди. В большинстве случаев достигший 60-летнего, реже 65-летнего возраста крестьянин переставал считаться работником и передавался на попечение семье. Однако в некоторых общинах этот вопрос решался более справедливо. Например, в селе Старые Псарьки крестьяне постановили: если 60-летний остается одиноким, то он считается работником до своей смерти. В деревне Починок землю забирали только у тех стариков, которые сами об этом просили. В деревне Назимиha крестьяне в 60 лет также могли добровольно отказаться от тягла, но и в этом случае им предоставлялось право пользоваться яровым полем³⁶. Однако такие примеры – исключение из общего правила. В некоторых общинах лишались земли также вдовы.

Вероятно, такое положение не вызывало особых протестов, когда платежи за землю намного превосходили ее доходность. Но, как уже упоминалось, в начале XX в. платежи были снижены и земля стала приносить доход, и в связи с этим старики и вдовы начали заявлять свои права на землю на сельских сходах. Но община не всегда шла им навстречу. В 1903 г. Богородский уездный съезд отменил передельные приговоры деревень Чижово и Новинки, поскольку, переделывая землю, эти общества сняли наделы со вдов и стариков свыше 60 лет без их согласия³⁷.

Таким образом, ограничивая круг лиц, имеющих право на землю, община пыталась обеспечить определенным количеством земли постоянно живущих в деревне крестьян-работников и смягчить проблему малоземелья. Не случайно противниками переделов часто выступали крестьяне, пытавшиеся ввести на своих участках переделовые методы хозяйствования и не желавшие лишаться при переделе своего надела. Подобный случай произошел в селе Сабурово, где при обсуждении передельного приговора пятеро крестьян заявили, что «на пустые земли не согласны»³⁹. В некоторых общинах признавали справедливость таких претензий и оставляли хорошо обработанные и удобренные участки прежним владельцам (деревни Карякино, Рахманово, село Турабьево)⁴⁰.

Помимо пахотных земель общины переделывали усадьбы и другие угодья. Всего за исследуемый период в Богородском уезде было составлено 17 приговоров, касающихся переделов усадеб⁴¹, но только 6 из них были утверждены уездным съездом. В основном приговоры отменялись по причинам «формального характера» (в приговоре отсутствует подпись старосты, нет списка домохозяев, не указан способ разверстки земли и т.д.)

В некоторых случаях общины переделывали усадебные участки одновременно с полевой землей. Причем усадьба переделывалась на одном с пахотной землей основании, т.е. одинаковыми были и срок, на который осуществлялся передел, и способ разверстки. Например, в деревне Черная как усадебная, так и полевая земли были переделены на 12 лет по наличным работникам мужского пола⁴². В таких случаях обычно составлялся 1 передельный приговор, в котором делалась соответствующая оговорка о разделе усадьбы. Если переделы пахотных и усадебных земель не совпадали, последний выделялся в самостоятельный вид, тогда применялись другие способы разверстки, и сроки переделов также были разными.

Передельные приговоры Богородского уезда позволяют выделить несколько видов распределения усадебных земель между крестьянами. Во-первых, достаточно часто применялось обычное наделение по душам, но оно имело свои особенности. Например, в деревне Пашуково каждый домохозяин получал 10 сажень, а на каждого работника сверх полагалось еще 5 сажень⁴³. В ряде общин было введено уравнильное распределение, т.е. все домохозяева получали одинаковые по размерам усадебные участки. Такой порядок, в частности, применялся в деревне Черноголовка, где усадьба равнялась 10 сажням в ширину и 65 в длину⁴⁴. В третьем случае усадебная земля вообще не подлежала переделу. Общество определяло размер усадебного участка на 1 душу и, если в крестьянской семье размер усадебной земли не соответствовал числу душ (был больше или меньше), добавляли или забирали часть полевой земли, т.е. осуществлялась своего рода компенсация⁴⁵. Такой передел получил в литературе название косвенного.

Сроки, на которые переделялась усадебная земля в Богородском уезде, имели большой разброс. Как уже говорилось, передел мог совершаться на 12 лет (по примеру пахотной земли). Однако в уезде отмечены случаи гораздо более частых переделов. Например, в приговоре деревни Есино указывается, что усадебная земля переделялась крестьянами общества в среднем каждые 4 года⁴⁶. В 1901 г. Богородский уездный съезд отменил передельный приговор общества деревни Афанасово, поскольку там усадебная земля была разделена лишь на 1 год⁴⁷. Таким образом, передел усадеб несколько отличался от передела пашни. Во многом это было связано с особенностями усадебных земель. Усадьба находилась в полном распоряжении крестьянина, здесь он чувствовал себя более свободным и самостоятельным. Усадебные участки, как правило, лучше обрабатывались.

Кроме полевых и усадебных земель, община переделяла и другие угодья, находившиеся в ее распоряжении. В материалах Богородского уездного съезда обнаружено 7 приговоров, касающихся передела лугов, лесных угодий, хмельничных земель, торфяных болот⁴⁸. Однако только 2 из них были утверждены уездным съездом.

В современной историографии распространено мнение, что переделы земли тормозили интенсификацию сельского хозяйства. Не случайно в пореформенное время в районах с преобладанием передовых методов хозяйствования переделы постепенно сходили на нет. Там, где развитие крестьянского хозяйства оставалось на прежнем уровне, наблюдалась обратная картина. Типичным примером является Богородский уезд Московской губ. Однако и здесь переделы все же не были таким массовым и частым явлением, как принято считать. В работе П.Н. Зырянова рассматриваются коренные переделы в Богородском уезде в период столыпинской аграрной реформы. Автор подсчитал, что с 1907 по 1914 гг. крестьянские общины уезда осуществили 56 коренных переделов земли⁴⁹. В итоге за период 1890–1914 гг. в уезде совершилось 109 переделов полевой земли, т.е. за четверть века переделилось 26,5% общин.

Крестьянское хозяйство уезда на рубеже XIX–XX вв. находилось в состоянии кризиса. Община сталкивалась с большим количеством проблем, наиболее острыми из которых были малоземелье, низкая доходность земли, интенсивный отход крестьян на заработки в город, высокий уровень платежей. Земельный передел служил средством в какой-то мере облегчить положение крестьян. С его помощью община надеялась предотвратить массовое разорение своих членов.

Примечания

¹ Пругавин В.С. Русская поземельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888; Воронцов В.П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892; Карелин А.А. Общинное владение в России. СПб., 1898; Качоровский К.Р. Русская община. М., 1906; Вениаминов П. Крестьянская община. М., 1908. ✓

² Вениаминов П. Указ. соч. С. 4.

³ Там же. С. 191.

⁴ Воронцов В.П. Указ. соч. С. 151.

⁵ Качоровский К.Р. Указ. соч. С. 152–202.

⁶ Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903; Брежский Н.К. Крестьянская земельная община по новым данным // Русское экономическое обозрение. 1893. № 4; Головин К.Ф. ✓ Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887.

⁷ Чернышов И.В. Община после указа 9 ноября 1906 г. М., 1917.

⁸ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978. С. 159–161; Анфилов А.М. ✓ Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980. С. 99–101.

⁹ История СССР. 1980. № 4. ✓

¹⁰ Там же. С. 30–31.

¹¹ Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999. С. 140.

¹² Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 177.

¹³ Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период. Самара, 1999; Силин А.В. Крестьянская община Воронежской губернии в 1861–1900 гг. Воронеж, 1998; Шаров В.Д. Сельская община крестьян Марийского края в сер. XIX–нач.–XX вв. М., 1986; Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии в период рубежа XIX–XX вв. Саранск, 1995; Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России 1861–1906 гг. Псков, 1990. Котович А.В. Крестьянская община Сибири периода капитализма. Новосибирск, 1990.

¹⁴ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 177, 182. ✓

¹⁵ Там же. С. 173.

- ¹⁶ А лек с ей ч ен ко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины в России второй половины XIX в. М., 1988. С. 118–119.
- ¹⁷ В о д а р с к и й Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972. С. 37.
- ¹⁸ А н ф и м о в А.М. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁹ Центральный Исторический Архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 696, оп. 1, д. 764, л. 2; д. 188, л. 4.
- ²⁰ Там же, д. 576, л. 3; д. 648, л. 2; д. 651, л. 3.
- ²¹ З ы р я н о в П.Н. Указ. соч. С. 186.
- ²² В е н и а м и н о в П. Указ. соч. С. 58.
- ²³ ЦИАМ, ф. 696, оп. 1, д. 594, л. 2.
- ²⁴ Там же, д. 450, л. 2.
- ²⁵ Статистика землевладения. 1905 г. Вып. 1. Московская губерния. СПб., 1906. С. 22–23.
- ²⁶ ЦИАМ, ф. 696, оп. 1, д. 884, л. 8.
- ²⁷ Там же, д. 907, л. 9.
- ²⁸ Русское экономическое обозрение. 1893. № 4. С. 24.
- ²⁹ З ы р я н о в П.Н. Указ. соч. С. 196.
- ³⁰ ЦИАМ, ф. 696, оп. 1, д. 907, л. 9.
- ³¹ Там же, д. 570, л. 7.
- ³² Там же, д. 445, л. 2.
- ³³ Б у л г а к о в А.А. Современные передвижения крестьянства. СПб., 1905.
- ³⁴ ЦИАМ, ф. 696, оп. 1, д. 445, л. 3.
- ³⁵ Там же, д. 930, л. 5.
- ³⁶ Там же, д. 687, л. 70; д. 448, л. 3; д. 714, л. 2.
- ³⁷ Там же, д. 847, л. 6; д. 848, л. 6.
- ³⁸ Там же, д. 915, д. 890.
- ³⁹ Там же, д. 543, л. 4.
- ⁴⁰ Там же, д. 538, л. 3; д. 776, л. 16; д. 928, л. 1.
- ⁴¹ Там же, д. 96, 368, 592, 593, 594, 578, 686, 696, 715, 762, 777, 784, 785, 786, 783, 831.
- ⁴² Там же, д. 594, л. 2.
- ⁴³ Там же, д. 686, л. 4.
- ⁴⁴ Там же, д. 715, л. 3.
- ⁴⁵ Там же, д. 593, л. 2.
- ⁴⁶ Там же, д. 785, л. 5.
- ⁴⁷ Там же, д. 592, л. 4.
- ⁴⁸ Там же, 53, 579, 653, 654, 714, 762, 916.
- ⁴⁹ З ы р я н о в П.Н. Указ. соч. С. 183.

© 2003 г. Е.Ю. БОРИСЁНОК*

УКРЕПЛЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ И ПОВОРОТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ НА УКРАИНЕ (1930-е годы)

Становление и укрепление тоталитарной системы в СССР в 1930-х гг. с особой силой отразилось на положении национальной интеллигенции союзных республик. В современной украинской литературе для характеристики этого времени обычно используются такие понятия, как «сворачивание украинизации» и «усиление русификации»¹. При этом нарастание централизаторских тенденций в политике союзной власти (зачастую сводимых исключительно к русификации) приобретает в трудах украинских ученых самодовлеющее значение, что не позволяет объективно оценить причины происходивших в то время в стране социально-политических изменений.

* Борисёнок Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Между тем индустриализация, урбанизация и коллективизация коренным образом повлияли на проводимую центром национальную политику. Применительно к Украине особое значение имели мероприятия в области сельского хозяйства. Упорное сопротивление украинского крестьянства коллективизации в сочетании со всевозрастающими аппетитами центрального партийного руководства в хлебозаготовительных кампаниях обусловили повышенное внимание Москвы к этой союзной республике². Озабоченность сложившейся ситуацией была высказана И.В. Сталиным в ряде писем, написанных летом 1932 г.³ Ответственность за срыв хлебозаготовительной кампании Сталин возлагал на украинское партийное руководство – генерального секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора и главу Совета народных комиссаров УССР В.Я. Чубаря. «Обратите серьезнейшее внимание на Украину, – писал Сталин Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову 2 июня 1932 г., – Чубарь своей разложенностью... и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой дипломатией (в отношении ЦК ВКП) и преступно-легкомысленным отношением к делу загубят вконец Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам⁴. Сталин продумывал варианты кадровых изменений в политическом руководстве Украины: «У меня создается впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придется снять с Украины обоих – и Чубаря, и Косиора. Возможно, что я ошибаюсь...»⁵

Анализируя положение в украинской республиканской парторганизации, Сталин считал контроль ЦК КП(б)У за действиями низовых ячеек явно недостаточным. «Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии, – писал Сталин Кагановичу 11 августа 1932 г. – Говорят, что в двух областях Украины... около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, призвав его нереальным»⁶. Попытки Косиора найти компромисс в сложившейся ситуации вызвала бурю негодований у Генерального секретаря ЦК ВКП(б): «На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП и требованиями райкомов и вот – долабировался до ручки»⁷.

Срыв хлебозаготовительной кампании повлек за собой серьезные политические выводы. Сталин особое внимание уделял возможному влиянию внешних факторов на Украину: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, его агентура на Украине во много раз сложнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тыс. членов, хе-хе), обретается немало (да, немало!) гнилых элементов... наконец – прямых агентов Пилсудского»⁸.

Летом 1932 г. стало очевидным изменение отношения Сталина к Украине. Укрепив свое положение в ЦК, он уже не особо нуждался в поддержке со стороны украинской парторганизации во внутрипартийной борьбе. Гораздо важнее теперь было четкое исполнение поставленных Сталиным перед украинской парторганизацией задач. Судя по его письмам Кагановичу, именно последний должен был заменить Косиора, сохранив за собой пост секретаря ЦК ВКП(б)⁹. Сталин также предполагал снять с поста председателя ГПУ Украины С.Ф. Реденса и назначить на его место старого проверенного В.А. Балицкого, после чего надлежало заменить председателя украинского Совнаркома Чубаря «другим товарищем, скажем, Гринько¹⁰ или кем-либо другим». По словам Сталина, Украину необходимо было превратить в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть. Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь ее приграничных районов и т.п.), повторяю, – мы можем потерять Украину»¹¹. Правда, рассуждал Сталин, «направлять сейчас Кагановича на Украину нельзя» – «ослабнет секретариат ЦК», а поскольку заменить Косиора, по мнению Сталина, можно было бы лишь Кагановичем, приходилось до известного времени «выжидать»¹².

Вместе с тем Сталин решил усилить влияние центра в республике путем коренного обновления всего украинского партаппарата снизу доверху. 14 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях». В этом документе были официально названы причины тяжелой ситуации в сельском хозяйстве на Украине и указаны «виновные» – разного рода контрреволюционные элементы: кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы... Причем последние, как утверждалось, проникли в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации». Поэтому ЦК ВКП(б) предложил украинскому руководству «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»¹³. А 19 декабря было, наконец, принято постановление, предписывающее секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву «не-

медля выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и Совнаркому Украины», чтобы добиться «немедленной организации коренного перелома в хлебозаготовках» на Украине¹⁴.

Украинское партийное руководство приступило к организации пресловутого «коренного перелома в хлебозаготовках». Прежде всего надлежало жестоко наказывать за неисполнение хлебозаготовительных планов. В письме ЦК КП(б)У всем секретарям райкомов, главам райисполкомов и уполномоченным обкомов от 24 декабря 1932 г. было дано конкретное указание «вывезти все без исключения наличные колхозные фонды, в том числе и семенной», в счет выполнения плана хлебозаготовок в тех колхозах, где не выполнен был план сдачи хлеба, а «всех, оказывающих этому делу сопротивление, в том числе и коммунистов, арестовывать и предавать суду»¹⁵.

Новые настроения отчетливо прослеживаются в материалах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. В докладе об итогах первой пятилетки Сталин назвал основные причины экономических трудностей. В первую очередь – это сопротивление остатков свергнутого классов. Среди «классовых врагов» были названы и «буржуазные интеллигенты шовинистического толка». Сталин особо предупреждал также, что «рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов»¹⁶. Данный тезис был конкретизирован в докладе Кагановича «Цели и задачи политотделов МТС и совхозов», где давался подробный перечень «классовых врагов». Среди них были и «представители буржуазной, белогвардейской, петлюровской, казачьей, эсеровской и прочей интеллигенции»¹⁷. Тот факт, что эсеровская интеллигенция ставилась в один ряд с буржуазной и белогвардейской, создавал серьезную угрозу для бывших украинских эсеров, вступивших в КП(б)У в 1920 г.

Отнесение к числу первоочередных врагов национальной интеллигенции шовинистического толка, которая по определению могла быть исключительно буржуазной, весьма знаменательно. Это была «первая ласточка» в последовавшем весьма скоро активном наступлении на «идеологическом фронте» против всякого рода инакомыслящих. Очевидно, Сталин опасался, что недобольные коллективизацией, голодающие в результате драконовских хлебозаготовок украинские крестьяне могут получить своего вождя в лице национальной интеллигенции. И вскоре понятия «национальный шовинист» и «классовый враг» стали соседствовать все чаще и чаще, что нашло отражение в выступлениях на февральском 1933 г. пленуме ЦК КП(б)У¹⁸. Особенно показательным в этом смысле было выступление П.П. Постышева, назначенного 24 января 1933 г. вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома¹⁹. В своей речи он впервые указал на возможность проникновения «классового врага» в советские и партийные органы в результате «механического проведения украинизации»: «Ведь это же факт, товарищи, – говорил Постышев, – что в партию и комсомол принимали нередко по признаку одной лишь только национальной принадлежности, только потому, что украинец. Безусловно верно, что нам необходимо расширять свои ряды за счет коренных украинских кадров. Но эти коренные кадры нам надо воспитывать и брать в партию из среды рабочих и трудящихся крестьян. Ведь на основе достижений в области индустриализации Украины ширится база украинской культуры, национальной по форме и пролетарской по содержанию»²⁰.

После февральского пленума ЦК КП(б)У 1933 г. начинается разворачиваться широкая кампания против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Теперь нужно было найти виновного в «националистическом уклоне» при проведении украинизации. Основной удар пришелся на наркома просвещения Украины Н.А. Скрыпника: именно его ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации. Сохранились интересные воспоминания одного из видных большевиков Украины, члена партии с 1917 г. Я.С. Блудова, в 1930-х гг. исполнявшего обязанности ректора Харьковского государственного университета. Эти мемуары вносят определенную ясность в картину сложных взаимоотношений центра и республики. Еще в январе 1932 г. «вся советская общественность» «тепло отметила» 60-летие Скрыпника и 35-летие его революционной деятельности, а ЦК КП(б)У приветствовал его как «старого несгибаемого большевика-ленинца». Через год же, 23 февраля 1933 г., он был снят с должности, что послужило началом «антискрыпниковской» кампании.

В этом деле не обошлось без внутренних интриг. Первоначально виновными в националистическом уклоне были признаны секретарь ЦК КП(б)У по идеологии, редактор органа ЦК КП(б)У газеты «Коммунист» А.П. Любченко и заведующий отделом агитации, пропаганды и прессы ЦК КП(б)У А.А. Хвыля (кстати, бывшие боротбысты). Хотя оба они были сняты с должности в январе 1933 г., тем не менее сдаваться Любченко и Хвыля не хотели. Вскоре в узких кругах стало известно о поездке Любченко в Москву и о его встрече там со Сталиным и Кагановичем. «Разговор был, видимо, в духе взаимопонимания, – пишет Блудов, – ибо в результате в Москву

был немедленно вызван П.П. Постышев и ему было указано, что он не туда направил огонь. Его следует направить против Скрыпника, «вообразившего себя Лениным на Украине» (Сталин). После чего и началась «проработка» Н.А. Скрыпника...»²¹ «Основными запевалами» в этой критике стали Любченко и Хвилья. В итоге в июне 1933 г. на очередном пленуме ЦК КП(б)У Скрыпник вынужден был признать свои ошибки²².

Однако Постышев, выступавший после Скрыпника, уделил в своей речи украинизации основное внимание. Он не мог допустить, чтобы бывший нарком просвещения отделался «малой кровью». По словам Постышева, на участке культурного строительства «засело немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок, пустивших глубокие корни, игравших руководящую роль на отдельных участках культурного строительства. Эти вредители и шпионы... насаждали... не нашу национальную по форме и социалистическую по содержанию украинскую культуру, а культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских, культуру, враждебную идеологии и интересам пролетариата и трудящегося крестьянства»²³. Цель такой «вредительской работы» заключалась в том, чтобы «ослабить пролетарскую диктатуру, лихорадочно готовя новые вылазки против СССР, не покидая мечты об отрыве Украины от Советского Союза»²⁴. Более того, именно Наркомпрос «оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами...»²⁵

«Руководящая» роль Москвы в деле Скрыпкина не вызывает сомнений, причем особую роль, по мнению Блудова, сыграл Каганович²⁶. Политбюро ЦК КП(б)У потребовало от «виновного» официального документа с признанием ошибок. Вопрос о «статье» (или «документе») Скрыпника неоднократно обсуждался Политбюро в июне–июле 1933 г. Так, 17 июня Политбюро сочло «документ, который написал Скрыпник, неудовлетворительным и предложило его «переработать»²⁷. Но через неделю, как было оговорено, Скрыпник документа не представил. 26 июня Политбюро напомнило ему о пресловутом «документе», назначив на этот раз трехдневный срок²⁸. 5 июля Политбюро вновь обратилось к тому же вопросу, потребовав от Скрыпника «короткое письмо» для публикации в прессе к утру 7 июля²⁹.

Утреннее заседание Политбюро ЦК КП(б)У 7 июля 1933 г. проходило в весьма напряженной обстановке. Скрыпник разволновался и в начале обсуждения своего «вопроса» ушел, так что решение принималось в его отсутствие. Принимая во внимание, что «тов. Скрыпник не выполнил взятого на себя обязательства подать в ЦК короткое письмо о признании своих ошибок и решительной полной их критикой для опубликования в прессе», что «поданный им документ не отвечает требованиям ЦК и игнорирует ряд данных тов. Скрыпнику ЦК указаний», было решено «признать необходимым вывести тов. Скрыпника из Политбюро ЦК КП(б)У»³⁰.

Между тем события приняли трагический оборот. Не выдержав напряжения, Скрыпник совершил самоубийство. «После рокового выстрела в грудь... Н.А. Скрыпник жил еще несколько десятков минут», – вспоминал лично присутствовавший при этом Блудов. Обращаясь к Косиору, спешно прибывшему в кабинет Скрыпника, умирающий сказал: «Я прошу Вас передать моей партии мою последнюю к ней просьбу, простить меня... за эту..., пожалуй, мою уже... последнюю, действительную ошибку...»³¹.

Вечером того же дня Политбюро вынуждено было собраться еще раз, чтобы «отреагировать» на последние события. Решено было опубликовать в прессе следующее сообщение: «Скрыпник совершил акт малодушия, недостойный всякого коммуниста и тем более члена ЦК. Причина этого недопустимого акта в том, что за последние годы тов. Скрыпник, запутавшись в своих связях с украинскими буржуазно-националистическими элементами, имевшими партбилет в кармане, и не имея сил выбраться из этой паутины, стал жертвой этих контрреволюционных элементов и пошел на самоубийство... Похоронить тов. Скрыпника без почестей, принятых для членов ЦК»³².

Давая такую оценку ситуации, члены Политбюро ЦК КП(б)У убивали сразу «двух зайцев». Сообщение для прессы не только объясняло причину самоубийства видного украинского коммуниста. Таким путем Политбюро одновременно отмежевывалось от своего бывшего товарища, уличенного в связях с «украинскими буржуазно-националистическими элементами». Теперь обвинять Скрыпника в «националистическом уклоне» было даже удобнее, чем прежде.

Об «ошибке» Скрыпника с укором говорили у гроба его товарищи по партии Г.И. Петровский, В.П. Затонский и К.В. Сухомлин. Характерна следующая деталь. Как вспоминал Блудов, «П.П. Постышев шел за гробом Н.А. Скрыпника все время с понижшей головой и во время траурного митинга у могилы стоял бледный и угрюмый, не проронив ни слова, потупив взор в землю... Видно было, – отмечал стоявший в трех метрах от Постышева автор воспоминаний, – что он страшно тяжело переживал эту трагедию, потрясшую всех нас»³³.

Обозначившаяся тенденция к свертыванию украинизации требовала официального закрепления. 18 ноября 1933 г. был созван объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У, рассмотревший, помимо итогов прошедшего сельскохозяйственного года, итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине. Подводя идеологическую базу под разворачивающуюся борьбу с «националистической угрозой», украинское партийное руководство особо подчеркивало значение внешнеполитического фактора. По его мнению, основная угроза исходила из Германии и Польши³⁴. Таким образом, ноябрьский пленум 1933 г. положил официальное начало антинационалистической кампании на Украине³⁵. Роль главного «украинского националиста» была отведена Скрыпнику. «Линия Скрыпника» и «возглавляемого им уклона» была направлена, по словам Косиора, на «ослабление хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками, на ослабление Советского Союза», на «максимальный отрыв украинского языка от русского, на замену сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими» и, наконец, на «насильственную украинизацию школы»³⁶. Сам набор обвинений весьма показателен. Очевидец событий мог бы с уверенностью определить дальнейшее развитие событий: постепенное усиление централизаторских тенденций в стране и сворачивание украинизации (в первую очередь в области просвещения), поскольку на пленуме подчеркивалась «неразрывная связь» «дальнейшего проведения большевистской украинизации» и «интернационального воспитания масс»³⁷. В качестве основных задач в идеологической области выдвигались следующие: выращивание «настоящих советских украинских кадров»; укрепление руководства печатью, просвещением, наукой и культурой; борьба с «буржуазно-националистической контрабандой на теоретическом фронте» и укрепление связи украинской советской литературы и искусства с литературой и искусством других народов СССР³⁸.

Последнюю точку в пересмотре национальной политики и украинизации сыграл XVII съезд ВКП(б), состоявшийся 26 января – 9 февраля 1934 г. Заявив о «ликвидации остатков антиленинских группировок», Сталин предупреждал о живучести «остатков их идеологии», особенно «в области национального вопроса»³⁹. В качестве примера была приведена Украина: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»⁴⁰.

Постышев конкретизировал положение Сталина. В первую очередь он подчеркнул несколько «особенностей классовой борьбы на Украине» (это стало аксиомой и повторялось украинскими руководителями всякий раз, когда речь заходила о контрреволюции, классовом враге и т.п.). В первую очередь на Украине «классовый враг маскирует свою работу против социалистического строительства националистическим знаменем и шовинистическими лозунгами». Особая же ожесточенность Гражданской войны в этой республике способствовала тому, что «кулак прошел большую школу борьбы против Советской власти». Здесь же «больше всего осело обломков контрреволюционных организаций и партий». Кроме того, Украина в силу сложившейся международной обстановки «является объектом притязаний различных интервенционистских штабов». И, наконец, была отмечена еще одна черта: «Уклонисты в КП(б)У в общепартийных вопросах обычно смыкались и смыкаются с националистическими элементами в ее рядах, с уклонистами в национальном вопросе»⁴¹. Постышев всячески подчеркивал остроту создавшейся на Украине ситуации⁴². В том же духе были выдержаны выступления на съезде и других делегатов от Украины – С.В. Косиора, Г.И. Петровского, А.Г. Шлихтера.

Таким образом, судьба украинизации была решена окончательно, ибо, как сказал Косиор на XVII съезде ВКП(б), под ее флагом вели «свое вредительское дело» разные «контрреволюционные элементы»⁴³. Искоренить последние должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»⁴⁴. Объявленная уже в декабре 1932 г., «чистка» постепенно охватила всю украинскую компартию и продолжалась с перерывами на протяжении нескольких лет. Только за 1933 г. численность украинской парторганизации уменьшилась более чем на 100 тыс. членов⁴⁵.

Если раньше на официальном уровне делались различия между «великодержавным шовинизмом» и «местным национализмом» и выяснялось, откуда исходит «главная опасность», то теперь положение изменилось. В постановлении ЦК КП(б)У от 3 ноября 1934 г. говорилось о «новой тактике русских великодержавных шовинистов и украинских националистов, поддерживаемых всей контрреволюцией», тактике, заключающейся в создании ими общего блока на «платформе отрыва Украины от СССР», «ослабления позиций СССР и возврата власти помещиков и капиталистов»⁴⁶.

Во время репрессий 1930-х гг. любой партийный или советский работник в стране ежеминутно рисковал подпасть под подозрение «компетентных органов». На Украине особую опасность представляло обвинение в «укрывательстве» и «пособничестве» «контрреволюционному блоку националистов и троцкистов». В вышеназванном постановлении прямо говорилось о наличии «внутри отдельных партийных организаций» различных «оппортунистических, либеральствующих гнилых элементов», прямо смыкающихся с националистами и троцкистами⁴⁷.

В качестве особо подозрительных выступали научные и учебные учреждения⁴⁸. Недостаточно «бдительными» оказались партийные организации Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН), Института красной профессуры, Харьковского университета, Луганского института народного образования, допустившие «совместную разработку украинскими националистами и троцкистами антисоветских учебников и других литературных работ по социально-экономическим дисциплинам, выпущенных в 1931–1932 гг.»⁴⁹ Националистические тенденции были обнаружены и в редколлегии Украинской советской энциклопедии, где «классовые враги, вредители и контрреволюционеры... использовали УСЭ как свою организационную и финансовую базу»⁵⁰, а также в ряде культпросветучреждений⁵¹.

Не обошло вниманием руководство КП(б)У и положение на «украинском языковедческом фронте», причем разоблачение «национализма» в языкознании стало составной частью анти-скрыпниковской кампании. Сигналом к ее началу послужила статья Хвыли в «Коммунисте» от 4 апреля 1933 г. о необходимости «большевистской бдительности» в деле создания украинской советской культуры. 24 апреля Хвыля написал докладную записку Косиору и Постышеву, в которой говорилось о «большой вредительской работе» «украинской контрреволюции» в вопросах создания украинской терминологии и о ликвидации общеизвестных в украинском и русском языках научных и технических терминов⁵². Основные претензии Хвыля предъявлял к работе скрыпниковского ведомства, главным образом к Государственной комиссии для разработки правил украинского правописания при Наркомпросе УССР. Члены комиссии обвинялись в том, что заменяли в украинском языке термины, общие с русским языком, «выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных мест»⁵³. В качестве примера приводились замены слова «петит» на слово «дрібнь», «сектор» – на «витинок», «сегмент» – «утинок», «экран» – на «застувач», «экскаватор» – на «копалка», «штетсель» – на «притичка», «аэрография» – на «марсознавство», «атом» – на «неділка», «завод» – на «виробня»⁵⁴. По мнению Хвыли, такие нововведения были недопустимы, как и предложенная ранее Скрыпником реформа украинского алфавита по введению двух латинских букв для обозначения звуков «дж» и «дж»⁵⁵.

Действительно, реформирование украинского языка нередко шло путем замены «русизмов» «исконно украинскими» словами, зачастую образованными от слов, имеющих в западнославянских языках (польском и чешском). Если раньше на подобные случаи нередко смотрели «сквозь пальцы», то в первой половине 1930-х гг. ситуация в корне изменилась⁵⁶. Докладная записка Хвыли стала основанием для создания (буквально на следующий день) при Наркомпросе специальной комиссии для проверки работы «на языковедческом фронте». Из библиотек Украины были изъяты произведения «националистического характера» Б. Антоненко-Давидовича, Дм. Гордиенко, М. Кулиша, П. Капельгородского, И. Лакизы, О. Олеса, В. Подмогильного и др.⁵⁷

Серьезные изменения наметились и в системе школьного образования. Если во второй половине 1920-х гг. ЦК КП(б)У в принудительном порядке создавал для национальных меньшинств УССР школы с преподаванием на родном языке и с гордостью рапортовал об этом на партийных форумах, то в середине 1930-х гг. партийные начальники были озабочены случаями «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы»⁵⁸. Лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования.

Весной 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР провести «перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской обл.⁵⁹ Через несколько месяцев, в августе 1933 г., Политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе»⁶⁰. В апреле 1934 г. оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 г.

по январь 1934 г. из школ были уволены около 4 тыс. «учителей-националистов», причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений⁶¹. С 1 сентября 1938 г. русский язык как предмет преподавания вводился во всех нерусских школах Украины⁶², хотя это вовсе не означало перевода украинских школ на русский язык обучения.

Постепенно сформировалась система представлений о работе КП(б)У по «очищению рядов партии от враждебных контрреволюционных элементов». История КП(б)У как и история ВКП(б), преподносилась в препарированном виде, полностью исключая какой-либо самостоятельный объективный анализ ее рядовыми членами партии. Так, на пленуме ЦК КП(б)У 26–30 января 1936 г., излагая историю борьбы КП(б)У со всякого рода уклонами, Постышев особое внимание уделил выходцам из эсеровских партий – так называемым боротьбистам и укапистам. И те, и другие были названы «националистическими партиями». Влившись в КП(б)У, многие руководители этих партий «оставались на своих позициях и вели двурушническую работу внутри КП(б)У против партии, против Советской власти»⁶³. Открытой попыткой боротьбистов легализовать в КП(б)У свои позиции было выступление в 1926 г. А.Я. Шумского. После разгрома шумскизма, боротьбисты пытались создать себе «легальную базу для антисоветской работы» путем «обволакивания Скрыпника», одновременно подготавливая базу для «подпольной боротьбистской организации» и вооруженного восстания против Советской власти⁶⁴. В том же духе трактовалась и «контрреволюционная деятельность укапистов»⁶⁵.

«Украинская националистическая контрреволюция» тесно увязывалась с «международной контрреволюцией». Выступая в январе 1937 г. на пленуме Киевского обкома КП(б)У, Постышев внушал партийному активу мысль о постоянной (начиная с Гражданской войны) тесной связи украинских националистов с «наиболее антисоветскими элементами Германии, Польши и других буржуазных государств с прямой установкой на возобновление интервенции при первой благоприятной возможности»⁶⁶.

Любопытно, что наряду с задачей «очистения» партийного и советского аппаратов от «националистических кадров» в 1930-е гг., продолжала ставиться и задача проведения дальнейшей украинизации. На XIII съезде КП(б)У, состоявшемся 27 мая – 3 июня 1937 г., Косиор говорил о «продолжении линии на дальнейшую украинизацию» по тем же направлениям, что и 10 лет назад – школа, вузы, печать, культура и т.д.⁶⁷ Курса на украинизацию официально никто не отменял, и в конце 1930-х гг. партийные деятели продолжали рапортовать о «высоком росте украинской национальной советской культуры во всех областях жизни украинского народа», об увеличении «новых украинских кадров технической и научной интеллигенции», о «решительной ликвидации пережитков старого, времен самодержавия...»⁶⁸. Хотя в украинской исторической литературе принято считать конечной датой украинизации (в практической плоскости) 1938 г., когда были приняты два известных постановления – об обязательном изучении русского языка в украинских школах и об уравнивании юридически и фактически в правах с украиноязычным «Комуністом» русскоязычной газеты ЦК КП(б)У «Советская Украина», говорить об официальной отмене украинизации не приходится. Часто вполне справедливо употребляется и такой термин, как «постепенная формализация процесса украинизации» в 1930-е гг. Однако и здесь следует учитывать, что со стороны партийного руководства УССР украинизация всегда носила формальный, административный характер.

Вместе с тем изменения, произошедшие в национальной политике в начале 1932–1933 гг., действительно дают основания говорить о коренном переломе в ходе украинизации. Определяющую роль в плане сыграли общие для всей страны (а не характерные исключительно для УССР) обстоятельства. Победа Сталина во внутрипартийной борьбе, с одной стороны, и трудности, вызванные «социалистическим переустройством сельского хозяйства», – с другой сделали излишними для центральной власти заигрывания с национальными силами союзных республик. Сталину в условиях коллективизации требовался полный контроль над украинским крестьянством, для чего следовало не допустить усиления влияния в украинской деревне национально ориентированной интеллигенции.

В то же время было бы не совсем верно говорить о приоритете русификаторских тенденций в 1930-е гг. Определяющими являлись тенденции централизаторские, направленные на создание новой, социалистической культуры, одной из характерных черт которой был интернационализм. В конечном счете это и решило судьбу украинизации.

Примечания

- ¹ См., напр.: Да н и л е н к о В.М. Згорання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 36. ст. Вип. 2. Київ, 1996. С. 96–116.
- ² РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, ед. хр. 136, л. 2; ед. хр. 137, л. 4.
- ³ Там же, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 99, л. 65–66.
- ⁴ Там же, л. 45.
- ⁵ Там же, л. 46.
- ⁶ Там же, л. 145.
- ⁷ Там же, л. 146.
- ⁸ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 99, л. 148.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Имеется в виду скорее всего Г.Ф. Гринько – бывший нарком просвещения Украины; после кампании по изобличению шумскизма был отправлен в Москву.
- ¹¹ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 99, л. 149–150.
- ¹² Там же, л. 171–172.
- ¹³ Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 293.
- ¹⁴ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 233.
- ¹⁵ Там же. С. 233–234.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 502, л. 15–16.
- ¹⁷ Там же, ед. хр. 509, л. 20.
- ¹⁸ Там же, оп. 26, ед. хр. 66, л. 7, 11.
- ¹⁹ Там же, л. 28 об.
- ²⁰ Там же, л. 30 об.
- ²¹ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО), ф. 59, оп. 1, опр. 98, арк. 10.
- ²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 26, ед. хр. 66, л. 83 об.
- ²³ Там же, л. 85.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЦДАГО, ф. 59, оп. 1, спр. 98, арк. 12.
- ²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 26, ед. хр. 70, л. 111.
- ²⁸ Там же, л. 127.
- ²⁹ Там же, л. 182.
- ³⁰ Там же, л. 183.
- ³¹ ЦДАГО, ф. 59, оп. 1, спр. 98, арк. 13.
- ³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 26, ед. хр. 70, л. 186–187.
- ³³ ЦДАГО, ф. 59, оп. 1, спр. 98, арк. 13.
- ³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 26, ед. хр. 67, л. 26.
- ³⁵ Там же, л. 26 об.
- ³⁶ Там же, л. 28.
- ³⁷ Там же, л. 28 об.
- ³⁸ Там же, л. 29 об. – 30 об.
- ³⁹ Там же, ф. 59, оп. 2, ед. хр. 1, л. 75, 87.
- ⁴⁰ XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 31–32.
- ⁴¹ Там же. С. 66.
- ⁴² Там же. С. 70.
- ⁴³ Там же. С. 199.
- ⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 26, ед. хр. 70, л. 78.
- ⁴⁵ Подробнее см.: Єфіменко Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 52–112.
- ⁴⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 4673, л. 352.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же, л. 352 об.
- ⁴⁹ Там же, л. 352.
- ⁵⁰ Там же, оп. 26, ед. хр. 72, л. 11.
- ⁵¹ Там же, л. 68.
- ⁵² Там же, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 132, л. 43–44.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.

- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же, л. 45.
- ⁵⁷ Д а н и л е н к о В.М. Указ. соч. С. 106.
- ⁵⁸ Національні процеси в Україні... С. 253.
- ⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 26, ед. хр. 70, л. 56.
- ⁶⁰ Там же, ед. хр. 71, л. 93.
- ⁶¹ Подробнее см.: Ра ф а л ь с ь к и й О. Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 161–166; Є ф і м е н к о Г. Указ. соч. С. 154–155.
- ⁶² Національні процеси в Україні... С. 257.
- ⁶³ Пленум ЦК КП(б)У. 26–30 січня 1936 р. Стенографічний звіт. Партвидав ЦК КП(б)У. 1936. С. 117.
- ⁶⁴ Там же. С. 118–119.
- ⁶⁵ Там же. С. 120.
- ⁶⁶ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 220, л. 6.
- ⁶⁷ Тринадцятий з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 27.05–03.06.1937. Бюлетень № 1 Партвидав ЦК КП(б)У. 1937. С. 42–43.
- ⁶⁸ Там же.

Критика и библиография

И.А. ХРИСТОФОРОВ. «АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ» ОППОЗИЦИЯ ВЕЛИКИМ РЕФОРМАМ (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: «Русское слово», 2002. 432 с.; илл. Тир. 1 000

Весьма значительный и легко объяснимый условиями нашего времени интерес историков к проблематике русского либерализма, столь характерный для последних 10–12 лет, начинает дополняться более пристальным вниманием к консервативным течениям общественно-политической мысли, доселе остававшимся в тени. Поэтому публикацию больших монографических трудов, написанных преимущественно на основе архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, бесспорно, можно считать отрядным явлением. К числу таких исследований относится и книга И.А. Христофорова.

Автор ясно очертил предмет своего исследования, что в данном случае было совсем не простым делом, поскольку на размытость контуров аристократической оппозиции, ее крайнюю организационную рыхлость особенно часто сетовали сами ее участники. Возможно, в этом заключалась и одна из причин недостаточного внимания к данной теме со стороны историков. Вместе с тем кавычки, которыми автор выделил слово «аристократическая», на мой взгляд, едва ли оправданы. Несомненно, не все деятели этой оппозиции были аристократами по рождению, но ядро этой группировки составляла именно «природная» знать (графы Шуваловы, Бобринские, Орловы-Давыдовы, кн. Н.А. Лобанов-Ростовский и др.). Еще более важно то, что их деятельность была определена нацелена именно на укрепление и политическое возвышение данной социальной группы.

Автор уделил немалое место вопросу о применимости традиционной политической терминологии к русской истории. По его мнению, эта терминология вполне применима при анализе политической жизни России при условии, что сами понятия «либерал» и «консерватор» будут наполнены конкретно-историческим содержанием (с. 22). Так, распространенный тезис, судято в основе консерватизма должно лежать в первую очередь охранение традиций, едва ли можно отнести к деятельности такого представителя консервативной политики времен Александра II, как гр. П.А. Шувалов (с. 21). Анализ воззрений великосветской оппозиции, проведенный автором, убедительно показывает, что далеко не все ее члены (и в том числе сам Шувалов) думали о сохранении традиций. Ведь принимая за образец прежде всего английский опыт, они отнюдь не стремились к

охранению существовавших в России порядков и социальных отношений.

Вполне обоснованным выглядит выделение внутри оппозиции двух течений – западнического и традиционалистского. Различие между ними неоднократно отмечается автором (с. 125, 232), но важной роли при анализе программы оппозиции оно, по его мнению, не играет. Это также оправдано, поскольку «традиционалисты» отличались от «аристократов-западников» лишь тем, что искали (хотя и без заметного успеха) желанные образцы не на Западе, а в истории России, особенно допетровской. В основном же общественно-политические устремления тех и других были одинаковы, что и позволяет характеризовать их в совокупности как оппозицию Великим реформам «справа». В итоге о «консерватизме» представителей русской знати действительно можно говорить лишь весьма условно, за неимением более адекватного российского реалиям термина. В книге содержится немало свидетельств тому, что по части посягательства на «устои» русской жизни, например, на общину, предложения так называемых «консерваторов» порой сильно опережали идеи как либералов, так и многих деятелей радикального лагеря. Вот почему столь похожее на оксюморон определение «революционный консерватизм» (с. 257) действительно применимо ко многим запискам, выходящим из-под пера «аристократов».

Рассмотрение разнообразных проектов аристократической оппозиции дает основания для общего вывода, что под маркой «консерватизма» могут скрываться самые разные программы, взгляды и представления, характерные для каждой конкретной страны или отдельной эпохи. Общим же для консерваторов разных эпох или наций является охранение того, что лучше всего определяется английским понятием *vested interests*¹. Это, впрочем, не означает, что в условиях подготовки и проведения крестьянской реформы можно было бы поставить знак равенства между аристократами-консерваторами и «крепостниками». Детальное изложение И.А. Христофоровым многочисленных проектов «аристократов» по крестьянскому вопросу не оставляет сомнений в том, что их позиция была достаточно гибкой, а сами они понимали закономерность падения крепостного права. Поэтому «консерватизм» аристократической оппозиции заключался отнюдь не в требовании отказа от реформ (с. 5, 135). В ре-

зультате возникает вопрос: была ли это оппозиция *реформам* или же скорее оппозиция *реформаторам*, т.е. либеральным чиновникам, находившимся у власти? И если принять во внимание, насколько активно деятели оппозиции пытались повлиять на содержание реформ, участвуя в работе по их подготовке, думается, есть определенные основания предпочесть второй вариант ответа.

Автор не обошел вниманием и вопрос о кажущейся «либеральности» многих аспектов программы «аристократов». В самом деле, они выступали последовательными противниками крестьянской общины, сторонниками частной земельной собственности и экономической свободы, так что аналогии с будущими реформами времен Витте и Столыпина напрашиваются сами собой. Сумели они зарекомендовать себя и сторонниками представительных начал – достаточно вспомнить конституционные симпатии П.А. Шувалова или политические требования московского дворянства, относящиеся к 1865 г. Принадлежащая кн. Н.А. Лобанову-Ростовскому краткая квинтэссенция программы аристократической оппозиции – «разрушить общину, позволить каждому крестьянину выделить его надел земли, сделав его консерватором», «изменить избирательный закон в земство и [городскую] думу в консервативном смысле, то есть усилить голос собственников», «создать при Государственном совете постоянную редакционную комиссию, состоящую из выборных членов», а также сформировать «однородное министерство» – легко может показаться *консервативно-либеральной* и в известном смысле опережающей свое время (с. 248). Думается, что в определенной «либеральности» подобным взглядам и проектам отказать все-таки нельзя. При этом немалая доля истины была и в наблюдениях кн. Лобанова о том, что «в России социалисты большей частью выдают себя за либералов, несмотря на то, что они предлагают деспотически распоряжаться частным имуществом» (с. 246). Характерно, что очень созвучной этому взгляду была позиция признанного теоретика российского либерализма Б.Н. Чичерина, писавшего о «революционности» мер, предпринятых Н.А. Милютиным в Польше². И все же следует согласиться с автором, что либеральные принципы, как правило, служили «аристократам» лишь *средством* достижения их целей.

В чем же состояли эти цели? В чем заключалась суть разногласий аристократической оппозиции и «милютинской» группировки, сторонников «демократического цезаризма»? Автор пишет, что «фриттерские буржуазные идеи использовались ими (т.е. «аристократами». – А.В.) лишь как удобный аргумент в борьбе с политическими противниками; в основе же их ценностной ориентации лежало представление, что социальная мобильность – неизбежное следствие экономического либерализма – должна уравновешиваться устойчивым и не подверженным превращениям рынка слоем крупных землевладельцев» (с. 250). Иными словами, «аристократы» дер-

жали в уме английскую модель, при которой ленд-лорды занимаются политикой, крупные арендаторы – организацией хозяйства, а наемные работники – непосредственно земледелием (с. 249). Тот факт, что подобная система действительно существовала в такой либеральной по меркам XIX в. стране, как Англия, сам по себе наводит на мысль, что это положение вещей до известной степени совместимо с концепциями и практикой либерализма. При этом нельзя не обратить внимания на то, что и вождям *либерального* дворянства не были чужды такие мысли. В книге приводится относящийся к 1859 г. отзыв А.М. Унковского о том, что помещное дворянство «одно может руководить и вразумлять народ», а потому ему должно принадлежать «первенствующее место в собраниях и предпочтительное право на должности» (с. 95). И.А. Христофоров пишет, что даже знаменитый адрес тверского дворянства 1862 г., в котором оно торжественно отказывалось от всех сословных привилегий, был для многих подписантов «лишь очередной формой выражения неудовлетворенности и протеста» против крестьянской реформы (с. 154). С этим можно согласиться, особенно принимая во внимание, что под адресом стояли подписи 112 человек, и едва ли все они были убежденными либералами. Так что различие между дворянами-консерваторами и дворянами-либералами не было столь уж глубоким. Достаточно сказать, что в эпоху Александра II и те, и другие не видели реальной угрозы преобладанию дворянства в земстве, которое обречено было оставаться преимущественно дворянским. Разногласия касались скорее перспектив существования дворянства, чем его настоящего положения.

В чем же коренная причина политической несостоятельности «аристократов»? Автор находит их программу внутренне цельной, но полагает, что на пути ее реализации вставало множество трудноразрешимых практических препятствий (с. 257), поскольку она предполагала, в частности, разрушение традиционного уклада в деревне и наличие у большинства помещиков желания и готовности безвозмездно руководить жизнью местного общества. Очевидно, по этой причине многочисленные предложения великосветских консерваторов, выдержанные в подобном духе, не получили воплощения, и сама реальность подталкивала консервативных публицистов к признанию того, что действовать можно только через бюрократию и правительство (с. 257–258), а это фактически означало правоту их главного противника – Н.А. Милютина. Вместе с тем нельзя не признать, что и правительство (особенно после ухода самого Милютина) также оказалось не на высоте положения и не смогло создать «ни эффективных органов действия в деревне, ни программы такого действия» (с. 312). Такое положение вещей должно было вызывать озабоченность многих, в том числе и группировки «аристократов». Но даже во время пребывания у власти графа П.А. Шувалова в конце 1860 – первой половине 1870-х гг. все свелось к уси-

лению административной власти, так что некоторые наблюдатели не без оснований недоумевали, в чем же, собственно, заключался консерватизм его политики? (с. 285, 306). Автор ставит вопрос о причинах такой ситуации и о том, действительно ли Шувалов намеревался реализовать программу, предложенную «аристократами» (с. 288). По его мнению, дело было во внутренней противоречивости самой этой программы – правительству должно было отказаться от части своих полномочий в пользу того слоя, который уже обнаружил неспособность сплотиться самостоятельно. Поэтому консервативные начала нужно было «насаждать», как об этом недвусмысленно заявлял сам Шувалов (с. 287). Однако серьезные попытки их «насаждения» так и не было предпринято. Создается впечатление, что именно неясность и расплывчатость многих идей представителей «партии аристократов» в сочетании с их статусом крупных землевладельцев и недавних обладателей множества крепостных крестьян побуждала их оппонентов приписывать им более серьезные и далеко идущие намерения, чем это было в действительности.

Объяснение истоков слабости и разобщенности аристократической оппозиции, ее зависимости от настроений верховной власти, безусловно, является ключевым моментом при анализе всей ее деятельности. Данный вопрос затрагивается автором неоднократно (с. 237, 274, 282), хотя однозначного ответа на него в книге не дается, да и сама эта тема столь широка, что выходит за рамки одного исследования. Конечно, никак нельзя сбрасывать со счетов отсутствие в среде русского дворянства устойчивых корпоративных традиций (с. 137). Характерно, однако, что и *положить начало* этим традициям также не удавалось. С точки зрения самих «аристократов», например флигель-адъютанта графа П.П. Шувалова, причина была в том отвращении ко всяческому коллективизму, которое будто бы изначально было присуще консерваторам как сторонникам личной собственности (с. 315). Является ли такой ответ исчерпывающим? Думается, что вопрос о причинах политической слабости поместного дворянства еще не раз будет предметом историографических дискуссий.

При ознакомлении с проектами деятелей консервативной оппозиции вполне естественно возникает вопрос, не являются ли они идейно-политическим источником последующих контрреформ или антиобщинных мероприятий Столыпина? Относительно контрреформ можно поддержать вывод автора о глубоком различии между «аристократов» и политикой Александра III (с. 318–319). Этот император совсем не подходил для роли «боярского царя» или конституционного монарха и вовсе не собирался давать дворянству ту власть и независимое положение, которых домогались «аристократы». Напротив, намерения разработчиков контрреформ сводились к тому, чтобы бюрократизировать само дворянство, превратив его в «кадровый резерв» для администрации, в первую очередь местной. Разу-

меется, такое положение вещей никак не устраивало «аристократов». Что же касается возможной идейной связи между их проектами и планами Столыпина, то этот вопрос, выходящий далеко за хронологические рамки предпринятого И.А. Христофоровым исследования, остался в нем практически не затронутым.

Хотелось бы особо отметить, что книга написана на огромном архивном материале, извлеченном прежде всего из личных фондов деятелей аристократической оппозиции и их оппонентов (автор использовал документы более чем 50 фондов 6 архивов Москвы и Санкт-Петербурга). Многие из них ранее не использовались и впервые вводятся в научный оборот, другие можно отнести к числу малоизвестных. В качестве приложения полностью напечатана обширная записка «Тайная полиция в России», принадлежащая перу противника консерваторов (хотя и аристократа по происхождению) кн. А.И. Васильчикова. Хотелось бы, правда, указать на неточность, вкрадшуюся в предвещающие публикацию биографические сведения о князе: в них утверждается, что он был внуком председателя Государственного совета и Комитета министров Иллариона Васильевича Васильчикова и сыном киевского генерал-губернатора Иллариона Илларионовича Васильчикова (с. 320, 402). В действительности же автор записки был не внуком, а сыном первого из названных сановников и младшим братом второго. Следует, впрочем, заметить, что эта неточность уже укоренилась в исторической литературе: ее можно обнаружить и в фундаментальной энциклопедии «Отечественная история»³.

Некоторым пробелом книги является, на мой взгляд, отсутствие в ней развернутых персональных характеристик лидеров оппозиции (за исключением кн. Н.А. Лобанова-Ростовского). Такие характеристики были бы уместны, особенно принимая во внимание немногочисленность аристократической группировки, которая в то же время уравновешивалась влиятельностью (по крайней мере, потенциальной) ее ведущих представителей. Нет нужды говорить, что указанные недочеты несколько не умаляют научных достоинств книги И.А. Христофорова, ставшей ценным вкладом в историографию Великих реформ и общественно-политической мысли в России.

**А.Н. Верещагин, кандидат исторических наук
(Высшая школа социальных и экономических наук
Академии народного хозяйства
при Правительстве РФ)**

Примечания

¹ Совокупность установившихся интересов, сложившийся порядок или признанная сфера влияния; группа лиц, приобретших права в какой-либо сфере жизни данной страны, и т.п.

² Воспоминания Б.Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 134.

³ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. А–Д. М., 1994. С. 348.

А. В. ОСТРОВСКИЙ. КТО СТОЯЛ ЗА СПИНОЙ СТАЛИНА? ТАЙНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДПОЛЬЯ. СПб.: изд. дом «Нева»; М.: Олма-пресс, 2002. 640 с. Тир. 10 000

Автора новой книги о Сталине трудно упрекнуть в его апологии, но нелишне напомнить, что Сталин – это кровавый деспот, чье руководство советским государством (в том числе и в годы войны) сопровождалось тяжелыми ошибками и преступлениями. Тем не менее феномен Сталина существует и продолжает привлекать внимание историков. Новая книга петербургского профессора А.В. Островского рассказывает о дореволюционном периоде жизни и деятельности будущего «вождя народов». Тщательно проанализировав огромное количество документов в архивах России и Закавказья, прежде всего материалы политического сыска и неопубликованные воспоминания, автор подробно, шаг за шагом прослеживает основные этапы общественно-политической и личной жизни И.В. Джугашвили до 1917 г.

Читатель здесь сможет почерпнуть немало нового. Вслед за Л.М. Спириным, обратившим внимание на этот факт еще более 10 лет назад¹, автор указывает, что в действительности Сталин родился не 9/21 декабря 1879, а 6/18 декабря 1878 г. Зачем ему понадобилось омолаживать себя на год – это другой вопрос, но запись в метрической книге Успенского собора в Гори неоспорима. Родители его отца Виссариона Джугашвили одно время жили в Южной Осетии, и, возможно, здесь следует искать истоки популярной в свое время, но совершенно неверной версии об осетинском происхождении Сталина (вспомним строку из стихов О. Мандельштама о «кремлевском горце»: «И широкая грудь осетина...»). В книге красочно описаны обстоятельства довольно безрадостного детства Сталина (отец рано оставил семью) и подчеркивается, что полученная 6-летним Иосифом и оставшаяся на всю жизнь травма левой руки не могла не повлиять на становление его характера и личности.

А.В. Островский убедительно показывает, что Иосиф Джугашвили вступил в общественное движение не в 1894–1895 гг., как он сам заявил в известной беседе с Э. Людвигом, а в 1896–1897 гг., причем первые кружки с его участием носили не столько революционный, сколько просветительский характер. До сих пор остаются неясными и причины его исключения из семинарии, а также роль Джугашвили в Батумской демонстрации 1902 г. Во всяком случае он вряд ли был ее единственным организатором и руководителем (то же самое относится и к Бакинской стачке 1904 г.). Вслед за публицисткой Островский уточняет известный эпизод «заочного знакомства» (по переписке) будущего генсека с Лениным: это произошло, по-видимому, осенью 1904, а не в 1903 г., как утверждал сам Сталин².

Чрезвычайно важен вопрос об участии Сталина в известном июньском «эксе» 1907 г. – нападении революционеров на почтовый транспорт и хищении 250 тыс. руб. Вообще версия о связях молодого Сталина с криминальным миром сейчас довольно популярна, и не так давно ее повторил известный актер О.В. Басилашвили, назвавший Сталина «бандитом»³. Исследование Островского показывает, что всерьез говорить о подобных связях не приходится. Сама «экспроприация» была осуществлена, как известно, Камо, и Сталин в ней не участвовал, хотя и был в курсе дела. «Экс» был сурово осужден тифлисскими социал-демократами (преимущественно меньшевиками), а Сталина исключили из организации, и он вынужден был перебраться в Баку.

Рецензируемая книга дает возможность выявить эпизоды из жизни Сталина, упущенные или сфальсифицированные его официальными биографами. Это касается, в частности, и его поездок за границу. Так, например, он ездил в 1908 г. в Швейцарию для встречи с Лениным, что не отмечено в сталинской биохронике. По подсчетам Островского, Сталина арестовывали 9 раз (а не 6 или 7, как было принято считать с его слов), и бежал он из ссылки 8 раз (а не 5 или 6). «Аресты и побегии могут лишь украсить биографию революционера, – пишет автор. – Почему же в свое время И.В. Сталин не только называл меньшее количество арестов и побегов, но и не дал их полной и точной хронологии?» (с. 457). И здесь мы подходим к очень острому и важному вопросу: был ли Сталин агентом охраны? Литературы, в том числе мемуарной, по этому вопросу опубликовано немало. Даже первый побег Сталина (январь 1904 г.) и возвращение в Батум тогда же вызвали подозрения у некоторых членов местной социал-демократической организации и обвинения его в провокаторстве, так как этому предшествовал ряд провалов и арестов. С тех пор шлейф этих подозрений тянулся за Сталиным многие годы. Однако вслед за З.И. Перегудовой⁴ Островский показывает, что серьезных доказательств связей Сталина с полицией не существует. Так называемое «письмо Еремина» (июль 1913 г.) – главный аргумент обвинения – является, как доказано историками, фальшивкой (это стало известным еще в 1956 г.), а воспоминания, в том числе и Р. Арсенидзе, не содержат ничего, кроме подозрений, умозаключений и эмоций.

Правда, остаются пока без ответа вопросы, зачем Сталин скрывал и путал некоторые факты своей биографии, почему после революции он стремился собрать все сведения о себе в архивах и изъять нередко сами архивные документы. Но согласимся, что это только питает подозрения и сомнения, но не более того. Кстати, секретные агенты охраны, по-

лучая дополнительное казенное содержание, как правило, не бедствовали (доходы Р. Малиновского, например, приблизительно равнялись жалованью генерала, директора Департамента полиции). Сталин же до революции был всегда беден, а нередко его материальная нужда принимала крайне острые формы.

Что же касается побегов, то автор рецензируемой книги убедительно показывает, что в то время побег из ссылки отнюдь не являлся каким-то беспримерным подвигом. Как правило, его осуществление зависело от наличия денег на дорогу и на теплую одежду, если дело происходило зимой. Конечно, риск быть задержанным сохранялся, но Сталину удавалось благополучно добираться из Вологодской губ. и из Сибири до Закавказья и Петербурга. Характерно, что после октября 1917 г. большевики круто изменили более или менее либеральные тюремные порядки царского времени, введя гораздо более суровый режим в местах заключения и ссылки (до революции концентрационных лагерей в России не было). В книге Островского тщательно прослежены все обстоятельства пребывания Сталина в ссылках, в том числе и его ссора с Я.М. Свердловым в 1914 г. в Туруханской ссылке, произошедшая, по видимому, на бытовой почве.

Описывая заключения Сталина в его отношениях с царскими правоохранительными органами, Островскому часто приходится констатировать трудно объяснимый либерализм и нерадивость полиции. Автор книги выдвигает интересный, но несколько априорный тезис о тесных связях революционного подполья с закавказской буржуазией и аристократией. Оппозиционно настроенные по отношению к царизму круги искали и находили контакты с леворадикальными нелегалами и оказывали им различные услуги. К этому следует добавить и столь характерные для Кавказа семейно-родственные, клановые и земляческие связи. Поэтому нетрудно представить, что охранка при преследовании и репрессировании революционеров могла испытывать определенное давление со стороны «общества» (Правда, о конкретном влиянии этого фактора на перипетию судьбы Сталина точных данных нет.) Островский указывает, что даже такие острые проявления классовой борьбы, как забастовки, иногда инспирировались и финансировались самими фабрикантами. Мотивы при этом могли быть самыми разными: неблагоприятная конъюнктура на рынке, стремление нанести ущерб конкуренту и т.д. И здесь мы подходим к одной из главных проблем, рассматриваемых в рецензируемом труде, – финансированию революционного движения.

Бесспорно, содержание группы профессиональных революционеров (публицистов и функционаров-организаторов) и партийной прессы стоило немалых денег. Откуда же брались эти средства? Как известно, советская историография неохотно отвечала на этот вопрос. Правда, стали хрестоматийны-

ми имена С.Т. Морозова и Н.П. Шмита. А еще? Нехотя вспоминают о японских деньгах в 1904–1905 гг., в последние годы стали разрабатывать тему «немецкого золота» в годы Первой мировой войны. Но круг «спонсоров» революционного подполья был много шире. Не случайно одна из глав книги Островского называется «Был ли одинок Савва Морозов?» Нам представляется несомненной заслугой автора принципиальная постановка этой проблемы, хотя она очень трудно поддается исследованию, ибо, как правило, такого рода контакты не оставляют (или почти не оставляют) документальных следов. (Так, например, на материале Петербурга такие связи пока не прослеживаются.) Возможно, некоторым из нас придется преодолеть и своего рода психологический барьер: ведь революционное движение может лишиться ореола бескорыстной, самоотверженной и нравственно безупречной борьбы за идею.

Так или иначе, частные пожертвования со стороны буржуазии и либеральной интеллигенции были основным источником финансирования революционного подполья. Характерно, однако, что, придя к власти, бывшие подпольщики не только экспроприровали своих благодетелей, но и физически уничтожили многих из них. Закавказская буржуазия в этом отношении не отставала от буржуазии других регионов империи: бакинские нефтепромышленники (братья Гукасовы или А. Манташев) и владельцы чиагурских марганцевых рудников через профсоюзы передали немалые средства на развитие рабочего движения, в том числе и на деятельность Бакинского комитета РСДРП.

И вот здесь закономерно возникает вопрос, внесенный на титульный лист книги: «Кто стоял за спиной Сталина?» К сожалению, приходится констатировать, что четкого ответа на него у автора нет. Не исключено, что одним из скрытых «спонсоров» будущего вождя мог быть директор завода Ротшильда в Батуме Ф.Ф. Гьюн. Зафиксирована также встреча Сталина с управляющим одним из бакинских нефтепромышленных обществ А.И. Манчо, щедро помогавшим социал-демократам. Однако не будем чрезмерно строги и требовательны к автору, поскольку уже сама постановка проблемы финансирования революционного движения отечественной буржуазией в какой-то мере поможет читателям более рельефно представить себе эту сторону жизни дореволюционной России. Остается надеяться, что будущие исследования смогут внести в этот вопрос ясность.

Есть в рецензируемой книге отдельные неточности и положения, с которыми трудно согласиться. Так, уже во введении автор выдвигает по меньшей мере спорный тезис о «термидорианском, контрреволюционном по своей сути перевороте», совершенном Сталиным, и утверждает, что тот «восстановил эксплуатацию страны иностранным капиталом» (с. 4). Характерно, что подобные взгляды автор высказывал и в других своих работах⁵. Оставим в стороне во-

прос о «термидоре», но напомним, что еще в 1960-е гг. наша наука окончательно отказалась от сталинистского тезиса о полукOLONIALном характере дореволюционной российской экономики.

Следует уточнить положение Островского о том, что «на Кавказе в конце 1917 г. установилась советская власть» (с. 46). Это верно только в отношении Баку (до августа 1918 г.) и отчасти Сухуми, где советская власть просуществовала на протяжении всего нескольких недель весной того же 1918 г. Во всем остальном Закавказье утвердилась власть буржуазно-демократического Закавказского комиссариата. Поэтому никакого особого «огня гражданской войны» в Закавказье тогда не было.

На с. 82 упоминается о «борьбе осетин и грузин в Южной Осетии в XVIII в.» В действительности в XVIII в. эта борьба, если она и была, уже завершилась. На с. 113 явно преувеличено стремление населения Закавказья к независимости в XIX в. В Грузии такие настроения были лишь у ничтожного меньшинства жителей, а в Армении этот вопрос вообще не возникал. Николай II не отдавал приказа о расстреле рабочих 9 января 1905 г. (Кровавым он был прозван после Ходынки.) Декабристами были Вильгельм и Михаил Кюхельбекеры, а не их отец Карл (с. 560). Этот перечень можно было бы продолжить.

В целом же работа А.В. Островского получилась интересной и яркой и, несомненно, привлечет внимание читателей серьезной и в ряде случаев новой постановкой проблемы революционного движения в России.

**И.П. Лейберов, доктор исторических наук,
Н.К. Юрковский, кандидат исторических наук
(Санкт-Петербург)**

Примечания

¹ Известия. 1990. 25 июня.

² Сталин И.В. Соч. Т. 6. М., 1947. С. 53–54; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1 (1870–1905). М., 1970. С. 518.

³ Известия. 2002. 6 мая.

⁴ Перегудова З.И., Каптелов Б.И. Был ли Сталин агентом охраны? // Родина. 1989. № 5; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.

⁵ См.: Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 164–165; е го же. История цивилизации. Учебник. СПб., 2000. С. 294–297.

МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. 1917–1941 годы*

Приоткрывшиеся за последние десять лет российские архивы, наконец, позволили начать изучение советской внешней политики на основе подлинных документов. Процесс этот находится еще в начальной стадии, но уже сейчас обнаружилось как достижения, так и серьезные проблемы, присущие не только российской, но и зарубежной историографии. Это становится очевидным при чтении сборника статей исследователей различных стран под редакцией профессора Людмилы Томас и доктора Виктора Кнолля (Институт истории при университете им. А. Гумбольдта в Берлине).

Профессор Гюнтер Розенфельд во вступительной статье подчеркивает влияние, которое оказало на историю XX в. само существование большевистского государства и его внешняя политика. Для оценки международного положения СССР принципиальное значение имеет его вывод об отрицательном воздействии внутреннего развития государства «диктатуры пролетариата» на его внешнюю политику, в значительной степени способствовавшего в условиях сталинского режима внешнеполитической изоляции СССР на международной арене (с. 13, 25).

Резюмируя содержание сборника, Розенфельд приходит к выводу, что история внешней политики Советского Союза «не всегда идентична» истории его международных отношений, которые шире и разнообразнее по характеру действующих лиц и событий, чем «официальная» внешняя политика (с. 30). Однако этот вывод никак не обоснован, отсутствуют четкие дефиниции обоих понятий, а главное – упущена из виду специфика внешней политики тоталитарного режима. Более плодотворным, на мой взгляд, было бы проведение четкого разграничения между внешней политикой и дипломатией, являющейся лишь одним, хотя и важным, из инструментов внешнеполитической деятельности государства.

Центральное место в сборнике по широте и важности поставленной проблемы, несомненно занимает статья Виктора Кнолля, в которой анализируется роль Наркоминдела в 1920–1930-е гг. в процессе принятия внешнеполитических решений. Поставленные Кноллем вопросы сводятся к двум основным: обладало ли внешнеполитическое ведомство в это время самостоятельностью и сколь велико было его влияние на процесс выработки и принятия

* Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik 1917–1941/hrsg. von Ludmila Thomas u. Viktor Knoll. Stuttgart: Steiner, 2000. 443 S.

внешнеполитических решений? Выводы, сделанные автором, достаточно противоречивы. С одной стороны, он полагает, что каждая дипломатическая инициатива, которая выходила за пределы повседневной ведомственной рутины Наркоминдела, требовала утверждения Сталиным (с. 77), которого следовало предварительно информировать и о рутинной работе наркомата (с. 117). С другой – Кноль считает, что до отставки М.М. Литвинова представители НКВД имели возможность активно вмешиваться в процесс формулирования и реализации советской внешней политики (с. 97, 151).

Кноль определяет степень влияния Наркоминдела следующими факторами: а) местом международных отношений среди приоритетов партийного руководства; б) эффективностью работы аппарата в ходе реализации внешнеполитических установок; в) уровнем отношений между Сталиным и руководством Наркоминдела (с. 98, 153). Все эти факторы, разумеется, могли играть и играли известную, порой даже значительную, роль. Но были ли они определяющими в структуре тоталитарного государства? Так, например, Кноль пытается объяснить снятие Литвинова с поста наркома в начале мая 1939 г. разочарованием Сталина по поводу «неспособности советской дипломатии эффективно противодействовать в высшей степени реальной опасности вовлечения в войну на фоне широкой международной изоляции» страны (с. 153). Однако такое объяснение неверно, поскольку руководство Наркоминдела осуществляло не литвиновский, а сталинский внешнеполитический курс. В ходе его реализации на этапе сближения с нацистской Германией возникла необходимость в действиях столь конфиденциального характера, что их подготовку и осуществление Сталин мог проводить совместно только с особо доверенным лицом, каковым Литвинов не являлся. К тому же он вызывал в силу своего «неарийского» происхождения постоянную алергию у руководства Третьего рейха.

Стелья самостоятельности Наркоминдела в структуре советской государственной машины была соизмерима лишь с положением других ведомств с поправкой на то, что нарком цветной металлургии не обязательно согласовывал со Сталиным технологию выплавки того или иного металла, а Литвинов и другие руководители внешнеполитического ведомства ежедневно в письменной и устной форме согласовывали с руководством любые сколько-нибудь значимые действия НКВД. То, что большинство внешнеполитических вопросов, вынесенных на рассмотрение Политбюро, инициировалось самим наркоматом, отнюдь не является свидетельством его особого влияния на процесс принятия решений, так же как и их обсуждение в присутствии руководителей Наркоминдела. Это была обычная практика, присущая деятельности всех наркоматов.

Механизм принятия внешнеполитических решений сталинским руководством находится в центре внимания к.и.н. Г.А. Бордюгова (Институт переподго-

товки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова), рассмотревшего новые их доминанты после прихода Гитлера к власти в 1933–1934 гг.¹ Он последовательно анализирует основные составляющие этих решений (генеральное направление, экономический, военный, информационно-разведывательный, идеологический и внутривнутриполитический аспекты), что представляет немалый интерес не только из-за обилия введенного в оборот нового материала, но прежде всего в плане методики исследования. Вместе с тем и сама эта методика, и ряд выводов автора статьи вызывают немало вопросов. Можно ли судить об адекватности принятых в Кремле решений без характеристики изменений в международной обстановке в Европе и в мире в целом, а о степени внимания со стороны высшего руководства страны к внешней политике на основании *только* решений Политбюро? Наконец, возможно ли вообще разобраться в механизме принятия решений высшим руководством без четкого определения характера политического режима, сложившегося в СССР в начале 1930-х гг.?

По мере концентрации власти в руках Сталина внешняя политика все больше изымалась из компетенции Политбюро. Многие вопросы вообще не обсуждались на его заседаниях, а передавались на рассмотрение в его комиссии, либо принятые решения не фиксировались в протоколах и доводились до исполнителей в устной форме². И только совокупный анализ документов, относящихся к деятельности ведущих ведомств, обеспечивающих внешнюю политику государства, позволяет давать оценку тем или иным решениям высшего руководства. Поэтому вывод Бордюгова о снижении «начиная с 1932 г. и затем по нарастающей в 1933–1934 гг.» внимания «сталинского руководства к проблемам европейского региона» (с. 374), сделанный на основании решений Политбюро, вряд ли можно считать всесторонне обоснованным³.

Едва ли можно согласиться и с оценкой Бордюговым внутривнутриполитического курса сталинского режима в 1933–1934 гг. как направленного не в последнюю очередь на «освобождение от тех крайностей, которые затрудняли обретение достойного положения в Европе и обретение новых союзников» (с. 397–398). В период существования тоталитарного режима в СССР его репрессивный характер не менялся, тем более под воздействием международной обстановки, а вот влияние характера политического режима на его действия на международной арене может быть прослежено достаточно обстоятельно.

В статье доктора Доналда О'Сэлливана (Центральный институт по изучению стран Центральной и Восточной Европы при католическом университете в Айхштетте, Германия) анализируется советская внешняя политика в послевоенный период и положение в Наркоминделе в 1938–1939 гг. Заслуживает внимания постановление автором вопроса о наличии радикального поворота в советской внешней

политике в 1939 г., сформулированного А. Уламом еще во второй половине 1960-х гг. Правда, О'Сэлливан не дает определенного ответа на этот вопрос, ограничиваясь констатацией того, что «конкретная политика подвергалась постоянным переменам и оставалась изменчивой, чтобы быть в состоянии приспособляться к событиям и обстоятельствам». Вместе с тем он отмечает, что подчиненная роль Наркоминдела в советском государственном аппарате в 1939 г. не изменилась, поскольку внешняя политика как при Литвинове, так и при Молотове «полностью была зависима от взглядов и игры ума кремлевского диктатора» (с. 202). К сожалению, этот вывод не всегда находит подтверждение в статье, где говорится и о литвиновской политике «коллективной безопасности» (с. 161), и о его же «программе сохранения мира в Европе», которая якобы «вошла в столкновение с представлениями Сталина» (с. 179) и имела «какое-то отношение к освобождению наркома от должности» (с. 180). Делая вывод, что «НКВД был инструментом советской экспансии и порой служил тому, чтобы маскировать эти амбиции» (с. 202), О'Сэлливан, однако, пытается в известной мере противопоставить позиции руководства Наркоминдела и Сталина, подчеркивая, например, «недовольство Литвинова выжидательной тактикой Сталина» (с. 179). В целом из статьи можно узнать кое-что новое о внутрисистемном положении НКВД в последний год литвиновского и первый год молотовского руководства, но практически ничего – о советской внешней политике этого периода.

Новый аспект в изучении советской внешней политики рассматривается в статье Марини Фукс (Институт истории при университете им. А. Гумбольдта в Берлине), которая анализирует влияние региональной специфики (огромная удаленность от Центра при слабом развитии средств связи и коммуникации) Восточной Сибири и Дальнего Востока на внешнюю политику советской России начала 1920-х гг. в отношении сопредельных государств (Китая, Монголии, Японии), а также роль региональных партийных функционеров в этом процессе. Фукс, в отличие от большинства историков, исследующих внешнюю политику Советского государства в рамках традиционно замкнутой цепочки (Политбюро – Наркоминдел – заграничные представительства), расширяет наши представления о начальном периоде становления тоталитарной диктатуры, характеризуем ею как полицентризм (с. 366), затрагивавший и сферу внешней политики. Геополитическая уникальность создавала на стадии становления нового режима беспрецедентную в мировой практике XX в. ситуацию, когда центр был вынужден даже в такой традиционно централизованной сфере государственной деятельности, как внешняя политика, делегировать определенный объем полномочий и предоставлять некоторую свободу действий регионам. Анализируя черты этого регионального полицентризма, Фукс приходит к небезынтересным выводам о его составляющих во внешней

политике дальневосточного региона и о специфике взаимоотношений между региональными центрами власти и Москвой. Во многом они основывались на клиентельной системе, позволявшей региональным лидерам действовать по собственному усмотрению в уверенности, что такие действия в случае необходимости могут быть подстрахованы через параллельные структуры в центре.

Еще одна малоизвестная сторона функционирования советского внешнеполитического механизма – работа его дипломатических представительств за рубежом. В статье доктора Петера Кольмера (Цюрихский университет) на основе швейцарских и российских архивов в деталях воссоздана деятельность советской миссии в Берне в 1918 г., имевшей своими задачами прежде всего сбор информации о положении в странах Антанты и репатриацию российских солдат. Наряду с этим важной стороной ее деятельности была пропаганда большевистских идей, что входило в противоречие со швейцарским законодательством и закончилось высылкой сотрудников миссии из страны уже через 5 месяцев после начала ее деятельности. Кольмер осторожно констатирует, что доступные ему в российских архивах материалы не позволяют говорить о прямом вмешательстве советского представительства во всеобщую забастовку в Швейцарии в ноябре 1918 г., хотя наличие секретных планов его нелегальной деятельности несомненно.

Иной ракурс деятельности советского представительства в Копенгагене в 1930-е гг. нашел отражение в статье датской исследовательницы Рикке Хауе (Центр славянских исследований университета в Оденсе), анализирующей работу советских дипломатов через призму дипломатической корреспонденции, послылавшейся в Москву, и реакции на нее руководства Наркоминдела. Статья представляет интерес прежде всего с точки зрения методики исследования. Анализ дипломатической корреспонденции позволил автору установить, какие источники информации могли быть привлечены при ее составлении. Исследованная Хауэ дипломатическая переписка наглядно демонстрирует «отчетливое противоречие между собственным назначением дипломатических сообщений, а именно сообщением информации о ситуации за границей, и готовностью эту последнюю действительно принять к сведению» (с. 406). Уже одно только это свидетельствует о решающей зависимости действий Наркоминдела от политических установок Сталина, который никогда не отказывался «от своих командных полномочий в сфере внешней политики» (с. 422).

Рассматривая функционирование внешнеполитического аппарата, нельзя было оставить без внимания и вопрос о пополнении дипломатических кадров не только путем их рекрутирования из партийной и хозяйственной элиты, но и в процессе подготовки профессиональных дипломатов для советского режима. Доктор Карола Тышлер (Институт истории при университете им. А. Гумбольдта в Берлине) рассматрива-

ет различные институциональные формы подобного обучения, предшествовавшие созданию в 1934 г. Института по подготовке дипломатических и консульских сотрудников Наркоминдела. Особое внимание автор уделяет принципам отбора слушателей для обучения, становившимся все более жесткими.

Профессор Людмила Томас делает попытку раскрыть проблему, вынесенную в заглавие всей книги, – «между традицией и революцией». Ее статья носит во многом биографический характер и в центре ее находится Г.В. Чичерин – единственный из руководителей Наркоминдела, служивший еще в российском Министерстве иностранных дел в конце XIX – начале XX в. Иллюстрируя отдельными цитатами умеренно-прагматический характер взглядов и предложений Чичерина по сравнению с Лениным и другими членами Политбюро, Томас впадает в односторонность, почти неизбежную при фрагментарном характере изложения его деятельности на посту наркома. Глава НКИД, при всей его индивидуальности и профессионализме, был «встроен» в систему отношений и ценностных ориентиров внутри большевистского партийно-государственного руководства, что предопределило не только его приспособление к господствующим взглядам, но порой даже «забегание вперед» в этом отношении. Свидетельством тому могут служить, в частности, замечания Ленина на набросок первой речи Чичерина на Генуэзской конференции. Ленин требовал в них исключить из текста слова, что наша «историческая концепция включает применение насильственных мер», что она «предполагает неизбежность новых мировых войн»⁴.

Сравнивая Чичерина с руководителями внешнеполитических ведомств других стран, Томас делает вывод о принципиальном сходстве стоящих перед ними задач, состоявших «в создании благоприятных внешних условий для стабильности государства» (с. 59). В этой связи хотелось бы напомнить об участии Чичерина в работе комиссии по подготовке «германского Октября», созданной решением Политбюро в августе 1923 г., что плохо вяжется с общепринятыми задачами по обеспечению благоприятных для существования государства внешних условий.

Томас полагает, что в деятельности на посту наркома иностранных дел «Чичерин пытается осуществить свои революционные представления (Visionen) при помощи имперских внешнеполитических традиций царской политики» (с. 71). По ее мнению, термидор большевистской революции во внешней политике начался уже в 1918 г., и этот поворот спас само существование России, помог большевистскому государству выйти из международной изоляции. К сожалению, автор не подкрепляет эти умозаключения анализом ни внешнеполитических традиций царской России, ни конкретных действий советского правительства. Поэтому вопросы о месте советской внешней политики «между традицией и революцией», как, впрочем, и о роли Чичерина в осуществлении этой политики по-прежнему остаются открытыми.

В целом в сборнике собраны небезыңтересные статьи, расширяющие наши представления о функционировании Наркоминдела и зарубежных представительств СССР, взаимоотношениях руководства НКИДа с высшим политическим руководством страны в 1920–1930-е гг. (хотя при их отборе составители явно шли не от проблем к авторам, а в противоположном направлении, что не могло не сказаться на целостности представленной картины). В ряде статей представлены новые подходы к изучению советского дипломатического механизма и влияния на внешнюю политику внутривполитических процессов в Советском государстве и его геополитического положения. В научный оборот введено немало ранее неизвестных документов. Вместе с тем анализ детерминант и структур советской дипломатии далеко не всегда увязывается с характером и спецификой господствующего политического режима, а деятельность Наркоминдела и зарубежных представительств зачастую рассматривается вне общего контекста международной обстановки, целей и действий советского руководства в отношении других стран, прежде всего великих держав и непосредственных соседей СССР. Без учета воздействия внешней среды на политику государства представление о факторах, ее обуславливающих, будет явно неполным⁵. То же относится и к внутренним детерминантам внешней политики, в числе которых – не только характер политического режима, но и геополитический, экономический, военно-экономический, внешнеэкономический, военные факторы. Проблема «между традицией и революцией» в сборнике только обозначена, но не прослеживается, о чем, в частности, свидетельствует отсутствие статьи о Коминтерне и его влиянии на советскую внешнюю политику. Фактически в рецензируемом издании анализируются в основном детерминанты и структуры советской дипломатии, а не внешней политики СССР, что далеко не одно и то же.

С.З. Случ, кандидат исторических наук (Институт славяноведения РАН)

Примечания

¹ С незначительными изменениями статья была опубликована в «Отечественной истории». 1999. № 2. С. 27–45.

² См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-е гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934. СПб., 2000. С. 25, 59–61.

³ Там же. С. 101, 121.

⁴ См.: АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 173.

⁵ См. подробнее: Innen- und Außenpolitik unter nationalsozialistischer Bedrohung: Determinanten internationaler Beziehungen in historischer Fallstudien / E. Forndran u.a. (Hrsg.). Opladen, 1977.

М. ЯНСЕН, Н. ПЕТРОВ. ВЕРНЫЙ ПАЛАЧ СТАЛИНА НАРОДНЫЙ КОМИССАР НИКОЛАЙ ЕЖОВ. 1895–1940. Стэнфорд; Калифорния, 2002. 274 с.*

С именем «героя» этой изданной в США книги – сталинского наркома внутренних дел Ежова – связана одна из самых мрачных и кровавых страниц отечественной истории XX в. – Большой террор 1937–1938 гг., получивший позже название «ежовщины». При этом сразу же поражает резкий контраст между человеческим ничтожеством главного исполнителя черных замыслов Сталина и масштабами чудовищной «прополки» советского общества от разного рода социально-политических «сорняков», затеянной генсеком ВКП(б) в преддверии Второй мировой войны. В самом деле, какие чувства, кроме отвращения и ужаса, может вызывать этот маленький, тщедушный замухрышка, пьяница, развратник и садист, на совести которого были сотни тысяч загубленных человеческих жизней? И каким же страшным был тот режим, который дал таким, как Ежов (человек с незаконченным начальным образованием), огромную власть над миллионами людей! Вот почему книга Янсена и Петрова о Ежове – это не только рассказ о фантастическом карьерном взлете и последующем падении этого зловещего монстра, но и богато документированное научное исследование о Сталине, сталинщине и механизме функционирования советской тоталитарной системы, важнейшей составной частью которой были органы государственной безопасности и внутренних дел, возглавлявшиеся в 1936–1938 гг. Ежовым.

О нем начали писать еще в 1930-е гг., когда он неожиданно для многих стал новым фаворитом Сталина, но это были откровенная апологетика и мифотворчество (сохранилась, например, так и не увидевшая света рукопись книги известного советского писателя Александра Фадеева под названием «Николай Иванович Ежов: сын нужды и борьбы»). Писали о Ежове и после XX съезда КПСС, но уже в хлестком журналистском стиле обличительных памфлетов, тоже весьма далеких от науки. Поэтому рецензируемая книга заместителя председателя московского научно-исследовательского центра «Мемориал» Н.В. Петрова¹ и преподавателя Амстердамского университета М. Янсена может считаться первой серьезной научной биографией этого «исторического» персонажа.

Сильное впечатление производит источниковая база работы: в ней более 900 ссылок на архивные материалы, воспоминания, периодическую печать и литературу по данной теме. При этом в научный оборот впервые вводятся многочисленные документы из Архива Президента РФ, ЦА ФСБ, РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ и других архивохранилищ. Широко использованы монографии и работы ряда отечественных и зарубежных историков – О.В. Хлевнюка,

В.В. Брюханова и Е.Н. Шошкова, О.В. Наумова и Дж.А. Гетти, О.Ф. Сувенирова, С.А. Папкова, Р. Такера, А. Авторханова и др., писавших о Сталине, Ежове, НКВД и Большом терроре.

Авторы убедительно опровергают официальную версию о якобы чисто пролетарском происхождении Ежова, устанавливают истинное место его рождения (г. Мариамполь в Литве), национальность матери (литовка) и т.д. Есть у авторов и сомнения в том, что уже в мае 1917 г. Николай Ежов стал членом партии большевиков. Вместе с тем читатель получает достаточно полное и, главное, хорошо документированное представление о ранних этапах его биографии: петроградский подмастерье и рабочий, солдат Первой мировой, участник исторических событий 1917 г. в Белоруссии, большевистский партполитработник. Исполнительность, усердие и скромность Ежова, его приверженность «генеральной» линии большевистской партии (за всю свою жизнь он лишь однажды по молодости лет отклонился от нее в 1921 г. в сторону «рабочей оппозиции») были быстро замечены начальством. По предположению Петрова и Янсена, уже в начале 1920-х гг. будущий «железный нарком» попал в поле зрения Сталина, который лично подбирал партийную номенклатуру всех уровней в качестве своей главной опоры в борьбе за власть. И хотя Ежову явно не хватало образования и политической гибкости и он не задерживался подолгу ни на одном из доверенных ему постов, перебивав за несколько лет секретарем райкома, губкома и крайкома партии в Казани, Краснококшайске (Йошкар-Оле), Оренбурге и Кзыл-Орде, в начале 1927 г., после годичной учебы на курсах марксизма-ленинизма при Комкадемии в Москве, он был приглашен на работу в орграспредотдел ЦК ВКП(б), занимавшийся подбором, выдвижением и расстановкой партийных кадров.

С этого времени начинается продолжавшееся несколько лет все более тесное сотрудничество Ежова со Сталиным, который вместе с Кагановичем (Ежов познакомился с ним еще в 1917 г. в Белоруссии) и дал ему возможность взлететь на вершину партийно-государственной пирамиды советской власти, а затем столь же легко и быстро сбросил его оттуда, превратив в пыль. А карьерный взлет Ежова был действительно феноменальным. В 1929–1930 гг., в период перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства, он работал заместителем наркома земледелия СССР по кадрам. Затем Ежов вернулся на Старую площадь, получив право присутствовать на заседаниях Политбюро и пользоваться всеми цеховскими материалами наравне с членами ЦК, что свидетельствовало об огромном доверии к нему Стали-

* Marc Jansen, Nikita Petrov. Stalin's Loyal Executioner People's Commissar Nicolas Ezhov, 1895–1940. Stanford, California, Hoover Institution Press. 2002. 274 p.

на. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Ежов был избран членом ЦК, а затем стал членом его оргбюро. Кроме того, Сталин, не доверявший действующему наркому внутренних дел Генриху Ягоде, поручил Ежову фактически контролировать по партийной линии работу НКВД. Так, он участвовал в расследовании обстоятельств убийства Кирова, занимался проверкой личного состава ленинградских чекистов, «раскрутил» в 1935 г. дело Енукидзе, «чистил» аппарат Коминтерна, участвовал в подготовке процесса над Каменевым и Зиновьевым и т.д. Фактически под его руководством проходила и начатая в 1933 г. и продолжавшаяся несколько лет массовая чистка партии.

В 1935 г. Ежов стал секретарем ЦК, сменил Кагановича на посту председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и одновременно возглавляя отдел руководящих партийных органов ЦК. Это означало, что все кадры партии были теперь так или иначе подчинены Сталину через Ежова. Генсек ласково-шутливо называл его «ежевичкой», поселил в Кремле, дал роскошную по тем временам дачу, посылал лечиться за границу. В свою очередь, Ежов буквально боготворил вождя (в 1938 г. он даже предлагал переименовать Москву в Сталинодар).

Но «звездный час» Ежова пробил после того, как в конце сентября 1936 г. Сталин решил сделать его преемником Ягоды, будто бы «проглядевшего» «троцкистско-зиновьевскую банду». Так Ежов стал «хозяйном» Лубянки в тот момент, когда в голове Сталина уже начинал вызревать замысел Большого террора, осуществить который он хотел руками самого верного ему маленького человечка в «ежовых рукавицах».

Целями Большого террора 1937–1938 гг. были уничтожение в преддверии стремительно надвигающейся на СССР войны потенциальной «пятой колонны», создание в стране атмосферы всеобщей подозрительности, доносительства и страха, новая перетряска партийных и государственных кадров для окончательного вытеснения старых большевиков из партийно-государственной номенклатуры и замены их абсолютно послушными и преданными лично Сталину выдвиженцами из молодежи. Большой террор распространялся на партию, госаппарат, Красную армию, интеллигенцию и часть простых советских граждан, т.е. носил по существу тотальный характер, причем доля коммунистов среди репрессированных составляла не более 7–10% (с. 108). Одновременно шло пополнение контингента узников ГУЛАГа, рабский труд которых широко использовался для строительства в СССР «социализма». Террор сопровождался полным попранием советских законов, шумной идеологической кампанией по борьбе с «контрреволюционным» инокомыслием, разгулом шпionoмамии и ксенофобии.

Всего в 1937–1938 гг., по приведенным в книге данным МВД СССР, были арестованы 1 575 259 человек, из них 1 373 382 – за «контрреволюционную» деятельность. Осуждены были 1 344 923 человека, в том числе расстреляны 681 692 человека (с. 104). Особо нужно выделить репрессии против представителей

национальных меньшинств и эмигрантов из других стран – поляков, немцев, финнов, китайцев и др. (350 тыс. человек), причем 250 тыс. из них были расстреляны (с. 205). Кроме того, с Дальнего Востока были депортированы 170 тыс. корейцев (с. 206). За этими поистине страшными цифрами стоит чудовищный механизм той государственно-террористической операции, которая осуществлялась под руководством Ежова и под личным контролем Сталина в отношении советских людей: составление в Кремле и на Лубянке «разнарядки» на аресты и расстрелы по отельным регионам, пытки и издевательства в органах НКВД, внесудебные приговоры так называемых «троек», расстрелы или отправка в тюрьмы и лагеря...

Жертвами Большого террора стали Бухарин, Рыков, Рудзутак, Эйхе, Постышев, Косиор, Косарев, Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир и многие другие выдающиеся партийные и государственные деятели и военачальники нашей страны, а также ряд крупных деятелей науки, литературы и искусства.

Перед нами не параноидальный «срыв» диктатора, а хорошо продуманный чисто российский метод построения нового общества. И от этого приведенные данные о масштабах репрессий выглядят еще страшнее, еще чудовищнее, как и фигура главного сталинского палача – Ежова.

В 1937 г. Ежов достиг высшей точки своей карьеры: в июле он был награжден орденом Ленина, в октябре избран кандидатом в члены Политбюро, его имя присваивалось предприятиям и школам, наконец, на карте СССР появился даже город Ежово-Черкесск на Северном Кавказе. В декабре 1937 г. Ежов стал главным героем торжественного заседания в Большом театре в честь 20-летия органов ВЧК–ОГПУ–НКВД. Сам же он на глазах превращался в жестокого, беспощадного фанатика, готового пожертвовать даже близкими ему людьми² и заглушавшего остатки совести и здравого смысла вином и развратом. Замечу в этой связи, что авторам книги удалось нарисовать запоминающийся психологический портрет этого палача с глазами кобры или гвены, который старался не только выполнить, но и «перевыполнить» любые задания Сталина.

Янсен и Петров бескомпромиссны, возлагая главную ответственность за Большой террор на Сталина. Он лично подписал 383 списка с фамилиями 44 тыс. человек, 39 тыс. из которых были расстреляны. Контроль Сталина за Ежовым был строгим и повседневным: в 1937–1938 гг. он принял руководителя НКВД в Кремле 278 раз, причем их встречи продолжались в общей сложности 834 часа (с. 205, 207). Замечу, что эту рекордную цифру перекрыл только Молотов, который, кстати, до конца жизни был убежден, что Большой террор был необходим и помог СССР выиграть войну с фашизмом.

Разумеется, списывать все жертвы террора только на Сталина и его ближайшее окружение было бы неправильно, что признают и авторы рецензируемой монографии. Огромная доля ответвен-

ности за преступления сталинского времени лежит на всем партийно-государственном руководстве тех лет, а также на НКВД и лично на Ежове, его заместителе Фриновском и других чекистских функционерах с Лубянки и в регионах. Но был в Большом терроре и еще один компонент, о котором Петрову и Янсену следовало бы, на мой взгляд, сказать больше и откровеннее. Не будем забывать, что операции НКВД проходили при шумном одобрении по крайней мере части (если не большинства) советской общественности и простых граждан, нередко извлекавших из террора определенные карьерные и/или имущественные выгоды, оговаривая своих сослуживцев, соседей и знакомых. Без этого террор 1937–1938 гг. никогда не стал бы Большим террором, осужденным во всем мире. И хотя Сталин позже называл Ежова негодяем, погубившим лучшие кадры и морально разложившимся (с. X), смещение руководителя НКВД со своего поста в 1938 г. и его последующий арест в 1939 г., суд и расстрел прошли без шума и без какого-либо осуждения хотя бы «перегибов» в работе НКВД, как это было сделано, например, в период коллективизации в статье Сталина «Головокружение от успехов».

К весне 1938 г. основные задачи Большого террора были выполнены. Даже сами руководители органов НКВД на местах стали жаловаться на то, что тюрьмы переполнены и им некуда больше сажать арестованных. Продолжение репрессий грозило уже дестабилизацией обстановки в стране, что не входило в расчеты Сталина и его окружения. Начались «проколы» и на самой Лубянке: бегство за границу дальневосточного шефа НКВД Люшкова, отказ вернуться в Москву резидента в Испании Орлова, симуляция самоубийства и попытка скрыться наркома внутренних дел Украины Успенского и др. В ЦК поступали жалобы на произвол чекистов в различных регионах (по этому поводу лично к Сталину обращался, в частности, писатель М.А. Шолохов). Все это привело к тому, что доверие «Хозяина» к Ежову падало и над ним явно стали собираться тучи.

Последние главы книги («Закат», «Падение», «Враг народа») раскрывают анатомию парадоксального, на первый взгляд, но весьма типичного для нравов сталинского времени процесса превращения прежнего любимца вождя в изгоя режима. «Тайны Кремля» всегда вызывают большой интерес читателей, и соответствующие разделы монографии Янсена и Петрова не составляют здесь исключения, тем более что в них можно найти немало неизвестных прежде фактов.

Операция по смещению Ежова была проведена с присущими Сталину коварством и цинизмом. В апреле 1938 г. Ежов совершенно неожиданно стал совещать посты наркома внутренних дел и наркома водного транспорта. В августе ему был навязан в качестве первого заместителя новый фаворит Сталина Берия,

который быстро перетащил в Москву из Тбилиси, где раньше работал, своих приближенных Гоглидзе, Деканозова, Меркулова и др., а 25 ноября занял кабинет наркома на Лубянке. В апреле 1939 г. Наркомат водного транспорта был разделен на два новых наркомата, причем Ежов уже не возглавил ни один из них, а не следующий день, 10 апреля был арестован. В ходе следствия он быстро «признался» в том, что был польским, германским, английским и японским шпионом и организовал заговор с целью убийства Сталина и других членов Политбюро. 2 февраля 1940 г. состоялся закрытый суд, и в ту же ночь Ежов был расстрелян. После кремации его прах был захоронен в общей могиле на кладбище Донского монастыря в Москве вместе с останками его бывших жертв. Попытка приемной дочери Ежова добиться в 1995 г. его реабилитации, естественно, закончилась безрезультатно, хотя часть обвинений (шпионаж, заговор против лидера СССР) была с него снята.

Хотелось бы особо отметить, что в книге содержится богатая и малоизвестная прежде информация о работе НКВД в 1930-х гг. и о сподвижниках Ежова, многие из которых были репрессированы вместе с ним. К сожалению, общесторический фон, на котором разверживались описанные Янсеном и Петровым события, прописан авторами довольно слабо, хотя для работ биографического жанра этот компонент, на мой взгляд, особенно важен, позволяя, в частности, расширить и круг их читателей. Можно пожелать также, чтобы книга Янсена и Петрова была переведена на русский язык.

Уроки и жертвы сталинского террора не должны быть забыты. Не может быть прощения и их палачам. Об этом напоминает новая книга М. Янсена и Н. Петрова, написанная профессионально, ярко, с позиций подлинного гуманизма и антитоталитаризма.

**С.В. Тютюкин, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ Читатели нашего журнала уже знакомы с интересной статьей Н.В. Петрова о первом председателе КГБ СССР И.А. Серове (Отечественная история. 1999. № 5). В соавторстве с К.В. Скоркиным Петров выпустил в 1999 г. книгу «Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник». Он является также автором ряда статей о сталинском терроре 1930-х гг.

² Вторая жена Ежова Евгения – яркая, но морально распущенная женщина – покончила с собой по приказу мужа, поскольку ей угрожал арест по подозрению в шпионаже. Ее «признание» должны были послужить Сталину и Берии основанием для ареста Ежова. Он понимал это и передал жене люминал, которым 34-летняя Евгения Ежова и отравилась в ноябре 1938 г., что по крайней мере спасло ее от тюремных пыток и издевательств.

Издательский центр Института российской истории РАН выпустил в свет новую книгу о крупном советском государственном деятеле Леониде Борисовиче Красине. Ее автор – доктор исторических наук С.С. Хромов давно известен читателям рядом биографических книг и статей о Ф.Э. Дзержинском, В.В. Куйбышеве, А.Д. Цюрупе, Г.В. Чичерине¹. Поэтому его обращение к заключительному этапу жизни и деятельности такой яркой, неординарной и масштабной личности, как участник социал-демократического движения с 1890 г., талантливый инженер и выдающийся партийный деятель Л.Б. Красин, далеко не случайно. Ведь представить себе 1920-е гг., о которых так много писал Хромов, без фигуры Л.Б. Красина просто невозможно.

Напомним, что первая половина 1920-х гг., рассматриваемая в книге Хромова, была очень важным и сложным периодом в жизни Советской России и СССР. Период от «военного коммунизма» к нэпу, восстановление народного хозяйства, разрушенного в 1914–1920 гг., преодоление последствий страшного голода 1921 г. – вот основные вехи отечественной истории тех лет. К этому нужно добавить острейшую борьбу внутри правящей большевистской партии, смерть Ленина и возвышение новых лидеров, прежде всего Сталина. В области международных отношений это было время признания молодого советского государства другими странами, оживления экономических связей Советской России и СССР с внешним миром. При этом роль Л.Б. Красина в большинстве этих событий и процессов была весьма значительной. «Возможно, – пишет С.С. Хромов, – не все, что говорил, писал и делал Леонид Борисович, было для того времени бесспорным, истинной “в последней инстанции”. Но бесспорно то, что его деятельность – пример честного служения отчизне, своему народу, умение глубоко проникать в существо социально-экономических и политических процессов в стране и мире» (с. 87).

Л.Б. Красину уже посвящено немало книг и статей², однако имеющаяся литература страдает не только неполнотой, но в ряде случаев и весьма субъективным авторским подходом к оценке деятельности Красина, особенно в советские годы, что убедительно показано в новой книге С.С. Хромова.

С.С. Хромов анализирует самый сложный и ответственный период жизни и деятельности Л.Б. Красина, когда тот возглавлял Народный комиссариат внешней торговли и был одновременно советским полпредом в Великобритании и Франции. Новая книга написана в основном на вновь выявленных документах из Архива внешней политики РФ, ГА РФ, РГАСПИ и Российского госархива экономики (РГАЭ). Как справедливо отмечается в предисловии, написанном дочерью Леонида Борисовича – Та-

марой Леонидовной Тарасовой (Красиной), «перед нами самое глубокое исследование его жизненной позиции, его поступков и стремлений» (с. 3). При этом автор рассказывает о том, чего нет в ранее изданных работах, или о том, что, по его мнению, освещалось там ошибочно, неверно или неполно.

Этот подход очевиден уже в первой главе «Красин и иностранные кредиты». Казалось бы, данный сюжет уже не раз был объектом научного исследования, но Хромов нашел в архивах документы, позволившие ему по-новому взглянуть на эту важную для молодой Советской республики проблему, требовавшую от большевиков совершенно нестандартных подходов и даже нового языка в общении с их зарубежными партнерами. В июне 1921 г. Красин не без свойственного ему юмора писал своему заму по наркомату А.М. Лежаве: «Для успешного его (вопроса о кредитах. – Г.А.) разрешения нам, конечно, придется сильно приуменьшить и придется, вообще приобрести более европейское обличье, чем это имело место до настоящего времени; если портрет оставить без всякого изменения – никакого толка не будет». Спустя 2 года Красин вернулся к этому вопросу в записке на имя наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, отметив, что за последние месяцы советское правительство проявляет «решительное стремление поумнеть, умыться и причесаться...»

Речь шла об отказе от старых приемов ВЧК и НКВД, которые уже не соответствовали в начале 1920-х гг. ни положению страны, ни ее новой экономической политике. И автор записки эти приемы перечисляет: «Запрещение въездов [иностранцев], драчливые ноты, необоснованные аресты спецов, противоречащие договорам конфискации и реквизиции», а также пересмотр «нашей позиции в вопросе о дореволюционном государственном долге (разумеется, без принятия на себя каких-либо реальных обязательств на ближайшие годы)» (с. 7). Таким образом, Красин сформулировал целую программу перестройки наших отношений с внешним миром и наметил ряд изменений во внутренней политике Советской России, а затем СССР. Что касается самих внешних кредитов, то Красин считал, что обе стороны должны неукоснительно соблюдать определенные условия: со стороны России – это обязательство своевременной уплаты процентов и всего долга, а со стороны иностранных кредиторов – гарантия суверенности российского государства, «невмешательство других держав в его внутреннюю жизнь, в его внутренние законы». Нарком заключал: «Мы не торгуем тем, что принадлежит и нам, и нашему будущему поколению» (с. 8).

Опираясь на большой массив источников, С.С. Хромов делает вывод о том, что «нарком не строил иллюзий насчет того, что стоило лишь совет-

скому правительству пожелать иметь иностранные кредиты и займы, и финансовый поток свободно пользоваться в разрушенное народное хозяйство Советской республики» (с. 8). Он писал об этом, в частности, заместителю главы правительства А.И. Рыкову в марте 1922 г.: «Москва кишит сейчас иностранцами, приехавшими сюда под благовидными предложениями разных концессий и займов, но не делающих никаких реальных предложений, а занимающихся разведкой и спекуляцией» (с. 9). Автор книги обстоятельно раскрыл роль Красина в разработке и осуществлении концессионной политики (гл. 2). В книге показано, что Красин действовал при этом решительно и настойчиво, порой не считаясь даже с позицией первых лиц в государстве, включая Ленина, а затем Сталина (последний, в частности, был против предоставления концессии компании «Лена-Голдфилдс», но по настоянию Красина концессионный договор был все же заключен).

Пожалуй, не меньший интерес вызывает 4-я глава «Красин в системе советских координат». Леонид Борисович, который после Первой русской революции почти на 10 лет разошелся с Лениным и вернулся к большевикам лишь после Октябрьской революции, во многом по-своему видел характер и особенности общественной жизни внутри и вне страны, имел свой взгляд на методы строительства нового общества. Наряду с работой в Наркомате внешней торговли Красин, начиная с 1921 г. и почти без перерыва вплоть до конца своей жизни (24 ноября 1926 г.), был полпредом и торгпредом в Великобритании, затем полпредом во Франции и снова полпредом в Великобритании. Автор книги не без основания утверждает: «Создается впечатление, что основные фигуры, имевшие право принимать решения, сознательно стремились держать наркома подальше от Москвы, от учреждений, где формировались основные принципы внутренней и внешней политики государства. А длительное отсутствие наркома в своем наркомате, конечно же, не способствовало совершенствованию работы НКВТ, что позволяло власть имущим делать критические замечания в адрес этого наркомата и самого наркома» (с. 83–84).

Авторитет Красина в стране и за рубежом был высок. Поэтому освободить его от должности наркома не решились. Тогда возникла идея объединить Наркомвнешторг с Наркоматом внутренней торговли, что позволяло поставить во главе объединенного ведомства – Наркомторга – нового человека. Им стал А.Д. Цюрупа, а Красина назначили одним из его заместителей.

Красин никогда не принадлежал ни к одной внутрипартийной оппозиции. Но по всем вопросам имел собственное и не всегда «ортодоксальное» мнение. Известно, что Ленин глубоко уважал и ценил Красина, который, в свою очередь, относился к Владимиру Ильичу с огромным почтением и любовью. Но это не помешало ему, например, выступить с критической статьей по поводу работы Ленина «Лучше меньше, да лучше», опубликованной в «Правде» (с. 87–91). Кра-

син считал, что главной хозяйственной задачей Советской власти на данном этапе является рационализация и рост производства, а не усиление партийно-государственного контроля, как предлагал Ленин, поскольку сам по себе этот контроль может привести лишь к дальнейшей бюрократизации властных структур. Характерно, что Красин был твердо уверен в том, что в ближайшие годы развитие нашей страны должно идти по пути госкапитализма как средства преодоления социально-экономической и культурной отсталости России (с. 90).

Заслуживают внимания и приведенные в книге критические замечания наркома по поводу денежной реформы 1922–1924 гг., новые документы, проливающие свет на позицию Красина в вопросе о монополии внешней торговли (с. 92–96), о государственном регулировании экономических процессов. «Ирония судьбы, – писал Красин, – что мне, протестовавшему всегда против эксцессов коммунистического “строительства”, приходится теперь останавливать панические вчерашних коммунистов, втолковывая им элементарные выгоды государственного планового регулирования» (с. 96). Как это похоже на некоторых современных экс-коммунистов! Красин, проработавший несколько лет в немецкой фирме «Сименс и Шуккерт», хорошо понимал трудности с привлечением иностранного капитала в советскую экономику. «Главнейшим препятствием, – писал он, – являются неуверенность в достаточной деловитости советского правительства, боязнь наших чрезвычайек и полного бесправия, неуверенность в прочности режима и отсутствие уверенности, что затраченный капитал пойдет действительно на производственные цели, а не будет просто расхищен» (с. 97). Прошло почти 80 лет после написания этих слов, но и сегодня они звучат актуально.

Интересно отметить, что Красин выступал против уравниловки в оплате труда, настаивая на материальном поощрении квалифицированных специалистов: «Нищенская оплата труда даже лучших спецов не дает никакой экономии, она плодит воровство, и в лучшем случае предприятия получают безучастных и равнодушных к делу работников, отбывающих кое-как положенные часы в своей конторе, чтобы, кончив службу, на какой-нибудь халтуре заработать что-либо сверх официального минимума» (с. 99). Достаточно высокое вознаграждение за труд, считал Красин, «является лучшим средством свести к минимуму воровство» (там же). Красин решительно выступал также против частой переброски работников с одного участка работы на другой. В записке в ЦК на имя Сталина 18 июня 1924 г. он писал: «Ни одна частная фирма не меняет своих директоров каждые полгода, а напротив, дорожит людьми, которые в течение пятилетий или десятилетий специально изучают работу в данной отрасли и всецело посвящают себя данному предприятию» (с. 106).

Нарком раскритиковал практику партийных чисток и проверок. «В результате таких проверок, –

писал он в Политбюро ЦК, – поднимают голову элементы шкурничества, наушники, лентяи и неудачники, не способные выдвинуться в работе, но получившие сейчас надежду выдвинуться вперед за счет доносов, сведения счетов с другими, спецсредств, показного демократизма и самого, иногда наглого прислуживания ко взыавшему теперь в партии силу течению» (с. 107). Это писал член партии, входивший в состав ЦК еще до революции 1905–1907 гг., но в советские годы удостоенный этой чести лишь в конце мая 1924 г. За другое подобное письмо в ЦК партийная коллегия ЦКК РКП(б) устроила Красину настоящую головомойку (с. 107–108). А двумя годами раньше, в 1922 г. Политбюро ЦК поставило Красину на вид за невыполнение им решения о реализации за рубежом церковных ценностей (с. 108–109). В книге приводятся также интересные документы, показывающие отрицательное отношение Леонида Борисовича к деяниям отдельных работников ВЧК–ОГПУ (с. 109–113), хотя он и поддерживал очень хорошие отношения с руководителем этих органов Ф.Э. Дзержинским. Приводятся Хромовым и нелюбимые оценки Красиным отдельных действий Наркомата по иностранным делам и его руководителей Чичерина и Литвинова (с. 119–121 и др.).

Весьма ценными являются и приложения к книге: впервые публикуются письма наркома жене – Т.В. Миклашевской-Красиной за 1923–1926 гг. (с. 127–169), очень полезен развернутый именной указатель, чрезвычайно интересны фотографии Красина и членов его семьи.

В.Б. ЖИРОМСКАЯ. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В 1930-е ГОДЫ. ВЗГЛЯД В НЕИЗВЕСТНОЕ. М., 2001. 280 с. Тир. 1 500

Сложный и трагический период 1930-х гг. в истории России лишь в самое последнее десятилетие стал доступным для объективного исследования. Длительное время, почти 50 лет, ученые не имели доступа к источникам, проливающим свет на действительный ход событий того времени. Одними из самых закрытых были сведения об огромных людских потерях, приведших к демографической катастрофе первой половины 1930-х гг.

С публикацией статистики этого десятилетия, в первую очередь итогов переписки населения 1937 и 1939 гг., стало возможным ответить на остро дискуссионный вопрос о числе жертв голода 1932–1933 гг. Поначалу ученые сосредоточили свое внимание на освещении демографических последствий этого драматического события, тем более что долгое отсутствие источников породило появление в печати научно не обоснованных данных и фантастических

В заключение хотелось бы вновь привести слова дочери Л.Б. Красина: «Казалось бы, ход истории подтвердил правоту наркома Красина во многих вопросах, однако нельзя сказать, что все они еще и сегодня не требуют решения. Вот почему кому не безразлично, по какому пути пойдет страна, как сложатся судьбы людей, прочтет работу С. Хромова с волнением и благодарностью» (с. 4).

**Г.М. Алексеев, доктор исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)**

Примечания

1 См.: Хромо в С.С. По заданию Ленина. Деятельность Ф.Э. Дзержинского в Сибири. М., 1964; е го же Ф.Э. Дзержинский во главе металлопромышленности. М., 1966; е го же Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. М., 1977; Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1977, 1983, 1986 (переведено на немец. яз. в 1980 и 1989 гг., на англ. яз. – в 1988 г.); Валериан Владимирович Куйбышев. Биография. М., 1988 (в двух последних работах С.С. Хромов выступает как руководитель авт. кол. и один из авторов).

2 См.: З арницк ий С.В., Тро фим о в а Л.И. Советской страны дипломат. М., 1968; О'К он н о р Т.Э. Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. Пер. с англ. М., 1993; Ш и ш к и н В.А. Цена признания. СССР и Запад в поисках компромисса (1924–1929). СПб., 1991 и др.

цифр, пропагандируемых СМИ и часто используемых ими в конъюнктурных целях.

Если голод с его последствиями привлек внимание исследователей и оброс уже довольно солидной историографией, то весь период 1930-х гг. оставался в тени, хотя с его событиями связано немало негативных явлений в истории народонаселения России. Книга, освещающая демографические процессы всего этого десятилетия, принадлежит перу В.Б. Жиромской, известной публикациями переписей 1930-х гг. и их анализом в специальной монографии, написанной в соавторстве с академиком РАН Ю.А. Поляковым и И.Н. Киселевым, а также многочисленными работами, направленными на разоблачение фальсификаций данных переписи 1939 г. и дающими представление о реальной численности населения СССР и России в то время.

Рецензируемая работа имеет обширную источниковую базу – материалы переписей, архивную до-

кументацию по их подготовке, суперсекретную переписку по вопросам проведения и подведения итогов работы переписчиков и т.д. Глубокий и скрупулезный анализ обширного материала, большей частью извлеченного из архивов, вызывает доверие к выводу автора, его наблюдения и оценкам.

Жиромская впервые проследила динамику рождаемости и смертности и определила естественный прирост населения за каждый год исследуемого десятилетия. Ее расчеты убеждают в том, что высокая рождаемость, исключая 1933 и 1934 гг., была характерна для всего десятилетия, хотя в первой половине 1930-х гг. ее показатели оказались несколько ниже, чем в середине 1920-х гг., когда после Гражданской войны происходили процессы демографической компенсации. После запрещения абортов в 1936 г. число рождений, в том числе и мертворождений, достигает на короткое время 3 млн в год, в конце же 1930-х гг. этот показатель как бы возвращается «на круги своя». Однако в сравнении с европейскими странами он по-прежнему остается высоким.

Тщательный анализ статистических данных приводит автора к выводу, что определяющим фактором в естественном движении населения 1930-х гг. была сверхсмертность, характерная для всего десятилетия. В голодные годы смертность превосходила рождаемость и ее показатели были особенно велики, но и в дальнейшем уровень смертности оставался очень высоким, что вело к нестабильности естественного прироста населения, постоянно испытывавшего то небольшой подъем, то падение и катастрофически, до отрицательной величины упавшего в 1933 г., а затем еле заметно подынявшегося в 1934 г.

Причины сверхсмертности теперь уже широко известны: голод, массовые переселения раскулаченных, широкомасштабные репрессии. Данные санитарно-медицинской статистики позволили автору выявить чрезвычайно высокую младенческую и детскую смертность. Жиромская приводит сведения за 1935, 1936 и 1938 гг. о детских эпидемиях кори и скарлатины с большим числом летальных исходов, что было связано с перенаселенностью городов, застроенных на скорую руку бараками, лишенными водопровода и канализации. В 1937 г., являвшемся пиком массовых репрессий, к высоким показателям детской и младенческой смертности добавилась сверхсмертность в местах заключения и расстрелы. Подсчитывая убыль населения за это десятилетие, Жиромская склонна думать, что мы потеряли около 11 млн человек, а ведь это был в общем мирный период.

Жиромская немало сделала для освобождения данных переписи населения 1939 г. от приписок к фактической численности населения СССР и РСФСР. Кроме того, используя сохранившиеся в архиве сведения о пересылке из мест заключения, где НКВД также проводил перепись, безымянных переписных листов в районы, наиболее пострадавшие от голода 1932–1933 гг., Жиромская рассчитала действитель-

ную численность населения автономий РСФСР, ее краев и областей. Трудно переоценить научное значение этой кропотливой работы. В частности, итоги ее позволили полнее выявить географию голода на территории России.

Жиромская убедительно доказала, что сведения о численности городского населения СССР и РСФСР в 1937 и 1939 гг. были сфальсифицированы в обеих переписях. На основании исходных данных, заложенных в разработанные таблицы, характеризующие население городов по всем параметрам, она установила, что в 1937 г. число жителей городов СССР составляло 43,7 млн (официальный итог – 51,9 млн), а в России – 30 млн (официально – 34,4 млн). В переписи 1939 г. приписка к численности горожан в СССР составила 14%, а в РСФСР – 10% всего городского населения.

Сравнительный анализ материалов переписей 1897, 1926, 1937, 1939 гг. и текущего учета населения позволил автору монографии полнее выявить глубокие деформации в соотношении полов и возрастных групп в 1930-е гг., показать «демографические ямы» в составе населения не только РСФСР в целом, но и ее крупнейших регионов. Особенно ценно, что возрастнополовой состав населения исследован и в городах, и в селах, где была своя специфика. Учтен многонациональный состав Российской Федерации и рассмотрены особенности возрастнополовой пирамиды у славянских, тюркских, финно-угорских народов. Кроме того, в книге представлена возрастнополовая структура автономий РСФСР. Можно с уверенностью сказать, что столь полно этот вопрос исследован в историографии впервые.

Обилие статистического материала, проанализированного автором, позволяет, судить о специфике перехода нашей страны к новому типу воспроизводства населения в 1930-е гг. Жиромская приходит к выводу о нестабильности, прерывности и противоречивости этого процесса, объясняющихся влиянием экзогенных (внешних) факторов. Автор придерживается той точки зрения, что в СССР все еще продолжал преобладать в рассматриваемый период традиционный способ воспроизводства населения с высокой рождаемостью и смертностью и с большим удельным весом молодежных групп в возрастной пирамиде, особенно у неславянских народов. Однако не все исследователи согласятся с такой точкой зрения, проблема демографического перехода еще относится к числу дискуссионных.

Особой заслугой Жиромской является освещение конфессионального состава населения СССР. Она ввела в научный оборот информацию об отношении населения к религии, в 1937 г. учтенную единственный раз в истории советских переписей. Эти неизвестные доселе сведения, тщательно скрытые и объявленные тогда правительством «дефектными», стали, наконец, доступными для осмысления. Стоит отметить тот факт, что автором открыты и опубликованы данные черновых разработанных таблиц

счетно-машинных станций Ленинграда, Харькова и Москвы, в какой-то мере восполняющие утраченный материал переписи 1937 г. по регионам страны.

В книге проанализированы суперсекретные сообщения, посланные с мест в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, об отношении населения к религии и к наличию вопроса об этом в переписи. Данные приводятся и по обобщающей справке в правительство по СССР в целом, а также по Белоруссии, ряду областей Украины, Московской, Свердловской, Челябинской областям РСФСР. Весь этот впервые обработанный и проанализированный Жиромской материал по своей ценности выходит за рамки чисто демографических аспектов и вызовет самый широкий интерес у специалистов-обществоведов разного профиля.

В монографии анализируется состав верующего и неверующего населения по полу, возрасту, грамотности и образованию. На основе тщательно проделанной работы Жиромская пришла к любопытным и неожиданным для страны воинствующего атеизма, какой был тогда СССР, выводам: большая часть на-

селения, несмотря на всю сложность обстановки, не побоялась признаться в вере в Бога. Не было ни одной возрастной группы, включая самые молодые (опрос проводился среди лиц с 16-летнего возраста), в которой бы не было значительной доли верующих. Исключение не составило и грамотное население, и лица, имевшие среднее и высшее образование. Верующие преобладали среди неграмотных во всех возрастных группах, особенно у женщин.

Автор исследовал состав населения по разным вероисповеданиям, выяснил географию их распространения, а также исследовал возрастную половую структуру христиан, мусульман, иудеев и даже последователей ламаизма.

Можно, пожалуй, упрекнуть Жиромскую лишь в перенасыщенности ее работы статистическим материалом, однако нельзя при этом не учитывать того факта, что большая его часть впервые увидела свет.

**А.И. Решинский, доктор исторических наук
(Самарский педагогический университет)**

Б.Г. СОЛОВЬЕВ, В.В. СУХОДЕЕВ. ПОЛКОВОДЕЦ СТАЛИН. М.: ЭКСМО-Пресс; Алгоритм-книга, 2001. 320 с. Тир. 10 100

Литература о И.В. Сталине поистине необозрима, однако, как отмечают авторы рецензируемого издания, «книг о полководце И.В. Сталине нет» (с. 7). Это придает книге доктора исторических наук Б.Г. Соловьева и кандидата философских наук В.В. Суходеева особый интерес, тем более что она выходит уже вторым (первое было в 1998 г.) изданием.

Работа состоит из шести глав. В первой – «За чем фальсифицируется история Отечественной войны» – авторы пишут, что «развенчание Сталина как Верховного главнокомандующего стало одним из главнейших приемов в кампании очернительства... подвига советского народа» (с. 11). Они резко критикуют тех, кто принимает роль Сталина в победе над нацизмом, завывает потери Красной армии в Великой Отечественной войне и сожалеет о том, что Германия не одержала победу над СССР. По мнению Соловьева и Суходеева, Сталин сделал все, что мог, для подготовки страны к войне, но допустил просчет в определении сроков гитлеровского нападения на нашу страну. Вопреки расхожему мнению, авторы убеждены, что Сталин не растерялся, а сразу же включился в организацию отпора врагу (то, что он не сразу обратился к народу, было якобы связано с его болезнью в первые дни войны)¹.

В главе второй речь идет о масштабе и объеме работы Сталина в 1941–1945 гг., его твердости, требовательности, организованности и вместе с тем гибкости и даже снисходительности в отношениях с подчиненными. Одновременно авторы отвергают

обвинения в адрес других советских военачальников в некомпетентности, безответственности, пренебрежении жизнями солдат, признавая лишь некоторые недостатки Г.К. Жукова, но и его в целом оценивают положительно.

В главе третьей «Полководческая деятельность Сталина» герой книги предстает как руководитель, который каждодневно направлял и координировал действия всех фронтов и при этом занимался еще вопросами экономики, внутренней и внешней политики, что под силу только единицам. В общих чертах рассматриваются некоторые крупнейшие сражения Великой Отечественной и роль в них Сталина, отношения Верховного с военачальниками. В следующей главе «Цена достигнутой победы» авторы критикуют тех, кто, по их мнению, завывает понесенные Красной армией потери и приписывает Сталину пренебрежение к простым людям. Соловьев и Суходеев оправдывают известные приказы наркома обороны № 227 и 270, а также депортации калмыков, чеченцев, ингушей и др.

В пятой главе «Великий политик и государственный деятель» рассказывается о дипломатии Сталина, об истории создания Гимна СССР, отношениях Сталина с Церковью, деятелями науки и культуры. Наконец, в главе шестой «Сталин в оценке современников» приводится подборка положительных отзывов о генералиссимусе.

Прежде всего необходимо отметить, что ни структура, ни характер изложения не соответствуют

поставленной авторами в заглавии исследовательской задаче. Если речь идет о полководческой деятельности того или иного лица, то общие суждения должны подкрепляться детальным разбором конкретных операций с активным привлечением архивных документов, таблиц, карт. Между тем ссылки на архивы даны в книге менее 10 раз, а карты и таблицы отсутствуют вообще! Так и не приступив к серьезному анализу, авторы завершают третью главу словами: «В этой главе показаны некоторые характерные черты полководческого искусства И.В. Сталина... Более подробное и специальное их рассмотрение выходит за пределы данной работы» (с. 207). Однако научно-популярный характер книги не может служить здесь оправданием, ибо популяризация обычно опирается на уже существующие специальные исследования, но авторы сами пишут, что их труд – первый по данной проблеме. Кроме того, пятая и шестая главы не связаны прямо с заявленной темой. Поэтому напрашивается вывод, что цель книги состоит не в исследовании полководческой деятельности Сталина, а в создании его глубоко положительного образа в целом.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Б.Г. Соловьев и В.В. Суходеев призывают поставить «заслон лжи проверенными фактами, документами, свидетельствами участников событий» (с. 97), но при этом не раз и не два используют явно апокрифические данные. Так, они уверяют, будто сын Н.С. Хрущева Леонид перешел на сторону врага и по радио призвал наших бойцов сдаваться в плен, но был выкраден советской разведкой и приговорен затем к расстрелу. Верховный не захотел помиловать его, и впоследствии Хрущев отомстил Сталину разоблачением культа личности (с. 14–15). Никакими источниками эта расхожая придворная сплетня, однако, не подкреплена. Неизвестно, кто поведал Б.Г. Соловьеву и В.В. Суходееву о болезни Сталина в июне 1941 г. (с. 52). На с. 197 рассказывается, как Хрущев предложил маршалу К.К. Рокоссовскому написать о Сталине что-нибудь «почернее», на что получил ответ: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой». На следующий день Рокоссовский, придя в свой служебный кабинет, увидел в кресле К.С. Москаленко, передавшего ему приказ о снятии его с поста заместителя министра обороны СССР. «Так обращался с неугодными Н.С. Хрущев», – патетически заключают авторы, опять «забыв» указать, кто поведал им эту историю о мстительном Хрущеве, а также о том, как обращался с неугодными Сталин. На с. 248 приводится и сомнительной подлинности речь Б. Клинтона на закрытом заседании Объединенного комитета начальников штабов, позаимствованная из неизвестного источника. Остается думать, что авторы были приглашены на это заседание.

Авторы не ставят под сомнение и искренность некоторых высказываний Сталина: получается так, что если вождь что-то сказал, то так он и думал на

самом деле. Обоснований подобного подхода не приводится. Цитируется утверждение сына Ф. Рузвельта о том, будто Сталин понимал английский, но не подавал виду и успевал обдумать ответ, пока ему переводили слова Черчилля или Рузвельта (с. 251). Это свидетельство также не ставится под сомнение, хотя непонятно, на каком основании советскому лидеру приписывается знание английского языка. Очевидно, главный источниковедческий принцип Б.Г. Соловьева и В.В. Суходеева – доверять любым сообщениям о Сталине, если они носят хвалебный характер.

Но есть и более странные случаи. Рассказывая, как решался вопрос о том, кого поставить во главе войск, которые будут добывать Паулюса, авторы на с. 144 приписывают Г.К. Жукову нейтральную позицию (назначить К.К. Рокоссовского – обидится А.И. Еременко, а достойны оба), а на с. 194 Жуков уже определенно высказывается в пользу Рокоссовского. На с. 28 сказано, что в деле Тухачевского и его сообщников документы, присланные президентом Бенешем Сталину, сыграли важнейшую роль, а на с. 29 без возражений приводятся слова П.А. Судоплатова о том, что дело Тухачевского «целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на... факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют».

Подчас авторы проявляют явную неосведомленность в рассматриваемых вопросах. Так, на с. 35 Афганистан отнесен к числу «мелких хищников» современного мира, хотя случаи афганской агрессии против кого-либо неизвестны. На с. 220 в целях оправдания депортации калмыков, чеченцев, ингушей и др. говорится, что и жившие в США американцы японского происхождения попали в годы войны в концлагеря, но никто за это Рузвельта не критикует. Между тем президентская комиссия в 1983 г. расценила эту акцию как «великую несправедливость», а в 1988 г. конгресс США принял закон о компенсации жертвам высылки в размере 20 тыс. долл. на человека. Действия Рузвельта осуждаются даже в такой общедоступной литературе, как учебники для колледжей². И уж совсем анекдотичный эпизод: на с. 223 устами доктора технических наук В. Литвиненко авторы обвиняют в «расстройстве математических способностей» тех, кто завышает, по их мнению, потери Красной армии. Однако на с. 213 они пишут, что потери вермахта на советско-германском фронте в 4 раза превзошли его потери от ударов союзников, чуть ниже указывая, что 72% людских потерь вермахта приходится на Восточный фронт. Но 72% относятся к оставшимся 28%, как 2,6 : 1, а не 4 : 1. Так кто же страдает расстройством математических способностей?

Особого внимания заслуживают методы полемики, используемые в книге. Они достаточно просты, если не сказать примитивны. Как уже указывалось, слова Сталина всегда принимаются за чистую монету, а потому цитата из него выступает в качестве бесспорного аргумента. Например, так опровер-

гается тезис о пренебрежении Верховного к потерям – ведь он же все время говорил о необходимости воевать «малой кровью» (с. 210 и след.). То же касается высказываний Г.К. Жукова, А.М. Василевского и других мемуаристов, которые приводятся только тогда, когда их позиция совпадает с позицией авторов. Критические замечания о Сталине тех же военачальников даже не упоминаются.

Еще один полемический прием Соловьева и Суходеева – голословное отрицание «неудобных» фактов. Так, утверждается, что «не найдено ни одного советского документа времен войны³, указывающего на расстрел поляков в Катынском лесу органами НКВД, ни свидетелей, ни участников самого расстрела», и вообще версия о причастности советских властей к этим расстрелам признается выдумкой «демократов». Вместо анализа документов о катынском деле авторы просто ссылаются на книгу Ю. Мухина и «другие труды» (с. 255–256). К слову сказать, «демократическая» версия катынских событий принимается и вполне солидным академическим изданием, которое в другом случае охотно цитируется в работе⁴.

Столь же безапелляционно отрицается то, что Сталин «стравливал» своих маршалов друг с другом под Берлином. Опровержение – цитата из мемуаров Жукова (с. 201–202). Какое-либо объяснение тому, что Верховный провел разграничительную линию не далее Любена, словно приглашая Жукова и Конева к «соревнованию», и «развел» руководимые ими фронты лишь 28 апреля 1945 г.⁵, отсутствует, равно как и сами эти факты.

Там, где голословное отрицание выглядело бы явно неубедительно, авторы прибегают к фигуре умолчания. Ведь к Сталину как военачальнику высказывалось немало претензий: вопреки советам Б.М. Шапошникова он выделил мало сил для первоначального удара по Финляндии в 1939 г.; неверно определил сроки и направление главного удара вермахта в июне 1941 и 1942 гг. (опять-таки игнорируя мнение Шапошникова); отдал приказы о контратаках в июне 1941 г., когда требовался переход к обороне; запретил своевременный отвод войск из-под Киева и в начале операции «Тайфун»; начал наступление на всех направлениях при нехватке сил зимой 1941–1942 гг.; поспешил с наступлением Западного и Центрального фронтов в июле 1943 г., что помешало окружить войска группы армий «Центр», и т.д. Если авторы хотят обосновать величие Сталина как полководца, они должны разобрать все эти упреки и соотнести их со своим главным тезисом. В начале книги подробно разбирается вопрос о том, почему вражеское нападение оказалось внезапным, и признается определенная ответственность Сталина за это (с. 38–51). Что же касается остального, то лишь однажды скороговоркой перечисляются просчеты Верховного при отдании приказа 23 июня 1941 г. о контрударе по вторгнувшему врагу, при обороне Киева, «определении задач войскам в зимней кампании 1941–1942 годов и летне-осенней кампании 1942 го-

да. И не только это» (с. 243). Но, надо полагать, победы 1943–1945 гг. искупают «временные неудачи». Однако «окружение советских войск под Киевом – самое крупное за всю Вторую мировую войну»⁶, причем о его возможности Верховного предупреждали неоднократно. Предупреждали его и о направленных вражеских ударах и накануне войны, и в 1942 г. В обоих случаях страна оказалась на грани катастрофы. Как же это согласовать с мнением о военных способностях Сталина?

Весьма часто встречается в книге такой прием, как предельное оглушение позиции оппонентов. Соловьев и Суходеев предпочитают критиковать заведомо абсурдные мнения (Сталин-де планировал операции по глобусу, коммунисты уничтожили не то 60, не то 80 млн. человек, лучше бы победила Германия, а не СССР и т.п.). Но мы не найдем в их книге споров с Е.А. Осокиной, Ш. Фитцпатрик, О.В. Хлевнюком, чьи монографии хорошо фундаментальны и создают нелицеприятную картину положения в СССР в 1930–1940-х гг. Не пытаются авторы полемизировать и с 4-томным изданием «Великая Отечественная война. 1941–1945», где высказываются взгляды, часто не совпадающие с их собственными.

Для представления о методах дискуссии, используемых в книге, характерна критика авторами завышения потерь Красной армии. Приводятся мнения А.И. Солженицына о гибели не то 31, не то 44 млн. наших солдат и Б.В. Соколова о соотношении потерь советских и немецких войск 10 : 1, а затем следуют цитаты из В.В. Кожина, который, ни на что не ссылаясь, доказывает и без того очевидную неправоту Солженицына. С Соколовым, у которого есть хоть и спорная, но все же подробная и аргументированная система подсчетов⁷, авторы в полемику не вступают. Они просто заявляют, что лучшее исследование по потерям – «Гриф секретности снят»⁸, где названы иные цифры, а потому дальнейшие дискуссии вроде как излишни. О том, что вполне солидные и далекие от «лжедемократов» историки уже указывали на неполноту данных «Грифа...»⁹, Соловьев и Суходеев предпочитают не упоминать.

Что же сказать в заключение? В предисловии к книге говорится, что «самым эффективным оружием против лжи является правда. Долг профессиональных историков – представить читателям правдивые, тщательно выверенные факты» (с. 6). Остается лишь пожелать авторам в их новых работах постараться следовать этому принципу, коль скоро в этой книге они способности его не смогли.

**А.В. Короленков, кандидат исторических наук
(журнал «Новая и новейшая история»)**

Примечания

¹ Об ошибочности версии о болезни Сталина в те дни см.: Медведев Р.А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 135–136.

² Moss J. America in the 20 Century. 3-th ed. N.Y., 1997. P. 300; Brinkly A., Fitzpatrick E. America in Modern Time (since 1890). N.Y., 1997. P. 362.

³ При чем тут война, непонятно, ведь расстрел имел место еще в 1940 г.

⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 475.

⁵ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржещевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 138, 141–142.

⁶ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 191.

⁷ См., напр.: Соколов Б.В. Тайны второй мировой. М., 2000. С. 219–272.

⁸ См. также дополненное издание: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Там повторяются основные выводы «Грифа...» (М., 1993).

⁹ См., напр.: Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 226, 244.

И.Е. ЗЕЛЕНИН. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н.С. ХРУЩЕВА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 305 с. Тир. 300

Монография И.Е. Зеленина посвящена одному из сложных и интересных периодов отечественной истории – «хрущевскому десятилетию», представлявшему собой, наверное, последнюю попытку реализовать коммунистическую идею в контексте концепции «большого скачка». Оно помнится современникам как время надежд и «оттепели», время заблуждений и ошибок, обнадеживающих поисков и разочарований.

Несмотря на наличие обширной историографии по данному периоду, интерес к нему не снижается, особенно среди ученых-аграрников. Это не удивительно, так как сельскохозяйственная тематика всегда находилась в центре внимания Н.С. Хрущева и так или иначе присутствует в большинстве политических решений того времени, когда он находился у власти. В 1990-е гг. появился ряд новых работ о деревне и крестьянстве в 1950 – начале 1960-х гг., где нашли отражение попытки по-новому взглянуть на результаты хрущевских преобразований. Но, как справедливо указано И.Е. Зелениным, существует еще немало проблем, нуждающихся в специальном и систематическом изучении с привлечением новых источников. К ним относятся разработка и реализация аграрной политики, в том числе определение ее целей и задач, этапов их выработки, основных мер по реализации преобразований и их итогов. Все это требует переосмысления, новых подходов, освобождения от стереотипов и предвзятых суждений, объективной оценки.

Зеленину удалось собрать, систематизировать и проанализировать большой объем информации, по-новому взглянуть на, казалось бы, уже знакомые факты и свидетельства, дать взвешенную и порой нелицеприятную оценку поступков и решений Хрущева. Перспективным представляется подход автора к реформам Хрущева как управленческому решению. Как показано автором монографии, аграрные реформы 1950 – середины 1960-х гг. в полной мере несут в себе противоречия и заблуждения, свойственные обществу в условиях ранней стадии модерниза-

ционного перехода, и, в частности, иллюзорное представление о том, что можно решить все проблемы волевым усилием в короткие сроки, кардинально изменить сложившуюся ситуацию с помощью некоего универсального средства, не преобразуя систему в целом.

Приведенный в книге материал свидетельствует о сложности задач, которые всегда стоят перед реформаторами. Противоречивость хрущевского реформирования определялась тем, что оно, являясь ответом на сложившуюся в аграрном секторе кризисную ситуацию, преследовало двоякие цели – ближние (снять болезненные симптомы и добиться положительной динамики развития сельского хозяйства) и дальние (предотвратить возникновение подобной ситуации в будущем и закрепить достигнутые результаты). При этом возможность с достаточной точностью прогнозировать конечный результат реформирования затруднялась сложностью и многогранностью текущих изменений, в ходе которых наряду с запланированными положительными результатами имели место и отрицательные, которые могли перечеркнуть все достижения. Существующее до сих пор представление о реформе как разовом мероприятии, задача которого состояла в том, чтобы «встряхнуть и переродить» общество, – глубокое заблуждение. Реформу часто задумывают в качестве меры, призванной за короткое время вывести общество из кризиса, но она нередко проводится без разработки системы поддерживающих и развивающих ее мероприятий. И это часто является одной из основных причин ее провала, что характерно и для отдельных этапов аграрной политики Хрущева.

Рецензируемая книга основана на широком круге источников, и хочется отметить очень тщательную работу Зеленина с историческими документами, их внимательное прочтение и вдумчивый анализ. Изложение исторического материала дополняется личными наблюдениями автора, его воспоминаниями, что придает книге особый колорит, создавая ощу-

щение сопричастности автора, а вместе с ним и читателя к анализируемым событиям.

Широкое использование стенограмм «сельскохозяйственных» пленумов ЦК КПСС, докладов и выступлений Хрущева, его воспоминаний, аналитических записок по различным вопросам сельского хозяйства позволило автору применительно к целому ряду проблем (освоение целины, реорганизация МТС, внедрение посевов кукурузы, перевод колхозов в совхозы и др.) проследить эволюцию взглядов и подходов Хрущева, показать, как под воздействием объективных обстоятельств приходила и более трезвая оценка принимаемых мер, а вслед за ней и их корректировка.

На формирование и результаты аграрной политики Хрущева, по мнению автора, оказали влияние следующие факторы: господство представлений о преимуществах социалистической планово-распределительной системы управления, а значит и эффективности организационных мероприятий государства по совершенствованию экономических процессов; мифы о неоспоримых преимуществах крупного социалистического общественного хозяйства над мелким; апологетика идеи «большого скачка» применительно к аграрному производству и др. В книге показано, что Хрущев на протяжении всего изучаемого периода оставался в плену мифологических представлений о приоритетных путях и формах развития сельского хозяйства. Отсюда его извечное стремление сделать «сказку былью», найти чудесное средство, позволившее решить одним махом все проблемы аграрного сектора, вера не в науку, а в идею и интуицию.

Следует признать оправданным и обращение автора к послевоенному периоду как преддверию реформ и времени, когда закладывались основы представлений и взглядов Хрущева-реформатора, которые в дальнейшем получили развитие в основных положениях его аграрной политики и общей концепции развития сельского хозяйства. В книге соблюден проблемно-хронологический принцип организации исторического материала. Отдельные главы посвящены первым послевоенным годам; 1953–1958 гг. как наиболее активному и результативному периоду аграрного реформирования; концу 1950 – началу 1960-х гг. – времени пробуксовки реформ, проявля-

ния застойных и кризисных явлений и определению «нового» (более реалистического и результативного) курса аграрной политики. Внутри глав используется тематический принцип расположения материала, прослеживается эволюция основных аграрных реформ Хрущева от первоначальных представлений до реализации всей системы мер, ориентированных на достижение фундаментальных целей. В этом, пожалуй, наибольшая ценность книги, позволяющей заглянуть на «кухню» реформатора. Он предстает перед читателем человеком, обладающим несомненным политическим чутьем и организаторским талантом, но неспособным вырваться за рамки идеологических стереотипов и мифов о преимуществах колхозно-совхозной системы. Кроме того, Хрущев показан в книге и как государственный деятель, наделенный многими человеческими слабостями, что также не могло не отразиться на ходе реформ.

В монографии Зеленина показана обреченность попыток радикального реформирования сложившейся и упрочившейся за годы Советской власти «социалистической системы сельского хозяйства». Все новации и определения «нового курса», приходит к выводу автор, – это попытки моделирования в рамках социалистической парадигмы, когда «никакие альтернативные варианты, основанные на допущении перехода к многоукладной экономике..., не предусматривались» (с. 282).

Особо нужно отметить стремление автора вычленить исторический опыт реформирования, который может быть актуален для настоящего времени, хотя, как свидетельствует практика, за последние полтора века исторические уроки никогда и никем в России учтены не были.

В целом рецензируемая работа И.Е. Зеленина вносит существенный вклад в историко-аграрные исследования России хрущевского периода, не получившего еще всестороннего и объективного освещения в отечественной и зарубежной историографии.

**В.В. Алексеев, академик РАН,
Г.Е. Корнилов, доктор исторических наук,
Л.Н. Мазур, кандидат исторических наук
(Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, Екатеринбург)**

КНИГА ОБ УЧИТЕЛЕ*

Накопленный отечественной наукой опыт показывает, что настоящее историографическое исследование, не обходящееся на упрощенный пересказ чужих трудов, предъявляет к его автору особые требования. Не всегда историк, даже незаурядный

мастер своего дела, способен не только описать, но и объяснить изучаемый предмет. Тем интереснее ознакомление с недавно вышедшей в свет книгой В.М. Панеяха, посвященной жизни и творчеству его учителя – Бориса Александровича Романова.

* Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 445 с. Тир. 600.

Современные историки старшего поколения, встречавшиеся с Романовым, но близко с ним не знакомые, нередко воспринимали его как человека вполне благополучного, «барина». Это слово отражало впечатление от чисто профессорской внешности Романова, немного старомодной и в то же время, в стиле начала XX столетия, изысканно изящной. Между тем жизнь этого ученого с полным основанием можно назвать трагической. Предшественник В.М. Панеяха по данной теме С.Н. Валк, перу которого принадлежит прекрасная статья о Романове¹, не мог по условиям времени сказать ни об «аутсайдерском» положении Романова в науке на протяжении 1920-х гг., ни о его аресте по «академическому делу» в 1930 г., ни о роспуске Ленинградского отделения Института истории в 1953 г., ни о трагизме существования Романова в 1930–1950-х гг. А ведь перечисленные факты, как показал В.М. Панеях, были важнейшими, определяющими в жизни этого замечательного историка. Кроме того, рамки статьи не позволили Валку подробно осветить многие сюжеты. Тем не менее можно утверждать, что он положил начало реконструкции творческой жизни историка, в которой, правда, внимательный взгляд обнаруживал хронологические «разрывы» (прежде всего это касалось первой половины 1930-х гг. и периода войны).

Одним из основных источников при создании рецензируемой работы В.М. Панеяха стали, конечно, труды Б.А. Романова. Написанные на совершенно различные, хронологически отдаленные друг от друга темы, они неизбежно ставят в затруднение любого биографа, который должен ориентироваться не только в той эпохе, в которой жил его герой, но и в русских древностях, которыми он занимался со студенческой скамьи, и в российской внешней политике начала XX в. В.М. Панеях дал глубокий анализ этих трудов, убедительно и объективно определил вклад Романова в развитие отечественной науки. Кроме сухих биографических документов, которые, как правило, не дают полного представления о личности человека, В.М. Панеях широко использовал письма Романова, полные размышлений о проблемах его ремесла, живых откликов на текущие события, отзывов о коллегах. Кроме того, автор рецензируемой книги смог использовать такой бесценный материал, как устные суждения Романова. Отметим, что этот источник автор использовал очень осторожно, только при отсутствии иных данных. Тщательно проанализирован в книге и такой непростой источник, как следственное дело 1930 г. – результат принудительного соавторства подследственного и следователя. В целом же, реконструируя картину жизни ученого, В.М. Панеях продемонстрировал то в высшей степени бережное отношение к источникам и добываемым из них фактам, которое столь свойственно петербургской школе историков.

Социокультурное окружение, в котором формировался Романов, способствовало разностороннему развитию его богатой дарованиями личности. О ярко выраженной талантливости историка свидетельствовали уже первые его работы, отзывы на них учителей и соучеников. Казалось, перед начинающим ученым открывались блестящие перспективы. Однако большие и малые катаклизмы XX в. – от Октябрьской революции до закрытия Ленинградского отделения Института истории в 1953 г. – вносили суровые поправки в эти перспективы, ломая намечившуюся судьбу ученого, круто поворачивая направление его исследовательской деятельности. В результате специалист по отечественной медиевистике стал автором трудов и документальных публикаций по истории XX в. Вместе с тем погружение в изучение сюжетов новейшего времени не было для Романова вынужденным шагом, данью сложившейся обстановке. В.М. Панеях показал, что историк сделал его, реализуя свои творческие потенции в русле, интересовавшем его именно своей новизной.

В послеоктябрьских условиях Романов – талантливый, глубокий исследователь, изящный стилист, сочетавший в своих работах лучшие традиции дореволюционной историографии с острым чувством нового, нередко оказывался на роковой грани между наукой и профессиональным, а возможно, и физическим небытием. Чувство трагизма существования историка в условиях жесткого контроля со стороны власти пронизывает не одну страницу книги. Об этой стороне судьбы Романова автор впервые мог рассказать подробно и без умолчаний. Добавим, что другие историки «старой школы», которые должны были, как и Романов, приспосабливаться к новым условиям существования их науки в 1930–1950-е гг., были все же крепче привязаны к новой жизни, надежнее устроены в ней, чем он.

Жизненный путь Бориса Александровича – это вариант судьбы целой когорты историков, прошедших через «академическое дело», расцвет творческой жизни которых пришелся на 1930–1950-е гг. В их числе – Е.В. Тарле (1874–1955), С.Б. Веселовский (1876–1952), С.В. Бахрушин (1882–1950), Б.Д. Греков (1882–1953), Л.В. Черепнин (1905–1977). Даты рождения старшего и младшего из перечисленных историков, как видим, отделяли друг от друга три десятка лет. Родившийся в 1889 г. Романов занимал в этой когорте среднее положение. Всех их объединяли высокая профессиональная подготовка, полученная в рамках «старой» школы, и, конечно, крутой поворот, связанный с Октябрьской революцией. В жизни Романова этот поворот привел к смене научной тематики, переходу к исследованию дальневосточной политики России. На этом этапе своей научной деятельности он – «аутсайдер», как говорил историк сам о себе, обозначая этим словом несколько изолированное свое положение по отношению как к историкам-марксистам, так и к представителям до-

революционной школы. Это определение принял и В.М. Панеях (с. 185). Но если в других своих работах о Романове он применял его ко всей биографии своего героя², то теперь он пришел к признанию и осмыслению такого важного факта, как выход ученого из положения «аутсайдера» и принятие им «правил игры», его компромисс с властью (с. 230–231). Это тоже был неизбежный факт в жизни указанной когорты. Романов, как и многие другие историки, пошел на этот компромисс, сохраняя для себя возможность работать в науке. В его трудах появилось «ритуальное обрамление» – цитаты из сочинений основоположников революционного учения. Этот поворот пришлось на 1930-е гг., когда было возрождено преподавание истории, изменился социальный статус этой науки и ее представителей. Понятно, что степень неизбежных уступок у каждого из ученых была различна. Суть как раз и заключалась в том, оставался ли человек ученым или превращался в поставщика сочинений, угодных власти и совпадающих с конъюнктурно понятными «потребностями текущего момента». Книга В.М. Панеяха демонстрирует, что и в условиях жесткого давления происходило развитие науки, причем науки настоящей, высокопрофессиональной.

Вместе с тем, на мой взгляд, сближение Романова с марксизмом не было чисто внешним, «ритуальным». Историк принял понятийный аппарат марксистского учения об обществе, его идеи и проблематику, и этот процесс не был, используя еще одно любимое Романовым слово, интеллектуальной «интоксикацией». Напротив, то рациональное и научно здоровое, что содержал в себе марксизм, углубляло осмысление исторических материалов, с которыми он работал.

Исследовательскому мастерству Романова автор посвятил отдельную главу, где он, развивая наблюдения С.Н. Валка, показал роль, которую играли в работе Романова интуиция и воображение – черты, свойственные, казалось бы, скорее художественному творчеству, чем науке. Автор рецензируемого труда убеждает читателя в том, что в процессе строго научного исследования именно воображение помогало создать рабочую гипотезу, проникать во внутренний мир исторического героя, например, понять лето-

пись не как протокольную запись события, а как нечто гораздо более сложное, отражающее особенности восприятия и мышления человека Средневековья. Романов предстает в книге как страстный любитель интеллектуальных задач и их нетривиальных решений, позволяющих добывать новую информацию из давно известных источников, создавать искусные комбинации исследовательских приемов. Определенный его скепсис по отношению к предвзятым теориям, тем более навязанным «сверху», следование прежде всего источнику, – все это уберегало историка от тех промахов, которые допускали многие из его догматически настроенных коллег. Таким образом, В.М. Панеяху удалось показать влияние на научные произведения Романова особенностей его личности, что далеко не всегда находит отражение в историографических работах. Проникновение в творческую мысль своего героя позволило В.М. Панеяху отойти от поглощенности «объективными условиями развития науки», столь характерной для литературы по историографии, и обратить внимание на разнообразие и сложность личности – творца этой науки.

В заключение отметим, что книга о Романове, всегда обращавшем серьезное внимание на стиль научного произведения, написана прозрачно ясным и выразительным языком, что, в частности, делает возможным широкое использование ее в качестве учебного пособия. Мало кому удавалось так убедительно и понятно раскрыть всю сложность исследовательской работы историка.

**А.М. Дубровский, кандидат исторических наук
(Брянский государственный университет)**

Примечания

¹ В ал к С.Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 8–38.

² См., напр.: П а н е я х В.М. Борис Александрович Романов (1889–1957) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 244.

НОВЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Специальные исторические дисциплины занимают важнейшее место в профессиональной подготовке историков¹. И чем лучше будет поставлено в учебном заведении преподавание этого курса, тем выше окажется уровень научной подготовки и эрудиции студентов. Компетентность в области специальных исторических дисциплин является обязательным условием профессиональной состоятельности специалиста и неизбежно отражается на его исследованиях.

Однако преподавание курса имеет ряд объективных трудностей, из которых главная состоит в обеспечении учебного процесса квалифицированно подготовленными пособиями, полно и подробно раскрывающими роль и место специальных дисциплин в системе исторического знания. За последние годы ситуация с учебниками по специальным историческим дисциплинам заметно изменилась. И в Москве, и в регионах России вышли в свет новые, разнообразные по содержанию пособия: одни из них охватывают весь комплекс специальных исторических дисциплин, другие – касаются только той или иной конкретной дисциплины.

Сильно различается и научно-методический уровень новинок. В числе самых удачных изданий следует назвать книги О.Р. Бородина по хронологии и В.Г. Буркова по фалеристике². Они выделяются обширным фактическим материалом, оригинальностью осмысления теоретических проблем. Пособия являются результатом многолетних исследований авторов и отражают их собственные концепции. О.Р. Бородин успешно преодолел традиционную сухость изложения учебников по хронологии, отошел от ненужной студентам перегруженности их справочным материалом и таблицами. Вместо этого он сумел обстоятельно показать связь счета времени с менталитетом и философскими учениями различных эпох, раскрыть культурологические аспекты хронологии. Он отказался от описания систем летосчисления по странам, а проанализировал эволюцию отдельных хронологических понятий (дни и часы, недели, месяцы и годы, эры)³. О.Р. Бородину удалось создать вполне целостную картину развития хронологических знаний, в которой органично выглядит и очерк истории измерительной техники, дающий представление о специфике хронологических систем. Хотя в предисловии автор скромно пишет, что пособие задумывалось только как «теоретическое введение в изучение исторической хронологии» (с. 3), на самом деле оно оказалось удачным опытом изложения данного предмета в необходимом для студентов объеме.

Ценным вкладом в учебную литературу стал учебник В.Г. Буркова⁴. В нем фалеристика трактуется как самостоятельная, полноценная научная дисциплина, обладающая собственной методикой исследования, историей и практикой социального бытования. Отставание самостоятельности фалеристики составляет основной пафос учебника. Это потребовало оптимального сочетания фактических сведений и изложения общих проблем, что В.Г. Буркову вполне удалось. Учебник в первую очередь излагает теоретические, источниковедческие и историографические аспекты дисциплины, раскрывает ее терминологию, предмет изучения, структуру, междисциплинарные связи, причем каждое положение доказывается конкретными примерами из истории дореволюционных, советских и современных наград. Идея непрерывности развития наградного дела в России наиболее четко выразилась в приложении «Высшие государственные отечественные фалеронимы», которое в табличной форме обобщает сведения об отечественных орденах и медалях с 1698 по 1999 г. Фалеристика лишь сравнительно недавно (во второй половине XX в.) выделилась из нумизматики, и поэтому важное место в учебнике занимает вопрос о степени ее научной зрелости. При этом В.Г. Бурков опирается на всесторонний анализ имеющейся историографии, который не стал, как часто бывает, сухим библиографическим обзором, а приобрел глубокое познавательное и методологическое значение. В связи с этим автор очень тщательно подошел к составлению списка рекомендуемой студентам литературы, подобранному со знанием дела. В целом, пособие В.Г. Буркова – учебник нового качественного уровня, отвечающий задачам совершенствования высшего исторического образования.

Тому же автору принадлежит серия учебных пособий по государственной символике стран Европы⁵, в которых изложен богатый фактический материал, охватывающий период от Средневековья до современности. Сначала эти пособия выходили в свет отдельными небольшими книгами, а недавно появилось обобщающее издание⁶. Эти публикации могут быть использованы не только для обучения, но и как справочники⁷.

Активное развитие за последнее десятилетие вексиллологии привело к изданию самостоятельного пособия и по этой дисциплине⁸. Оно касается преимущественно отечественных флагов и знамен, охватывает период с глубокой древности до настоящего времени. Исторический очерк сопровождается теоретическим разделом, изложением историографии и основ терминологии. Публикуются многочисленные отрыв-

ки из современных актов об утверждении флагов стран СНГ и республик, входящих в состав Российской Федерации. Пятую часть объема пособия занимает библиография отечественных работ по вексиллологии, ценная не столько для студентов, сколько для исследователей темы вообще.

В 2001 г. вышло в свет учебное пособие О.Н. Наумова, в котором отечественная историография геральдики впервые рассмотрена как единый исследовательский процесс, опирающийся в методологическом отношении на позитивизм с элементами структурализма⁹.

Геральдика и тесно связанная с ней вексиллология оказались в 1990-е гг. дисциплинами, которым в учебной литературе уделялось особое внимание, обусловленное, с одной стороны, расширением отечественных исследований в этих областях, а с другой – острым недостатком пособий. Раздел по геральдике сейчас является обязательным для учебников по специальной историческим дисциплинам, и без него не обходится ни одно издание последних лет. Геральдика стала одной из немногих дисциплин, по которым издаются не только специальные пособия, но и программы курсов. Особо следует отметить чрезвычайно интересную программу А.П. Черных¹⁰, по-новому ставящую вопрос о содержании обучения геральдике. Она – единственный в России пример обращения к европейскому геральдическому опыту, поскольку вся остальная учебная литература основывается на отечественном материале.

В 2000 г. вышло в свет третье издание известного учебника Г.А. Леонтьевой, П.А. Шорина, В.Б. Кобрина¹¹. В нем представлен широкий круг дисциплин: палеография и археография, нумизматика, сфрагистика, геральдика и вексиллология, метрология, хронология, генеалогия и историческая ономастика. Учебник уже рецензировался в печати¹², поэтому особой необходимости в его подробном анализе нет. Следует подчеркнуть только, что каждое издание пособия отличается от предыдущего в лучшую сторону. Авторы уделяют большое внимание уточнению и дополнению текста. Очередной вариант также учитывает результаты последних исследований по нумизматике, геральдике, вексиллологии и др. Однако это мало касается глав по исторической ономастике и генеалогии, подготовленных покойным профессором В.Б. Кобриным. Они написаны, конечно, блестяще, с прекрасным знанием предмета, но все-таки довольно давно, в начале 1980-х гг. С той поры ситуация в генеалогии существенно изменилась, и следовало бы подумать над обновлением и этого раздела.

В качестве дополнения к учебнику появилось практическое пособие Г.А. Леонтьевой¹³, предназначенное для семинарских занятий по палеографии, археографии, хронологии и геральдике. Оно содержит краткое изложение правил археографической работы с текстами источников, справочные и методические материалы по хронологии, сведения о внешних признаках русских рукописей, нормы формальной геральдики, помогающие описанию гербов. Текст сопровождается богатой иллюстративный ряд: воспроизведение 66 страниц рукописей XI–XVIII вв. (с археографическими комментариями) и рисунков гербов. Издание подготовлено на хорошем уровне, но, к сожалению, не избежало недочетов. Например, досадным недостатком стало замствование изображений дворянских гербов из книги И.В. Борисова¹⁴ вместе с неточными подписями к ним. В пояснениях к гермам графов Воронцовых и Сперанских и др. (с. 190–191) отсутствуют указания на титулы, хотя на самих рисунках отчетливо соответствующие им короны. Такое противоречие может дезориентировать студентов.

И все же положение с учебниками по специальным историческим дисциплинам нельзя признать вполне благополучным. Наряду с добросовестными, интересными работами появились и такие издания, в которых недостатков гораздо больше, чем достоинств. Как правило, они представляют собой не очень добротные компиляции из случайных публикаций, содержат множество фактических ошибок, часто весьма грубых. Наиболее характерные слабые места подобных пособий можно рассмотреть на примере изданий Л.В. Беловинского, А.В. Гладышева и В.А. Шаповалова¹⁵. Их фундаментальный недостаток состоит в отсутствии у авторов собственного взгляда на специальные исторические дисциплины. Именно это во многом является причиной других несуразностей и ошибок. В частности, вызывает большое недоумение распределение материала и набор разделов в учебниках Л.В. Беловинского и А.В. Гладышева. Так, в пособии Л.В. Беловинского наряду с самостоятельным разделом по геральдике и сфрагистике имеется небольшая глава, посвященная историографии этих дисциплин (с. 23–24), но о нумизматике, вексиллологии или бонистике подобных разделов нет. В пособии А.В. Гладышева за главой о нумизматике следует самостоятельный раздел, озаглавленный «Основные этапы развития монетного обращения в средневековой Европе» (с. 67–77), хотя изучение денежного обращения всегда составляло одну из задач именно нумизматики. Одновременно, вопреки названию, в главе приводятся сведения не только о средневековом денежном обращении, но и о монетах XVIII–XIX вв. и даже СССР (с. 76–77).

Совершенно не ясны остаются причины, обусловившие набор дисциплин в пособиях. Часто среди них присутствует эмблематика (символика), что, по моему мнению, нецелесообразно, поскольку выделенная этой дисциплины как самостоятельная остается дискуссионным. Фактически в главах об эмблематике излагаются геральдические, сфрагистические, нумизматические сведения, которые без малейшего ущерба для содержания пособий могли бы присутствовать в соответствующих разделах. В пособии Л.В. Беловинского к разряду специальных исторических дисциплин необоснованно отнесена филология.

Степень подробности информации о конкретных дисциплинах значительно различается. Как считает тот же Л.В. Беловинский, «объем материалов по ним (дисциплинам. – О.Н.) здесь зависит от степени их освещения в существующей литературе последних десятилетий, доступности этой литературы и потребности (так в тексте. – О.Н.) музейной работы...» (с. 3). Говоря другими словами, объем глав зависит от того, сколько работ по той или иной дисциплине обнаружил автор. Результатом такого подхода стала, видимо, отдельная глава по фалеристике из 20 (!) строк (с. 99), в которой Л.В. Беловинский весьма путанно и противоречиво пытается объяснить, что входит в эту дисциплину, а затем сообщает, что подробные све-

дения о ней изложены в другом пособии, изданном Московским государственным университетом культуры и искусств.

Еще одним часто встречающимся недостатком является нечеткость терминологии. Уже заголовок учебника А.В. Гладышева показывает, что автор не смог решить, какой из двух бытующих в историографии терминов ему выбрать. Во введении он, правда, коснулся вопроса о вариантах наименования, но ограничился изложением бытующих мнений, тогда как собственную позицию обосновал слабо и противоречиво. Неустойчивость терминологии присуща всему тексту пособия и ярко проявилась, например, в дефинициях. Палеография и нумизматика именуется «специальными историческими дисциплинами», хронология, метрология и геральдика – просто «науками...», сфрагистика и фалеристика – «вспомогательными историческими дисциплинами», а генеалогия – одновременно и специальной, и вспомогательной (с. 9, 18, 24, 33, 39, 51, 78). Раздел, занимающийся правилами составления гербов, назван «теоретической или формальной» геральдикой (с. 46), а вариантом для термина «щитодержатели» предлагается весьма странное слово «поддерживатели» (с. 49).

Кроме того, в учебнике А.В. Гладышева много стилистически неудачных выражений. Например, сообщается, что «в эмблематике часто встречаются изображения различных “животных-мутантов”», что «в средневековые генеалогические сведения принимают форму генеалогического дерева», что «греческий» крест – это «крест с плечами равной длины» (с. 102, 34, 103) и др. В пособии Л.В. Беловинского дисциплина, изучающая знамена и флаги, постоянно именуется «вексилология» вместо правильного «вексилология».

Пособия страдают многочисленными пропусками фундаментальных сведений. В главе о геральдике учебника Л.В. Беловинского нет даже определения герба и полностью отсутствует история русской родовой геральдики, а в издании В.А. Шаповалова игнорируется развитие научного гербоведения. А.В. Гладышев написал об Историко-родословном обществе в Москве (хотя и не совсем точно назвал его), но не счел нужным упомянуть о Русском генеалогическом обществе.

Крупным недостатком является полная компилятивность некоторых учебных пособий. Ситуация усугубляется тем, что их авторы, как правило, имеют очень смутные и поверхностные представления об историографии. Поэтому даже компиляция делается на основе случайных, часто далеко не лучших публикаций. В.А. Шаповалов указывает (с. 19), что порядок описания гербов заимствован им из книги В.В. Похлебкина¹⁶, но ее нельзя считать серьезным научным изданием. А.В. Гладышев советует студентам за подробной информацией о двуглавом орле обращаться к публикации В.С. Новикова¹⁷, которая представляет собой дилетантский опус, содержащий попытку мистического истолкования изображения. Тот же автор счел возможным определение генеалогии, данное Л.М. Савеловым¹⁸, цитировать не по тексту недавно переизданных и вполне доступных его лекций, а по «Энциклопедическому словарю юного историка» (с. 33).

О том, насколько ограниченный круг литературы привлекается при создании отдельных учебников, дает самое наглядное представление библиографический список в пособии В.А. Шаповалова (с. 62). Труды классика отечественного гербоведения В.К. Лукомского представлены в нем только небольшим отрывком из статьи «Гербовая экспертиза», опубликованном в журнале «Родина»¹⁹, зато здесь есть «Иллюстрированный художественный словарь» Б.Г. Власова и книга Е.И. Парнова «Трон Люцифера», имеющие к геральдике весьма отдаленное отношение. Автору остались неизвестными современные переиздания трудов Ю.В. Арсеньева и А.Б. Лакиера, а книга П.П. Винклера о городских гербах, наоборот, отмечена только в репринтном воспроизведении²⁰. А.В. Гладышев во многих разделах своей книги опирается на замечательный, новаторский учебник «Введение в специальные исторические дисциплины»²¹, но предлагаемый им краткий пересказ подчас просто искажает то, что написано в оригинале (например, о методике генеалогического исследования).

Отмеченные недостатки дополняются разнообразными фактическими ошибками. Перечислить их все нет никакой возможности, поэтому остановимся в качестве примера только на некоторых. В учебнике А.В. Гладышева утверждается, что переход России на эру «от Рождества Христова» и январское новогодие были установлены 19 декабря 1699 г. (с. 23). На самом деле существовало два разных указа: от 19 декабря (о переходе на новую эру) и 20 декабря (о переносе новогодия)²². О Бархатной книге сообщается, что она «может служить сборником гербов дворянских родов» (с. 42). На самом деле никаких гербов в этом источнике нет. О термине «палеография» написано, что он происходит от греческого слова «палео» (древний), но правильная транскрипция – «палайос» (с. 9). Фамилию известнейшего рода Шереметевых А.В. Гладышев пишет, конечно, с мягким знаком Шереметьевы (с. 85), а первым кавалером ордена Св. Андрея Первозванного называет не сподвижника Петра I Федора Алексеевича Головина, а неведомого Федора Андреевича Головина (с. 81).

Обзор учебных пособий подтверждает недавно сделанный Н.А. Соболевой вывод о большой опасности качественных изменений, которую несет в себе волна дилетантизма, захлестнувшая в последнее время специальные исторические дисциплины²³. Некоторые учебники в большей степени дезинформируют студентов, чем учат. Использовать их для обучения навыкам профессионального мастерства нельзя. Проблема подготовки пособий по специальным историческим дисциплинам решена лишь частично. Поэтому создание новых учебников, написанных на высоком научном и методическом уровне и на основе современных достижений не только российской, но и мировой науки, является сейчас неотложной и актуальной задачей.

**О.Н. Наумов, кандидат исторических наук
(Московский педагогический университет)**

Примечания

¹ См.: Соболева Н.А. Вспомогательные исторические дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 220–234; е е же. Вспомогательные исторические дисциплины в контексте современных проблем источниковедения // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 49–64.

² Бородин О.Р. Возникновение современной хронологии. М., 2000; Бурков В.Г. Фалеристика. М., 2000.

³ Схожая структура изложения была опробована в учебнике «Введение в специальные исторические дисциплины» (М., 1990).

⁴ Подробнее см.: Наумов О.Н. Новый учебник по фалеристике // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 185–190.

⁵ Бурков В.Г. Государственные эмблемы и символы стран Содружества независимых государств и Балтии. СПб., 1998; е го же. Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы. СПб., 1998; е го же. Государственные эмблемы и символы стран Восточной Европы. СПб., 1999.

⁶ Е го же. Государственная геральдика и vexilloлогия: Россия, СНГ, Европа. СПб., 2001.

⁷ См.: Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 240–241.

⁸ Лавренев В.И. Вexilloлогия. Тверь, 2000.

⁹ Наумов О.Н. Геральдическая историография России (XVIII – первая половина XX в.). М., 2001.

¹⁰ Черных А.П. Введение в историческую геральдику: Программа спецкурса. М., 2000.

¹¹ Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000.

¹² См.: Отечественная история. 1998. № 5. С. 185–187; Вопросы истории. 2002. № 1.

¹³ Леонтьева Г.А. Палеография, хронология, археография, геральдика. М., 2000. См.: Вопросы истории. 2002. № 1.

¹⁴ Борисов (Ильин) И.В. Родовые гербы России. М., 1997.

¹⁵ Беловинский Л.В. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000; Гладышев А.В. Введение во вспомогательные (специальные) исторические дисциплины. Саратов, 2000; Шаповалов В.А. Основы российской геральдики. Белгород, 1997.

¹⁶ При этом название книги указано по третьему изданию (Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 1995), а год издания – по второму (Похлебкин В.В. Международная символика и эмблематика. М., 1994).

¹⁷ Новиков В.С. Русский государственный орел // Гонец. 1991. № 1–2; 1992. № 3.

¹⁸ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. М., 1994.

¹⁹ Лукомский В.К. Типы иностранных гербов // Родина. 1991. № 9–10. С. 52–53; е го же. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. 1939. № 1. С. 46–76.

²⁰ Арсеньев Ю.В. Геральдика. Ковров, 1997; Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990; Винклер П.П. фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб., [б/г.]

²¹ Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.

²² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830. С. 680–681. № 1735; С. 681–682. № 1736.

²³ См.: Исследования по источниковедению истории России. С. 55, 63.

КРИЗИС СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История функционирования государственного управления в России в межреволюционный период (1907–1917 гг.) представляет собой крупную научную проблему, интерес к которой в последние годы заметно возрос. В 1999 г. Б.Н. Миронов в своей «Социальной истории России» сделал вывод о том, что к началу XX в. «благодаря совершенствованию системы государственных учреждений, улучшениям в организации их работы, повышению требований к служебной годности чиновников возростала эффективность государственного управления, и российские чиновники постепенно приближались... к идеальному типу чиновника... Если судить по эволюции российской бюрократии, движение общества к правовому государству представляется несомненным»¹. При этом автор отмечал, что распространенная в исторической литературе отрицательная оценка русской бюрократии основана главным образом на художественной литературе и публицистике XIX – начала XX вв., так как «до сих пор нет серьезных исследований данной проблемы»².

Отметим, однако, что точка зрения Б.Н. Миронова не является ни единственной, ни доминирующей в исторической науке. Вывод о неспособности российской власти трансформироваться в условиях назревающей революции и обеспечить сохранение существующего строя был неоднократно повторен Б.В. Ананьичем, В.С. Дякиным, Р.Ш. Ганелиным, Ц. Хасегаевой, У. Розенбергом, А. Рибером и другими историками³, а М.Ф. Флоринский, опираясь на материалы о деятельности Совета министров России, пришел к выводу, что неспособность царизма поддерживать даже минимум единства системы государственного управления в полной мере обнаружилась уже к 1914 г., причем для чиновников подобная дезинтеграция была явно предпочтительнее единства⁴.

На мой взгляд, плодотворным является понимание кризиса власти, основанное на концепции академика Н.Н. Моисеева, позволяющей представить деятельность аппарата государственного управления как сложный компромисс между интересами государства, отстаивать которые призваны чиновники, и их собственными, далеко не бескорыстными интересами. При наличии определенных факторов аппарат начинает работать на себя, и может даже игнорировать свое истинное назначение – служение интересам государства. Такую ситуацию можно назвать внутренним кризисом аппарата государственного управления, причем по показателям этого кризиса следует отнести не только отсутствие координации в деятельности различных учреждений и их подразделений, но и другие проявления дисфункциональности аппарата управления: неоправданно высокий уровень его льгот и привилегий, волокиту и формализм в работе, использование служебного положения в корыстных целях, раздувание штатов и т.д.⁵.

Рассмотрим теперь, как проявлялся этот кризис на примере системы местного управления Оренбургской губ.

Среднемесячные расходы на жалованье по Оренбургскому губернскому правлению возросли с 2120 руб. в 1907 г. до 4480 руб. в 1913 г., в то время как штаты этого учреждения увеличились за те же годы лишь на четверть⁶. Кроме того, несколько раз в год, в канун крупных праздников каждый чиновник, в зависимости от занимаемой должности, получал пособие в размере от 40 до 200% своего месячного оклада⁷. Интересно отметить, что жалованье даже рядовых канцелярских служащих составляло до 40 руб. в месяц, тогда как оклады чинов оренбургской полиции, делами которой в основном и занималось губернское правление, не менялись с 1884 г., причем младшие городовые, например, в 1911 г. получали всего 18 руб., а старшие – 22.91 руб. в месяц. «Чины полиции, в прямом смысле слова, буквально бедствуют», – звал к начальству полицмейстер⁸. Однако ситуация оставалась прежней. Так, из 800 руб., полученных в 1913 г. для выдачи единовременных пособий по возмещению материального ущерба на полицейской службе, 600 руб. были распределены между четырьмя начальниками – полицмейстером, двумя исправниками и помощником исправника⁹. При этом из 159 полицейских губернского города добавочного содержания в 50 руб. в год правление удостоило только 19 человек, хотя по закону им можно было обеспечить 20% штата¹⁰.

Министерская проверка 1910 г. охарактеризовала расходование канцелярских и хозяйственных средств в губернском аппарате управления как крайне неупорядоченное¹¹. Целевой кредит, выделенный МВД в 1915 г. на содержание общей полиции, до последней просто не дошел, а был направлен «на усиление канцелярии правления»¹²! Сам вице-губернатор Л.А. Пушкин в закрытом приказе по правлению от 2 января 1915 г. оценил поведение подчиненных как «из ряда вон выходящее»: например, наем внештатных служащих и увеличение им жалованья производились начальниками отделений без уведомления своего непосредственного начальства; даже рядовые канцелярские служащие стали позволять себе являться на службу позже и уходить раньше установленного законом срока и т.д.

О темпах роста волокиты в рассмотрении дел в исследуемый период можно судить по следующим данным: если в 1907 г. в местных учреждениях в течение года решалось около 50% дел, в течение двух лет – 80%, то уже в 1913 г. эти цифры составляли соответственно 15 и 30%. Остальные дела «застревали» на более длительный срок, причем за десять межреволюционных лет он вырос более, чем вдвое – с 6 до 13 (!) лет¹³.

Только в этой ситуации и становились возможными анекдотичные случаи, когда обсуждение в губернских инстанциях вопроса о том, куда поместить несовершеннолетнего осужденного (на один год), длилось более полтора лет¹⁴. Пересылка даже срочной корреспонденции поручалась сельским ямщикам, которые нередко передавали ее попутным проезжающим, и в результате она доходила до адресата с опозданием или вообще терялась¹⁵. Хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска в августе 1907 г. представило на утверждение губернскому правлению цены, по которым лесничий нанимал рабочих в мае этого года, а правление утвердило их только в мае следующего, 1908 г.¹⁶ Эти примеры особенно показательны, так как правление, согласно закону, должно было «служить примером скорого делопроизводства» и рассматривать бумаги максимум через 5 дней после их поступления¹⁷. В действительности же все было иначе. Так, на полученный правлением 31 августа 1907 г. запрос о том, какой способ пересылки срочной корреспонденции является, по мнению губернских властей, оптимальным, ответ в министерство был отправлен только 4 августа 1909 г.! Два года учреждение потратило... на опрос трех уездных исправников, причем реально нужные сведения были в руках у правления уже в январе 1908 г.¹⁸ Заметим, что и более высокие инстанции не торопились с ответами на запросы правления. Так, самая обычная отписка на запрос от 7 октября 1911 г. о буддийском духовном устройстве была получена из МВД только 26 июня 1913 г.¹⁹ Текст закона (!) об организации сыскового отделения в Оренбурге, подписанный императором еще 6 июля 1908 г., в руки правления попал только 17 сентября 1908 г.²⁰

Параллельно с усилением волокиты в губернии наблюдалось прямое невыполнение аппаратом управления своих обязанностей. Местный статистический комитет, не желая утруждать себя сбором информации, требовал (!) от губернского правления доставления разнообразных сведений, хотя делать это неодно-

кратно запрещалось²¹. Тюремная инспекция перестала оформлять документы на арестованных, отправляемых в места заключения, перекладывая эту работу на пункт назначения²².

Еще более распространенными были случаи чисто формального выполнения чиновниками своих обязанностей. Среди руководящего состава широко была распространена практика «подписывать, не читая», что нашло отражение не только в материалах ревизии²³, но и в мемуарной литературе. Чего стоит один только случай с костромским губернатором, который среди прочих бумаг подписал и прошение о собственной отставке, составленное при этом в таких выражениях, что министр внутренних дел усомнился в его психическом здоровье²⁴.

Даже такое важное правоохранительное мероприятие, как надзор за ссыльными, выполнялось «спустя рукава», в результате чего, например, отсутствие крестьянина Безродного, высланного в Оренбургскую губ. из Черниговской в 1907 г., обнаружилось только в 1910 г. Его поиски, кстати, успехом не увенчались, и на этом основании он был амнистирован в 1915 г.²⁵ При назначении на должность часто не наводили даже справок о политической благонадежности чиновника, хотя это было прямым требованием закона²⁶.

Формализм при решении вопросов сочетался с использованием местных чиновниками своего служебного положения в корыстных целях. Наиболее доступным, ненаказуемым, а потому очень распространенным источником дополнительных личных доходов была, по всей видимости, экономия на канцелярских, квартирных и разъездных расходах. С.Р. Минцлов вспоминал, как сам губернатор П.П. Башилов «носился по губернии, ревизуя земских начальников и съезды, получал... прогонов по чину на 12 лошадей и на 3 дня канцелярии. И несмотря на то, что загребал за проезд бешеные деньги, никогда не платил ни гроша ни за поездки, ни за остановки в гостиницах»²⁷.

Губернский чиновник В.А. Друцкой-Соколинский свидетельствовал о том, что «если канцелярия губернатора зарабатывала взятками десятки и сотни тысяч в год, то же самое происходило и в губернском правлении, где все чиновники от старших до последнего писца брали взятки... В уездах дело в этом отношении обстояло еще хуже... Взятки брали чины всех ведомств»²⁸. Земские начальники, по воспоминаниям В.М. Хижнякова, брали себе деньги «из сундуков волостных правлений», вносили в окладные листы добавочные сборы²⁹. Да и земские органы управления особой чистотой не отличались³⁰.

Значительную помощь в обнаружении злоупотреблений могли бы оказать жалобы от населения. Однако существовавший в исследуемый период порядок рассмотрения этих жалоб, когда дознание проводилось непосредственным начальником обвиняемого чиновника³¹, не мог дать ожидаемого результата. В большинстве случаев после проведения дознания жалобы признавались необоснованными. Анализ делопроизводительной документации позволяет утверждать, что любой чиновник губернии находился под активной защитой высших губернских властей и в первую очередь губернского правления, одним из основных направлений деятельности которого была работа с кадрами. Так, даже когда сам губернатор просил жандармское управление расследовать деятельность офицера уездной полиции, применившего к крестьянину незаконные меры физического воздействия (ст. 345 «Уложения о наказаниях»), правление в секретном рапорте в ту же инстанцию представило события так, что дело сдали в архив³². За подобные действия наказывались в основном рядовые чины, да и то не всегда. По данным за март–апрель 1914 г., например, из трех классов чинов, состоявших под следствием и судом «за незаконные по службе действия», были оправданы все трое, из 14 нижних чинов – 8³³.

Есть основания утверждать, что в исследуемый период в местном управлении губернии сложилось устойчивое неформальное объединение чиновничества, целенаправленно охранявшее свои служебные привилегии. Это обстоятельство объективно усиливало сопротивляемость аппарата любому внешнему воздействию, вело к его деградации.

А что же Петербург? Следует отметить, что центр сам приложил немало усилий к тому, чтобы погасить заинтересованность местных учреждений в решении возникавших в губернии проблем. Большинство местных инициатив не получало поддержки. И это при том, что коридор возможных инициатив и так был чрезвычайно узок (даже на назначение сверх штата повивальных бабок требовалось разрешение МВД³⁴). Ходатайства 1908 г. об увеличении числа полицейских в губернии были «оставлены... без рассмотрения», ходатайства 1908, 1912, 1913, 1914 гг. об увеличении полицейских штатов в отдельных пунктах губернии «приостановлены», ходатайство 1913 г. о рассмотрении в министерстве вопроса об изменении внутренних границ губернии отложено как несвоевременное, ходатайство 1907 г. об ограничении высылки революционеров в губернию отклонено³⁵ и т.д. Так, для Оренбургской губ. большой проблемой являлось укомплектование штатного состава «исполнительной полиции». Связано это было с тем, что население региона более чем наполовину было казачьим, а казакам, годным к военной службе, запрещалось служить в полиции. За исследуемый период местные власти 6 раз просили центр увеличить штаты полицейских управлений. МВД удовлетворило в 1912 г. только одно – поданное еще в 1909 г. ходатайство оренбургского полицмейстера об учреждении в губернском городе в связи с громадным наплывом рабочих новой полицейской части. Однако это разрешение сопровождалось утверждением штатов руководящего состава новой структуры. Согласно на набор 67 городских полицейских получено не было, что лишало смысла само ходатайство полицмейстера. В результате в 1916 г. городу уже не хватало 200 городских³⁶.

Интересна и реакция центра на все-таки ставшие ему известными факты нарушения законов местной властью: во всех случаях она выражалась лишь в напоминании о существующих правилах, но никогда – в наказании виновных³⁷. В результате законы ка нарушались, так и продолжали нарушаться. Такая странная позиция высшего руководства способствовала росту безответственности низших эшелонов власти. Формализм, царящий в связке «губерния – МВД», ярко проявился летом 1914 г., когда в правление с ревизией приехал член Совета министра внутренних дел Н.П. Харламов. По итогам ревизии министерст-

вом не было принято никаких решений, а ее результаты не обсуждались в правлении или с губернатором. В целом можно сделать вывод, что реальный контроль за качеством деятельности местного управления отсутствовал.

Среди причин сложившегося в местном управлении положения современники чаще всего отмечали несоответствие законодательных норм новым условиям жизни после революции 1905–1907 гг., недостаточное финансирование, специфическую психологию российского чиновничества. Что касается последней, то еще в 1904 г. директор департамента полиции А.А. Лопухин указал на наличие «в русском чиновничестве... привычки принимать решительные меры только по указаниям начальства и крайне развитой боязливости перед ответственностью...»³⁸ Оренбургский губернатор Я.Ф. Барабаш в отчете императору «упущения и медленность в делопроизводстве» учреждений вверенной ему губернии объяснял «несоответствием штатов... с объемом лежащей на них работы» и «ограниченностью содержания чинов» этих учреждений, «не отвечающей условиям и требованиям жизни...»³⁹ Заметим, что «ограниченность содержания» никак нельзя отнести ко всем служащим местного управления, о чем уже говорилось выше. Такая «неточность» сама по себе указывает на развитие кризисных явлений во властных структурах.

Приведенные примеры волокиты, формализма, коррупции, «покрывательства своих» и т.п. убедительно говорят о том, что в местном управлении Оренбургской губ. в последнее десятилетие существования Российской империи нарастал внутренний кризис, принимавший необратимый характер. Больше того, можно согласиться с академиком П.В. Волобуевым, считавшим, что в годы Первой мировой войны Россия перегагнула из кризиса в катастрофу⁴⁰. При этом представляется, что ситуация в Оренбургской губ., типичная для российской «глубинки», может быть экстраполирована на большинство районов империи. А это означало, что самодержавная система неуклонно шла к своему концу. .

С.В. Любичанковский
(Оренбургский государственный педагогический университет)

Примечания

¹ Ми ро н о в Б.Н. Социальная история России периода империи (18 – начало 20 в.). Т. 2. Изд. 2, испр. СПб., 2000. С. 174–175.

² Там же. С. 173.

³ Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 264, 289; Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15; Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. От самодержавия к тоталитаризму (Заметки с научной конференции) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 200–210; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 393, 615; Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3–36; 1917 год в истории России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 108, 129 и др.

⁴ См.: Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. Л., 1988. С. 203; е го же. Самодержавие и проблема единства государственного управления в годы Первой мировой войны. Дисс. ... доктора ист. наук. Л., 1990. С. 53, 62, 68, 87, 397–398, 400, 403 и др.

⁵ См.: Любичанковский С.В. Системный кризис государственного аппарата – квазизакономерность исторического процесса // Синергетика в современном мире: Сб. докл. международной научной конф. Белгород, 2000. С. 221–225.

⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 11, оп. 3, д. 3902, 3903, 3919, 3926.

⁷ Там же, ф. 10, оп. 3, д. 193, л. 1–2 об.

⁸ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 969, л. 2; д. 1107, л. 29–29 об.

⁹ Там же, д. 1212/1, л. 1.

¹⁰ Там же, оп. 2, д. 3036, л. 1–2.

¹¹ Там же, д. 3360, л. 30–31.

¹² Там же, оп. 12, д. 76, л. 45–46.

¹³ Расчеты произведены на основе: ГА ОО, ф. 11, оп. 3, д. 4296–4298, 4334, 4348, 4390–4391.

¹⁴ Там же, оп. 5, д. 154, л. 1, 12, 56–56 об.

¹⁵ Там же, оп. 1, д. 852, л. 1, 9–9 об., 13.

¹⁶ Там же, оп. 2, д. 3406, л. 1, 4–5, 13–13 об., 35–36, 56, 88–89.

¹⁷ Свод законов Российской империи. Издание неофициальное. Т. 2. СПб., 1912. С. 69. Ст. 574.

¹⁸ ГА ОО, ф. 11, оп. 1, д. 852, л. 1–13.

¹⁹ Там же, д. 1102, л. 6, 12.

²⁰ Там же, д. 857, л. 10.

²¹ Там же, ф. 164, оп. 1, д. 196, л. 62.

²² Там же, ф. 11, оп. 5, д. 185, л. 5–6; д. 190, л. 82.

- ²³ Там же, оп. 2, д. 3052, л. 1–1 об.
- ²⁴ Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память. Записки русского дворянина. Орел, 1996. С. 247.
- ²⁵ ГА ОО, ф. 11, оп. 11, д. 31, л. 1, 18, 26–35, 38.
- ²⁶ Там же, оп. 1, д. 1113, л. 6–27 об.; д. 1219, л. 1–4.
- ²⁷ Минцлов С.Р. Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. Урал. Новгород. Малороссия. Берлин [Б.г.]. С. 178.
- ²⁸ Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С. 209, 211.
- ²⁹ Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Предисловие В.Я. Богучарского. Пг., 1916. С. 166.
- ³⁰ Оренбургское земское дело. 1915. № 7. С. 2–4.
- ³¹ Евтихийев И.И. Ответственность должностных лиц. М., 1917. С. 7, 14–15; Макалков В. Законность в русской жизни // Вестник Европы. 1909. Кн. 5. С. 247–248.
- ³² ГА ОО, ф. 11, оп. 1, д. 863/2, л. 1–4.
- ³³ Там же, оп. 2, д. 3051, л. 15–15 об., 21 об.–22.
- ³⁴ Свод законов Российской империи. Указ. издание. Т. 13 (Устав врачебный). Ст. 109.
- ³⁵ ГА ОО, ф. 11, оп. 1, д. 886, л. 32; д. 1209, л. 3; оп. 11, д. 1, л. 313; оп. 12, д. 56, л. 142 об.–143.
- ³⁶ Там же, оп. 1, д. 969, л. 1–2, 59–62 об.; оп. 12, д. 56, л. 142–143.
- ³⁷ Там же, оп. 1, д. 886, л. 33; оп. 2, д. 1219, л. 1; д. 3050, л. 72–72 об. и др.
- ³⁸ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Сб. док. / Под ред. А.К. Дрезена. М., 1936. С. 27–28.
- ³⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 392, л. 16.
- ⁴⁰ См.: Волобуев П., Мельниченко В., Поляков Ю. Октябрьская революция: главное событие 20 века или трагическая ошибка? // Диалог. 1990. № 3. С. 62–77.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ» В ИВАНОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

---

21 июня 2002 г. в Ивановском государственном университете прошла читательская конференция, посвященная обсуждению журнала «Отечественная история». На ней присутствовали профессорско-преподавательский состав, аспиранты и студенты исторического факультета Ивановского государственного университета, а также других вузов г. Иваново и Ивановской обл. В течение четырех часов шла оживленная дискуссия о публикациях журнала за последние годы и актуальных проблемах отечественной историографии.

Открывая конференцию, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории д.и.н. профессор А.А. Корников отметил, что журнал «Отечественная история», которому исполнилось 45 лет, является одним из ведущих периодических изданий по истории в нашей стране и его материалы представляют большой интерес для всех занимающихся изучением прошлого своей Родины. Затем слово было предоставлено главному редактору журнала д.и.н. С.В. Тютюкину, рассказавшему о работе редакции и об основных принципах отбора материалов и требованиях, предъявляемых к их авторам.

В выступлении декана исторического факультета д.и.н. Д.И. Полявиного было отмечено, что встреча с главным редактором «толстого» академического журнала – большое событие в жизни провинциального университета. Подобное мероприятие имело место в истории истфака ИвГУ только однажды, когда его коллективным гостем была редакция московского журнала «Латинская Америка». Сейчас исторический факультет ИвГУ, где почти половина из 26 преподавателей имеют докторские степени, – одно из самых квалифицированных университетских научных сообществ, развивающее самые различные научные направления. Далеко за пределами Иванова известна школа изучения отечественной кооперации, возглавляемая профессором Л.Е. Файном, только что опубликовавшим в местном университетском издательстве фундаментальную монографию. Активно развивается изучение истории Ивановского края под руководством профессора К.Е. Балдина. Первое в практике отечественной высшей школы пособие по российской геральдике выпустил в свет профессор А.А. Корников. Журнал «Отечественная история» – серьезное подспорье и для тех, чьи научные интересы лишь отчасти связаны с российским прошлым. Статьи и дискуссии по вопросам методологии исторического исследования, содержательные рецензии на отечественные и зарубежные издания, библиографические публикации важны для всех исследователей и преподавателей истории. На фоне многочисленной, но не всегда отличающейся высоким качеством своих публикаций научной периодики журнал «Отечественная история» продолжает оставаться серьезным академическим изданием, соединяющим разнообразие тематики материалов с их высоким научным уровнем и актуальностью. Д.и.н. профессор Н.Р. Коровин отметил, что каждый номер «Отечественной истории» обогащает читателя по множеству вопросов: источниковедению и историографии, социально-экономической и общественно-политической истории самых различных периодов. За последние годы более глубоким стало и содержание рецензий, в которых можно увидеть и авторскую концепцию, и мнение рецензента. Среди наиболее интересных публикаций журнала по актуальным и малоизвестным вопросам можно выделить статьи В.П. Попова «Хлеб как объект государственной политики СССР в 1940-е годы» (2000, № 2), вологодских историков М.А. Безнина и Т.М. Димони «Повинности российских колхозов в 1930–1960-е годы» (2002, № 2). Особый интерес вызывают у читателей журнала «Круглые

столы», в частности дискуссия на тему «Советское прошлое: поиски понимания» (2000, № 4), на которой были подняты многие проблемы советской социальной истории (по двухтомнику А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой). Интересен и «Круглый стол» «Каким быть современному школьному учебнику по отечественной истории XX века?» (2002, № 3). Журнал дает разнообразную информацию о состоянии отечественной исторической науки, в том числе о тематике докторских диссертаций, новых книгах по истории и т.д. Вместе с тем хотелось бы видеть на страницах «Отечественной истории» больше материалов по вопросам индустриализации и социальной политики. Очень нужны обобщающие историографические обзоры по широким проблемам отечественной истории, написанные крупными специалистами. При обилии исторических работ, вышедших в конце XX – начале XXI в., нужна глубокая оценка и историографической ситуации в целом, и отдельных изданий, которые, к сожалению, часто не доходят до провинциальных библиотек. Наверное, следует давать и более подробные справки о зарубежных авторах и их работах.

Д.и.н. профессор кафедры новой и новейшей истории С.М. Усманов поблагодарил редакцию журнала за публикацию «Круглого стола», на котором был поставлен вопрос о так называемой «фолк-истории». Этот материал, заметил он, используется в наших учебных курсах и дается студентам для обязательного изучения. Очень хорошо, что журнал отстаивает достоинство профессионализма в изучении истории. Касаясь «Круглого стола» о преподавании истории (2002, № 3), С.М. Усманов подчеркнул, что никакой нужды конструировать новые надуманные схемы вроде некой «космополитической истории» взамен якобы «устаревшего» патриотизма.

Д.и.н. профессор Ю.А. Ильин выделил такие рубрики журнала, как «Критика и библиография», «Круглый стол», «Научная жизнь», информирующие провинциальных историков о новейших научных исследованиях. Рецензируемые материалы служат для студентов, соискателей и аспирантов наглядным и в большинстве случаев квалифицированным образцом, как писать вводную часть к курсовым и дипломным работам, кандидатским диссертациям. Редколлегия эффективно решает задачу координации усилий столичных и провинциальных исследователей по аккумулярованию текущих достижений исторической науки и выработке перспективных направлений научного поиска. Вместе с тем Ю.А. Ильин коснулся ряда недостатков и упущений в работе редколлегии журнала. По его мнению, есть увлечение работами историко-биографического жанра в ущерб публикациям по традиционным проблемам развития российского общества. Следовало бы увеличить количество материалов по таким темам, как революция 1917 г. и Гражданская война, перестройка 1985–1991 гг., эпоха 1990-х гг. Мало публикаций и по истории СССР в 1960–1980-е гг. Можно было бы ввести рубрику «Осторожно: плагиат!» Учитывать при этом как индивидуальное мнение исследователя, так и коллективное мнение кафедр вузов.

К.и.н. доцент С.Т. Смирнова обратила внимание на широкое использование публикуемых в журнале «Отечественная история» источников в учебном процессе. Так, например, дневники и воспоминания российских историков могут рассматриваться как важнейшие источники по истории отечественной культуры новейшего времени и истории исторической науки. Подобного рода публикации позволяют преподавателям использовать их в лекционных курсах, включать в списки рекомендуемой литературы к семинарам и коллоквиумам, к курсовым и дипломным работам. На практических занятиях студенты проявляют большой интерес к новым источникам. Так, в рамках курса по религиоведению в этом году прошло обсуждение фрагментов дневников С.С. Дмитриева с целью выявления отношения историка к религии и православной вере. В заключение С.Т. Смирнова выразила надежду на то, что в журнале и в дальнейшем будут печататься материалы, отражающие события культурной жизни российского общества XX в.

Доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Шуйского государственного педагогического университета к.и.н. Ю.А. Иванов отметил как одну из сильных сторон работы редакции «Отечественной истории» за последние годы проведение «Круглых столов», в частности по проблемам социальной истории (обсуждение книги Б.Н. Миронова). В этой связи, отметил выступающий, можно было бы приветствовать практику более широкого обсуждения на страницах журнала проблемы использования на российском материале ряда концепций современной зарубежной историографии (локальная, казуальная и т.д. история). Поскольку «Оте-

чественную историю» читают и учителя средних школ, редакции следовало бы каждые 5–7 лет публиковать обзорные статьи по ключевым проблемам российской истории, фиксирующие современный уровень отечественной историографии той или иной крупной научной проблемы. Естественно, хотелось бы, чтобы в каждом номере была своя «изюминка» – ударный материал, о котором будет говорить не только специалисты. Такие материалы в журнале есть, но их все же явно недостаточно.

В своем выступлении доцент кафедры новейшей отечественной истории ИвГУ к.и.н. С.В. Точенов поблагодарил редакцию журнала и его главного редактора за помощь при подготовке к публикации своей статьи о пребывании немецкого фельдмаршала Паулюса в советском плену на территории Ивановской обл. (2001, № 4) и пообещал доработать материал по теме «Волнения и забастовки на предприятиях текстильной промышленности Ивановской области осенью 1941 года» для публикации в «Отечественной истории» в следующем году. Говоря о деятельности журнала в целом, он отметил высокий профессиональный уровень работы редакции, интересные темы публикаций, качественный отбор материала. С.В. Точенов констатировал тот факт, что в течение последних лет журналом проводится планомерная и четко выдерживаемая линия на постановку ряда важных проблем, связанных с историей нашей страны второй половины XX в. Прежде всего это касается периодов, когда у власти находились Сталин, Маленков и Хрущев. В гораздо меньшей степени освещен последующий период, хотя последние 10–15 лет являются наиболее сложными для изучения в системе как высшего, так и среднего образования.

Доцент кафедры дореволюционной отечественной истории к.и.н. Е.Л. Костылева в своем выступлении обратила внимание на недостаточное число публикаций по истории русского средневековья. Она высказала пожелание чаще привлекать к сотрудничеству в журнале археологов и заказывать им статьи по наиболее актуальным проблемам, находящимся на стыке истории и археологии.

Проректор по научной работе Ивановской строительной академии д.и.н. А.Д. Егоров в советовал редакции «Отечественной истории» использовать опыт журналов, которые часто сопровождают публикации по той или иной проблеме краткими заметками экспертов. Таким образом, мог бы идти своеобразный «мозговой штурм» проблемы. Неплохо было бы также, если бы «Отечественная история» установила шефство над некоторыми изданиями периферийных университетов, разрешив им выходить в виде приложения к центральному московскому журналу. Это облегчило бы, в частности, и положение докторантов и соискателей, от которых ВАК требует сейчас публикаций в столичных изданиях.

Д.и.н. А.А. Корников отметил, что журнал «Отечественная история» является одним из ведущих и самых авторитетных изданий в современной исторической периодике. В нем широко представлены материалы, отличающиеся хорошим академическим уровнем. К числу положительных сторон работы редакции нужно отнести то, что она занимает взвешенную позицию по многим спорным проблемам, которая далека как от старых догматических традиций, так и от упрощенных конъюнктурных взглядов. Очень высокий уровень публикаций характерен для раздела «Критика и библиография», что позволяет провинциальным исследователям быть в курсе главных историографических новинок. Заслуживает также одобрения практика детального и критического анализа антинаучных и легковесных сенсационных работ, появляющихся в большом количестве в последнее время (2000, № 4 и 5). К числу положительных сторон издания нужно отнести то, что журнал уделяет большое внимание анализу учебников и учебных пособий по отечественной истории. Этой проблеме были посвящены очень интересные материалы одного из последних «Круглых столов» (2002, № 3). Публикация подобных материалов привлекает внимание к журналу как центру исторического образования.

Вместе с тем, по мнению А.А. Корникова, в журнале уделяется еще недостаточно внимания проблемам методики исторического исследования. В современных условиях смены парадигм исторической науки было бы чрезвычайно поучительно и актуально обратиться к проблемам методики источниковедческого анализа, методам обработки и интерпретации исторических источников. В этой связи можно было бы использовать опыт журнала «История СССР» 1960-х гг., когда была опубликована серия статей выдающихся историков (Н.М. Дружинина, Е.И. Заозерской, Б.Б. Кафенгауза и др.), где они рассказывали о своем творческом

пути, особенностях своей исследовательской лаборатории. Подобные статьи были бы чрезвычайно поучительны и полезны, особенно для молодых, начинающих исследователей.

В завершение С.В. Тютюкин ответил на вопросы участников конференции и, высказав признательность участникам обсуждения, пообещал передать все конструктивные предложения и критические замечания редколлегии журнала с тем, чтобы детально проанализировать их и учесть в дальнейшей работе. Профессор А.А. Корников еще раз поблагодарил главного редактора журнала за то, что он смог приехать в Иваново, и пожелал дальнейших успехов в работе журнала.

**А.А. Корников, Н.Р. Коровин, доктора исторических наук
(Ивановский государственный университет)**

ЮБИЛЕЙ СИГУРДА ОТТОВИЧА ШМИДТА

В середине апреля 2002 г. отмечалось 80-летие видного историка, педагога и общественно-го деятеля Сигурда Оттовича Шмидта – действительного члена Российской академии образования, иностранного члена Польской Академии наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Уроженец Москвы, он закончил исторический факультет МГУ, где руководителем его дипломной работы и кандидатской диссертации по политической истории России времени Ивана Грозного был академик М.Н. Тихомиров. С февраля 1949 г. С.О. Шмидт преподает в Московском государственном историко-архивном институте, на основе которого создан ныне Российский государственный гуманитарный университет. Много лет он читал здесь общий курс отечественной истории (до XVII и до XIX в.), а также различные спецкурсы по источниковедению и историографии. 50 лет Сигурд Оттович руководил получившим широкую известность научным студенческим кружком, где сформировалась его научно-педагогическая школа в источниковедении. Он стал также инициатором создания в РГГУ в 1996 г. кафедры региональной истории и краеведения и москвоведения.

С зимы 1956/57 гг. С.О. Шмидт работает в системе Академии наук (Институты – истории, истории СССР АН СССР, российской истории РАН). При создании журнала «История СССР» он был утвержден заместителем главного редактора и оставался им до середины 1960 г. В дальнейшем Сигурд Оттович был занят одновременно исследовательской, редакторской и организационной работой. С 1968 г. он возглавлял Археографическую комиссию РАН и был ответственным редактором ее изданий – «Археографического ежегодника», «Сводного каталога славяно-рукописных книг», хранящихся в нашей стране, «Каталога личных архивных фондов отечественных историков» и др. В конце 2001 г. С.О. Шмидт перешел в штат сотрудников Института славяноведения РАН, а с мая 2002 г. стал почетным председателем Археографической комиссии, оставаясь, однако, главным редактором большинства ее изданий.

С.О. Шмидт – историк широкого профиля. Особенно много сделал он для изучения истории России XVI в. Этому времени посвящены его монографии «Становление Российского самодержавства: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного» (1973 г.; расширенное издание 1996 г. имеет заголовок «У истоков российского абсолютизма») и «Российское государство в середине XVI века: царский архив и лицевые летописи Ивана Грозного» (1984 г.). Ряд статей С.О. Шмидта объединены в книге «Россия Ивана Грозного» (1999 г.). Есть у юбиляра и работы, посвященные истории русского общества в середине XVIII – первой трети XIX в. и истории российской интеллигенции, проблемам источниковедения и историографии. В последние годы в творчестве С.О. Шмидта преобладают темы, связанные с историей обще-

ственного сознания XX в., краеведением и памятниковедением. Он является автором учебных пособий, редактором сочинений классиков нашей исторической науки Н.М. Карамзина, С.Ф. Платонова, Н.П. Павлова-Сильванского, М.М. Богословского, М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, многих сборников материалов руководимых им научных конференций, сборников трудов начинающих ученых. Сигурд Оттович принимал участие в различных международных форумах, выступал с лекциями в университетах нашей страны и за рубежом. Он председатель Союза краеведов России со времени его образования в 1990 г., главный редактор «Московской энциклопедии» и руководитель экспертной комиссии по изданию литературы москвоведческой проблематики. Именно Шмидт возглавлял группу специалистов, удостоенных премии правительства России в области образования за разработку концепции развития и совершенствования курса москвоведения в средних учебных заведениях г. Москвы. Трудно перечислить все периодические и продолжающиеся издания, членом редколлегий которых он был, и все вузы, архивы, музеи и библиотеки, в состав ученых советов которых он входил. С.О. Шмидт – председатель жюри по присуждению Анциферовской премии за работы по истории Санкт-Петербурга и жюри всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников по теме «Человек в истории. Россия – XX век». С 1970-х гг. юбиляр начал научно-просветительскую деятельность по телевидению и радио. Регулярно выступает он и на страницах московских и провинциальных газет и журналов.

К юбилею С.О. Шмидта в Историко-архивном институте РГГУ вышел из печати сборник докладов и тезисов XIV научной конференции «Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания» с посвящением юбиляру. В книге 185 авторов из 33 городов. Несколько ранее, в 2000 г. в серии «Ученые РГГУ» вышел биобиблиографический указатель «Сигурд Оттович Шмидт» (составитель А.В. Мельников), изданный Университетом РАО совместно с Археографической комиссией РАН. В 2002 г. вышел также сборник «Источниковедение и краеведение в культуре России: к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту» объемом в 65 а.л. со статьями 181 ученого из городов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Сам юбилей было решено отметить 15 апреля 2002 г., в день рождения С.О. Шмидта в здании правительства Москвы на Новом Арбате, приурочив к чествованию научно-практическую конференцию «Пять лет развития москвоведения. Проблемы и перспективы». В ее программу были включены сообщения руководителей различных учреждений, связанных с развитием москвоведения, а также сообщения юбиляра «Замыслы пожилого москвича-москведа. Пути реализации (“Московская энциклопедия”, “Арбат – визитная карточка культуры Москвы”))».

К юбилею был выпущен буклет, оповещающий о содержании сборников статей С.О. Шмидта, подготовленных к печати: «Общественное самосознание российского благородного сословия (XVII – первая треть XIX в.)»; «Проблемы истории Москвы и москвоведения»; «Пушкин. Статьи разных лет». На юбилей С.О. Шмидта откликнулись многие центральные и московские газеты и журналы.

Председательствовал на юбилейном заседании министр правительства Москвы по вопросам информации и общественно-политическим связям А.И. Музыкантский. Он зачитал поздравление мэра Москвы Ю.М. Лужкова и решение о награждении С.О. Шмидта Почетной грамотой правительства Москвы. Затем были заслушаны научные доклады: «Разработка концепции развития и совершенствования курса москвоведения в средних учебных заведениях Москвы» (Г.Г. Габуния), «Москвоведение и городские издательские программы» (Г.Н. Львов), «Пять лет деятельности издательского центра “Москвоведение”» (В.Ф. Козлов), «Москвоведение и издание научно-справочной литературы по истории управления и самоуправления города» (В.Н. Быков), «Московские архивы – база развития москвоведения» (А.С. Киселев). С.О. Шмидта приветствовали от Московской городской думы депутат Е.А. Бунимович, от Отделения истории РАН и Национального комитета историков академик В.С. Мясников, от Российской академии образования ее вице-президент В.П. Борисенков. С приветствиями выступили директор Института славяноведения РАН член-корр. РАН В.К. Волков, ученый секретарь Пушкинской комиссии В.П. Старк (Санкт-Петербург), руководитель Росархива член-корр. РАН В.П. Козлов, начальник Историко-дипломатического департамента МИД РФ П.В. Стегний (зачитавший приветственный адрес министра иностранных дел И.С. Иванова), директор

Историко-архивного института РГГУ А.Б. Безбородов, директора издательств «Наука» В.И. Васильев и «Русский путь» В.А. Москвин, председатель научного совета РАН «История мировой культуры» академик Ю.А. Рыжов, соученики юбиляра по истфаку МГУ академик Ю.А. Поляков и народный учитель СССР, почетный гражданин Москвы Л.И. Мильграм. С.О. Шмидта приветствовали также представители ряда московских архивов и музеев. С юмористическим стихотворным приветствием выступил ученик Сигурда Оттовича член-корр. РАН С.М. Каштанов.

17 апреля 2002 г. в Историко-архивном институте, где собрались коллеги и ученики юбиляра из Москвы и других городов России, прошло еще одно юбилейное заседание, которое напоминало своеобразный капустник.

В адрес С.О. Шмидта было получено много приветственных адресов. В адресе Отделения истории РАН, подписанном академиком А.А. Фурсенко, в частности, говорилось: «Гармоническое соединение таланта исследователя, огромной работоспособности, педагогического и организаторского дара, социальной активности сделало Вас уникальным явлением на нашем историографическом поле». Высокая оценка личных качеств и научных достижений юбиляра была дана также в приветствии вице-президента РАН Н.А. Платэ.

Юбилей С.О. Шмидта стал ярким событием современной научной жизни и навсегда останется в памяти его участников.

**В.Ф. Козлов, кандидат исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)**

**ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, УТВЕРЖ-
ДЕННЫЕ ПРЕЗИДИУМОМ ВАК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МАЕ–ИЮНЕ
2002 г. (специальность 07.00.02 – отечественная история и 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического исследования)**

1. *Ивонина Ольга Ивановна*. «Проблема направленности исторического процесса в русской христианской исторической мысли XIX – первой половины XX века». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Томском государственном университете. Соискательница работает в Новосибирском государственном педагогическом университете

2. *Сикорский Евгений Александрович*. «Борьба за власть в Западном крае (1917–1920 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Смоленском государственном педагогическом университете, где работает соискатель. Защищена в Московском педагогическом государственном университете.

3. *Шубин Николай Алексеевич*. «Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000 гг.)». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете сервиса Министерства образования РФ. Соискатель работает в Академии Федеральной службы безопасности РФ.

4. *Быстрова Ирина Владимировна*. «Военно-промышленный комплекс СССР в годы “холодной войны”: стратегические программы, институты, руководители (1945–1964)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискательница.

5. *Наумова Елена Владимировна*. «Молодежная политика в России 70-х – 90-х годов XX века: исторический опыт и уроки». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Саратовском государственном социально-экономическом университете. Соискательница работает в Поволжском кооперативном институте Центросоюза РФ.

6. *Черняк Эдуард Исаакович*. «Общественно-политическая жизнь Сибири: съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Томском государственном университете. Соискатель работает в Томском областном краеведческом музее.

7. *Саранцев Николай Владимирович*. «Большевистская партийно-политическая элита: возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х – конец 30-х гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Саратовском государственном социально-экономическом университете, где работает соискатель.

8. *Шеров Иван Петрович*. «Военная миграция в России (1914–1922 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Смоленском государственном педагогическом университете. Защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в Трудилловской средней школе Смоленского района Смоленской обл.

9. *Киянская Оксана Ивановна*. «Научная биография П.И. Пестеля». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Российском государственном гуманитарном университете, где работает соискательница. Защищена в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

10. *Мерцалов Виктор Иванович*. «Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Читинском институте (филиале) Иркутской государственной экономической академии, где работает соискатель. Защищена в Иркутском государственном университете.

11. *Захарова Оксана Юрьевна*. «Использование государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи XVIII – начала XX вв.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

12. *Фельдман Михаил Аркадьевич*. «Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, где работает соискатель.

13. *Иванов Анатолий Александрович*. «Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина. Соискатель работает в редакции «Книга Памяти» при Кабинете министров Республики Татарстан.

14. *Данилов Андрей Геннадьевич*. «Интеллигенция Дона, Кубани, Ставрополя в конце XIX – начале XX века». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ставропольском государственном университете. Соискатель работает в Северо-Кавказской академии государственной службы.

15. *Ходяков Михаил Викторович*. «Децентрализм в промышленной политике регионов России. 1917–1920 гг.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Республиканском гуманитарном институте Санкт-Петербургского государственного университета. Защищена в Санкт-Петербургском государственном университете, где работает соискатель.

16. *Ишин Вячеслав Владимирович*. «Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленностью Российской Федерации 1918–1991 гг. (на материалах рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Астраханском государственном педагогическом университете, где работает соискатель. Защищена в Московском педагогическом государственном университете.

17. *Гончарова Ольга Александровна*. «История становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае в XIX–XX вв.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Томском государственном университете. Соискательница работает в Горно-Алтайском государственном университете.

18. *Мусаев Вадим Ибрагимович*. «Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (конец XIX–XX вв.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Санкт-Петербургском институте истории РАН, где работает соискатель.

19. *Широкопад Ирина Ивановна*. «Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Государственном университете по землеустройству, где работает соискательница. Защищена в Российском университете дружбы народов.

20. *Верецагин Александр Сергеевич*. «Отечественная историография Гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.)». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Соискатель работает в Уфимском государственном нефтяном техническом университете.

21. *Прохоров Владимир Львович*. «Российское предпринимательское благотворение: социоисторический аспект (XIX – начало XX вв.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Гуманитарной академии Московского государственного социального университета Министерства труда и социального развития РФ. Защищена в Московском государственном социальном университете, где работает соискатель.

22. *Трепавлов Вадим Винцерович*. «История Ногайской Орды». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискатель.

23. *Бокова Вера Михайловна*. «Русские общественные объединения первой трети XIX в.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Соискательница работает в Государственном историческом музее.

24. *Енин Геннадий Павлович*. «Воеводское кормление в России в XVII веке». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Российской национальной библиотеке, где работает соискатель. Защищена в Санкт-Петербургском государственном университете.

25. *Бахтин Александр Геннадьевич*. «Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К. Крупской.

26. *Зубков Александр Алексеевич.* «Автомобильная промышленность РСФСР: основные тенденции развития, формирования научно-технической базы и проблемы модернизации производства (1966–1980 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Соискатель работает в Нижегородском государственном техническом университете.

27. *Анайкина Лидия Ивановна.* «Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском городском педагогическом университете. Соискательница работает в автономной некоммерческой организации «Развитие общественной культуры. Институт современной женщины».

28. *Балдано Марина Намжиловна.* «Индустриальное развитие Бурятии (1920–1980-е гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, где работает соискательница. Защищена в Иркутском государственном университете.

29. *Бесов Александр Григорьевич.* «Военная политика России в XIX веке». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Военном университете Министерства обороны РФ, где работает соискатель.

Составлено по протоколам
Президиума ВАК Министерства образования РФ

НОВЫЕ КНИГИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

(по материалам «Книжного обозрения» за май – июль 2002 г.)

Анисимов Е. Елизавета Петровна. Изд. 3. М.: Молодая гвардия, 2002. 426 с. (ЖЗЛ; Сер. биогр.).

Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы/Сост. Е.С. Афанасьева и др. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с. (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы).

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 384 с.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана: Справ. Кн. 9. Уфа: Китап, 2001. 304 с.

А что если бы?..: Альтернативная история/Сост. Р. Коули; Пер. с англ. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 604 с. (Ист. б-ка).

Басовская Н.И. Цель истории – история. М.: РГГУ, 2002. 536 с. (История и память).

Башкиры: Этнич. история и традиц. культура / Н.В. Бикбулатов и др. Уфа: Баш. энциклопедия, 2002. 248 с.

Баянзина Н. Пермь купеческая. Изд. 2, испр., доп. Пермь: Пушка, 2002. 160 с. (Б-ка перм. краеведа).

Благотворительность в России: Социальные и ист. исслед. / Сост. А. Клецина и др.; Под общ. ред. О. Лейкина. СПб.: Лики России, 2001. 845 с.

Богданов И. Петербургская фамилия: Латкины. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 272 с. (Территория культуры: история).

Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М.: АСТ, 2002. 843 с. (Классич. мысль).

Брикнер А.Г. История Петра Великого. М.: АСТ, 2002. 666 с. (Классич. мысль).

Буренина М. Прогулки по Невскому проспекту. СПб.: Литера, 2002. 272 с.

Бурлацкий Ф. Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 448 с. (Вожди и советники).

Валянский С., Калужный Д. Другая история Руси: От Европы до Монголии. М.: Вече, 2001. 496 с. (Версии мировой истории).

Велесова книга. Славянские веда // Изд. подгот. Д.М. Дудко. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 400 с. (Антология мудрости).

Великая Гражданская война. 1941–1945: Науч. изд. / Авт.-сост. И.В. Дьяков. М.: ФЭРИ-В, 2002. 643 с.

Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Крат. ист.-стат. очерк. Изд. 3, испр., доп. Пермь: Пушка, 2002. 262 с. (Б-ка перм. краеведа).

Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. М.: Логос, 2002. 272 с.

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга: С основания до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 704 с.

Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы: Руководящие кадры гос. аппарата СССР: Моногр. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 225 с.

- Глухов-Ногайбек М. Казанский ретро-лексикон: Первый опыт родословно-биогр. и ист.-краевед. энцикл. Казань: Изд. центр «Основа», 2002. 575 с.
- Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Ист.-архит. путеводитель. СПб.: Европ. дом, 2001. 447 с.
- Гордин М.А. Любовные ереси. Из жизни российских рыцарей. СПб.: Изд-во Пушкин. фонда, 2002. 208 с. (Былой Петербург: Панорама Столичной жизни: Кн.7).
- Горелик А. Магия янтарной комнаты. М.: Изд. содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2002. 214 с.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с. (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Исследования).
- Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб.: Кристалл, 2002. 352 с. (Б-ка мировой лит.: Вехи истории). Книга издана также в М.: АСТ, 2002. 392 с. (Классич. мысль).
- Гумилев Л. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Айрис Пресс, Рольф, 2002. 384 с. (Б-ка истории и культуры).
- Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб.: Наука, 2002. 341 с.
- Данилова А. Пять принцесс: Дочери императора Павла I: Биогр. хроники. Изд. 3, доп. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002. 464 с.
- Е.Р. Дашкова и ее современники / Отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2002. 159 с.
- Дворниченко А.Ю., Кашенко С.Г., Флоринский М.Ф. Отечественная история до 1917 года: Учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 2002. 445 с.
- Девятых Л. Из истории казанского купечества. Казань: Титул, 2002. 160 с. 1000-летию Казани посвящ.
- Демин В.Н. Русь Летописная. М.: Вече, 2002. 448 с. (Тайны Земли Русской).
- Демин В.Н., Зеленцов С.Н. Загадки российской цивилизации: Сакральная история, география, этнография. М.: Вече, 2002. 480 с. (Тайны Земли Русской).
- Джанибекия В. Тайна гибели Столыпина. М.: Бородино-Е, Звонница-МГ, 2001. 464 с. (Сер. «Фонтанка, 16»: Полит. сыск в России).
- Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе: 1550-е – нач. 1770-х гг. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 412 с.
- Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. 1917–1923 гг. / Отв. ред. В.А. Демидов. Новосибирск: Наука, 2002. 398 с.
- Дорогобужская старина: Вып. 2: В.А. Прохоров, Ю.Н. Шорин. Из истории Дорогобужского края: Сб. ст. Смоленск: Смядынь, 2001. 336 с.
- Егер О. Всемирная история: В 4 т. Изд. 3, испр., доп. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. (Б-ка мировой истории). Т. 1: Древний мир. 664 с. Т. 2: Средние века. 608 с. Т. 3: Новая история. 560 с.
- Житие Михаила Тверского: Древнерус. текст и пер.: Рукописный список Гос. архива Твер. обл. / ГА ТО; Вступ. ст., пер., примеч. В.З. Исакова; Археогр. описание Г.С. Гадаловой. Тверь, 2001. 127 с.
- Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: Ист.-этногр. исслед. населения и поселенческой структуры городов рос. провинции второй пол. XVI – начала XX вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 704 с.
- Зуев М.Н. История России: Учеб. пособие для школьников ст. кл. и абитуриентов: В 2 кн. М.: Новая Волна, 2002. Кн. 1: История России с древнейших времен до конца XIX в. 448 с. Кн. 2: История России в XX – начале XXI в. 608 с.
- Иванов С.А. 1000 лет озарений. История вещей. М.: СЛОВО/SLOVO, 2002. 220 с.
- Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А. История Чувашии новейшего времени: Кн. 1: 1917–1945 / Рук. редкол. И.И. Бойко. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2001. 262 с.
- Имена и судьбы / Отв. ред. Т. Воскобойникова; Ред.-сост. А. Молько, В. Молько. Самара: Изд. Дом «Волж. коммуна», 2001. 457 с.
- Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. 912 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней // Под общ. ред. Н.А. Кораблева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
- История России. IX–XX вв.: Учеб. для вузов / Под ред. Г.А. Аммона, Н.П. Ионичева. М.: ИНФРА-М, 2002. 816 с.
- История России XIX – начала XX в.: Учеб. для ун-тов / Под ред. В.А. Федорова. М.: Проспект, ВИТРЭМ, 2002. 536 с.
- История России: Учеб. пособие для абитуриентов / Под ред. Л.И. Семенниковой. М.: Аспект Пресс, 2002. 540 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 1024 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. В 3 кн. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Кн. 1. Т. 1–4. 703 с. Кн. 2. Т. 5–8. 639 с. Кн. 3: Т. 9–12. 623 с.
- Кара-Мурза С. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: ЭКСМО-Пресс, Алгоритм, 2002. 256 с. (История России. Современ. взгляд).
- Кара-Мурза С. Истмат и проблема Восток – Запад. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 256 с. (История России. Современ. взгляд).
- Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М.: ЭКСМО-Пресс, Алгоритм, 2002. (История России. Современ. взгляд). Кн. 1: От начала до Великой Победы. 640 с. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. 768 с.
- Кара-Мурза С. «Совок» вспоминает... М.: Алгоритм, 2002. 256 с. (Тропы практического разума).
- Кара-Мурза С. Столыпин – отец русской революции. М.: Алгоритм, 2002. 256 с. (Тропы практического разума).

- Карнер С.** Архипелаг ГУЛВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / Пер. с нем. М.: РГГУ, 2002. 303 с.
- Карпачев С.П.** История России: Крат. пособие. М.: Центр гуманитар. образования, 2002. 320 с. (Гуманитар. образование в России).
- Кожин В.** Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 512 с. (История России. Современ. взгляд).
- Козлов С.А.** Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центр-нечерноземные губернии. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с. (Экон. история: документы, исслед., пер.).
- Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.** Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. 232 с.
- Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.** Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.): Исторический очерк, документы и материалы. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. 88 с.
- Кореляков А.** Новгородский альбом: Проспекты, улицы, переулки. Великий Новгород: ГрафМаш, 2001. 171 с.
- Костин Б.** Гром победы, раздавайся! СПб.: Лениздат, 2001. 397 с. (Ист. факты и лит. версии).
- Костюк М.П.** Большевистская система власти в Беларуси. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 341 с.
- Кочурин Н.Н.** Коми на поворотах истории. М.: Пик, 2002. 496 с.
- Крестыанское движение в Поволжье. 1919–1922:** Документы и материалы / Отв. ред. В. Данилов, Т. Шанин; Отв. сост. В. Данилов, В. Кондрашин, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с. (Крестыанская революция в России. 1902–1922: Документы и материалы).
- Ларина-Бухарина А.** Незабываемое. М.: ВАГРИУС, 2002. 444 с. (Мой 20 век).
- Левыкин К.Г.** Деревня Левыкино и ее обитатели. М.: Языки славян. культуры, 2002. 408 с.
- Леонов Н.С.** Крестный путь России. 1991–2000. М.: Рус. Дом, 2002. 528 с.
- Лопатников В.А.** Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. СПб.: КЭМ, 2002. 383 с.
- Ляшенко Л.** Александр II, или История трех одиночеств / Вступ. ст. А.А. Левандовского. М.: Молодая гвардия, 2002. 357 с. (ЖЗЛ; Сер. биогр.).
- Мазуринская Кормчая:** Памятник межславян. культур. связей XIV–XVI вв. Исслед. Тексты/Изд. подгот. Е.В. Белякова и др.; Отв. ред. Я.Н. Шапов. М.: Индрик, 2002. 879 с.
- Малахитовая провинция:** Арамил, Полевской, Сысерть, Дегтярск / А. Чуманов и др. Екатеринбург: Сократ, 2001. 368 с. (История в ликах городов).
- Марини Т. де.** Путешествие по Черкесии; Ф. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму: Т. 1 / Пер. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 283 с. (КЛИО: Кавказский лит.-ист. «Олимп»: Раздел «История»: Вып. 7).
- Милая химера в адмиральской форме:** Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку. 18 июля 1916 г. – 17–18 мая 1917 г. / Изд. подгот. А.В. Смолин, Л.И. Спиридонова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 240 с.
- Мишин Г.** Из прошлого Саратовской губернии. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. 192 с.
- Моршин А., Лобачев В.** Мертвым – покой, живым – забота: О похоронах, поминках и кладбищах. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 256 с.
- Москва и Восточная Европа:** Становление полит. режимов сов. типа. 1949–1953: Очерки истории / Т.В. Волокитина и др. М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.
- Мультатули П.В.** Господь да благословит решение мое...: Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Держава, Сатисъ, 2002. 349 с.
- Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.** История Советского государства: Учеб. для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА-М., 2002. 704 с.
- Мурашев Г.А.** Титулы, чины, награды. Изд. 3. СПб.: Полигон, 2002. 349 с. (Попул. энцикл.).
- Мыльников А.** Петр III: Повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002. 511 с. (Жизнь замеч. людей. Сер. биогр.).
- Невский архив:** Ист.-краевед. сб.: Вып. 5 / Ред.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб.: Лики России, 2001. 624 с.
- Никеров В.А.** История как точная наука: По материалам исследований А.Т. Фоменко, Г.В. Носовского. М.: ЭКСМО-Пресс, Яуза, 2002. 480 с. (Новая хронология).
- Николаев А.Н.** Чрезвычайный и Полномочный: Вехи судьбы. М.: Реалии, 2002. 792 с. (Записки дипломата).
- Николаев П.Ф.** Патриарх москвоведения. М.: Экслибрис-Пресс, 2002. 388 с.
- Новейшая история Отечества. XX век:** В 2 т. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. Изд. 2, испр., доп. М.: ВЛАДОС, 2002. (Учеб. для вузов). Т. 1. 496 с. Т. 2. 448 с.
- Новотомниково /** Кол. авт.; Науч. ред. Ю.А. Мизис. Воронеж: Центр духов. возрождения Черноз. края, 2002. 160 с.
- Оболенский Г.** Император Павел I. М.: Рус. слово, 2001. 384 с.
- Общество и власть.** Российская провинция. 1917–1980-е годы: По материалам нижегородских архивов: В 3 т. Т. 1: 1917 – середина 30-х годов / Отв. ред. тома А.А. Кулаков, Ж.-П. Депретто; Сост. А.А. Кулаков, Л.П. Колодникова, В.В. Смирнов. М.; Н. Новгород; Париж: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 640 с.
- Островский А.В.** Кто стоял за спиной Сталина?: Тайны рев. подполья. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 639 с. (Архив).
- Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков /** Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. 584 с. (Традиц. духов. культуры славян. Публикация текстов).

- Петров В.** Афганский капкан: Малоизвестные факты истории. М.: Горизонт-Консалтинг Лтд., 2002. 160 с.
- Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы:** В. 3 кн. **Кн. 2:** 1803–1903 / Сост. Т.А. Варухина и др.; Науч. ред. О.П. Илюха, Н.А. Кораблев, Д.Э. Генделев. Петрозаводск: Карелия, 2001. 400 с.
- Письма во власть. 1928–1939:** Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост.: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с. (Документы сов. истории).
- Погосян Е. Петр I – архитектор российской империи.** СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 424 с. (Территория культуры: история).
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с. (Документы сов. истории).**
- Политическая полиция и политический терроризм в России:** Вторая пол. XIX – начало XX в.: Сб. документов / Отв. сост. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XX, 2001. 520 с. (Сер. «Первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Полищук М.** Евреи Одессы и Новороссии: Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881–1904. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2002. 446 с. (Б-ка «Иудаика». Современ. исслед.).
- Помнить поименно: Книга Памяти жертв полит. репрессий жителей Моск. обл. М.: ФЭРИ-В, 2002. 615 с.**
- Последняя война императорской России:** Сб. ст. / Пер. с англ., серб.; Под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2002. 264 с. (Новый музей).
- Прибытков В.** Аппарат: 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М.: Молодая гвардия, 2002. 195 с.
- Пыжиков А.** Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 511 с. (Архив).
- Пыляев М.И.** Забытое прошлое окрестностей Петербурга: 300-летию Санкт-Петербурга посвящ. СПб.: Паритет, 2002. 528 с.
- Пянкевич В.Л.** Восстановление экономики СССР: Середина 1941 – середина 1950-х гг.: Историография. СПб.: Нестор, 2001. 431 с.
- Раифа – Свяяжск:** Раифский Богородицкий муж. монастырь. Волжско-Камский гос. природный заповедник. Остров-град Свяяжск / Сост. Т.А. Горшкова и др. Казань: Kazan-Kazan, 2001. 224 с.
- Расстрельные списки:** Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово: Книга Памяти жертв полит. репрессий / Под ред. Л.С. Ереминой, А.Б. Рогинского. М.: О-во «Мемориал», Звенья, 2002. 503 с.
- Рахманин О.Б.** К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке: Обзор и анализ основных событий. Изд. 3, доп. М.: Памятники ист. мысли, 2002. 512 с.
- Рефлексивное крестьяноведение:** Десятилетие исслед. сел. России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. 592 с. (Крестьянские миры России).
- Родионов Н.Н.** Жизнь, посвященная людям / Сост. Н.А. Захаров, М.Ф. Ненашев. М.: Рус. кн., 2002. 200 с.
- Романенко Е.** Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 329 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
- Романов Б.А.** Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.: Территория, 2002. 256 с.
- Романов П.** Застольная история государства Российского. СПб.; М.: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2002. 607 с.
- Российское государство в XIV–XVII вв.:** Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рожд. Ю.Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 616 с.
- Россия и реформы:** Сб. ст.: Вып. 5 / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М.: Модест Колеров, Три квадрата, 2002. 208 с.
- Ростовцев М.И.** Политические статьи / Пер. с англ. СПб.: Наука, 2002. 208 с. (Из наследия М.И. Ростовцева).
- Русские обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Сост. А.В. Копылова. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 560 с. (Нар. мудрость).**
- Русский Север:** этническая история и народная культура XII–XX веков / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2001. 848 с.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. Изд. 2, испр. М.; Киев: София: ИД «Гелиос», 2002. 592 с.
- Савченко И.** Очерки истории российско-германских связей. IX – начало XX в. Самара: Дом печати, 2002. 176 с.
- Самая западная:** Калинингр. обл. в документах и материалах за 1961–1985 гг.: Вып. 3: В 3 кн.: **Кн. 1:** Экономика / Сост. И.А. Фарутин и др. Изд. 3. Калининград: Янтар. сказ, 2001. 512 с.
- Самин Д.К.** Самые знаменитые эмигранты России. М.: Вече, 2001. 480 с. (Самые знаменитые).
- Санников Г.** Большая охота: Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 512 с. (Досье).
- Сборник Русского исторического общества: Т. 4 (152): От Тмутороканя до Тамани / Науч. ред., сост. В.А. Захаров. М.: Рус. панорама, 2002. 376 с.**
- Свято-Русские Веды. Книга Коляды /** Воссоздание песен, обраб., пер. А.И. Асова. М.: ФАИР-Пресс, 2001. 496 с.
- Севостьянов Г.Н.** Москва – Вашингтон: Дипломатические отношения. 1933–1936. М.: Наука, 2002. 537 с.
- Семанов С.Н.** Махно: Подлинная история. М.: АСТ-Пресс, 2001. 320 с. (Ист. расследование).

- Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. XVI–XX. История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области: Моногр. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 432 с.
- Сергеев И. Орехово-Борисово. Дорогомилово. Богородское. М.: Голос, 2001. 400 с.
- Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М.: Алетея, 2001. 664 с. (Славян. древности).
- Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 508 с.
- Сидорович Г. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество: Жизнеописание. 1862–1911. Саратов: Саратов. культур. центр им. П.А. Столыпина, 2002. 600 с.
- Синдаловский Н.А. Санкт-Петербург: История в преданиях и легендах. СПб.: Норинт, 2002. 480 с.
- Скрынников Р. Борис Годунов. М.: АСТ, 2002. 416 с. (Ист. б-ка).
- Слукин В., Арапова Е., Кононова Т. Демидовские гнезда: Невьянск, Верхний Тагил, Нижний Тагил: Культурно-ист. очерки. Екатеринбург: Сократ, 2001. 304 с. (История в ликах городов).
- Собственность в России: Средневековье и раннее новое время / Отв. ред. Н.А. Горская. М.: Наука, 2001. 283 с.
- «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: В 3 т. Т. 2: Сентябрь 1921 – май 1923 / Общ. ред., вступ. ст., коммент. О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН; Стэнфорд: Изд-во Гуверовского ин-та, 2002. 672 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. Т. 3. В 2 ч.: 1925 г. / Сост. Л.Л. Колодника и др. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2002. Ч. 1. 495 с. Ч. 2. 496–967 с.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: В 2 т. Документы. Т. 2: 1949–1953 / Отв. ред. редкол. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. 928 с.
- Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926 / Сост. В.В. Алдошин и др.; Под ред. Г.Н. Севостьянова, Дж. Хэзлема. М.: МФД, 2002. 632 с. (Россия. XX век. Документы).
- Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2001. 232 с.
- Соколов Б.В. Разведка: Тайны Второй мировой войны. М.: АСТ-Пресс КНИГА, 2001. 368 с. (Ист. исследование).
- Соколов Н.А. Убийство царской семьи: Материалы следствия. М.: Лествица, 2001. 528 с.
- Солженицын А.И. Двадцать лет вместе: 1795–1995: Ч. 1. М.: Рус. путь, 2001. 512 с. (Исслед. новейшей рус. истории: Т. 7).
- Ставицкий Э. Наш человек в гестапо: Кто вы, господин Штирлиц? М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 382 с. (Досье).
- Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Изд. 3, перераб., доп. М.: Рус. Двор, 2001. 288 с.
- Степанов А.И. Незнакомый Лихтенштейн глазами первого российского посла. М.: Междунар. отношения, 2002. 488 с.
- Степанов Н.П. Народные праздники на Святой Руси. М.: Рус. Раритет, 2002. 240 с. (Мудрость веков).
- П.А. Столыпин. Библиографический указ. / Под общ. ред. П.А. Пожигайло; Сост. В.М. Шевырин. М.: РОССПЭН, 2002. 176 с.
- Столыпин П.А. Программа реформ: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. 764 с.
- Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезгавил свою армию? М.: АСТ, 2002. 348 с.
- Судолатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 382 с. (Досье).
- Сушко А. Кораблик по небу плывет, или Сказ об Адмиралтейском районе. СПб.: Невский проспект, 2001. 224 с.
- Тамаркин В. Это было не во сне: Воспоминания. Изд. 2. М., Иерусалим: Журналист. изд. агентство «ЖАГ-ВМ», 2002. 368 с. (Рос. б-ка Холокоста).
- Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. СПб.: Наука, 2001. 219 с.
- Тимина С. Культурный Петербург: ДИСК. 1920-е годы. СПб.: Logos, 2001. 453 с. (Знаменитые петербуржцы о городе и людях).
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939; Документы и материалы. В 5 т. Т. 4: 1934–1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Манинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.
- Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001. 293 с.
- Три века Санкт-Петербурга: Энцикл.: В 3 т. Т. 1: Осмнадцатое столетие: В 2 кн. / Отв. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. 672 с. Кн. 1: А–М. 672 с. Кн. 2: Н–Я. 640 с.
- Трифонов О. Единственная: Надежда Аллилуева – жена Иосифа Сталина. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 288 с.
- Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения юга России: После свержения самодержавия. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2002. 353 с.
- 1918 год на Украине / Сост. науч. ред., предисл., коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001. 414 с. (Россия забытая и неизвестная. Белое движение).
- Тычинина Л.В. Великая Россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М.: Наука, 2002. 235 с.
- Удмуртия в годы реформ: 1990–2001: Учеб.-метод. пособие / Рук. проекта Л.П. Порцева. Ижевск; Екатеринбург: Сократ, 2002. 288 с.
- Ульфелдт Я. Путешествие в Россию / Пер. М.: Языки славян. культуры, 2002. 616 с. (Studia historica).

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии рус. монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования / Авториз. пер. с англ. М.: О.Г.И., 2002. 608 с. (Материалы и исслед. по истории рус. культуры: Вып. 8).

Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: Биография П.А. Столыпина: В 2 т. Т. 1. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 624 с.

Феномен Петербурга: Тр. Второй Междунар. конф., сост. 27–30 нояб. 2000 г. во Всерос. музее А.С. Пушкина: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2001. 544 с.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Филиал государственного архива Ярославской области – центр документации новейшей истории: Путеводитель / Науч. ред. С.А. Гвоздев; Отв. сост. Г.А. Казаринова. М.: Звенья, 2002. 391 с. (Архивы России: Путеводители).

Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. М.: Захаров, 2002. 168 с. (Знаменитые книги. Они о нас).

Фроянов И. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, 2001. 528 с.

Ходаковский Н.И. Третий Рим. М.: АнФ-Принт, 2002. 512 с. (Кто мы?).

Хрестоматия по истории России: Учеб. пособие / А.С. Орлов и др. М.: Проспект, ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2001. 592 с.

Цыбин В.М., Ашанин Е.А. История Волжского казачества: К 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. 168 с.

Час испытаний: Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: Документы и материалы / Авт. проекта, отв. сост. Б.М. Зумакулов, А.Х. Каров, С.Н. Бейтуганов. Нальчик: Эльбрус, 2001. 902 с.

Чижова И.Б. Пять императриц: Петербургская культура XVIII в. СПб.: Знание, 2002. 446 с.

Шамбаров В. Белогвардейщина. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с. (История России. Современный взгляд).

Шамбаров В. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 448 с. (История России. Современный взгляд).

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Социокультур. аспекты. XVIII – начало XX в.: Учебное пособие: Вып. 2. М.: Логос, 2002. 160 с.

Шерих Д.Ю. Голос родного города: Очерк истории газеты «Санкт-Петербургские ведомости» / Под общ. ред. О.С. Кузина. СПб.: Лениздат, 2001. 254 с. (Петербург. коллекция).

Шибанова Г.Н. Немеркнувшие традиции Красной Пресни: Хроникально-докум. очерки. М.: Моск. рабочий, 2001. 200 с.

Ширококоряд А. Путь к трону: Ист. исслед. М.: АСТ, Астрель, 2002. 448 с. (Романовы).

Шпет Г. История как проблема логики: Критич. и методолог. исслед. Материалы: В 2 ч. / Под общ. ред., с предисл. В.С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2002. 1168 с.

Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии / Отв. ред. С.С. Илизаров, Н.К. Ламан. М.: Наука, 2001. 333 с. (Науч.-биограф. лит.).

Юсупов Феликс, князь. Мемуары: В 2 кн.: До изгнания. 1887–1919. В изгнании / Первый полн. пер. с фр. Е. Кассировой. М.: Захаров, 2001. 429 с.

Юхименко Е.М. Выгодская старообрядческая пустынь: Духов. жизнь и литература / Науч. ред. Н.В. Понырко. М.: Языки славян. культуры, 2002. (Studia history). Т. 1. 544 с. Т. 2. 480 с.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Allensworth W. The Russian question: Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia. Lanham (Maryland): Rowman Littlefield, 1998. XIII, 350 p.

Berg B. Burchard Christoph von Munnich: Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in der deutschen und russischen Historiographie. Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen. Oldenburg, 2001. 377, (8) S.

Blachowska K. Narodziny imperium: Rozwoj terytorialny panstwa carow w ujeciu historykow rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. 350, (1) p.

Brothers in arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963/Ed. by Odd Arne Westad. Stanford (California): Stanford UP, 1998. XXII, 404 p. (Cold war: Intern. history project ser.).

Commerce in Russian urban culture, 1861–1914/Ed. by William Craft Brumfield. Washington: The W. Wilson center press; Baltimore; L.: The J. Hopkins UP, 2001. XIII, 239 p.

Haywood R.M. Russia enters the Railway Age, 1842–1855. N.Y.: Columbia UP, 1998. XXVI, 635 p. (East Europ. monogr.; 493).

Imperial and national Identities in pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet Russia/Ed. by Chris J. Chulos. Helsinki: Suomal. Kirjallisuuden seura, 2002. 242 p. (Studia historica; 66).

Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung: Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Russland. Göttingen, 2000. 345 S.

Lazari A. de. W kregu Fiodora Dostojewskiego: Poczwiennictwo. Łódź, 188 (2) p.

- Michels G.B.** At War with the Church: Religious Dissent in seventeenth-cent. Russia. Stanford (California): Stanford UP, 1999. X, 354 p.
- Renner A.** Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich, 1855–1875. Köln etc., 2000. IX, 447 S.
- Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich/Hrsg. von Leonid Luks.** Köln etc., 2001. 236 S.
- Salomoni A.** Il pane quotidiano: Ideologia e congiuntura nella Russia sovietica (1917–1921). Napoli, 2001. 324 p.
- Tuminez A.S.** Russian Nationalism since 1856: Ideology and the making of foreign policy. Lanham etc.: Rowman Littlefield, 2000. X, 337 p.
- Von Moskau nach St.Petersburg: Das russische Reich im 17. Jh. / Hrsg. von H.-J. Torke.** Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. 301 S. (Forschungen zur osteurop. Geschichte; Bd. 56).
- Werth P.W.** At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and confessional Politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca; L., 2002. XIV, 275 p.
- Wolff D.** To the Harbin Station: The liberal Alternative in Russ. Manchuria, 1898–1914. Stanford (California): Stanford UP, 1999. XIV, 255, (3) p., (8) л. ил.: карт.
- Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik, 1917–1941/Hrsg. von L. Thomas e V. Knoll.** Leipzig: Steiner, 2000. 441 S. (Quellen und Studien zur Geschichte des ostlichen Europa; Bd. 59).
- Тартаковский Ж.** Руководство СССР (1917–1991): Справ.: (В 2 т.). Тель-Авив; М., 2001. Т. 1: Структура органов власти. Персоналия. 151, (1) с.
- Щукин В.Г.** Русское западничество: Генезис – сущность – историческая роль. Lodz, 2001. 366, (1) p.

**Составлено по материалам
Государственной публичной
исторической библиотеки России**

ПАМЯТИ ВИЛНИСА ЯНОВИЧА СИПОЛСА

7 февраля 2003 г. исполняется год со дня смерти известного ученого-международника, доктора исторических наук, профессора Вилниса Яновича Сиполса.

В.Я. Сиполс родился 23 ноября 1923 г. в Риге. Там прошли его детство и юность. Война заставила его покинуть Латвию. Свое образование он завершил в Москве: он окончил исторический факультет Московского педагогического института, а также Высшую дипломатическую школу.

В.Я. Сиполс начал трудовую деятельность в Министерстве иностранных дел СССР. Ему было поручено изучить архив Министерства иностранных дел Латвии (1918–1940 гг.), который в то время находился в Москве. С первых служебных заданий молодой сотрудник проявил себя не только как способный дипломатический работник, но и как глубокий исследователь и талантливый ученый.

Одним из результатов работы с документами архива латвийского МИД явилась защита в 1954 г. В.Я. Сиполсом кандидатской диссертации, на основе которой в 1957 г. в Риге была издана его первая монография «За кулисами иностранной интервенции в Латвии. 1918–1920 гг.» Впоследствии эта книга была переведена на русский и немецкий языки. А в 1966 г. В.Я. Сиполс защитил докторскую диссертацию о внешней политике Латвии в 1918–1940 гг.

В.Я. Сиполс проработал в Министерстве иностранных дел 25 лет. И все эти годы его деятельность напрямую была связана с научной разработкой проблем истории международных отношений. Он отдал много сил организации работы Историко-документального управления МИД СССР, лично изучил находящиеся в архиве документы по широкому кругу проблем истории советской внешней политики, подготовил многочисленные исследования для служебного пользования, которые оказали неоценимую помощь советским дипломатам в их практической деятельности.

Прекрасно понимая научную значимость архивных документов МИД, В.Я. Сиполс уделял большое внимание публикации ведомственных документов. При его непосредственном участии в научный оборот было введено огромное количество дипломатических документов. Под его руководством были изданы сборник: «СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы» (М., 1961 г.); «СССР и страны Африки. 1946–1962 гг. Документы и материалы», в 2-х т. (М., 1963); «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы» (М., 1971). В 1990 г. последний сборник был переработан и переиздан под названием «Год кризиса. 1938–1939 гг.», в 2-х т. Одновременно В.Я. Сиполс был членом редколлегий других сборников дипломатических документов, изданных МИД СССР.

В 1971 г. В.Я. Сиполс перешел на работу в Институт истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН), где возглавил отдел истории отечественной внешней политики. За 25 лет работы в институте он написал и опубликовал большое количество книг во вопросам советской внешней политики, которые получили широкое признание научной общественности. Основной темой его исследований являлась внешняя политика нашей страны в период сползания мира ко Второй мировой войне и во время самой войны. Книги В.Я. Сиполса хорошо известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Около 10 его монографий было переведено на иностранные языки. Всего им было написано 19 книг, многие из которых переиздавались неоднократно и на различных языках. Итоговыми среди них стали: «Внешняя политика Советского Союза. 1933–1935 гг.» (М., 1980); «Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг.» (М., 1987); «Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны» (М., 1989) и завершающая диалог «Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941» (М., 1997) и «Великая победа и дипломатия. 1941–1945». (М., 2000). Последнюю книгу В.Я. Сиполс постарался издать к 55-летию Победы Советского Союза над фашизмом – празднику, который он очень любил и ценил.

Оставаясь талантливым исследователем, Вилнис Янович показал себя и прекрасным организатором науки. Более 20 лет он возглавлял отдел истории внешней политики в Институте истории, где сложился прекрасный коллектив высококвалифицированных сотрудников. Долгие годы В.Я. Сиполс был также заместителем председателя Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», основной задачей которого являлось неформальное объединение российских историков-международников.

В.Я. Сиполс был прекрасным педагогом, он воспитал немало докторов и кандидатов наук. Он не только развивал творческие способности своих учеников, но и учил их вдумчиво и добросовестно работать.

В.Я. Сиполс ушел из жизни после непродолжительной и внезапной болезни, не завершив многие свои творческие замыслы.

Институт российской истории РАН, Научный совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», редколлегия журнала «Отечественная история» помнят известного ученого и замечательного человека Вилниса Яновича Сиполса и выражают искренние соболезнования его дружной семье.

ПАМЯТИ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЛИТВАКА

Ушел из жизни один из крупнейших отечественных историков и замечательный человек, доктор исторических наук, профессор Борис Григорьевич Литвак. Он был ведущим специалистом в области аграрной истории и истории крестьянства дореволюционной России, непрерываемым авторитетом в источниковедении, археографии и архивоведении. Сферой научных интересов Бориса Григорьевича была история России XIX в., но его суждения по другим периодам русской истории были не менее глубоки и всегда оригинальны, а потому за советом к нему обращались не только аспиранты и молодые коллеги, но и специалисты самого разного профиля. Вопрос: «А как Вы думаете, Борис Григорьевич?» можно было услышать в Институте истории в любой присутственный день. И никто не уходил от Литвака неудовлетворенным.

Б.Г. Литвак относился к когорте людей, пришедших на студенческую скамью, а затем и в историческую науку с полей Великой Отечественной войны. Он родился 6 апреля 1919 г. в селе Ширяево Одесской губ., после окончания семилетки в 1933 г. учился в Одесском педагогическом техникуме и на лингвистическом факультете Одесского пединститута, а затем преподавал русский и украинский языки и литературу в средней школе в Днепропетровской обл. В ноябре 1939 г. Б.Г. Литвак был призван в Красную армию. Война для него началась под Ковелем, затем последовало тяжелое, с боями, отступление и выход из киевского окружения в июле–сентябре 1941 г. В ноябре 1941 г. командир орудия отдельного батальона охраны Б.Г. Литвак участвует в боях под Москвой. Затем были бои на Брянском, Центральном, 1-м Белорусском, двух Прибалтийских фронтах, участие в освобождении Орла, Чернигова, Риги, Варшавы и взятие Берлина, ранение в голову, контузия. За ратный труд Б.Г. Литвак был награжден орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны» II степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и др.

В августе 1946 г. заместитель начальника 2-го тяжелого механизированного отряда Одесского военного округа Б.Г. Литвак был демобилизован и в сентябре того же года поступил в Московский государственный историко-архивный институт. Он был Сталинским стипендиатом и активным общественником, пользовавшимся за свои человеческие качества неизменным уважением сокурсников, сохранивших к нему самые теплые чувства и после института, который он окончил с отличием в 1951 г.

Научная деятельность Бориса Григорьевича началась в середине 1954 г. после окончания заочной аспирантуры в журнале «Исторический архив», где он прошел путь от рядового редактора до заместителя главного редактора. Литвак был редактором «от Бога», и рукописи монографий, диссертаций, статей сотрудников бывшего сектора источниковедения Института истории Академии наук, где он проработал большую часть своей научной жизни, до сих пор хранят его собственноручные правку и замечания.

В собственных научных изысканиях Б.Г. Литвак был не просто ученым глубочайшего профессионализма, но, может быть, в еще большей степени новатором, что вызывало и вызывает пристальное внимание научной общественности к его многочисленным статьям и семи монографиям. Его первая книга «Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.» (М., 1967) стала качественным сдвигом в историографии данной проблемы. В ней аккумулировалось то новое в исторической науке, что позволяло перейти от описательно-ил-

люстративного подхода и накопления фактов к их осмыслению и разработке целостной концепции массовых социальных протестов.

Заметным этапом в научной биографии Б.Г. Литвака стала публикация в виде монографии защищенной им в 1969 г. докторской диссертации «Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861–1895 гг.» (М., 1972). Впервые осуществленное в советской историографии сплошное исследование нескольких десятков тысяч уставных грамот и выкупных актов по шести самым «крепостническим» губерниям позволило ему дать полную и достоверную картину предреформенного положения помещичьих крестьян, осветить ход практической реализации реформы 1861 г. как процесса, а не единовременного акта ликвидации крепостного состояния в России. Это позволило ответить на вопрос о роли и значении реформы в капиталистической эволюции Черноземного центра, о ее влиянии на изменение экономического положения и капиталистической дифференциации крестьян.

Одной из важных особенностей творчества Б.Г. Литвака был постоянный поиск, рассмотрение того или иного явления с разных сторон. После уяснения для себя результатов реформы 1861 г. логика научного мышления с неизбежностью привела его к необходимости рассмотреть истоки этой реформы. В результате появилась книга «Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива?» (М., 1991), как нельзя кстати совпавшая с началом очередных преобразований в стране и потому ставшая актуальной. Автор освещает сложный процесс подготовки реформ в условиях жесткого противоборства различных общественных сил, раскрывая характеры реформаторов, в том числе впервые в отечественной науке роль вел. кн. Константина Николаевича как ревностного сторонника реформ. Он убедительно показывает, что реформы 50–60-х гг. XIX в., являясь логическим продолжением отмены крепостного права, так и не дошли до создания конституционной монархии, на что Александр II так и не решился.

Коренное достоинство научного творчества Б.Г. Литвака состояло в том, что общеисторические построения он напрямую увязывал с решением методических и источниковедческих проблем. Он не разделял традиционного взгляда на источниковедение как вспомогательную дисциплину и видел в нем прежде всего совокупность методических приемов, обладающих известной «автономностью» от классовой методологической позиции, что само по себе было прорывом идеологической цензуры. В то время в исторической науке большие надежды возлагались на математические методы обработки массовых статистических данных для решения разных проблем. Б.Г. Литвак не разделял этого оптимизма, и время подтвердило его сомнения. Альтернатива этому направлению виделась ему в разработке методики источниковедческого изучения массовой делопроизводственной документации. В концентрированном виде эта источниковедческая концепция (на примере изучения губернаторских отчетов как системы документов) была изложена Б.Г. Литваком в монографии «Очерки источниковедения массовой документации XIX–XX в.» (М., 1979), ставшей классической и до сих пор не нашедшей своих оппонентов. Развитием источниковедения применительно к крестьянской монотеме явился и капитальный труд Б.Г. Литвака «Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.» (М., 1989), ставший подлинно новаторским исследованием.

Природа щедро одарила Бориса Григорьевича исследовательским и писательским талантами, а потому его творческое наследие отличается убедительностью постановки и оригинальностью решения проблем, строгостью в работе с источниками, объективностью оценки литературы, ясность и образность изложения. Он был всегда полон идей, а его научный потенциал был столь велик, что при всей его громадной трудоспособности едва ли реализовался даже наполовину. Борис Григорьевич обожал науку и обладал огромной исторической интуицией. Самой отличительной чертой Бориса Григорьевича как человека была его исключительная доброжелательность, помноженная на огромное обаяние и скромность. Он строго придерживался правил научной дискуссии, неизменно сохранял спокойствие, никогда не унижал своих оппонентов. Борис Григорьевич всегда старался помочь товарищам не только советом, но и делом, был исключительно обязательным человеком. Его отличали умение мужественно переносить все удары судьбы, в том числе и тяжелую, ставшую роковой болезнью.

В силу неумолимых личных обстоятельств в 1992 г. Б.Г. Литвак вынужден был перебраться в Канаду, но душой он всегда был со своей Отчизной. За рубежом он написал очередную книгу – «Американо-канадский дневник» (М., 1998). В 2002 г. в Петербурге посмертно была издана еще одна книга Бориса Григорьевича «Парадоксы российской историографии на переломе эпох». В ней собраны многочисленные рецензии на труды российских историков последнего десятилетия, опубликованные автором в различных отечественных и зарубежных изданиях. Кроме того, в книгу включены острополемиические историографические очерки с анализом

современного состояния исторической науки в России, основных тенденций и перспектив ее развития. Обращают на себя внимание сами их названия: «Кто мы: Плутархи или архиплуты?», «Что же дальше?» и «Вместо заключения: моя мечта». В ней, в частности, подчеркивается горячее желание Б.Г. Литвака видеть дальнейшее развитие отечественной историографии в направлении создания подлинной истории народов России, в первую очередь русского.

В редакции «Отечественной истории» всегда относились к Борису Григорьевичу с особым чувством: мы никогда не забудем, что он стоял у истоков нашего журнала, работал в редакционном аппарате, а затем на протяжении многих лет был активным членом редакционной коллегии. Светлый образ Бориса Григорьевича Литвака – человека, ученого, гражданина – навсегда сохранится в наших сердцах.

Друзья, товарищи, коллеги

СОДЕРЖАНИЕ

Рабинович А. (США) – Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда?.....	3
Илизаров Б. С. – Сталин и роман Льва Толстого «Воскресение»	22
Печенкин А. А. (г. Киров) – 1937 год: Сталин и Военный совет.....	35
Коваль М. В. (Украина) – Организация украинских националистов (ОУН): уроки истории.....	53
Горинов М. М. – Зоя Космодемьянская (1923–1941)	77
Костырченко Г. В. – Депортация – мистификация (Прощание с мифом сталинской эпохи).....	92

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Трепавлов В. В. – Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.)	114
Кан А. С. (Швеция) – Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР...	120
Журавлев С. В. – Размышления на заданную тему	133

Сообщения

Шамина И. Н. – Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников)	141
Куркова Ю. В. – Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины на рубеже XIX–XX веков (по материалам Богородского уезда Московской губ.)	154
Борисёнок Е. Ю. – Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е годы).....	162

Критика и библиография

✓ Верещагин А. Н. – И.А. Христофоров. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.)	171
Лейберов И. П., Юрковский Н. К. (Санкт-Петербург) – А. В. Островский. Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья.....	174
Случ С. З. – Между традицией и революцией: детерминанты и структуры советской внешней политики. 1917–1941 годы.....	176
Тютюкин С. В. – М. Янсен, Н. Петров. Верный палач Сталина народный комиссар Николай Ежов. 1895–1940	180
Алексеев Г. М. – С. С. Хромов. Леонид Красин: неизвестные страницы биографии. 1920–1926 гг. .	183
Репинецкий А. И. (Самара) – В. Б. Жиромская. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное	185
Короленков А. В. – Б. Г. Соловьев, В. В. Суходеев. Полководец Сталин	187
Академик РАН Алексеев В. В., Корнилов Г. Е., Мазур Л. Н. (Екатеринбург) – И. Е. Зеленин. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство	190
Дубровский А. М. (Брянск) – Книга об учителе	191

Письма в редакцию

Наумов О. Н. – Новые учебные пособия по специальным историческим дисциплинам	194
Любичанковский С. В. (Оренбург) – Кризис системы местного управления в последнее десятилетие существования Российской империи	197

Научная жизнь

Корников А.А., Коровин Н.Р. (Иваново) – Читательская конференция журнала “Отечественная история” в Ивановском государственном университете.	202
Юбилей Сигурда Оттовича Шмидта.	205
Докторские диссертации по отечественной истории.	208
Новые книги по отечественной истории.	210
Новые поступления зарубежной литературы по отечественной истории.	215
Памяти Вилиниса Яновича Сиполса.	217
Памяти Бориса Григорьевича Литвака.	218

CONTENTS

Rabinowitch A. (USA) – Moissei Uritskii: The Robespierre of revolutionary Petrograd?	3
Pizarov B.S. – Stalin and Leo Tolstoy’s novel «Resurrection».....	22
Pechenkin A.A. (Kirov City) – 1937: Stalin and the War Council	35
Koval M. V. (Ukraine) – The Organization of Ukrainian Nationalists (OUN): The Lessons of History.....	53
Gorinov M.M. – Zoya Kosmodemyanskaya (1923–1941)	77
Kostyrchenko G.V. – The Deportation: The Hoaxing (The Farewell to a Myth of the Stalin Era)	92

Historiography, Sources, Methods of Historic Research

Trepavlov V.V. – The Peoples of Russia As Portrayed in School Textbooks on the Russia History (Prior to the XXth Century).....	114
Kahn A.S. (Sweden) – PostSoviet Studies into the Political Repressions in the USSR and Russia	120
Zhuravlev S.V. – Thinking Over a Presented Problem	133

Deliberations

Shamina I.N. – From the History of Vologda Temples in the XVI–XVIIth Centuries (Their Inhabitants: Who They Were).....	141
Kurkova Yu.V. – Peasants Community and Its Land-Distribution Activities on the Turn of the XIXth and XXth Centuries (The Materials of the Bogorodsk Uyezd, Moscow Region).....	154
Borisonok Ye.Yu. – Stalin’s Dictatorship on the Rise and a Turn in the National Policy in the Ukraine (the 30s) ..	162

Criticism and Bibliography

Vereshchagin A.N. – I.A. Khristoforov. The «Aristocratie» Opposition to the Great Reforms (The Late 50s – Mid 70s of the XIXth Century).....	171
Leyberov I.P., Yurkovsky N.K. (St. Petersburg) – A.V. Ostrovsky. Who Was Behind Stalin’s Back? The Secrets of the Revolutionary Underground	174
Sluch S.Z. – Between the Tradition and the Revolution: The Determinants and the Structures of the Soviet Foreign Policy, 1917–41.....	176
Tyutyukin S.V. – M. Yansen, N. Petrov. Stalin’s Bosom Butcher: People’s Commissar Nickolai Yezhov. 1895–1940	180
Alexeyev G.M. – S.S. Khromov. Leonid Krassin: The Unknown Pages of His Biography. 1920–26	183
Repinetsky A.I. (Samara) – V.B. Zhiromskaya. The Demographic History of Russia in the 1930s. A Look into the Unknown.....	185
Korolenkov A.V. – B.G. Soloviev, V.V. Sukhodayev. Military Leader Stalin.....	187
RAS Academician Alexeyev V.V., Kornilov G.Ye., Mazur L.N. (Yekaterinburg) – I.Ye. Zelenin. Khrushchev’s Agrarian Policy and the Agriculture.....	190
Dubrovsky A.M. (Bryansk) – A Book About Teacher.....	191